

ВЯЧЕСЛАВ КОЗЫРЕВ

КАК СТАТЬ
ГЕРОЕМ

ВЯЧЕСЛАВ
КОЗЫРЕВ

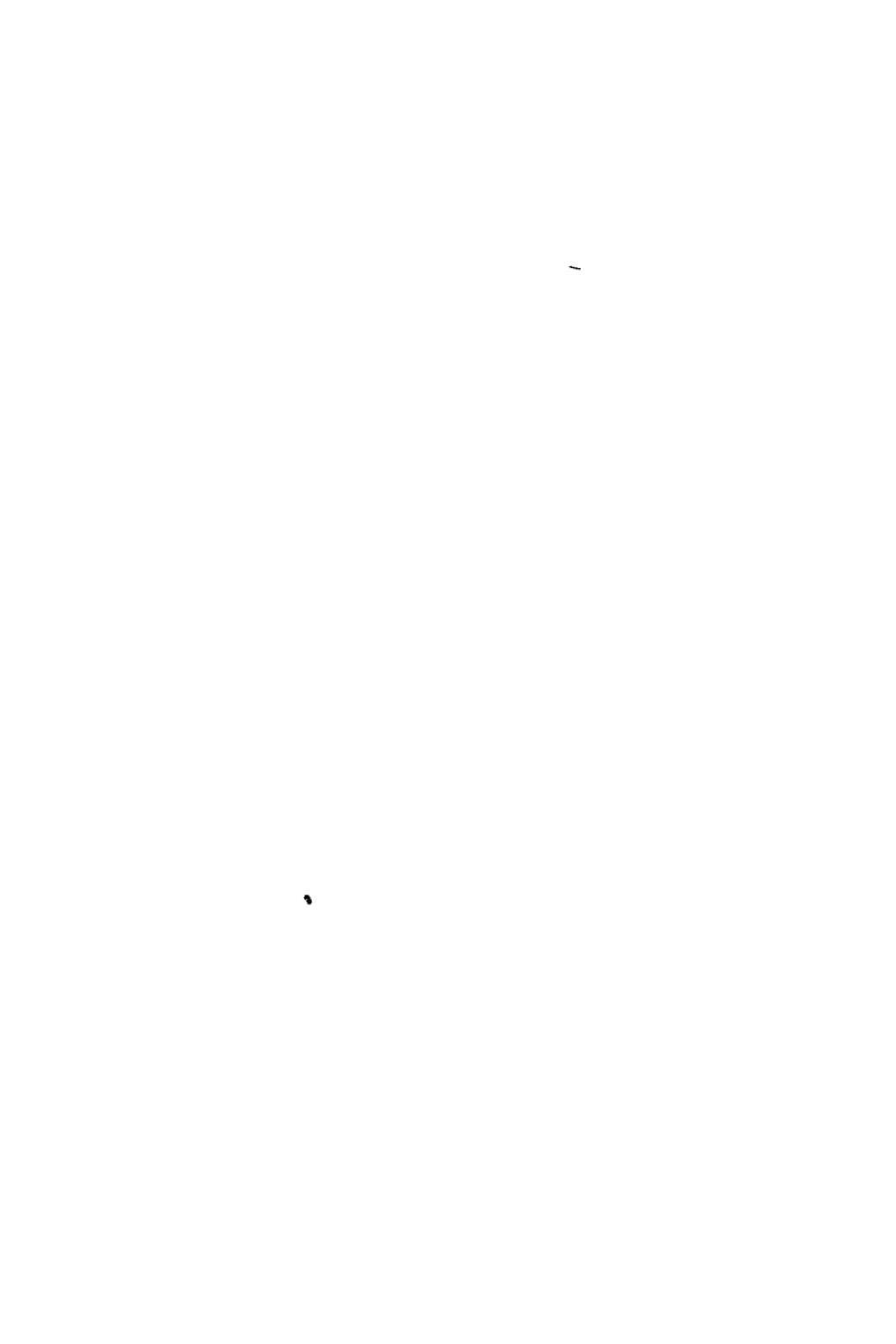

КАК СТАТЬ ГЕРОЕМ

3

АКЛЯТЫЕ

И
Р
Ы

ВЯЧЕСЛАВ
КОЗЫРЕВ

КАК СТАТЬ
ГЕРОЕМ

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
МОСКВА
2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К59

Серия «Заклятые миры» основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник Андрей Клепаков

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Подписано в печать 24.01.06. Формат 84x108^{1/32}.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 5000 экз. Заказ № 2660.

Козырев, В.

К59 Как стать героем : [фантаст. роман] / Вячеслав Козырев. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзит книга, 2006. — 350, [2] с. — (Заклятые миры).

ISBN 5-17-034881-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-1911-6 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9578-3651-6 (ООО «Транзит книга»)

И чему нас только учат сказки?!

Да ничему хорошему.

Вот и юный Санька Воробьев из нашего мира, попавший в мир сказочный, ДОЛГО не мог разобраться ЧТО К ЧЕМУ.

ГДЕ СВЕТ, ГДЕ ТЬМА — это ясно.

Но вот — ГДЕ ДОБРО, а ГДЕ ЗЛО?

Почему в роли «защитника и учителя» начинающего героя выступает КАШЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ, а спасти мир от погибели помогают ему Змей Горыныч, Лихо Одноглазое, лесные водяные и прочие «официальные представители Зла» многочисленных сказок?

Баба-Яга — та, как водится, блюдет личные интересы и сотрудничает «и с нашими, и с вашими».

Но вот почему Саньку так старается изничтожить царь Берендей — существо, по сказочному канону, в принципе ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ?

Читайте искрометно смешную фэнтези «Как стать героем»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В. Козырев, 2006

© ООО «Издательство АСТ», 2006

Часть 1

КОЛЬЦО ДЛЯ «ЧАРОДЕЯ»

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ЛЮБОПЫТСТВО

Говорят, что споткнуться на левую ногу — к неприятностям. Особенно если при этом еще и упадешь. Ну а уж если на дворе пятница, тринадцатое, то встреча с таинственными силами вам просто обеспечена.

Санька Воробьев, или Воробушек, как его прозвали в поселке, в приметы не верил. Да и какая уж тут вера, если бесчисленные гороскопы и предсказания в один голос предрекали ему замечательное будущее, а в жизни все происходило наоборот.

Рано оставшись без родителей, он жил у тетки, замученной вечным безденежьем и трехсменной работой. Естественно, ей было не до него; не голодает — и слава богу. Мелкий и болезненный, он постоянно подвергался насмешкам и нападкам со стороны сверстников. Каждому хочется утвердиться в этой жизни, и проще всего — клевать слабого.

То же самое продолжалось и в школе, но однажды Воробушек случайно попал на занятия по карате. Увиденное поразило его, и он принял ходить за тренером хвостиком, уговаривая принять в секцию. Через неделю тренер сдался. За год упорных тренировок Санька вытянулся, окреп, а затем по очереди выловил всех своих обидчиков. Его оставили в покое, но друзей это не прибавило.

Так что, вступив в самостоятельную жизнь, он о своем «счастливом» детстве вспоминать не любил, а больше меч-

тал о далеких путешествиях. Ему даже снились чудесные сны: экзотические страны, таинственные цивилизации, жутко увлекательные приключения. И он самый лучший, самый сильный и для всех совершенно необходимый.

Одно плохо — мечту на хлеб не намажешь. Работы в поселке почти не было, да и платили за нее гроши. Парнишка большей частью болтался без дела, и тетка уже не раз намекала, что не собирается кормить его всю жизнь.

Одним прекрасным утром, окончательно разругавшись с теткой, Санька заявил ей, что уезжает в город, в Москву, начинать новую жизнь. Та неожиданно всплакнула, дала денег на билет и перекрестила — «на счастье». Вот с таким багажом да со стареньким магнитофоном он и отправился на станцию.

Дорога делала большой крюк, и он наладился по прямой; через Старое городище: большой, заросший густым кустарником холм. Откуда пошло такое название, никто не помнил, однако место было неуютное, и его старались обходить. С теми же, кто сюда забредал, потом происходили различные неприятности. Справедливости ради следовало отметить, что неприятности приключались и с другими тоже, и довольно-таки частенько, а запоминались почему-то лишь эти.

Прошлым летом приезжали археологи, разбили палатку, неделю копали, нашли старый череп, а затем вся экспедиция как-то тихо свернулась. Поселковые мужики по пьянке говорили, что все дело в космосе. Дескать, со спутника пришла фотография, на которой крестиком отмечен этот самый холм. Аномальная зона. Намечалось открытие века, но, как обычно, не хватило денег. Старушки, напротив, сердясь и крестясь, во всем винили нечистую силу.

Бодрым шагом поднявшись на вершину, Воробушек оглянулся. Внизу остались старые поселковые крыши; впереди виднелась станция. Начало новой, необыкновенной жизни. Жизни, в которой все будет замечательно, так, как он и мечтал.

— Нечистая! — завопил он от избытка чувств. — Где ты? Сегодня же пятница, тринадцатое число! А я уезжаю! Насовсем!

За спиной раздался тихий шорох. Санька резко развернулся. Перед ним чернело несколько четырехугольных ям, оставленных археологами, и странное дело — они выглядели подозрительно свеженькими, словно раскопки еще продолжались.

— Копают, копают. А потом опять всю историю по-новой переучивай, — проворчал он и подошел к краю одной из ям. — Эх, и как это другим людям везет? То клад найдут, то в лотерею выиграют. А тут... Единственная удача за всю жизнь — трояк подобрал. Фортуна — тетка слепая и помогает в основном тем, у кого и так все есть. Могла бы и мне хоть на прощание подарочек сделать.

Вдруг в дальнем углу блеснуло. Воробьев вытянул шею, стараясь получше разглядеть, что же это там такое, и сразу увидал лежащее внизу маленькое серебряное колечко. От такой неожиданной находки он развелся, машинально сделал еще шаг вперед, споткнулся о корягу и полетел прямиком в яму, крепко стукнувшись затылком о твердое дно.

«Вот и не верь после этого приметам», — успел подумать паренек, и в голове у него все поплыло.

Сырые дрова горели плохо, больше дымили. Одинокая свеча едва освещала небольшую, похожую на чуланчик комнату, о существовании которой не подозревала ни одна живая душа.

Повсюду валялись старинные фолианты, какие-то пыльные склянки, талисманы, амулеты и масса других различных предметов, указывающих на то, что в этом помещении занимались магией. Причем магией черной. Свободным оставался один лишь стоящий у стены накрытый черной скатертью стол. Помимо свечи на нем лежали толстая магическая книга в кожаном переплете, широкая чаша и большой хрустальный шар.

За столом неподвижно сидел человек невысокого роста, кругленький, с большой лысиной и коротко подстриженной клочковатой бородой. Глубокая вертикальная складка пере-

секала его лоб, из-под нависших бровей зло смотрели бесцветные глаза. Это был хозяин каморки Хряк, личный советник царя Берендея.

Уже давно наступила полночь; время, когда он плотно запирал дверь на два засова и приступал к колдовству. Однако сегодня его голова была занята совсем другими мыслями. Время шло, а он словно прирос к месту и, устремив невидящий взгляд на неровно прыгающее пламя, вспоминал далекие времена, начало своей придворной карьеры...

Простой писарь, взятый из милости во дворец, самолюбивый, мелочный и злопамятный, он с детства мечтал о власти и богатстве, но долгое время не мог выбраться из грязи в князи.

Удача подвернулась, как всегда, внезапно. Казнили одного чернокнижника, и Хряк, при описи имущества, заприметил старинную книгу колдовства. Спрятав находку, он шаг за шагом изучил тайное учение и однажды решил проверить свои способности: нарисовал магический круг из трех концентрических окружностей и прочитал заклинание. Правда, от волнения он едва не грохнулся в обморок, но быстро пришел в себя и довел ритуал до конца. В круге появился призрак — монах в сером балахоне.

— Я Магистр Серого Ордена, — произнес монах. — Чего ты хочешь?

— Пока ничего.

— Мы можем договориться: если у тебя есть желание, я помогу ему исполниться, ты — выпускаешь нас на свободу.

— Торопиться не надо, надо подумать, — еле сдерживая радость, буркнул Хряк.

— Надумаешь — позовешь, — процедил призрак и исчез.

С той памятной ночи незаметный писарь вплотную занялся колдовством и для начала извел нескольких человек, доставивших ему мелкие неприятности, а затем, почувствовав себя могучим чернокнижником, решил подчинить самого царя Берендея. Это его едва не погубило.

Царица также оказалась волшебницей. Знакомая с лесными духами и кудесниками, она сама умела колдовать и видела всех насквозь. Поняв, что во дворце начали напускать на людей порчу, она быстренько отыскала, кто этим занимается. Тихий писарь не показался ей слишком опасным, и царица решила сама наказать проходимца, а с царем переговорить позже, при случае.

Хряк, перепугавшись, вызвал Магистра.

— Если ты мне поможешь, я выпущу Орден на свободу, — пообещал он, но сложил в кармане фигу, решив не торопиться выполнять условия договора: авось пронесет.

В тот же вечер на царство одно за другим посыпались несчастья. На границе словно гром среди ясного неба появились дерзкие грабители и принялись разорять округу, а выступившую против них царскую дружину полностью перебили вместе с воеводою.

Берендей спешно набрал новое войско и лично возглавил поход, оставив дома молодую жену с младенцем. Разговор царицы с мужем не состоялся.

Не успел последний солдат скрыться за поворотом, как в городе начало твориться нечто невообразимое. Резко испортилась погода. Свирепый ветер хлестал дождем по окнам. Ослепительные молнии, вспыхивая, высвечивали все кругом и раскалывались на сухие осколки.

По дворцу заметались встревоженные тени. Странная болезнь скрутила царицу в одночасье; бедняжка таяла на глазах словно свечка, и ничего не помогало — она умирала. Странная знахарка, попытавшись произнести свои заговоры, рухнула рядом на пол без памяти.

— Сглазили, — шептались по углам и замирали в предчувствии беды.

Срочно послали гонца к царю и со страхом стали ждать его возвращения.

Пламя свечей дернулось и погасло. А когда их снова зажгли, то оказалось, что царица не дышит. По всему дворцу разнеслись рыдания.

В темном углу стоял маленький человечек. Закрыв лицо руками, он судорожно всхлипывал, и казалось, плачет вместе со всеми, но если бы кто увидел его лицо, то ужаснулся: коротышка смеялся. Это был Хряк.

Выждав, покуда коридор не опустеет, он стал крадучись пробираться в детскую. Оставалась еще малютка царевна, и писарь на всякий случай решил избавиться и от нее.

Он осторожно заглянул в палату и, не обнаружив ни няnek, ни кормилицы, шагнул к колыбельке и начал читать за-клинание.

Внезапно воздух сгустился, превратившись в небольшое плотное облачко. В центре его медленно раскрылись глаза. Одни только глаза, смотревшие холодным, завораживающим взглядом.

Писарь замер, парализованный от ужаса. Он почувствовал, как бт этого взгляда начинает таять, распадаться на мелкие кусочки, и уже почти потерял сознание, но тут от сильного удара дверь распахнулась, и в светелку ворвался с обнаженным мечом царь.

Облачко, задрожав, исчезло.

Хряк пошатнулся и рухнул на пол рядом с колыбелью.

— Ты видел, отец родной, — запричитал он, подползая к Берендею на коленях. — Проклятая нечистая сила сжила со свету царицу: Леший да Водяной с Бабой-Ягой. Их совсем недавно тут видели. А глаза. Глаза наверняка Змея Горыныча. Враги они тебе. Кабы я не успел сюда, то и малютку бы тоже извели.

Утром огласили царский указ. Всем чудищам лесным, колдунам и волшебникам под страхом смерти запрещалось приближаться к городу, а уж тем более заходить в него. Возле крепостных ворот поставили столб с вмуренным в него философским камнем, который при появлении нечисти на-чинал менять цвет...

Хряк вздрогнул. Ему почудился какой-то шорох. Осторожно, чтобы не скрипнула ни одна половица, он подкрался к двери и, затаив дыхание, напряженно прислушался. Затем

медленно вернулся на место и вытер вспотевший лоб. Если его обнаружат в этой каморке, ничто не спасет его от встречи с палачом: с тех давних пор царь ненавидел и боялся колдунов. Советник нервно передернул плечами и снова задумался, возвращаясь к событиям пятнадцатилетней давности...

Так мелкий писарь сумел пристроиться во дворце. Потихоньку, где хитростью, где лестью, используя магические заклинания, он втерся в полное доверие к Берендею и вскоре стал его главным советником, решив больше не вызывать Магистра (кто знает, что потребует Серый Орден) и уж тем более не открывать магический круг, благо никакого договора на бумаге подписано не было.

Деньги и награды лились рекой. Казалось, Хряк получил все, что хотел: исполнились его самые заветные желания, самые смелые мечты, однако в последнее время бывшего писаря все чаще мучила одна и та же заноза — ему невыносимо, до волчьего воя, захотелось стать царем.

И в самом деле, если все делалось по его, Хряка, указке, то он вполне мог править царством и самостоятельно: хитрости-то никакой, знай отдавай приказы, подписывай указы, а уж забота всех остальных — быстренько, без размышлений, его волю исполнять. Не выполнят — палач завсегда наготове, а новых желающих приблизиться к трону немерено, только свистни.

Оставалась маленькая пустяковина: придумать, каким образом избавиться от Берендея, чтобы ни у кого не возникло подозрений. Здесь ничего путного в голову не приходило. Народ у нас завсегда встает на защиту слабых да обиженных; можно на троне и не удержаться.

Пришлось снова прибегнуть к помощи черной магии.

Каждый вечер советник запирался в своем тайном убежище и начинал наводить порчу. Медленно, понемногу он отправлял смутой царство: нашептал ветер, принесший проливные дожди, и все посевы залило водой; подбил нескольких лихих людышек на разбой, и по вечерам все чаще разда-

вался скрип закрываемых на ночь ставней и запоров — от греха подальше.

Но главное — он старался сгладить людей между собой.

Дело, однако, могли испортить местные волшебники, поэтому на них стали сваливать все неприятности и несчастья. Вскоре уже многие вокруг верили, что ведуны, знахари и кудесники — и есть та самая нечистая сила, приносящая беду. Начались гонения. Не только знакомство, но и доброе слово в их защиту приравнивалось к государственной измене. Недовольных ловили и, заперев в баньке, поджигали. Огонь запылал по всему царству. И больше всего рвения в этом деле проявлял, естественно, сам советник.

Все шло как по маслу, и наконец настал тот час, когда возле Берендея не осталось никого, кто мог бы противостоять Хряку и прийти царю на помощь. Правда, оставалась дружина, но молодой воевода Липуня был человек прямой и бесхитростный, к дворцовым интригам совершенно не способный.

По вечерам, выдув ведерный самовар чаю с пирогами, советник садился за стол и раскладывал гадальные карты, стараясь предугадать будущее. Если гадание заканчивалось хорошими предсказаниями, то он довольно потирал ладони, благодушно поглядывая по сторонам; если плохими, то посуда летела на пол, и на другой день он ходил мрачнее тучи, вымешая зло на каждом, кто попадался ему под руку.

Сегодняшнее чаепитие закончилось кошмаром. Карты сулили крупные неприятности от молодого короля в самое ближайшее время и упорно отказывались предсказывать, чем дело закончится в дальнейшем. Похоже, они вообще считали, что будущего у советника нет.

Бледный Хряк помчался в потайную каморку, схватил шар и забормотал заклинания, пытаясь разглядеть своего врага, но изображение получилось размытым, словно в тумане; только один раз отчетливо мелькнул пригород, заросший вековыми елями, да рука с простеньким серебряным колечком.

Немедленно по всем окрестным лесам были разосланы надежные люди с приказом: убивать всякого, у кого обнаружится такая примета — колечко.

Очнулся Санька от яркого солнечного света. Голову ломило со страшной силой. Какие-то выжившие из ума невидимые кузнецы долбили своими молотками прямо по мозгам. Шея совершенно одревенела и не поворачивалась.

«Черт, это ж надо было так садануться. Запросто можно получить сотрясение мозга, — вяло размышлял Санька и вдруг спохватился, вспомнив, куда он направлялся. — А поезд?! Если опоздаю, тогда еще сутки на вокзале торчать придется».

Он хотел вскочить, но сразу же отказался от этой затеи. Звон молоточков в голове немедленно перешел в набат.

«Спокойно. Торопиться не надо. Полежу еще чуток, а затем опять попробую встать. Медленно, медленно. Главное — не делать резких движений».

В это время послышался шум приближающихся шагов.

— Гляди, еще один лежит, — раздался хриплый бас. — Рук не видать, значит, к нему спускаться надо. Ну и работенку нам подогнал хозяин.

— Чудно одет. Может, купец заморский, — ответил молодой голос.

— Откуда здесь купцы возьмутся. Их сюда калачом не заманишь. Место это нечистое. Вон в соседней деревне, говорят, ведьма на метле летала.

— Да. Совсем это бесовское отродье распоясалось. Лезут и лезут. Не иначе, кто-то порчу наводит. Еще ж недавно вся эта гадость днем и носа не смела высунуть, а теперь только и слышишь: там упырь, там вурдалак. Да что тут много говорить; я и сам третьего дня мимо кладбища шел. Уже темнело. Ночью-то упаси господи среди могилок разгуливать. А пока солнышко не скрылось, еще можно проскочить. Ну, естественно, принял на грудь ковшик «святой водицы». Иду. Уже больше половины дороги прошел и как обухом по голо-

ве — впереди крест закачался. Представляешь? Я сразу понял: покойничек на волю выбраться решил...

Санька, слушая их, начал тихо злиться: «Ну народ; вместе того чтобы человеку помочь, встанут и лясы точат: если бы да кабы, кто да чего. Можно подумать, никакого другого дела у них нет».

— А этот, он точно мертвяк? — опасливо спросил молодой. — Мы в яму залезем примету смотреть, а он хвать за горло.

— Счас проверим. Пикой ткнем, и сразу станет ясно: ежели он мертвый, то ему все нипочем, а ежели еще живой, то станет самый что ни на есть мертвый.

Услышав такое предложение, Санька окончательно обиделся. «Ага, размечтались. Эту теорию мы уже проходили». Он медленно, морщась от боли, разлепил веки, и тут глаза его сами широко открылись. Перед ним стояли будто сошедшие с картины Васнецова два древнерусских воина.

— Гляди-ка, глазами лупает, — отшатнулся молодой.

— Вижу, — мрачно ответил хрипатый. — Значит, живой. Вот еще морока на нашу голову.

— Эй, спилберги. Вы что, кино снимаете? — неуверенно поинтересовался Санька, лихорадочно пытаясь припомнить, не появлялись ли в поселке киношники.

— Чудно говорит, не по-нашему. Точно лазутчик. Я сразу понял. Это о нем хозяин говорил. — И старший вытащил из-за голенища сапога широкий нож.

Санька похолодел. Ему хотелось крикнуть, что никакой он не лазутчик, а наоборот, свой, истинно новгородский, однако голос куда-то пропал, и все могло бы закончиться очень печально, не раздайся из-за кустов пронзительный вопль:

— Держи подлеца!

Мимо, вереща, пронесся какой-то растрепанный мужичонка. Стражники ринулись за ним.

Покажи Санька свой прыжок на Олимпийских играх, то наверняка занял бы первое место, а его рекорд никогда бы

не был побит. Из положения лежа одним рывком он вылетел из метровой ямы и кубарем ссыпался вниз по склону, в противоположную от погони сторону.

С полчаса он, как лось, напролом ломился по лесу. Наконец, когда дыхание совершенно затерялось где-то позади, остановился и рухнул на землю. Полежав немного, усился на поваленное дерево и задумался. С ним произошло нечто такое, в чем требовалось незамедлительно разобраться. Но бедная головушка думать напрочь отказалась, вдобавок разболелась рука. Санька разжал пальцы и увидел на своей ладони то самое найденное в яме серебряное колечко. Он пожал плечами, машинально надел колечко на палец и почесал в затылке. Припомнив, что умные люди чешут лоб, на всякий случай поскреб и там. Но где ни чеши, толку не прибавится, и как ни прикидывай, а кругом получается полнейшая ерунда.

Может быть, он попал на съемки очередного исторического фильма? Очень хотелось в это верить, но уж слишком серьезными оказались дядьки, да и никаких таких режиссеров, съемок и массовок поблизости видно не было. И вообще откуда взялся этот лес?

И здесь напрашивалась вторая версия, совершенно нелепая на первый взгляд, — перемещение во времени. Правда, в прошлое еще никто и никогда не путешествовал, и это был факт; научный. Однако, с другой стороны, фактом было и то, что он тут...

В голове снова зазвенело. Иногда чем больше думаешь — тем меньше понимаешь. Пожалуй, тяжелейший труд — шевелить мозгами, лучше отложить на потом.

Где-то рядом зашуршало. В просвете между деревьями мелькнула человеческая фигура. Из кустов, низко пригибаясь и озираясь по сторонам, вылез тщедушного вида мужичок с большой сучковатой палкой в руке.

«Так, прячется. Значит, кричать и звать на помощь не будет, — подумал Санька. — Вот у него-то я сейчас и узнаю, куда это я попал. Или влип».

Он встал и шагнул вперед. Мужик, не ожидавший такого явления, побелел, пискнул и, высоко подпрыгнув в воздухе, хотел задать стрекача, но споткнулся о подставленную ногу и растянулся на земле.

— Спокойно, без паники. Нужна информация.

— Чё?

— Ничё. Отвечаешь на пару вопросов, и мы с тобой разбегаемся. Ясно? Кстати, тебя как звать?

— Федя.

— Постой, постой. Это за тобой недавно гонялись? Да не трясишь ты, как овечий хвост, не выдам.

— За мной. Я в соседней деревне про Хряка песенку спел. Тот на меня озлился и всем объявил, что во мне бес сидит и лечить меня нужно. Знаю я его лечение. В срубе запрет, да и подпалит. Только одни угальки останутся. А они разговаривать да оправдываться не умеют.

— Певец, что ли?

— Скоморох. По деревням хожу. Песни пою, пляшу. Честной народ веселю. За это где поесть дадут, где переночевать пустят.

— Ясненько, едем дальше. Что за ненормальные дядьки по лесу с ножами бегают?

— Вот этого самого Хряка дворовые и есть.

— Не понял.

— А чего тут непонятного? Хряк — советник царя Берендея. Свинья хорошая, и зовут соответственно. Вот его люди и бродили туда-сюда, искали кого-то. Тут я, они за мной, я от них. Страху натерпелся, слушай...

Но Санька, тупо глядя прямо перед собой, его не слышал; в голове у него опять звенело. Все-таки он вляпался в историю: жуткое средневековье, древние воины, царь Берендей. Он, хоть убей, не помнил царя с такой фамилией.

Очнувшись, он хотел задать скомороху еще пару вопросов, однако того и след простыл. Федя, заметив, что на него не обращают внимания, потихоньку высвободился, прополз несколько метров на брюхе, а затем так припустил, только пятки засверкали.

Санька подобрал брошенную палку, какое-никакое, а оружие, и снова задумался. Итак, он каким-то необъяснимым образом очутился в прошлом, и теперь ему нужно найти способ вернуться назад, в будущее. В принципе, раз он сюда попал, значит, должна быть дорога и обратно. Вся проблема заключалась в том, как ее отыскать. Было, правда, одно туманное обстоятельство — царь Берендей; но об этом думать не хотелось. История — не математика, и здесь неизвестные величины никогда еще не мешали находить нужный ответ.

— Может, я смогу удовлетворить ваше любопытство? — раздался позади чей-то тихий голос.

Санька стремительно развернулся. Перед ним стоял высокий, чрезвычайно худой старик, закутанный в длинный черный плащ. Лицо его скрывал большой капюшон.

— Не волнуйся.

— А чего мне волноваться, — нахмурился паренек и на всякий случай поудобнее перехватил палку. — Ты кто?

— Народ волхвом называет. Могу будущее предсказывать.

— Астролог, что ли?

— Что-то вроде этого. Так вот ты попал в совершенно другой мир.

— Глупо было бы не догадаться. А зачем?

— Ты же мечтал о жизни, полной приключений. Вот и исполнилось твое желание.

Санька заерзal. Мечты — дело хорошее, но вот страдать и мучиться при этом не хотелось.

— Честно говоря, — начал он, — я несколько по-иному представлял себе эти приключения. У вас же — сплошной мрак. Только появился, как двое ненормальных попытались меня убить. Хорошенькое начало, не правда ли? Смотрим дальше: сколько я помню из истории, условия, в которых здесь люди существуют, — совершенно дикие: комфорту никакого, удобства — на улице, развлечений кот наплакал, телевизора и того нет, чем по вечерам время занять — непонятно. Нет, это не приключения, а сплошная тоска.

— Но нужна твоя помощь. На эту землю надвигается злая сила.

— Нашел чем удивить. У нас телек включишь, и по всем каналам исключительно о плохом. Даже о погоде ничего хорошего не говорят.

— Станешь прославленным богатырем.

— Вот еще. Делать мне больше нечего, как только головой рисковать. Занятие это беспокойное, а зачастую и опасное. У вас что, своих богатырей не хватает? Могу пачечку показать, авось подойдут. А меня даже и не уговаривай. Лучше бы помог хорошему человеку. Я так понимаю, раз ты знаешь, кто я, то и дорогу к моему дому показать можешь.

— Хм... С этим есть кой-какие сложности.

— Фи. Тоже мне, экстрасенс липовый. Простейшей задачки решить не в состоянии. Тогда иди куда шел, я сам выход найду.

— Постой, я думал, что ты хотел...

— Раньше, может, и хотел, теперь не хочу. Желаю попасть домой; и чем быстрее, тем лучше. Не о чем нам с тобой разговаривать. Привет.

Смеркалось. Тени наливались чернотой и заполняли все вокруг. Поднялся ветер. Замолкли птицы, и тревожно зашумели деревья.

— Ситуевина, — ворчал Санька, шагая по узенькой тропинке. — Дороги уже не видать, а вокруг ни отелей, ни гостиниц. Фонарей — и тех нет. Надо бы куда-нибудь пристроиться, а то неровен час на неприятности нарвешься.

Он подошел к огромному дубу. Взобраться на дерево было делом одной минуты. Наверху нашлись две словно специально сросшиеся и образовавшие нечто похожее на кресло ветки. Сквозь листву проглядывали одинокие звезды. Было неуютно. Путник, впервые попавший ночью в лес, сразу же терялся в этой безбрежной темноте; он словно висел в центре этого безграничного мира и казался себе маленьким и совершенно беззащитным.

— Хватит киснуть: лес как лес, небо как небо. Утро наступит — дальше двинусь.

Дуб был теплым, спокойным, и наш путешественник по неволе, прислонившись спиной к стволу, решил немного поспать. Чтобы не слышать лесных вздохов, он снял свою куртку и намотал ее несколько раз на голову. Звуки исчезли. Вернее, почти исчезли, так как в голове потихоньку зазвучала какая-то странная, убаюкивающая мелодия. Противиться ей совершенно не было сил, и вот уже сон незаметно вступил в свои права.

Эта ночь вполне могла стать последней в его жизни, как вдруг какая-то неведомая сила так стиснула палец, что от дикой боли Санька мгновенно проснулся.

Прямо на него, не мигая, уставились два ярких, светящихся глаза. Маленькая тень с противным шипением метнулась к Саньке. Он охнул и, пытаясь увернуться, едва не сорвался с ветки вниз, но, чудом удержавшись, сумел лишь пригнуть голову. От неминуемой гибели его спас толстый слой утеплителя. Неведомый зверь всеми четырьмя лапами завяз в этой синтетике.

Перепуганный парнишка содрал с себя куртку вместе со зверюгой, которая все еще пыталась выпутаться, и швырнул вниз.

Уже достаточно рассвело, и стало видно, как из-под куртки, пятым задом, выползает кот.

— Козел мокрохвостый! — заорал на него пострадавший. — Тоже мне домашнее животное. Совсем сдурел, на людей бросаешься.

Кот уселся на землю, почесал задней лапой за ухом и неожиданно с обидой произнес:

— Я не козел. Я — кот Баюн.

— Говорящий! — ахнул изумленный Санька, едва снова не повалившись с дерева.

— Ну, говорящий. Что, теперь по этому поводу можно бедное животное обзывать всякими нехорошими словами?

— Коты разговаривать не умеют.

Голова снова начала резко болеть. Сначала Древняя Русь, теперь вот говорящие звери. Только волшебства и не хватало ему для полного счастья. Это уже был явный перебор, и если срочно не найти хоть какого-либо объяснения, оставалось одно — идти в ближайшую психлечебницу и самому сдаваться врачам. И тут его осенило.

— Понял! — радостно завопил он. — Я сплю, а ты мне снишься!

— Могу ушипнуть! — с готовностью предложил кот.

— Назад! Обойдемся без помощников!

Парнишка что было сил стукнул по стволу дуба кулаком, тут же взвыв от боли. Кот с интересом наблюдал за происходящим.

— Ну и как, полегчало?

Еще и издевается. Как же могло полегчать, если рука нестерпимо болела, а значит, все вокруг, включая этого наглого котяру, было реальным; в смысле — сказочным.

Он попал в самую настоящую сказку.

Совершенно загадочный мир, полный таинственных приключений, злых и добрых волшебников, страшных чудовищ и темных сил. Богатыри, не считаясь со временем и не жалея своих сил, постоянно ведут борьбу с различным Злом, и не всегда удачно. Правда, в книжках все обычно заканчивается хорошо, но кто его знает, как это выглядит на самом деле.

Санька сумрачно поглядел на ехидную кошачью физисномию.

— Как там, говоришь, тебя кличут-то?

— Кот Баюн. Сказки, песни, истории, колыбельные всякие. Стихи могу.

— Все ясно. Сначала «баюшки-баю», а потом зубами в горло.

— Жить-то надо, — философски заметил кот и неожиданно прыгнул в сторону. Через минуту он вернулся, выплюнув по дороге мышиный хвостик.

— Да-а-а, — протянул Санька, — ну и порядочки тут у вас. А нам-то в школе заливали: «У лукоморья дуб зеленый... и кот ученый...»

— Ну-ка, ну-ка, помедленнее, пожалуйста, — вытянул морду Баюн.

— Не подходи, вражья сила! — взвизгнул Санька и попытался отползти, но уперся спиной в ствол.

— Да ладно, — миролюбиво поднял обе лапы вверх кот. — Целиком и полностью признаю свою ошибку. Но прошу обратить внимание — был введен в заблуждение. Ты зачем намотал себе на голову незнамо что? Запах не разберешь какой и на человека не похож. Опять же освещенцы слабовато. Тут любой перепутает. Так что извини.

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — проворчал паренек и начал тихо сползать вниз, на тропинку. — Но я уж лучше дальше пойду. До свиданьица.

— Скатертью дорога. Кстати, если ты в город, то он в другой стороне находится. Хотя я бы тебе там появляться не советовал.

Санька в недоумении уставился на кота.

— Нет, конечно, — продолжал тот. — Когда ты желаешь, чтобы при твоем появлении со всех сторон сбегался народ, то все нормально; у нас обычно дураков любят. Однако могут не так понять.

Паренек вспомнил первые встречи с местным населением и в замешательстве застыл посреди дороги, не зная, что ответить. Действительно, его вид вызывал, мягко говоря, подозрения.

— Какой город? Мне город ни к чему, — начал было он, но потом, сообразив, что совершенно не знает, куда же ему надо, выложил коту всю свою необыкновенную историю, закончив ее традиционным вопросом: — Что делать?

Баюн его внимательно выслушал и задумчиво почесал лапой пушистый подбородок.

— Тогда тебе к Кащею. Светлая, между прочим, голова, хотя с темной стороной дело имеет. Все знает.

Новость о том, что где-то тут неподалеку живет Кащей Бессмертный, уже не произвела на Саньку абсолютно никакого впечатления. Когда новая информация валится тебе на голову как кирпичи с рухнувшего рядом дома, то чувства при-

тупляются. Настораживало одно: помнится, ничего хорошего от злодея не видели.

— Ерунда, — фыркнул Баун. — Все дело в том, что он многое может. Народ же у нас простой; одному дай — остальные в очередь выстроются. Но для всех хорошим никогда не будешь. А так как живет он уже несколько тысяч лет, то и обиженных на него, сам понимаешь, хоть пруд пруди. Кроме всего, поговаривают, что он с царством мертвых связан. А кому туда охота? То-то. Посему его еще и боятся. Оттого и небылицы всякие плетут. Слушать их — пустое дело, и ежели тебе нужно какую-нибудь очень трудную задачку решить, прямая дорога — в Кащеев замок.

— Что ж, раз это единственный выход, придется встретиться с этим вашим специалистом. Посмотрим, может, он действительно сумеет мне помочь. Давай показывай, как к нему добраться.

— Прямой дороги туда никто не знает, как, впрочем, и кривой. Просто идешь. Все само произойдет в свое время; если, конечно, очень захочет.

— В свое время? Очень определенно. И когда оно наступит, это самое время?

— А это уж от тебя зависит. Человек много видит, да мало замечает. В основном то, что его сейчас интересует. Остальное мимо пролетает, не задерживается. А нужные события происходят лишь тогда, когда ты сам к этому готов.

Сказав это, кот исчез.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», — писалось в книжках. Врали книжки или нет, Санька не знал и знать не хотел. Он находился в пути больше месяца, но словно какая-то таинственная сила кружила и кружила его по лесам. Ему очень хотелось попасть домой, и эти бесплодные блуждания уже порядком надоели. К тому же он не встречал никакого человеческого жилья; хлебца попросить и то не у кого.

Наступил новый день, теплый, ласковый, просто великолепный. Маленький подарок вечно озабоченным, уткнув-

шимся в себя и свои проблемы людям. Остановитесь, посмотрите вокруг. А люди если и останавливаются, то ненадолго; у них нет времени, они торопятся, боясь опоздать, оказаться последними, никому не нужными.

Вот и Саньке было совершенно не до красот природы. Сидя на камне, он огорченно рассматривал свою обувку. Отлетели каблуки, но это еще полбеды; развалились и носы, кругом торчали гвозди. Прямо кровожадные рыбы пираньи, а не ботинки.

Передохнув немного, он поднялся и увидел, что находился на вершине пологого холма. Вокруг сплошной лес. Куда идти, где искать этот треклятый замок? А тут еще эта засевшая в голове фраза: «Все происходит в свое время». Получалось, еще не время. Но так вообще могло ничего не произойти и год, и больше. Что тогда? Болтаться по лесу взад-вперед. А все ради чего? Встречи с каким-то призрачным гражданином по имени Кащей. И неизвестно, сможет ли помочь этот так называемый Бессмертный.

Чрезвычайно мрачные перспективы на будущее, и настроение такое же.

— Хорошо живется волшебникам, любое их желание мгновенно выполняется, — ворчал Санька. — А мы люди простые. Все потом и кровью. Хотя Баюн и говорил: «Встреча обязательно произойдет», что-то в это мало верится. Ходишь тут, ходишь.

Ему стало нестерпимо жалко себя, заброшенного бог весть куда и непонятно для чего. В душе его потихоньку нарастила злость. Кто это подстроил? Поймать этого шутника, да настучать ему по репе, глядишь, надолго бы потерял чувство юмора. На худой конец, хоть кого-нибудь, на ком можно было сорвать зло. Годились странствующие рыцари или какая-нибудь грозная разбойничья шайка. Даже вражескую крепость, казалось, запросто сумел бы со злости разметать до основания. В мечтах почему-то мы всегда самые-самые.

— Скелет ходячий! — завопил Санька во все горло, но голос сорвался и вместо «Где ты?» получилось: — Гххшш...

— Зачем кричишь, связки портишь? Тихо скажешь, хозяин тоже услышит, — раздалось со стоящей рядом березы. На ветке сидел большой черный Ворон. — Идем.

Птица взлетела и направилась в глубь леса.

Долго ли, коротко ли, но лес постепенно поредел, расступился и перед ними возник замок. Широкий ров, заполненный водой. Высокие, толстые стены. Нависающие остроконечные башенки с узкими бойницами. За стенами три сплошные, без единой щелки, зубчатые башни, сильно смахивающие на острогу остриями вверх. Мрачное сооружение, владелец которого мог сидеть в осаде не один год. Хотя кто рискнет осадить Кащея?

Пернатый проводник куда-то исчез. Пожав плечами, Санька перешел сгорбленный мостик и остановился возле массивных, окованных железом ворот.

Над ними, на месте герба, висел выбеленный временем череп и рядом — песочные часы. И никакой охраны.

— Спят, тунеядцы. Заходи кто хочешь.

Но так просто, с насекока, войти не удалось. Неведомая сила отталкивала, не давая возможности даже дотронуться до ручки. На ум пришло: «Стучите, и вам откроют». Где-то должен быть звонок.

Действительно, с боку свисала привязанная к молоточку веревка, но под ней красовалась грозная надпись: «Прежде чем зайти, подумай, нужен ли ты здесь».

— Думать надо до того, как из дома выйдешь, — огрызнулся Санька, изо всех сил дергая веревку.

— Что? — Череп внезапно ожил и лязгнул зубами. Пустые глазницы озарились багровым светом.

Санька от неожиданности попятился, зацепился ногой за кочку и плюхнулся на землю:

— Эт-то я. К Кащею.

— Зачем?

— На прием. По личному делу. И вообще, — парнишка уже оправился от испуга, — если ты за секретаря, так доложи, а нечего тут зубами скрипеть.

— Заходи, раз не боишься, — оскалился череп.

От такого пожелания тревожно екнуло сердце, однако отступать было поздно.

Песочные часы перевернулись, и двери медленно, со скрипом, пришли в движение.

— Эка невидаль. Дистанционное управление. Ну, поглядим, что это за Кашей. — Молодец лихо шагнул во двор.

В следующее же мгновение ему захотелось поскорее высочить обратно. Перед ним плотной стеной стояли злыдни, упыри, оборотни, какие-то скелеты, мелькали призрачные тени.

Увидев вошедшего, они дружно завыли и двинулись ему навстречу. Теплая, дружественная встреча грозила сразу же перейти в поминальный — для гостя — ужин.

В своем прошлом, которое теперь было будущим, ему с такими компаниями сталкиваться не приходилось, и он совершенно не знал, что делать. Он попробовал перекреститься, но в результате к вызывающим озnob воплям добавился еще и душераздирающий хохот. Пот ручейком заструился между лопаток. Ноги, несмотря на все усилия, намертво приросли к земле. Сердце стучало как паровой молот. Похоже, сказке подходил конец.

— И понесла же меня нелегкая в это логово. Человек — единственное существо, которое из лучших побуждений само себе делает неприятности.

Тем временем ужастики, толкаясь и сопя, плотным кольцом окружили этот неожиданный кулинарный подарок. Особенно противной была рожа упыря со стекающей по подбородку слюной. Он скалился в предвкушении предстоящего пиршества, и его вытянутые пальцы дрожали от возбуждения.

Санька машинально поставил блок. Физиономия упыря самым неожиданным образом переменилась. Слюна все так же капала на землю, а вот глаза стали круглыми и похожими на два полтинника. Он замер. Да и остальные словно натолкнулись на невидимую стену. Они враз замолчали и остановились, косясь на Санькины руки.

«Интересно, чего это они там увидали? — недоумевал он. — Руки как руки, правда, давно не мытые, но это не повод от них шарахаться».

Он помахал одной ладошкой, затем другой. Передние ряды отпрянули назад, сшибая задние.

«Колечка испугались», — озарило паренька.

— Что? Не нравится?

Окружающие во главе со слюнявым энергично замотали головами. Кто же мог знать, что такое безобидное на вид лакомство окажется им не по зубам.

— Бедненькие. Жратеньки им захотелось. Тепленько-го, — продолжал куражиться обалдевший от радости Санька. — У, живоглоты! Сегодня постный день. Обедать будете в ужин. Да и то на следующей неделе. А для начала вот вам блюдо из трех пальцев: с фигой, маслом и колечком, да под каждый нос.

От такого пожелания вся компания с визгом кинулась в разные стороны. Санька еще немного потопал ногами, плюнул им вслед и направился к центральной башне. Если дорог несколько, то шагать нужно прямо. Но, переступив порог, молодец в очередной раз задумался, а все ли у него в порядке с головой.

Огромный зал казался в несколько раз больше и выше, чем сама башня снаружи. Куполообразный потолок терялся в вышине. Невесть откуда взявшиеся украшенные витражами высокие стрельчатые окна пропускали мягкий свет. Горящие свечи двигали тени. Гулкое эхо многократно усиливало каждый звук, и всякий сюда входящий непроизвольно останавливался придавленный этим великолепием. Нервы были на пределе.

— Ну что же это ты, дружок? Проходи, — раздался тихий спокойный голос.

Сколько раз Санька прокручивал в уме эту встречу. Вспоминая прочитанные сказки, он готовился увидеть нечто зловещее. По всем правилам, Кащей сразу начинал колдовать, метать стрелы, молнии и махать мечом. Воевать с ним — занятие бессмысленное, а единственное спасение — какая-

нибудь жутко заумная фраза, чтобы это пособие по анатомии осталось с отвалившейся челюстью и пыталось понять, о чем речь. Тогда можно и поговорить.

К сожалению, мы предполагаем одно, а все остальные почему-то думают совершенно иначе. В девяти случаях из десяти наши заготовки сразу же летят в мусорную корзинку.

Так получилось и на этот раз. Санька приготовился услышать жуткий рев, зловещий хохот или еще что-нибудь тому подобное, а такой простой вопрос его прямо потряс. От неожиданности наступила нервная разрядка. Он подскочил, развернулся, приняв боевую стойку, и тут же опустил руки. Перед ним стоял высокий старик в длинном черном плаще, похожий скорее на мумию, чем на скелет. Высокий лоб, тонкий прямой нос, тонкие, в ниточку, губы и черные, словно бездонные глаза на бледном, почти белом лице.

— Что-то не так? — спросил он с усмешкой. — Ты думал, у меня облезлый череп и кости наружу?

Санька сглотнул и машинально кивнул. Но если сам Кащеев вид все-таки особого страха не вызывал, то глаза пронзали насквозь. Холодные, равнодушные, от взгляда которых человек цепенел, а затем начинал медленно распадаться на кусочки. Кащей еще мгновение смотрел на парнишку, уже еле державшегося на ногах, затем повернулся и, пройдя в глубину зала, сел на трон. Глаза у него стали спокойные, даже чуть усталые.

— Зачем пожаловал?

Санька задумчиво почесал затылок. Множество вопросов крутилось на кончике его языка, особенно про эту глупость с яйцом, однако как отнесется к этому хозяин — вдруг обидится? Любопытство дело хорошее, когда оно не мешает жить. Приходилось сразу брать быка за рога.

— Есть у меня одна малюсенькая просьба. Мне сказали, вы можете помочь мне вернуться назад, в мой мир.

— Ты этого хочешь?

— Очень.

— И в чем проблема?

— Так вот в том-то и есть, что сам я никак не могу найти эту дорогу домой.

— Значит, плохо ишешь, — усмехнулся Кащей. — Человек, если чего-то сильно захочет, рано или поздно это получит. Весь вопрос только в том, нужно ли оно «это» ему? И можно ли потом от этого приобретения избавиться.

— Вы что, все тут сговорились? Хочешь, не хочешь. Еще один Баюн выискался.

— А вот насчет нашего сочинителя ты кстати напомнил. — Кащей повел глазами по залу. — Эй, хвостатый, покажись.

Маленький огненный вихрь сорвался с посоха, стоявшего возле трона, и метнулся в дальний угол зала. Раздался дикий кошачий визг, и перед изумленным Санькой возник кот. Шерсть на нем стояла дыбом и слегка дымилась, а между ушей с треском проскаивали маленькие искорки. Сам же он был цел и невредим.

— Хулиганство! — благим матом орал Баюн. — Почтенное животное жизни лишают!

— А с каких это пор почтенные по углам прячутся? — беззвучно смеялся Кащей.

— Исключительно в литературных целях. Записки для истории. В назидание потомкам, так сказать, чтобы знали свое прошлое. А то ведь потом такого насочиняют. Так исказят — страшное дело.

— Ясно, личный летописец. Живо брысь отсюда. Разговор у нас серьезный, после все узнаешь.

Вихрь снова подхватил животину и, нимало не церемонясь, выкинул его в окно.

— Убьется ведь, — попытался вступиться за кота Санька.

— Не переживай. Эта хитрая бестия всегда на лапы падает, а если уж очень высоко будет, он до земли не долетит, в воздухе растает. Так что вы еще встретитесь. Но перейдем к нашим бааранам.

— А чего к ним переходить? Вы меня или одного отправляете, или с собой в кармашке перенесете, и дело в шляпе.

— Не спеши, все не так просто, как ты думаешь. Прямыком домой я тебя отправить не могу. Нельзя и с собой взять.

Из одного мира в другой передвигаются только в одиночку и без багажа. А вот в коридор между мирами доставить можно. Ну а остальное будет от тебя зависеть. Правда, существует одна маленькая загвоздка...

— Согласен, — возбужденно перебил его Санька. — Мне бы только отсюда выбраться, да к себе поближе, а там уж я расстараюсь.

— Поближе так поближе, — задумчиво повторил Кащей. — Раз уж ты такой нетерпеливый и слушать дальше не желаешь, закрывай глаза, будем выбираться.

— Готово.

— Открывай.

— Что-то не так? — встревожился парнишка. — Перемещение отменяется, да?

— Почему отменяется? Давно прибыли.

Это было жуткое место. Сплошная темнота. Даже скорее чернота. Никого и ничего. Почти абсолютный мрак с редкими крапинками еле заметных звездочек.

— Вот тебе и тропка в твой мир, — прозвучал где-то рядом голос невидимого Кащея.

— Какая тропка? Тут же ничего не видать, хоть глаз выколи.

— А ты приглядись.

Санька таращился изо всех сил, но светлей не становилось. Лишь маленькие звездочки грустно помаргивали в ответ.

— Но я ничего не вижу! — раздался его отчаянный вопль.

— А ты думал, что проход в другие миры похож на длинный коридор, а вокруг двери, двери, двери? Открывай любую и заходи? Ничего подобного. Вот это как раз оно и есть, то самое «между», а каждая звездочка — мир. На одной из них ты раньше жил, а с другой только что ушел.

— И что же мне теперь делать, как попасть домой? Которая звездочка моя?

— А это уже твои заботы. — Голос Бессмертного стал серьезным и даже сочувствующим. — Есть такое странное сло-

во — «любовь». И только твое сердце может подсказать, куда идти. К своему дому тянуть должно.

— А если я не пойму?

— Придется выразить соболезнование близким, ибо придется тебе тут вечно болтаться. Заблудшие души, думаешь, откуда взялись? Многие хотели в мирах попутешествовать, да немногие любили. Точнее, они только себя любили. Кстати, ты заметил, что количество звезд постепенно растет? Советую поторопиться, если не хочешь куковать тут вечно.

— Заберите меня отсюда! — заревел Санька, готовый впасть в истерику.

— Вот в этом я тебе не могу ничем помочь. Раньше нужно было слушать, а не перебивать старших. Теперь все от тебя зависит. Ищи, почувствуй свою звезду, свою планету. Желаю удачи.

— Кащей, Кащей, погоди!

Ответа не последовало. Лишь тишина и звезды. Много звезд, одна из которых — его Земля. Встревоженный паренек переводил взгляд с одной на другую, пытаясь хоть что-то рассмотреть, но тщетно. От напряжения начали слезиться глаза, и он снова их закрыл.

Сразу же в голове вспыхнула яркая картинка родного поселка: зеленого леса, голубого неба, он даже услышал пение птиц, ощущил дуновение свежего ветерка. Казалось, протяни руку... Что ни говори, а жизнь все-таки прекрасная штука, и потеряться от нее в каком-то дурацком коридоре было бы большой глупостью.

Неожиданно в этом призрачном небе что-то сверкнуло. Санька открыл глаза. И в самом деле одна из звезд светила чуть ярче других.

— Она, — прошептал он чуть слышно.

И в тот же миг на него навалился Бездонный Мрак, рассыпавшийся затем на тысячу осколков, и он обнаружил себя лежащим на лесной опушке. Перед носом, по травинке, полз жук. Высоко в небе пел жаворонок. Дома было хорошо. Дома было замечательно. Просто великолепно.

— Получилось, — прослезился Санька и перевернулся на спину.

— На сырой матушке-земле можно лежать, широко раскинув руки, всего несколько секунд. Тогда она дает силу. Если валяться долго, она дает радикулит.

— Баюн, скотина! — Парнишка буквально подлетел вверх.

— Ну, что ты будешь делать. Снова обзываешься. У вас, уважаемый, следует заметить, чрезвычайно убогий словарный запас. В русском языке существует огромное количество слов для выражения своих радостных эмоций. В следующий раз, будьте любезны, захватите с собой словарик.

— Но старый обманщик обещал отправить меня домой!

— Позволю себе не согласиться с таким утверждением, — раздался голос, от которого Санька моментально взмок и тут же высох, а Баюн метнулся в кусты.

Кашей сидел на пне, положив руки на трость с серебряным набалдашником.

— Я на первый раз эти наветы пропускаю, учитывая вашу, как бы это помягче выразиться, возбужденность. В дальнейшем же прошу сначала думать и лишь затем говорить; иначе могут быть неприятности. А по поводу произошедшего — пошарь во лбу, дружок. Сны свои вспомни. Вспомни-ка, что на душе было, когда на звезду смотрел. Никто тебя сюда на аркане не тянул. Вот и получается — это твой выбор. Честно скажу, слушая в замке весь твой вздор, я сначала подумал, что ошибся, но ты вернулся. Раз эта история с тебя началась, значит, так тому и быть. Ничего теперь изменить нельзя, и нечего тень на плетень, в смысле — на окружающих, наводить.

«Кое в чем стариk, конечно, прав, — растерянно думал Санька. — Хотя я на самом деле, безо всяких шуток, хотел попасть домой, в свое время. И не по моей вине со звездой вышла ошибка; да и ошибка ли, вполне могли и подстроить этот спектакль. Но зачем я им нужен?»

— Так что я должен сделать? — спросил он.

— Сказать, что дело тебе предстоит легкое, значит, тебя обмануть. Над царством Берендея нависла опасность. По-

нимашь, как-то незаметно, потихоньку, но все вокруг начало меняться. Люди злые стали. Свое, родное забывать начали. Каждый теперь живет сам по себе. Все это медленно происходило, и все понемногу привыкли. Поэтому и понадобился человек со стороны, который может со всем этим разобраться, и чтоб за себя постоять мог. Если не встать на пути у Зла, пропадет царство.

— Интересно. Раз ты все прекрасно знаешь, то почему сам это Зло не придушишь? Ты же Бессмертный, так давай бери меч — и вперед. А я, если уж без меня не обойтись, могу рядом постоять и в барабан постучать.

— Не имею права. Я живу на Земле, а состою на службе у Вечности. Самое большее — могу посоветовать, да и то если попросят.

— Негусто. Ладно, давай свой совет. Какая такая беда? Кто руководит? Способы борьбы. Заодно маленькое предсказание, как я ее одолею.

— Знаешь, мне действительно очень жаль, но и тут я тебе не помощник. Если я тебе сейчас расскажу всю историю, то получится, что она уже прожита. А жизнь повторить невозможно. Вспомни, стоит помечтать или представить свое будущее — ничего не сходится, все по-иному происходит. Поэтому нельзя ни загадывать, ни объяснять. Про Зло ты сам должен все выяснить. Одно могу сказать, разгадку ты найдешь во дворце у Берендея.

И последнее. Пока мы с тобой общий язык найти пытались, прошло почти два месяца. За такой срок слишком много событий могло произойти. Придется вернуть тебя во времени назад, к дубу. С людьми ты за это время не встречался, и ни на ком это не отразится, а Баун — он живучий, выдюжит. Желаю удачи. — И Кашей растаял в воздухе.

— Здорово, — восхищенно крякнул Санька. — У них тут, похоже, все исчезать умеют. Мне бы так.

В кустах раздался еле слышный шорох, и наружу высунулась настороженная голова кота. Он внимательно огляделся вокруг и, не заметив ничего подозрительного, постепенно появился целиком.

— Как дела?

— Как сажа бела. Домой хоть сейчас. Маленькое условие: прежде к царю в гости зайти. Чайку с блинами попить, о смысле жизни поговорить. Может, составишь компанию?

— Не уверен, что это хорошая идея. Говорят, шкура у меня симпатичная. Если смотреть против солнышка — вылитый тигр. Не хочется, понимаешь ли, такой красотой без надобности рисковать.

Баюн немного помолчал и вдруг тоже исчез, а затем вновь бесшумно появился и положил на землю тюк с одеждой. На немой вопрос «Откуда?» небрежно махнул в сторону лапой:

— Висело. Там еще много, а тебе пригодится.

Санька, не споря, быстренько переоделся.

— Ба! А это откуда? — удивленно растопырил уши кот и показал на кольцо.

— А что?

— Если мне не изменяют зрение и память, то это волшебное кольцо. О нем разные байки ходят: и от дурного гла-за оберегает, и об опасности предупреждает.

Санька поправил колечко. Кот, похоже, не врал, и вешица действительно была волшебной; она уже дважды спасала его от беды. Оказывается, очень полезное приобретение.

— А желания выполняет?

— Вот чего не знаю, того не знаю. — Кот в задумчивости почесал загривок. — А зачем, собственно говоря, для этого нужно колечко? Если очень захочет, то любое желание само исполнится.

— Скажешь тоже. Я много чего хотел, да без толку.

— И я не знаю, чего ты хотел. Некоторые желания исполняются не сразу, а немного погодя. От других ты и сам со временем отказываешься, они вообще ни к чему. Яркое, зажигательное желание сбудется непременно.

— Врешь! — выдохнул Санька. У него от всех этих пересуживаний голова кругом идет, а все, оказывается, совершен-но просто.

Баюн даже фыркнул от возмущения. Шерсть на нем встала дыбом, желтые глаза яростно засверкали.

— Не имею такой привычки. Умолчать могу, но врать — совесть не позволяет. А ты глупый, невоспитанный мальчишка. Встретимся, когда поумнеешь. — И он с обиженным видом прыгнул в кусты.

— Чего размяукался? — пожал плечами Санька. — Тоже мне творческая натура, слова поперек не скажи. Подумаешь, не так выразился. Меньше надо внимания обращать. Не все же родной язык учили. А впрочем, у меня и своих забот полно.

Полдня парнишка просидел в ближайшей канаве, натирая колечко и, как попугай, беспрестанно повторяя:

— Хочу домой. Хочу домой.

Наконец, поняв всю тщетность своих усилий, он решил, что все это — кошачьи сказки, и нечего терять даром времени; нужно идти в город.

Он поднялся. Было немного жутковато, но когда тебе семнадцать лет, то любые препятствия кажутся легкодоломыми. Неужели он, человек из будущего, спортсмен, не сможет навести тут порядка. Он, конечно, не отличник, зато уж наверняка умнее их всех вместе взятых. Москва немного подождет. Вряд ли все это мероприятие займет много времени. Кроме того, это будет действительно замечательное приключение; ведь не каждый день попадаешь в прошлое, тем более обещали вернуть домой.

Так что сейчас нужно добраться до города и встретиться с царем; он-то про Зло, наступающее на его царство, знать должен.

Не мешало бы задать Кащею еще пару вопросиков, но где его теперь искать? Умные мысли обычно запаздывают и приходят тогда, когда спорить уже не с кем. Придется идти к Берендею и решить эту задачку на месте.

А Хряк с нетерпением ожидал наступления вечера. Никогда еще время не тянулось так медленно. И если обычно он старался задержаться во дворце как можно дольше, чуть ли не с обидой уходя домой, то сегодня он не знал, как избавиться от Берендея, который словно нарочно не отпускал от себя советника.

Слуги доложили о пяти убитых, но колечка не принесли. К тому же какой-то заморский купец умудрился сбежать.

— Работнички, ничего поручить нельзя, — собачился Хряк, направляясь к дому и еле сдерживаясь, чтобы не помчаться бегом. Его карьера, а возможно, и жизнь висели на волоске, и нужно было срочно выяснить, где этот неизвестный, осмелившийся встать у него на пути.

Едва солнце зашло за горизонт, советник нырнул в затененную каморку. Захлопнув дверь и задвинув оба засова, раскинул карты. Поглядел на них, перемешал и снова выложил на стол. Затем медленно собрал колоду и с яростным воплем запустил ее в дальний угол. Как ни раскладывай, получалось одно: его враг жив и уже рядом, в городе.

Хряк выскочил из каморки, выстроил своих дворовых.

— Дармоеды. Простого дела — человека убить — и то сделять не смогли. Сейчас пойдете в город и там найдете человека с серебряным кольцом. Кто принесет кольцо, получит вольную. И попробуйте только оплошать; на этот раз вам это даром не пройдет, всех сгною.

Дворовых как ветром сдуло.

НА СЛУЖБУ К БЕРЕНДЕЮ

День клонился к вечеру, и Санька непроизвольно ускорял шаг. Наконец показался город, спрятанный за высокими каменными стенами. Паренек летел уже чуть ли не вприскрыжку, но все равно опоздал. Главные крепостные ворота закрылись перед самым его носом. Он принял барабанить изо всех сил, в ответ из бойницы показалась недовольная физиономия. Удивленно осмотревшись, она скрылась, а затем появилась рука с натянутым луком. Санька моментально понял беспочвенность своих претензий и резво отпрыгнул в сторону.

Отойдя подальше от ворот, он осмотрелся по сторонам, прикидывая, куда приткнуться на ночь, очень уж не хотелось ночевать на улице.

Солнце почти спряталось за верхушки елей, когда Санька разглядел какую-то крышу.

Человеческое жилище обычно похоже на своего хозяина. Однако по внешнему виду этого строения определить, кто тут жил, было абсолютно невозможно. Дом не дом, землянка не землянка. Совершенно перекосившаяся, готовая завалиться, вросшая в землю избушка.

Парнишка подошел к приоткрытой двери и постучал.

— Наконец-то хоть одна живая душа появилась. Заходи и дверь прикрой, не то сквозит, — раздался тягучий голос.

Санька пригнулся и вошел внутрь. С минуту он стоял с широко раскрытыми глазами, привыкая к полумраку, царящему в комнате. Закопченное окошко почти не пропускало света. Постепенно он разглядел стоявшую у стены широкую лавку, на которой лежал рыжий мужик. Рядом с лавкой стоял перекосившийся стол и колченогий стул. Кругом царили хаос и беспорядок. Одной уборки в доме хватило бы на целую неделю. В углу жирный паук деловито заворачивал в паутину отчаянно жужжащую муху.

— Что, самому не дойти? Лучше замерзнуть? — поинтересовался Санька у хозяина.

— А лень, однако. И потом, зачем суетиться? Все равно когда-нибудь кто-нибудь сюда зайдет.

— Логично. Слушай, у вас тут переночевать можно? А то я за ворота не попал.

— Да ночуй, какой разговор. Коль найдешь место — расположайся.

Санька облегченно вздохнул и огляделся, куда бы пристроиться. Дело это, однако, оказалось не таким простым. Лавка сразу отпадала, стол и стул, ввиду своей хлипкости, для этого никак не годились, а другой мебели в комнате не было. Оставалась печь, но, заглянув на лежанку, Санька обнаружил, что и это тепленькое местечко уже занято: на ней,

накрывшись с головой лоскутным одеялом, лежал здоровенный детина.

— Это братан. Его лучше не трогать.

«Тут не поспишь, — подумал Санька. — Придется искать другое место для ночлега».

Он подошел к окошку, выглянул на улицу, и его прошиб озноб. На дворе стояла глубокая ночь. Темень хоть глаз выколи. Ни луны, ни звездочек. Словно он опять затерялся в коридоре между мирами. На душе стало тоскливо. Можно подумать, тут лучше: дремучая Тмутаракань, затерянная среди таких же дремучих лесов в дремучем прошлом.

— Ой, горе горькое, — словно прочитав его мысли, поддакнул мужичок. — Скотинка пала, сами третий день не емши. Дров и тех нетути. Сходить некому. А здесь, сколько ни убирай, все равно через день то же самое будет. Бессмысленная трата сил. Лучше подождать, пока оно само образуется.

— А если не образуется?

— Значит, не судьба. Тем более напрягаться нечего.

— Чушь собачья, — выругался Санька. — Под лежачий камень вода не течет. Неужели это нужно доказывать?

— Непременно, — почему-то радостно подтвердил мужик, — только на меня не рассчитывай, устал я очень.

Санька выскочил во двор, принес сухих сучьев, наломал их и покидал в печь. Но та задымила, и все раскашлялись.

— Ой-е-ей, погибель наша пришла, — схватившись за голову, застонал хозяин. — Угорим мы тут сейчас, горемычные.

Санька, пытаясь разогнать рукой дым, прорался к трубе, свернув по дороге стул и отбив коленку. Заслонка была закрыта и не поддавалась. Похоже, ее вообще никто никогда не открывал.

— Чего ты ноешь, — рассвирепел он. — Бардак кругом полный, нет чтобы руки приложить.

— Ой, болею я-я-я-я-я. — Рыжий все не унимался.

— Чем болеешь?

— Лихо мне, ох как лихо.

— Странная болезнь, никогда о такой не слышал. Ладно, лежи-отдыхай. Я сам займусь по хозяйству.

Но все почему-то пошло наперекосяк. Обнаруженное под лавкой кривое полено, выплюнув клин, прищемило ему пальцы. Затем топором он едва не оттряпал себе ноги. Решил принести воды из колодца, для начала умудрился уронить ведро вниз, затем, выудив его, споткнулся и вылил всю воду на себя. Печь продолжала коптить. В довершение всего в доме не оказалось совершенно никакой еды.

— Как вы тут живете?

— Да так вот и живем. Разве ж это жизнь.

— Так занялся бы чем-нибудь, чем так лежнем лежать, — продолжал ругаться Санька.

— А зачем? — Мужик вдруг перестал причитать.

— Чего зачем?

— Зачем мне чем-то заниматься? Лень. Пройдет время, и все здесь снова пойдет по-старому. Занимаюсь я или не занимаюсь. Все и так идет своим чередом. Чему бывать, того не миновать. Человек как эта самая муха — жужжит, бьется, а будет ли из всего этого толк? Это очень большой вопрос. Если что и произойдет, то произойдет в любом случае, будешь ты дергаться или не будешь. Так что береги силы.

Санька слушал и неожиданно поймал себя на мысли, что хозяин в чем-то определенно прав. Кто-то колотится всю жизнь, и ничего у него не получается, а кто-то имеет все, абсолютно ничего для этого не сделав. Может, действительно незачем переживать, отнести ко всему спокойнее; бог даст, все образуется.

Между тем мужик нырнул в ворох тряпья, сваленного в углу, и вытащил оттуда початую бутыль.

— Тебя как звать?

— Санька. А тебя?

— Все кличут Лень. Можно просто Леха. Давай-ка мы с тобой за знакомство по маленькой...

— Я, понимаешь ли, не пью.

— Ты что, не русский?

— Что, только русские пьют? — ответил вопросом на вопрос Санька.

— Пьют все! — самоуверенно произнес Леха. — Каждому человеку на роду отмерено, сколько он за свою жизнь выпить должен. Раньше или позже. Я вот знал одного: не пил, не пил, а в сорок лет как начал. Лихой человек был. Золотые руки. В одночасье сгорел. А все почему? Потому что норму надо на всю жизнь растянуть. Тогда и здоровье будет.

Санька согласно кивнул. Терять ему было нечего. Он и так уже целую жизнь потерял. Так что один глоток никакой роли не играл. Первый раз, что ли.

Правда, опыт у Саньки был самый отрицательный. В последнем классе они с приятелем купили пару пузырей портвейна и лихо выпили на окраине поселка. Вся последующая неделя была прожита словно в стиральной машине. Ему было так худо, что с тех пор он спиртное в рот не брал.

Но это все осталось там, в прошлой жизни.

Потом был второй глоток, потом — третий. Санька ничего не ел со вчерашнего дня. А может, он уже не одно столетие голодает? В голову ударили хмель. Стало тепло и безразлично. Гори оно все синим огнем. Хотя жалко. Ой как жалко, ой как худо-о-о-о.

Колечко попыталось напомнить о себе, но с таким же успехом оно могло сжимать и полено у печи.

В голове у парнишки все поплыло, и последнее, что он увидел, это очумелый пол, который почему-то встал торчком и с размаху ударили его по лбу. Парнишка моментально отключился и очнулся только под вечер. Голова трещала.

Леха сидел и сосредоточенно разглядывал пустую бутылку.

— Если и случается в жизни что хорошее, так оно почтум-то и заканчивается быстрее всего. Закон природы, — горестно взлохнул он, переворачивая посулину горлышком вниз. — Даже не капает. Слушай, а у тебя ничего нет? Денег или вещички какой? Я бы сбежал. Тут недалеко хата есть, недорого продают.

Санька решительно вскинул брови вверх:

— Счас сообразим.

Одна ценность у него, помнится, имелась. Оставалось выяснить, какая и где? Что-то связанное с пальцами. Неуверенным движением он поднес к лицу левую руку и принял внимательно ее разглядывать, сморщив от напряжения лоб. Ничего необычного. Все как у людей. Очень хорошо, смотрим правую руку. Но из этой затеи ничего не получилось, рука не хотела отрываться от пола.

«Приkleился, — прошибла ужасная мысль. — Так теперь тут и буду до конца света сидеть».

Он со скрипом скосил глаза на пол, из последних сил пытаясь сконцентрироваться.

В глаза хлестнул яркий лучик серебра. В нем Санька увидел себя: помятого, немытого, с оплывшей физиономией.

Он потряс головой, нахмурился, малость пришел в себя и снова посмотрел на кольцо. Оказывается, оно зацепилось за гвоздь.

Неожиданно Саньке стало нехорошо: он почувствовал, как колечко сжимает ему палец, и обернулся.

«Братан» проснулся и, подняв голову, внимательно смотрел на гостя одним глазом. Второй глаз скрывала черная повязка.

— Кто это? — почему-то хриплым шепотом спросил Санька, у которого разом прошел весь хмель.

— Лихо Одноглазое, — так же шепотом ответил Леха.

Лихо тем временем широко зевнул и перевернулся на другой бок.

Санька перевел дух и поднялся.

— Знаешь что. Сам пей свою заразу. Сидишь, распустив слюни, больше никакого дела. А мне еще домой попасть нужно. С тобой свяжешься — точно в пищете под забором помрешь. С таким народом вообще никакое зло не победишь.

— Это ты зря, — серьезно проговорил Леха. — Вот все меня ругают, а я, может, заклинание придумываю. Новое. Такое, чтобы сразу всем стало хорошо.

— Чтобы всем сразу — такого не бывает.

— Ты в этом уверен? Жаль, если оно так, очень уж хочется.

Паренек поднялся, поискал воды, не нашел, выскочил за порог, полной грудью вдохнул свежий воздух и огляделся по сторонам. Солнце катилось к закату. Где-то совсем рядом репетировали свои трели соловьи. Редкие прохожие торопливо шагали к крепостным воротам. Похоже, снова чуть не опоздал.

Он припустился следом и вошел в город, нервно ожидая окрика: «Стой. Кто таков?», однако на него никто не обратил внимания; стражники лениво переговаривались, изредка поглядывая на странный, непонятно для какой надобности установленный столб.

Будущий победитель неизвестно чего и кого медленно тащился по узкой грязной улочке. Воодушевление, с которым он вошел в город, прошло, и теперь ему было очень муторно. Не выспавшийся, голодный, с глубокого похмелья, сейчас он хотел только одного: найти глухой угол, где его никто бы не тревожил, и там тихо умереть.

Живот недовольным бурчанием периодически напоминал, что неплохо было бы и поесть. Но еда на дороге не валялась, и шансов подкрепиться становилось все меньше. Ноги от длительной топотни отяжелели, совершенно отказываясь идти. Поэтому, когда за углом обнаружилась вывеска «Трактир «Три богатыря», они, эти самые ноги, не дожидаясь указаний сверху, самовольно повернули к раскрытым дверям.

Словно чертик из коробочки появился хозяин заведения. Худой и длинный словно жердь, с бесцветными бусинками глаз и жиidenькими, расчесанными на прямой пробор волосами. И хотя глаза его смотрели с подозрением, физиономия просто лучилась радушением. Пусть посетитель хоть на черта лысого похож, лишь бы деньги оставил.

— Чего желаете?

— Поесть бы, — запинаясь, проговорил Санька и тихонько добавил: — Правда, с деньгами проблема.

Только что широко улыбавшееся лицо презрительно сморщилось, тут же подмерзло и обернулось небольшой, но заметной лысиной.

— Не подаем-с, — раздалось в ответ.

— Может, сделать чего нужно? Дров там нарубить или водички поднести? — все так же нерешительно попробовал заинтересовать этот просто излучающий ледяной холод затылок Санька. Унижаться было противно, но уж очень хотелось есть. Не получив ответа и потоптавшись еще немного, он решил зайти с другой стороны. — А если веңь какую? Вместо денег.

Трактирщик не торопясь развернулся, с минуту раздумывал, словно решая, стоит ли вообще связываться с таким оборванцем, но затем, зевнув, пожал плечами и нехотя прошел:

— Валяй.

— Вот, золотая. — Санька носпешно снял с шеи цепочку, купленную на первую зарплату.

Будь он более внимателен, то заметил бы, как на мгновение наружу прступило плутовское нутро хозяина. Глаза дернулись из стороны в сторону; не смотрит ли кто, и тут же его физиономия приняла прежнее скучающее выражение.

— Безделица, — сказал он, но цепочку назад не отдал. — Трешка, не больше.

Из сказок да небрежно пройденных учебников по истории в Санькиной памяти осталось только то, что в старину имели хождение золотые и серебряные деньги, да перед революцией рубль был жутко дорогим. Поэтому цена могла быть названа любая, главное — обед. А еще сдача. Будут деньги на первое время.

Насосавшись, как паук, жиленького сунчику, Санька отвалился от стола. По всему организму разлилась приятная слабость, даже потянуло в дремоту. Хотелось просто сидеть и сидеть, но, к сожалению, на улице смеркалось, и нужно было найти хоть какое-нибудь пристанище на ночь.

— Эй, уважаемый, — позвал он. — Давай рассчитаемся. А то идти пора.

«Уважаемый» нехотя отклеился от стула:

— Можно и рассчитаться. Значит, так. Сорок и сорок — рупь сорок. Спички брали; два сорок. Водочка опять же. Ах, не брали водочки? А жаль. Да, вот еще пирожок лежит надкусанный. Как раз три рублика и набегает. Так что в расчете мы с тобой. Иди, дружок, иди.

С минуту Санька вникал в сказанное. Он то смотрел на пустую тарелку, то переводил взгляд на откровенно бесстыжую рожу. Для чего-то дважды в уме повторил и пересчитал сказанное. Наконец до него дошло, что на стене этого заведения табличка «Предприятие высокой культуры обслуживания» никогда не висела и вешать ее никто не собирается, а над ним просто издеваются, и он сгреб нахала в охапку.

— Либо ты отдаешь деньги, либо я тебя тут сейчас по столу размажу. — Таких наглых выходок он и в прежней жизни не спускал и теперь не на шутку обозлился.

— Пусти. Договоримся, — сипел полузадушенный хозяин, но, почувствовав, что хватка слегка ослабла, вывернулся ужом и засвистел. В дверях показались упитанные фигуры двух стражников.

— В чем дело?

Трактирщик вихрем метнулся за спины прибывшего подкрепления и оттуда показал на единственного посетителя пальцем:

— Голодранец. На дармовщнику нажрался, а платить не хочет.

— Кто голодранец? Да он сам вор... — начал было Санька, но дальше эту тему развить не успел. Стражники дружно затопали в его сторону, и один из них, не говоря ни слова, так двинул ему рукояткой меча в зубы, что от такого дружеского приветствия тот, естественно, уехал под стол, сбив по пути пару лавок.

— Господи. Можно подумать, что я все последнее время роль Пьера репетирую. Одни подзатыльники да тумаки, — начал заводиться парнишка, застряв под столом. — А эти-

то, грызлы. Чисто ОМОН в ночном дозоре; ни здрасте тебе, ни до свидания. Руки за голову, носом в землю.

Но омоновцы были ребята повыше, покрепче, а эти дядьки, похоже, особой силой не отличались.

Еще продолжая кувыркаться, Санька, вспомнив прошлые тренировки, машинально сгруппировался и, когда второй стражник попытался ткнуть его тупым концом бердыша, уклонился в сторону, а в ответ заехал тому ногой в лицо. Затем, вскочив, схватил скамью. Скамейка была удобная. Увесистая. И двух молниеносных ударов хватило, чтобы нападавшие, словно мячики, разлетелись по разным сторонам.

— Один-один. Ничья, — подвел итог Санька. — Итак, может, сядем за стол переговоров?

Но, мириться эта тупоголовая парочка, по всей видимости, не собиралась. Напротив. До сих пор никто и никогда не оказывал им сопротивления. Это был первый случай, и он не лез ни в какие ворота. Стражники просто не поверили, что такое может быть. Они сосредоточенно сопели и готовились ринуться в новую атаку.

— И до чего настырный народ пошел. Готовы убиться, лишь бы по-ихнему было. А так совсем нельзя. Нет чтобы сначала поинтересоваться: что и почем, можно ли, не опасно ли. Здоровое любопытство облегчает взаимопонимание. Да и вообще, дяденьки, пора заканчивать. Приличные граждане давно спят, а не бегают друг за дружкой. И у меня есть забота поважнее, чем тут с вами кулаками махать. Эдак я никогда до дома не доберусь.

В это время первый стражник снова решил напасть и бросился вперед, выставив перед собой меч. Санька сделал шаг влево, пропустил меч мимо себя, правой рукой ухватил нападающего за рукав и, слегка изменив направление движения, придал ему дополнительное ускорение. Тот с размаху врезался лбом в столб, подпирающий потолок. Сверху посыпалась труха, а бедолага тихо, без звука, съехал на пол.

Трактирщик с чугунком в руках попытался исподтишка подкрасться сзади, но ему был отведен такой удар ногой под

зад, что он, скрестив руки за спиной, закудахтал как петух и запрыгал на одном месте.

— Ишь ты, попрыгунчик какой, — хмыкнул Санька и тут же, увернувшись от бердыша, ударом кулака, отправил второго вояку в глубокий нокаут.

— Гейм овер. Ввиду явного преимущества чемпионом города и окрестностей назначаюсь я. Все довольны, можно аплодировать.

Он поднял вверх руки со сжатыми кулаками, слегка поклонился воображаемым зрителям и оглядел поле боя. Эта быстротечная схватка разом сняла все напряжение, накопившееся внутри: и тут жить можно.

Настроение у него сразу улучшилось, и даже появилась шальная мысль, а не загнать ли обидчиков в печь, погреться.

Внезапно двери трактира широко распахнулись, и на пороге появился целый вооруженный отряд.

— Стоять! — зычным голосом гаркнул один из вошедших. Высокий, широкоплечий, с аккуратно расчесанными светлыми волосами и небольшой бородой, — судя по одежке, он был главным. — Что за погром?

«Кажется, вляпался, — уныло подумал Санька. — Сейчас трактирщик опять наврет в три короба, что во всем виноват я, и пожалте в кутузку. Вот это отныне и будет для меня дом родной. Но я на это не согласный». И он шагнул вперед.

— Жулики тут некоторые, обсчитывают. А вот эти, — он указал на помятых стражников, — вместо того, чтоб разобраться, сразу дрались начали.

Командир повернулся назад, что-то сказал вполголоса, затем уселся на лавку и поманил парня к себе.

— Как кличут?

— Санька.

— Ты никак считать умеешь? Может, и грамоту знаешь?

— Есть немного.

— Это хорошо. Да и силушкой тебя, похоже, бог не обидел. Здорово ты их кувыркал.

Санька смущенно промолчал.

— А почему я тебя раньше не примечал? Ты что, не здешний? — продолжал расспрашивать старший, посматривая на перстень с ярко-голубым камнем.

— Да вот пришел счастья искать, — схитрил Санька. Не рассказывать же, что он собрался их всех спасать, хотя не знает, от чего и как. Примут за ненормального.

— Ладно. Этот шельма трактирщик у нас уже давно на примете, так что ему вперед будет наука. Теперь с этими двумя разберемся. Ого, Хряковы дворовые. Интересно, с каких это пор царский советник за порялком в городе следить начал? А нубрысь отсюда, пока не накостылял по шее. — Он снова повернулся к парнишке. — А вот ты, не хочешь ли у меня в дружине послужить? Я Липуня. Воевода. И ты царев человек будешь. Это тебе не пирожки с капустой. Кров. Стол. За хорошую службу и награды немалые. Ну как, согласен?

Санька от радости совершенно растерялся, не зная, что и сказать. Минувшие события вихрем промелькнули у него в голове. Ему дико повезло; сразу же попадал во дворец, а там и до царя рукой подать. Очень неплохое начало, и если так и дальше пойдет, то завтра разговор с Берендеем, а послезавтра — домой.

Воевода принял его молчание за согласие.

— Утром подходи к дворцу. Пойдем к царю. — Липуня встал.

Санька недолго думая поднялся следом. Оставаться на ночь в трактире рядом с кровососом хозяином? Да никогда. Лучше на улице, под забором.

— Я... это... сразу туда пойду. Если закрыто будет, обожду немного. Зато че опоздаю.

Воевода улыбнулся:

— Ночевать негде? Пошли определю на сегодня, а там видно будет.

— Один момент, — попросил паренек и надвинулся на бледного хозяина заведения: — Как там моя сдача?

Трактирщик торопливо сунул руку в карман и, не глядя, высипал горсть монет.

— Вот это по-божески, — кивнул Санька и выскоцил за воеводой.

Пройдя почти через весь город, они вышли к самой крепостной стене и, повернув несколько раз, наконец попали в небольшой тупичок, где стоял маленький, едва заметный среди разросшихся лип домик.

— Здесь пока жить будешь, — указал на дверь Липуня. — Завтра я сам за тобой зайду.

Наступило утро. Санька проснулся ни свет ни заря. Настроение у него было самое радужное. Сейчас во дворце встреча с Берендеем. Быстроенько узнаем, кто и где нахулиганил, выискиваем это самое Зло, а остальное — дело техники. Сразу же, утром, собираем дружины, естественно, возглавляем ее, раз никто другой справиться не может, и ведем в бой. После обеда порок наказан, правда торжествует. Все довольны и кричат «Ура». Задание выполнено, и — привет Средневековью. Да, забыл еще про пир по случаю освобождения.

И вот дежурный караул направился во дворец. Новичок, по традиции, шел в конце отряда, без оружия. Его должны были сначала показать Берендею, так как все вопросы касательно дружины решал только царь. Все-таки его личная охрана.

Санька шел, разинув от удивления рот. Вчера вечером, после всех пережитых злоключений, его бедная, усталая голова совершенно не воспринимала окружающий мир. Сегодня же, напротив, все вокруг сияло яркими красками. Перед ним словно ожил школьный учебник истории. Деревянные хоромы. Народ, одетый в одежду, за которую любой этнографический музей заплатил бы бешеные деньги.

Он так засмотрелся по сторонам, что случайно наступил на мирно дремавшую в луже свинью. От такой бесцеремонности хрюшка завизжала как резаная, громко выражая свое возмущение. Санька дернулся, поскользнулся и во весь рост растянулся рядышком.

За спиной раздался звонкий девичий смех. Весь пунцовый от стыда парень вскочил и развернулся к насмешнице. Но словно горячая волна прокатилась по всему его телу. Перед ним стояла и весело смеялась невысокая, с длинными, до пояса, волосами, веселыми зеленоватыми глазами девица-красавица. Он покраснел еще больше, смущенно улыбаясь и совершенно не зная, что же предпринять: попытаться объяснить хохотушке, что не такой уж он и увалень, или бежать догонять отряд.

Пока он собирался с духом и искал подходящие слова, во двор выскочил мужичок в заношенном халате и налетел на прекрасную незнакомку.

— Василиса. Ты, енто, что же вытворяешь? Прыщ... Тыфу ты. Прынц заморский уже два часа мается, тебя дожидаешься, а ты тут представление устроила.

Как ни готовился Санька к этой встрече, но у него от такой необычной ситуации округлились глаза: «Да это же сам Берендей. С ума сойти. С живым самодержцем рядом стою. И царевна рядом. Эх, фотоаппарат бы сюда, да щелкнуться на память, а то ведь потом не поверят», — мелькнуло у него в голове.

Царь тем временем продолжал прыгать вокруг дочери.

— И за что мне такое наказание? Была бы мать жива, она бы тебе быстро мозги прочистила. Уже стольким женихам от ворот поворот дала. Позорище. Скоро старухой станешь, а все в девках ходишь. Марш во дворец.

Василиса сложила руки на груди:

— Пусть ваш принц заморский катится в свое тридевятое царство-государство. Я не собираюсь состоять при нем всю жизнь трехсотой женой.

— Ну почему трехсотой. Будешь первой. Девка ты у меня боевая...

— Батюшка, я вам уже сто раз говорила, что замуж не собираюсь. Не видела я еще того молодца, кто мне подойдет. Он должен быть умным, смелым, красивым. На руках носить. Любить меня. Понимаешь, любить.

— Глупости. Поживете вместе год-другой — слюбитесь. А мне давно пора терем ремонтировать. Да на границе тревожно стало: сила темная, необъяснимая пошаливает; без союзника, хоть плохонького, никак не обойтись. А любовь — она зла...

— То-то от козлов отбою нет.

— Молчать! Вырастил на свою голову. Больно умная старла. Живо замуж, говорю.

— И не подумаю.

— Ах ты супротив отца родного? Так я тебя за первого попавшегося встречного-поперечного отдам! Во! — Берендей ткнул пальцем Саньке в живот. — Самый что ни на есть первый встречный. Назначаешься зятем. Можешь полюбоваться на свою невесту.

— Еще чего. Оно мне надо, — пробормотал кандидат в родственнички, а про себя подумал: «Тут нужно поскорее к себе, в свое время, выбираться, а не семьей обзаводиться».

— Что? И этот спорит! — взвился Берендей. Он начал носиться теперь уже вокруг парня, подпрыгивая и потрясая в воздухе маленьким кулачком. — Бунтовать! В холодную! На дыбу! Четвертую!

Санька, как только на него начинали кричать, моментально ощетинивался как ежик и лез в драку, не разбираясь, кто перед ним. Вот и сейчас он начал тихо закипать: «Черт лысый, орет тут».

Василиса, наклонив голову набок, с минуту разглядывала обоих, затем неожиданно поймала отца за полу халата и медленно, с расстановкой, произнесла:

— Пошли к твоему чуду заморскому. О свадьбе поговорим.

Царь вмиг успокоился и, не взглянув больше на несостоившегося жениха, быстро засеменил во дворец. Царевна шла рядом и у самого входа оглянулась. К парнишке, продолжавшему стоять столбиком, уже бежал воевода.

— Ты что, сдурул? С самим царем споришь.

— Да я...

— Никаких «я». Скажи спасибо Василисе, отцу глаза отвела. Пошли скорей отсюда, а то он неровен час вернется. Тогда уж никто тебе не поможет. — И он потащил парня прочь со двора, подальше от этого места.

Санька шел, спотыкаясь, ему вдруг захотелось еще раз увидеться с царевной, но Липуня крепкой рукой толкал его впереди себя.

Во дворце по залу слонялся заморский жених. Увидев, что царская семья приближается в полном составе, он расшаркался и расплылся в широкой улыбке.

— Я имею счастье видеть самую прекрасную даму на всем белом свете. Вы даже прекраснее, чем вас описывали. Мне нужна именно такая жена: трудолюбивая и с хорошим приданым.

Василиса медленно подошла к будущему правителью тридевятого государства, ласково посмотрела на него и, нежно улыбаясь, спросила:

— А зачем тебе жабу в жены брать?

Принц вздрогнул и попятился.

— О, мой бог, что такое? Обманули. На портрете, который мне прислали, совершенно другая девица нарисована. А это какая-то уродина. И этот старый скряга в придачу всего полцарства дает? Да целого государства мало, чтобы на ней жениться. — И он со всех ног, спотыкаясь, кинулся к выходу. — Кругом одни жулики. Никому нельзя верить.

Василиса усмехнулась и повернулась к отцу.

— Папуля, гляди. Сбежал женишок-то. И даже попрощаться забыл. Невежливый такой попался.

Царь без сил опустился на трон.

— Горе ты мое, — только и смог он проговорить, глядя на дочь.

Она рассмеялась.

— Значит, не судьба. И я тебя, кстати, предупреждала. Говорила, какой муж мне нужен. Ну а раз желающих на полцарства больше нет, то и я пойду. Погуляю.

Хлопнула дверь, и каблучки царевны застучали по ступенькам. Из-за трона высунулась голова советника.

— Ух и шалунья у вас дочка, — хихикнул он.

— Тебе бы мои заботы, — удрученно вздохнул Берендей. Он и не подозревал, как был близок к истине.

Царская дочь оставалась одной из самых больших головных болей Хряка. Еще задолго до того, как ему в голову втемяшилась бредовая идея стать царем, он пытался избавиться от Василисы.

Однако царевна росла наперекор всем козням советника. Или же ей сильно везло, или ее защищал кто-то еще более могущественный, чем он или даже Серый Орден.

Тайно изготовленное зелье, мгновенно убивающее самого здорового человека, было разлито по полу неуклюжим поваром, который наступил на неизвестно откуда взявшегося кота. Красивую игрушку, пропитанную ядом, уташила прямо из-под носа ребенка злорвенная крыса. Когда же Хряк изготовил похожую на царевну куколку и приготовился, прочитав заговор, проткнуть «царевну» иглой, у куклы медленно раскрылись глаза. Этот ледяной взгляд, остановивший его у детской колыбельки много лет назад, советник запомнил навсегда: в момент его прошиб холодный пот, руки задрожали, и вместо амулета он воткнул иглу себе в руку.

И вдобавок ко всему Василиса почувствовала в себе волшебную силу и, пока еще робко, пыталась ею пользоваться.

Все это сулило советнику в будущем одни лишь крупные неприятности да казенный дом, из которого не было выхода.

Не сумев извести царевну колдовством, Хряк решил: лучший вариант — выдать царевну замуж, чтобы ее увезли как можно дальше от родного дома. Советник искал женихов по всем заморским странам, рассчитывая следом за Василисой отправить и Берендея, а самому оставаться наместником. А там и до трона рукой подать. Поэтому его просто корежило, когда он видел, с какой легкостью царевнаправлялась с претендентами на ее руку и сердце.

* * *

Василиса, выбежав во двор, принялась искать смельчака, который не побоялся перечить самому царю. Ей пришелся по душе этот молодец, и, увидев его, она пошла навстречу, как вдруг все вокруг исчезло, а остался только Санька; он неподвижно лежал на широкой лавке со скрещенными на груди руками. Василиса прикрыла глаза, а когда снова открыла их, видение исчезло. Проходя мимо Саньки, она проговорила:

— Один в поле не воин.

Тот в растерянности уставился на Липуню.

— Чего это она?

— Не знаю. Но только она любого человека насквозь видит и судьбу его предсказывать может. Она волшебница.

Санька замотал головой:

— Хватит врать. Царевна и волшебница в одном лице — такого не бывает. — Но тут же, вспомнив про Баюна и Кашея, прикусил язык.

Воевода внимательно посмотрел на него и вытянул руку, на которой был перстень с камнем небесно-голубого цвета.

— Странно, но перстенек показывает, что ты свой. И в трактире он тебя сразу отметил. А говоришь чудно.

— Да я ничего. Это я к тому, что иногда даже просто не верится, какая у нас замечательная царевна, — начал срочно выкручиваться молодец.

— Это точно, — расплылся в улыбке воевода. — Нашу Василису все любят. Даже нечисть, и та большого вреда не делает, хотя, как мне думается, они ее боятся и связываться не желают. А уж шалунья какая, то птичкой, то зверьком лесным обернется...

— А котом может?

— Каким котом? При чем тут кот? — опешил Липуня. — Сказано тебе — зверьком: белочкой, лисичкой.

— Уведи его, и не медля, — прервала Василиса воеводу. — Царь в баню собрался, ну как опять встретятся? Завтра придете, а ежели и тогда батюшка на вас серчать будет, меня позвовете, помогу.

— Давай, давай, пошевеливайся. — Воевода вышиб Саньку за ворота дворца и неожиданно весело хохотнул. — Скажешь тоже, в кота. Сам ты кот драный.

Новый день вползал во двор под монотонный шум дождя. Санька высунул нос на улицу. Сыро, тускло, противно. Вот и с царем неизвестно как — договоришься ли? А тут еще новая заноза появилась, Василиса.

Во дворец они прошли через черный ход. Царь сидел на троне, подперев рукой голову, хмуро посматривая на вошедших.

— Царь-батюшка, я тебе на смотрины новичка привел. Санькой кличут. Страсть какой смышленый, грамоту разумеет. И силушкой бог не обидел. Будет тебе верным слугой.

— Все они поначалу верные, пока не оботрутся, — прорвичал Берендей. Настроение у него после вчерашнего бегства заморского жениха все еще было неважным. — Ну да ладно. Показывай своего мальца. Ежели он таков, как ты его расписал, тогда ничего, пусть служит. Ежели проштрафится, так я прикажу его казнить. Другим наперед наука: мол, царь-батюшка борется с лиходейством и казнокрадством. Народ, само собой, доволен будет; все-таки какое-никакое, а развлечение.

Берендей нехотя покинул трон, обошел вокруг Саньки с Липуней и вдруг насторожился:

— Чем-то личность эта мне знакома. Где-то я ее уже видел.

Он остановился напротив и, поджав губы, склонил голову набок. Затем радостно потер руки и вернулся назад, на престол.

— Так, вспомнил. Попался, голубчик. Это ты вчера выказал неуважение к нашей царской особе. Спорил. — Тут Берендей выпрямился, стукнул кулаком и, повернувшись к воеводе, закричал: — Ты кого мне подсунул? Змея подколодного? Бунтовщика? Ежели он со мной счас препирается, что дальше будет?

Санька стоял ни жив ни мертв. Дело принимало дурной оборот. И если до сих пор ему в основном везло, то сейчас, похоже, госпожа Удача оставила его на произвол судьбы. Да и то, дама она капризная, с одним человеком долго возиться не любит.

— Отец родной, — прогудел воевода, — так ведь перстенек волшебный показал, что он наш человек. Василиса, опять же, его видела. Сказала — сгодится.

— Василиса, говоришь? — Берендей замер с поднятой рукояткой. Он слез с трона, снова несколько раз обошел вокруг Саньки и сунул ему под самый нос перстень с точно таким же голубым камнем, как и у воеводы. — Хм... Действительно. Свет чистый.

Сделал еще один круг, подергал себя за бороду и уселся на подоконник, разглядывая паренька.

— Оно конечно, ежели Василиса сказала, тогда спору нет. Ладно, бери его себе в дружину. На постой определи, а там видно будет, что он за птица.

Не успели Санька с воеводой скрыться за дверями, как в комнату просочился советник, бледный словно полотно. Он разглядел на Санькином пальце серебряное колечко. Вот она, погибель. Что делать? Одно спасение — объявить Саньку злым колдуном, наводящим на людей порчу, и отрубить ему голову.

— Ты, конечно, царь, и не мне тебя учить, но... Не нравится мне этот новенький, — начал исподволь Хряк. — Подрывает царский авторитет и, чует мое сердце, на Липуню, хорошего человека, мороку навел. И Василису околдовал.

— Скажешь тоже, Василису. Да не родился еще тот злодей... Да и колечко признало в нем своего.

— Береженого и бог бережет. Давай проверим его. Пусть он сегодня ночью тронный зал посторожит.

— Хм... Ну и шуточки у тебя, однако. Человек первый день на службе, а ты ему такую бяку подложить хочешь. Если он с испуга помрет, воевода тебе этого никогда не простит.

— Зато проверим. Помрет — значит хороший человек был. Вспоминать добрым словом будем. Я ему даже свечку

поставлю. Большую, на пятак. Но коли ничего с ним не случится, то прав я: колдун это.

— Постой, постой. Какой колдун? Охранный амулет, что у ворот стоит, ни о чем таком не предупреждал. Или он не действует? Это ведь твоя идея была.

Советник бухнулся на колени:

— Да пусть я лучше кругом виноватым окажусь, невинного человека нечистью назвав, чем царевну, голубушку нашу, чужак-злыдень со свету сживет.

— Умеешь ты убсдить, — почесал в затылке Берендей. — Ладно, будь по-твоему, заворачивай Липуню с этим новеньkim обратно. Для испытания.

— Сегодня ночью будешь охранять Большой зал. Трон, картины, чуток военных трофеев, да еще кой-какая мелочишко. Смена утром. Потом отдых. Все ясно? — Советник обвел рукой огромное пустое помещение.

— Угу, — зевая, отозвался Санька. — Тоже мне проблема. Двери на запорах, решетки в окнах. Не дежурство, а одно название.

— И чтоб на царское место не садиться. — Берендей показал Саньке кулак. — Голову откручу, ежели замечу.

— Раз все ясно, тогда с богом. — Хряк еще раз осмотрел зал. — Да, чуть было не забыл. Мы тебя на всякий случай запрем, так что если какая надобность, то терпи до утра.

Щелкнул замок, и наступила тишина.

Стоять на часах — нудное и безнадежно скучное занятие. Поначалу еще можно было развлечься разглядыванием обстановки, но вскоре совсем стемнело. Редкие свечи давали мало света, вытягивая тени в длинные причудливые узоры. Стоять на месте радости мало, а сесть не на что: из всей мебели на весь зал был один царский трон. Во время приемов сидел только Берендей, все остальные стояли. Санька привалился к дверному косяку и, уныло разглядывая расписной потолок, подумал, что не так уж она и хороша, эта царская служба.

«А может, мне температуру смерить, не заболел ли я? Вместо того чтобы домой добираться, в дружинники определился. Нормальные люди давно спят, и все, между прочим, дома. А где мой дом? Где моя подушка? Никто не знает».

В зале стояла полная тишина. Потянуло в сон. Глаза не-произвольно закрывались.

Сразу начали раздаваться какие-то странные стуки, вздохи, шаркающие шаги. Санька приоткрыл один глаз. Звуки прекратились.

«Уже сны снятся», — подумал он, встремился, нехотя отклеился от стены и решил еще раз пойти прогуляться. Но не успел сделать и двух шагов, как у него за спиной кто-то бегом пробежал через весь зал. Он резко обернулся. Никого.

Откуда-то сбоку налетел шальной порыв ветра, и половину свечек задуло.

«Какой еще идиот двери внизу открыл, сквозняк устроил?» — со злостью подумал Санька. И тут его бросило в жар: двери-то закрыты; откуда тогда ветер дует?

Внезапно раздался громкий стук в дверь. Он подошел к двери и почему-то осипшим голосом спросил:

— Кто?

В ответ гробовое молчание, а затем забарабанили в окно. Санька на цыпочках, едва дыша, подкрался к окошку и попытался разглядеть хоть что-нибудь снаружи. Но на дворе стояла сплошная темень, и ничего не было видно.

«Наверное, дерево ветром качает».

Охрана царского дворца на деле оказалась не таким уж безобидным занятием, как представлялось поначалу. И от часовного, похоже, требовались очень крепкие нервы. Сзади заскреблись. Он моментально развернулся и выхватил меч. Ладонь, судорожно сжимающая рукоять, стала скользкой от пота. Невидимая опасность всегда кажется намного страшнее и больше, чем она может быть на самом деле.

Вдруг стены зала потряс сильный грохот, за окном мелькнула яркая вспышка, и в дальнем углу зала появилось слабое мерцание. Санька замер. От страха у него начало подергиваться ухо. Он выставил впереди себя оружие и с ужасом

ждал, что же будет дальше. Между тем свечение становилось все ярче и ярче, пока перед перепуганным часовым не возникло зыбкое видение: седобородый старик с высоко поднятыми руками.

— У-у-у-у... — завыл ночной гость.

— Фу ты, господи, — обмяк Санька, увидев, что это все-таки-навсегда привидение.

Он уже настолько привык к таинственному и волшебному, что появление призрака показалось ему чем-то само собой разумеющимся.

К тому же от привидения неожиданно повеяло чем-то родным, далеким. Ведь что ни говори, а вокруг в основном были сказочные персонажи. И вот сейчас перед ним впервые, можно сказать — наяву, предстал один из тех, которых и в прошлой (то есть будущей) жизни было предостаточно. Все мало-мальски уважающие себя издания пестрели сообщениями об аномалиях, НЛО, барабашках и прочих потусторонних явлениях. С ними встречались на каждом шагу по десять раз на дню. Одному Саньке не везло. То ли веры было маловато, то ли сами привидения обходили его стороной. И вот оно, явление: живое и... вредное. Пугать вздумало.

А чего пугаться? Если есть старинный дворец, то в нем просто обязано жить жуткое привидение. Иначе что это за дворец.

К тому же, объявившись привидение в другой обстановке, быть может, все и повернулось бы по-другому. Сейчас же измученному часовому больше всего на свете хотелось завалиться подремать в какой-нибудь угол и хотя бы пару минут не видеть ни этого зала, ни этого гостя. Поэтому он безразлично взглянул на старика и побрел дальше. Призрак оторопел, ошарашенно уставился на удаляющуюся спину, а затем снова забежал вперед.

— У-у, — неуверенно повторил он.

— Не ори, — пробурчал Санька.

— Кто? — окончательно изумился призрак.

— Ты. Спать давно пора, ночь на дворе.

Привидение опустило руки и уставилось на парня:

— Так мы это, того, только по ночам и ходим. А ты что, совсем не боишься?

— Кого? — теперь уже удивился молодец.

— Меня. Я ведь самое страшное проклятие этого дворца.

— А мне-то что. Я здесь человек новый. — Санька почувствовал, что ему совершенно расхотелось спать. — Слушай, дед, а не расскажешь ли ты мне свою историю? Глядишь, и время быстрее пройдет.

Призрак немного помялся, затем пристроился рядом:

— Знаешь, ты первый человек, который решил меня выслушать. Все остальные обычно разбегались, если успевали, конечно, или падали в обморок.

— Меньше вить нужно. Да мне и бежать-то некуда. Двери заперты, до утра далеко, и делать абсолютно нечего. Вы создания бесплотные. — Он просунул руку сквозь привидение. — Почему я должен бояться?

— Тогда сиди и слушай. Я — прадедушка Берендея, царя нынешнего...

И царский прадед начал повествование о своей прошлой жизни и о том, как его подсидали родственники.

История была длинной и запутанной. Прадед постоянно сбивался, перескакивал с одного на другое, иногда, для полноты впечатлений, подпрыгивал и летал по залу.

Саньке было хорошо. Он сидел, прислонившись спиной к трону, и мирно дремал, тихо посапывая под монотонное журчание рассказа. Иногда, правда, старик замолкал, но парнишка слегка приоткрывал глаза и говорил: «С ума сойти». Ободренный таким вниманием призрак продолжал дальше свою печальную повесть.

Время потихоньку шло, и темнота за окном постепенно расплззась по щелям. Когда Санька в очередной раз открыл один глаз, то дернулся и вскочил: дверь в зал была приоткрыта, а в образовавшейся щели торчали две головы с разинутыми от удивления ртами.

— Карапул бдит! — лихо отрапортовал часовой и вытянулся по стойке «смирно».

Привидение, поперхнувшись на полуслове, поглядело вслед за Санькиным взглядом и, увидев новых слушателей, взлетело и радостно завыло:

— У-у-у-у.

Раздались два глухих удара об пол: царь и воевода лежали на полу без движения.

Прадед облетел вокруг них, удовлетворенно хмыкнул и вернулся назад к Саньке, который вытаращенными от удивления глазами наблюдал за происходящим.

— Что я говорил — готовы, голубчики. Ну а мне пора — скоро петухи третий раз пропоют. Спасибо за компанию. Будет время, приходи еще, побеседуем. Кстати, раскрою одну маленькую тайну: ко мне Василиса, дочка Берендея, иногда заглядывает. Замечательная, я тебе скажу, девица. Можем на троих в «дурачка» перекинуться. Бывай, я пошел. — И царский родственничек исчез.

Санька подскочил к царю и начал его трясти. Тот медленно открыл глаза:

— Где?

— Растворился.

Рядом зашевелился Липуня.

— Ты брат, того, даешь.

— А что такое?

Берендей уселся на пол:

— Это прадед мой убиенный. По дворцу шастает, людей изводит. Он грибками отравился, теперь ищет, кто ему эти грибки подсунул. Житья от него нет.

— Знаю, рассказал он мне эту историю. Я, правда, в именах запутался. Кто и с кем. Да он и сам, по-моему, уже плохо все это дело помнит. И неудивительно, столько лет прошло. А так неплохой мужик. Вы-то его чего боитесь? Не вы же травили.

— Прадед обычно появляется перед всяческими неприятностями. После того, как его в последний раз видели, я зуб сломал, — с серьезным видом ответил Берендей. Он встал, отряхнулся и подозрительно прищурился: — А по-

чему ты его не испугался? А почему он тебе свою байку рассказал? А почему...

— А уж не хотел ли кто, чтобы часового отсюда вперед ногами вынесли? — В дверях стояла Василиса.

— Да ты что?! Скажешь тоже, даже обидно становится. Обычная предосторожность, проверка, так сказать. Теперь вижу: орел, а не парень. Ладно, — царь похлопал молодца по плечу, — так и быть, прощаю. Будешь у меня с нечистой силой бороться. А то она в последнее время совсем распоясилась.

Санька сначала хотел возразить, что все это сплошное везение и он-то тут как раз и ни при чем и произошло все это чисто случайно. Но, вовремя вспомнив поговорку «Не знаешь — молчи, знаешь — помалкивай», решил рта не открывать.

Кроме того, как ни странно, но ему тут начинало нравиться. Не так уж все вокруг и плохо; и приключения не такие жуткие, как показалось поначалу, и друзья появились. Сейчас вот сам царь на службу пригласил. И Василиса...

На радостях Санька и Липуня отправились в ближайший трактир праздновать успешное боевое крещение.

Едва они скрылись, как в тронный зал через потайную дверь вбежал советник. Все это время он стоял, прислонив ухо к замочной скважине, и от злости грыз ногти, ругаясь про себя: «Пора, пора менять царя. Совершенно неуправляем стал. Вечером говорит одно, утром другое. Не правитель, а тряпка».

Однако, бухнувшись в ноги Берендею, он закатил глаза и начал рвать на себе последние волосы:

— Отец-благодетель, ты что делаешь? Змеюку на груди пригреть хочешь. Он же с нечистой силой связан. Сам посуди, разве может обычный человек после твоего прадедушки, не в гнев тебе будет сказано, в здравом уме оставаться? Колдун он, у кого хошь спроси. Замышляет тебя короны лишить.

— Да успокойся. Я ему давеча предлагал Василису да полцарства в придачу, не согласился.

— Глаза отводит. Хочет все царство целиком заполучить.

— Пусть берет. Стар я стал, на покой хочется, внучков понянчить.

— Где это ты видел царя на отдыше? Для вас покой только вечным быть может. А Василису он или в темницу запрет, или вовсе отравит, а себе из-за моря новую жену привезет.

— Что? — Берендей аж подлетел под потолок. — Кровинушку мою в темницу? Я ее растил, ночей не досыпал, не доедал, не допивал, не... А ты не врешь?

— Делать больше нечего. Ты сам-то умом пораскинь. Парень только появился, а воевода за него? За него. Василиса глаз не сводит? Не сводит. Прадед твой, призрак недоделанный, с ним справиться не смог? Не смог. Все признаки налицо. Колдун это — злой, коварный и мстительный.

У Берендея округлились глаза, и он заметался по залу:

— Я чувствовал, ох как чувствовал. Хотел же этого злодея в холодную посадить, не дали. Твоя правда, околдовал он всех. Что делать? Что же делать? Давай думай живее. Ты у меня советник или пустое место?

— Нужно отправить его на Дальнее болото. Места там гнилые. Нечистая сила шалит. Не один богатырь бесследно сгинул, и этот обязательно пропадет.

— Мудро, — восхитился царь. — Эй, кто там! Саньку во дворец. Живо!

В ЗАКОЛДОВАННЫХ БОЛОТАХ...

Добраться до трактира Санька и воевода не успели, их догнали и парнишку завернули назад.

— Пойдешь на Дальнее болото, — сквозь зубы прошел советник. — Там целебные травы растут. Царь головой мается, нужно подлечиться.

— Ты чего мелешь? Какая голова? — взвился Берендей. — Если у тебя самого с головкой не в порядке, так я ее вмиг вылечу. И ходить никуда не надо.

— Ты разве забыл, куда мы его посылаем? — зашептал перепуганный Хряк. — Это так, повод.

— Это не повод! — рыкнул в ответ Берендей. — И это ты забыл, что у нас, царей, болезней вообще не бывает.

— Хорошо, хорошо, — согласно закивал советник и, посмотрев на Саньку, пробурчал: — Пойдешь на болото. Принесешь разрыв-траву. Она счастье приносит. А еще она... Короче, получай царский указ — и вперед. Отправляешься немедля, а для пущей важности назначаешься посланником по секретной надобности.

— Царь-батюшка, позволь прежде слово молвить, — попытался встрять парнишка.

— Нет! — взвизгнул Хряк. — Опять супротив царской воли идешь. Заруби себе на носу: когда царь говорит — все молчат. Но это не означает, что, когда царь молчит, кто-то может разговаривать. Не выполнишь службы — познакомишься с палачом. Он, кстати, о тебе уже спрашивал, очень ты ему приглянулся. С чего бы это?

— Правильно. — Царь важно поднял вверх указательный палец. — Стража, проводите посла, да смотрите, чтоб не сбежал по дороге.

Знакомство с палачом совершенно не входило в Санькины планы. Поэтому, стиснув зубы, он только молча кивнул: «Ладно, еще это задание выполню, тогда, может, и получится разговор».

На крыльце с самым невозмутимым видом стоял воевода и поджидал парнишку.

— Василиса приказала проводить тебя немного.

Они вышли из города и углубились в лес. Липуня беззаботно шагал по дорожке, весело посвистывая. Санька шел следом и украдкой, с легкой завистью посматривал на него. «Вот это настоящий богатырь, которому все по плечу. Никогда бы не подумал, что обычные люди могут в сказке жить,

рядом с чудесами, — размышлял про себя парнишка, — впрочем, у нас колдунов да экстрасенсов тоже хватает. И ничего, даже в газетах объявления дают».

Он так задумался, что с размаху расплющил свой нос о широкую спину воеводы, который резко остановился и стоял, беспокойно разглядывая свой перстень. Камень, еще недавно голубой, стал тревожного черного цвета. Неведомая опасность нависла над путниками.

Молнией мелькнули темные тени, и из ближайших кустов на них бросились два волка. Воевода выхватил меч. Санька автоматически принял боевую стойку, но каким-то шестым чувством почуял, что за спиной возникла еще одна, гораздо более серьезная опасность. Он резко развернулся и увидел летевшего на него в длинном прыжке матерого волка. Времени на то, чтобы отразить нападение, не оставалось, Санька просто вытянул вперед руки и, упав под тяжестью животного, перекатился на спине, перекинув его через себя. Он немедля вскочил, но и серый уже стоял, оскалив пасть. Последовал новый прыжок, однако молодой богатырь на этот раз был готов к нападению и нанес зверю сильнейший удар, от которого тот покатился по земле.

— Посторонись! — подскочил Липуня и одним ударом меча добил хищника. Два других разрубленных трупа уже валялись на земле.

— Чего это волки на людей средь бела дня нападать вздумали? — удивленно спросил Санька.

— Волки, говоришь? Погоди немного, сейчас кое-что интересное увидишь.

Действительно, сквозь волчье обличье понемногу начали проступать человеческие черты, и спустя несколько минут на поляне лежали три мертвых человека.

— Вот тебе и волки, — проговорил воевода, убирая меч. — Оборотни.

— Про оборотней я знаю, — решил блеснуть своими знаниями Санька. — Это люди, которые ночью в волков превращаются и на одиноких путников нападают.

— Молодец. Придем домой, возьмешь с печки пирожок с капустой, — хмыкнул Липуня. — А заодно смекни: день на дворе, нас с тобой двое, да на беззащитных путешественников мы никак не похожи. Во загадка.

Он наклонился и стал внимательно разглядывать нападавших. Подошел поближе и Санька. Неожиданно он побледнел и схватил воеводу за рукав.

— Этого я знаю, встречались. Федя-скоморох. Мне кажется, он раньше нормальным человеком был.

Воевода задумчиво теребил бороду:

— Хм... Интересная петрушка получается. Стать оборотнем — пара пустяков. Хочешь — в волка, хочешь — в медведя. Некоторые в зверьков лесных малых превращаются. Но тут дело серьезное. У нас люди в волков обираются, чтобы девица какой-нибудь послужить или же невесту свою без лишнего шума выкрасить. У меня в дружине есть двое таких; так быстрее их никто до дальних застав не добирается. Если требуется известие какое передать, то лучше волка никто по нашим чащам не проскочит. Но чтобы на людей нападать. Такого еще не было. Точно. Их чья-то чужая злая сила в оборотней превратила. Не к добру это. — Он повернулся к парнишке: — А ты молодец, не сплоховал. Между прочим, твой противник покрупнее был, да и напал, когда мы на других отвлеклись, а это значит, что охотились на тебя. Вот тебе и другая загадка. Ты разгадки, случаем, не знаешь?

Санька пожал плечами. Оборотней он никогда в жизни не видел, дорогу им не переходил.

— Странно, странно, — снова повторил Липуня. — Пойду-ка я назад к царю. Расскажу. А тебе дальше идти. Василиса говорила, моя помощь только один раз понадобится.

Путь лежал мимо бересковой рощи. Молодые деревца росли близко к дорожке, и Санька от нечего делать шел и стучал по ним палкой. Как в детстве по забору, когда он грохотом поднимал на уши всех окрестных собак, а заодно и их хозяев.

Проходя мимо большого, раскидистого вяза, который стоял словно старый дед среди молоденьких девчат, он и на нем выбил барабанную дробь. Дерево возмущенно моргнуло. Парнишка осталбенел.

— Оно что, зрячее? — удивился он и снова стукнул палкой. Дерево мигнуло еще несколько раз. От удивления захлопал ресницами и Санька. Чудеса, да и только. Он тихонько подошел к вязу и рассмеялся. В середине ствола темнело дупло, из него и глядели чьи-то огромные глаза.

— Ау. Кто в тереме живет?

— Две с половиной мыши, — быстро ответили из темноты.

— Две чего? — не понял Санька.

Этот вопрос почему-то не понравился таинственному обитателю дерева. Раздался кашель, какой-то скрежет, стук, затем все смолкло, и после непродолжительной паузы недовольный голос спросил:

— Дразниться вздумал?

— Я не дразнюсь. Шел вот мимо.

— Раз шел, так и или.

— Насчет мышей не разобрал. Как это: полмыши?

— Челобитная царю. Жалоба на соседа. Список за здравие или за упокой. Прошение о помощи. Короче, за каждую бумагу — две мыши и один мышонок.

— А на кой мне твоя бумага?

Снова послышалось сопение, шуршание, и из дупла появилась всклокоченная совиная голова. Она подозрительно огляделась по сторонам, а затем спросила:

— Ты кто?

— Парень.

— Вижу, что не баба. Зачем пожаловал? Какую бумагу нужно?

— Налоговую декларацию. А то не спится, — съязвил молодец.

— Оброк, десятина? — невозмутимо уточнила птица.

«Ишь ты, — подумал Санька. — А все говорили, при царе плохо жилось. Налог-то всего десять процентов. А у нас...» Он снисходительно посмотрел на сову и усмехнулся:

— Да шучу я, шучу. Никаких мне бумаг челобитных или грамот не надобно. Еще одна писательница нашлась. Да я и сам, если хочешь знать, сочинять умею. Делов-то.

Раздался резкий удар, потрясший дерево. Это захлопнулся вход в дупло. Снова скрежет, невнятное бормотание, шум, и сова появилась откуда-то сверху. На голове у нее красовалось нечто, очень похожее на чепчик с большим козырьком. Этот невообразимый фасон привел Саньку в совершеннейший восторг, он хихикнул, но тут же прикусил язык, так как вид у совы был чрезвычайно мрачный.

— Не вижу ничего смешного. Днем солнышко слишком ярко светит, и от этого зрение портится, — прошипела птица, заметив, что паренек еле сдерживает смех. — Сейчас мы посмотрим, какой ты грамотный. Я тебе пару слов наговою, а ты попробуй их на бумаге изобразить.

Она протянула Саньке клочок бумаги, перо и чернильницу.

— Пиши: «Царь-батюшка. Нижайше бью челом и сознаюсь в прегрешениях своих, а потому смиленно отдаюсь в руки ваши и с радостью приму любую кару». Написал? Внизу крестик поставь. Можешь еще большой палец послюнявить, в пыль обмакнуть да в уголке приложить.

Подождав, пока Санька закончит «диктант», сова выхватаила у него из рук записку, прочитала, удовлетворенно ухнула и взлетела на ветку повыше.

— Гляди-ка, буковки выводить и в самом деле умеешь. Но, кроме этого, нужно еще иногда головой думать. Я эту челобитную сейчас стражникам отдам. Вон они, как раз с горки спускаются. Посидишь у них в холодной, ума-разума наберешься.

— Ты чего? Я ж тебе ничего плохого не сделал. Ну, пошумел немного. А ты сразу стражников.

— Нечего над старшими издеваться. Я, будет тебе известно, на всю округу самая умная. Народ кругом темный, безграмотный. Вот я людям и помогаю: за них бумаги составляю.

— Без бумажки ты букашка...

— Вот именно. Меня каждая собака знает, и я про всех все знаю. Ко мне отовсюду приходят. Уважают. Каждый чем может благодарит. А тут какому-то мальчишке скучно стало. Шутник выискался. Теперь моя очередь пошутить.

Санька перепугался. Он уже знал, с какой скоростью здесь вершится суд и чем обычно это заканчивается. Сейчас его, с этой бумагой, да к царю; у того плохое настроение, и все, называй последнее желание. Об этом даже думать не хотелось. Нужно было срочно исправлять свой промах.

— А я вот слышал, что вы — самые мудрые птицы на свете, — начал он от осознания неминуемой опасности заливаться соловьем. — Тыщу лет живете. Все знаете.

Он принял расхваливать весь совиный род и так разошелся, что назвал их промежуточной ступенью между животными и человеком, по ходу дела сделал маленькое историческое открытие, сообщив, что именно они, совы, с древних времен воспитывали всех известных философов, а заодно (жалко, что ли) музыкантов, литераторов и художников.

Сова, уже было приготовившаяся лететь, остановилась, склонила голову набок и принялась слушать весь этот бред, закрыв глаза. Наконец она встряхнулась и кинула бумагу вниз:

— На, забери. Пользуйся моей добротой, поросенок несчастный.

— Согласен на хрюшку, — облегченно вздохнул парнишка; гроза, похоже, миновала. Он вытер рукавом вспотевший лоб и беспечно махнул рукой: — Хоть мышом назови, лишь бы на завтрак не съела.

— Нет, ты точно непутевой. Ты откуда такой взялся и как дальше жить собираешься? Слово, вслух сказанное, на человека сильно повлиять может, и если назвать человека несколько раз свиньей, так он обязательно захрюкает. Хотя чего я объясняю; молодежь нынче старших не слушает, больше граблям, что под ногами валяются, верит. Вот ты хоть и грамотей, а пишешь-то с ошибками. А еще колечко надел, — ворчливо проговорила птица, взмахнула крыльями и, не сказав больше ни слова, улетела.

* * *

Что люди умеют лучше всего, так это создавать себе проблемы. Проводив взглядом сову, Санька посмотрел на кольечко. Действительно, раз оно волшебное, то должно ему всячески помогать; сейчас, к примеру, показать короткую дорогу на болото. Недолго думая он повернулся прямо в лес.

Но как аукнется, так и откликнется, и, двигаясь наугад, можно запросто очутиться в глухомани. В такую чащу попадать ему еще не доводилось. Настоящий медвежий угол, темный и мрачный, по которому можно кружить всю оставшуюся жизнь, но так и не найти выхода.

Когда не знаешь, что делать, главное — не суетиться. Неприятности, если не обращать на них пристального внимания, сами потихоньку начинают исчезать.

Вот и теперь. Еще немного борьбы с буреломом, и появилась поляна, а на поляне — избушка. Кривая, косая, но еще довольно-таки крепкая. Из трубы шел дымок. А как пахло! На крылечке сидела старуха, а возле нее стояло пять козлов.

— Здорово, бабуля! — обрадовался Санька.

— Здравствуй, касатик. — Взгляд из-под седых бровей был цепкий, и выдержать его стоило большого труда. — Куда путь держишь?

— Да вот, прикинь, старая, заблудился. А ты что, тут живешь?

— Живу родимый, живу, — закивала та в ответ.

— А что это у тебя за стадо такое козлиное? Толку-то с них. Даже молока не дают.

— Не дают, не дают, касатик, — снова согласилась бабка. — Но ведь не одним молоком жив человек. Слышал небось, любовь зла...

— Бабуся, ты что, серьезно? — Санька озадаченно смотрел то на старуху, то на козлов.

— Тыфу на тебя, полуумный, — плонула бабка. — Ишь чё удумал, негодник. Это ведь и не козлы вовсе. Вот этот, черненький, — принц заморский. А это леший из соседнего леса. Он самый первый ко мне сватался. — И она указала на

старую животину с длинной белой бородой, ласково потрепав его по голове. Тот радостно заблеял и начал тереться о ноги.

— А почему же они тогда не в человеческом облике?

— А потому что когда человек не любит, а просто пристает, то он козел.

— Ну, бабуля, ну, уморила, — расхохотался Санька. — Ты меня извини, но неужели у тебя еще ухажеры есть? Тебе же лет девяносто.

— Тыща девяносто с хвостиком в прошлом году стукнуло. Я девица хоть куда и возраста своего не стыжусь. Не веришь? Тогда гляди. — И она вдруг крутанулась на месте как волчок. То, что произошло потом, запросто могло свести с ума и более стойкого человека. Вместо старухи на крыльце стояла красавица. И какая. Молодая, с тонкой талией, высокой грудью. Лет шестнадцать, не больше.

— Рот-то закрой, ворона залетит, — рассыпался звонкий смех. — Ну и как я тебе?

Санька где стоял, так там, ошеломленный, и уселся на землю. Его бросало то в жар, то в холод. Голова шла кругом. Захотелось навсегда остаться здесь, у этих ног. Он, уже ничего не замечая, кроме этой красоты, начал подниматься, но получил такой удар под зад, что несколько метров проехал носом по траве, а с двух сторон его уже атаковали другие козлы.

— А ну, непутевые! — вскочив и сделав свирепое лицо, завопил Санька. — Брысь отсюда! — Но договорить не успел, а резво заскакал по поляне зайцем, стараясь увернуться от острых рогов. — Чтоб у вас шерсть повылазила. Чтоб ваши копыта откинули. Тут такое приключение подвернулось, а они под ногами путаются. Тоже мне женихи. Раз пролетели, как лягушки над болотом, так нечего теперь бородами трясти. И под руками-то ничего нет. Было бы и у меня чем бодаться, так я бы тут такой разгон устроил, — пыхтел Санька и вдруг почувствовал, что у него зачесался лоб. — Ага. Никак растут, родимые. Ну, козлятушки-ребятушки, сейчас я вам рога-то пообломаю.

И он уже было собрался броситься на ближайшего конкурента, как вдруг острая боль пронзила палец: колечко снова напомнило о себе. Наваждение сразу развеялось. Никакой девицы-красавицы и в помине не было; на крыльце стояла и хихикала противная старуха. Правда, увидев, что веселая игра в «забодалки с превращениями» прекратилась, она перестала смеяться и, нахмурившись, приказала:

— Руки!

Санька возмутился и хотел послать бабку подальше... к козлиной матери, но против своей воли вытянул руки вперед.

Старуха подошла поближе и указала на колечко.

— Это что?

— А ты не видишь?

— Вижу. Так бы сразу и сказал.

— А ты спрашивала? Полоумных своих напустила. Сейчас как надаю всем.

— Сказала же, не разглядела. — Бабка, похоже, колечка побаивалась, козлы тоже жались в стороне.

— И что за народ тут. Не разберется, а кидается. Это у вас что, такая традиция?

— Это у вас, мужиков, традиция — на всех кидаться. А потом все кто-то виноват. Ладно, проходи в дом.

Санька ликовал. Имея на руках такое замечательное волшебное колечко, он сразу становился не просто добрым молодцем, а самым смелым, самым могучим, самым непобедимым богатырем.

Важно, не торопясь, он поднялся по ступенькам и отворил дверь, но на пороге остановился, обернулся назад и небрежно спросил:

— Кстати, надо бы познакомиться. Я, Александр Иоаннович Грозный. А тебя как?

— Зови просто Баба-Яга.

От такой ошеломляющей новости молодец вмиг растерял всю свою важность. Раскрыв рот и продолжая смотреть назад, на Ягу, он машинально сделал еще шаг вперед, со всеми маху врезался в косяк, шарахнулся в сторону, по пути сбил

ведро с ледяной водой и, поскользнувшись, шлепнулся на пол. Бабка, услышав грохот, заскочила в сени и увидела Грозного, сидящего в луже, а на лбу у него прямо на глазах проявлялась огромная шишка.

Пошел третий день житья у Бабы-Яги. Нет, задерживаться здесь он не собирался. Но было так хорошо, такое обхождение — сплошной «люкс», что двигаться дальше не хотелось совершенно.

Поначалу, узнав, к какой жуткой особе в гости он попал, Санька ходил с оглядкой, шарахаясь от каждой тени.

Баба-Яга, костяная нога.
С печки упала, ногу сломала.

Эта песенка из далекого детства да образ старой горбоносой старухи из кинофильмов расслабиться не давали. Но хозяйка этого дома на злую ведьму походила мало. Кто кричал, что она страшная? Где у нее видели костяную ногу? Врут завистники. Никакого носа крючком, сгорбленной спины и торчащих во все стороны спутанных седых волос. Совсем наоборот, очень замечательная старушка.

«Красота, — думал Санька, лежа на перине. — Вот она — настоящая сказочная жизнь. Дрова сами колются и в печь лезут. Вода в ведрах из колодца в сени марширует. Метла словно пылесос сама весь мусор из избы выметает. Знай себе лежи, отдыхай с утра до вечера, даже думать не надо. Одна забота — вовремя к столу успеть».

Он довольно зажмурился. Наконец-то и ему улыбнулось счастье. Исполнилось его самое заветное желание — все, много и не очень утомительно.

Сколько раз, завалившись на диван перед «ящиком», он часами смотрел, как на экране проносится чужая, недосягаемо-роскошная жизнь. Жизнь, в которой главной проблемой был не вопрос, идти или не идти за хлебом, так как сапоги совсем проходились и на дожде ангина обеспечена, а какого оттенка галстук надеть на вечеринку. Богатые тоже плакали,

но скорее всего для виду, дескать, с бедняками у них тоже есть что-то общее.

Здесь можно было тянуть пятки столько, сколько душе угодно.

Каждое утро, высунув из-под одеяла нос, он давал себе твердое обещание именно сегодня двинуться дальше, к болоту. Однако за то время, что проходило, пока он опускал ноги на пол, настроение обычно менялось. Слово — оно ведь свое, родное, и с ним всегда можно договориться.

«У болота ножек нет, и никуда оно не убежит, — вяло размышлял молодец. — А важные дела завсегда нужно начинать с понедельника. Ведь именно для этого они и придуманы. Ну, на худой конец, с завтрашнего утра, как солнышко встанет, так сразу...»

Додумать эту здравую мысль до конца он обычно не успевал. Бабка звала завтракать.

Наставив на стол всякой всячины, Яга садилась напротив и с умилением смотрела, как «гость дорогой» поглощает в огромных количествах самые разнообразные кушанья, приготовленные старухой.

Всю свою жизнь Санька думал, что только в дальних странах существуют экзотические блюда. Одни названия чего стоили. И наверняка вкуснятина. «Завалиться бы в какой-нибудь тамошний ресторанчик, съесть что-нибудь этакое, а название записать на бумажку для памяти», — мечталось иногда ему.

Что касается русской кухни — то это, как он считал, в основном щи да картошка. Никаких таких разносолов он в своем поселке не видел; на весь поселок работала одна рабочая столовая, меню в которой, казалось, списывали у сатириков.

Так что ничего сверхъестественного он от Яги не ожидал, лишь бы понаваристее. Но старая колдунья умела готовить не одно приворотное зелье: то, что она вынимала из печи, являлось подлинным волшебством. Было невозможно усидеть за столом и не попробовать хотя бы по кусочку от всего, что она выкладывала на стол. Одни назва-

ния чего стоили: салат из вареной капусты с орехами и чесноком и картофель под тминным соусом; ши осетровые ракмановские и окрошка из дичи и телятины; жареный поросенок с фаршем из гречневой каши, омлета и ветчины. А раковый соус, старорусский студень и суп из раков. А крокеты под соусом бешамель. Не говоря уже о рыбе, кашах и расстегаях.

Все само так в рот и лезло. Знай успевай глотать. После завтрака отдых в тенечке — чтобы солнышко не слишком пекло. Маленький перерыв с дремотой. До обеда. Затем, понятное дело, снова сон. Для здоровья. А там глядишь — и ужин подоспел.

Поначалу он все порывался чем-нибудь помочь бабульке. Но видя, как она, несмотря на возраст, шустро управляется по хозяйству, уже не дергался, утешая себя тем, что Ягусе просто приятно за ним поухаживать.

Санька заметно округлился. Чтобы подняться по трем ступенькам в избушку, приходилось три раза отдыхать. Поэтому двигаться он старался поменьше.

Для полного счастья ему не хватало ленивого Лехи. Тот бы почернел от зависти, глядя на распрекрасную Санькину жизнь.

Настроение портил только черный бабкин кот; здоровенная и наглая животина с пронзительными желто-зелеными глазами. Он считал себя главным после Яги и с пренебрежением смотрел на всех остальных обитателей избушки. Гостя он невзлюбил с самого начала из чистой вредности: не считать же поводом для этого то, что Санька наступил ему на хвост. Совершенно случайно. Ну, не заметил, с кем не бывает. Теперь эта злопамятная тварь, которая могла развалиться где угодно, при Санькином появлении шипела, как старый паровой локомотив. Ко всему прочему, у него была чрезвычайно мерзкая привычка сесть напротив и начать облизываться. Можно подумать, его тут голодом морят. Одно радовало: кошак дома бывал редко, больше где-то болтаясь, поэтому и тут особых проблем не было.

Проблемы появились по ночам. Начали сниться сны. Чрезвычайно бестолковые следует отметить. То он превратился в большую, пышную опару. И собираются из нее, то бишь из него, кулебяку сделать, в печь запихать. В другой раз приснился старухин кот. Огромный такой. А Санька маленький, словно мышка. Эта скотина с ним играет; то отпустит, то поймет, то по голове лапой стукнет, а затем разинул пасть свою страшную с зубами острыми — съесть приготовился. Хорошо, что Санька проснулся. Весь в поту, но живой.

Бабка подскочила:

— Ты что родимый? Вот водицы испей.

Санька воды попил, вроде успокоился, но заснуть долго не мог. А ну как опять в кошачьих зубах окажешься. Этак с испуга можно и окочуриться.

Яга на другой день уж щебетала, щебетала. И кусочек пожирнее подложит, и пылинку несуществующую сдует. Своего любимца пинком под стол загнала, чтоб не смущал он своим присутствием Санькину душу. Котище обхождению такому, конечно, очень обиделся, можно сказать, надулся. Но Яга на него ноль внимания. Все гостю дорогому. А после обеда, когда самый сон, по углам пошептала да травы душистой в огонь покидала.

«Заговаривает», — сквозь дрему подумал парнишка. Глаза его совершенно закрылись, и он сладко уснул.

Но мало хорошо уснуть, гораздо важнее хорошо проснуться. А сон снова получился непутевый.

Будто в поле он стоит. Кругом рожь спелая по пояс. А впереди дерево растет высокое, раскидистое.

— Ишь ты, дуб.

— Сам ты дуб, — произнес кто-то над самым ухом. На нижней ветке появилась сова и замахала крыльями. От этого поднялся ветер, дерево затрещало и упало прямо на Саньку. Дышать стало тяжело, и он проснулся. Но кошмар продолжался наяву: на груди у него сидел черный кот.

— Брысь отсюдова! — завопил перепуганный молодец, подскакивая на кровати. Кот пуглей метнулся в дверь и исчез.

Со сном и на этот раз не получилось. Да и настроение было так себе, ниже среднего; что-то неуловимое свербело на душе, заставляя маяться. Стоило закрыть глаза, как становилось еще хуже. Тоненький, еле слышный, но чрезвычайно настырный внутренний голос все пытался что-то сказать. Вот зануда.

Санька перевел дух и спустил ноги на пол. Дышалось с трудом. Да и вообще все тело его стало большим и неуклюжим. Он уже с трудом таскал свои лишние килограммы. Пыхтя и отдуваясь, вышел на крыльцо.

Необыкновенно яркий, раскаленный диск солнца ослеплял. Небывалая жара заставила все живое попрятаться. Вокруг стояла тишина. Яга умчалась по делам, исчез и черный бандит.

«Что-то мне нехорошо. Парит. Пойти нос сполоснуть, что ли», — подумал парнишка и, осторожно спустившись вниз, поплелся к кадке с водой.

Из ближайших кустов на него глядела перепуганная морда черного козла.

— Привет, рогоносец.

Вместо ответа — бешеный, затерявшийся вдали топот.

— Во. Тоже от жары очумел, — весело хрюкнул Санька и склонился над кадкой: — Так... Ну и дела...

Из воды на него смотрело розовое пухленькое лицико. Круглые щечки, круглые глазки, круглые ушки и кругленький, чрезвычайно смахивающий на пятаков носик. Вылитый Хрюша.

— Ой, это что такое? — охнул будущий поросенок. Он еще раз заглянул в бочку. Отражение не изменилось. — Сначала пыталась козлом сделать, а теперь вот в свинью заколдовала.

Санька хотел потянуться за лежавшей рядом жердиной, но странная усталость навалилась на него. Делать ничего не хотелось, хотелось подремать; он медленно отошел от кадки, направился в избушку и потихоньку добрался до кровати, собираясь прилечь.

Однако не тут-то было. Этот противный внутренний голос теперь уже отчаянно пищал, что дела плохи, нужно срочно спасаться. Но так как его не слушали (раз окончательно не припекло, чего переживать да торопиться), он сменил тактику: «Смотри-ка, в углу стоит волшебное зеркало».

Волшебство уже сидело в печенках, но в памяти непрозвольно всплыли строчки: «Свет мой зеркальце скажи».

Раздался мелодичный звон, зеркало засветилось изнутри мягким светом, и появилась картина веселого застолья. С такими жуткими образинами парнишка еще не встречался. Веселая компания чертей, упырей, каких-то скелетов и всякой другой нечисти сидела за столом и пировала. В центре стола на большом серебряном блюде, обложенный печеными яблоками и с пучком укропа во рту, лежал главный праздничный сюрприз.

Санька помотал головой, закрыл и снова открыл глаза. Ничего не изменилось — на блюде лежал он.

«Что, тунеядец, наотдыхался? — внутренний голос вопил уже громко, в полную силу. — Бежим отсюда, пока по-настоящему не съели, деликатес несчастный».

Санька выглянул в окошко. Обстановка странным образом переменилась. По двору слонялись козлы; на поленнице, поглядывая одним глазом, лежал кот.

— Откуда они взялись? Так просто не убежишь. Ну да ладно, сами напросились. Придется преподать им новый урок. Чтоб впредь неповадно было хороших людей колдовством изводить. Ух, раззудись плечо, развернись рука. Или наоборот? А впрочем, какая разница. Мне с такой фигурой только и сражаться. Но на этот случай у меня есть чудесное колечко.

Однако если не везет, так не везет от всей души; колечка на пальце не было. Потерял, раззыва.

Липкий пот моментально прошиб Саньку. Без волшебного талисмана он вообще ни на что не был годен. Теперь могли произойти любые неприятности. Оставалась одна надежда: поискать по углам, вдруг какой-нибудь завалявший меч попадется.

Через полчаса мокрый и пыльный «богатырь» грустно разглядывал свои трофеи: обшарпанный ковер, пятнистую от соусов скатерть, растоптанные сапоги и старую керосиновую лампу. Но весь этот утиль ни на что не годился. Ничего волшебно-полезного не получалось, и он сидел около этой кучи барахла, мрачно размышляя, что же делать дальше.

Взгляд его рассеянно скользил по стенам и полкам, как неожиданно он увидел, что из-за сундука торчит самая настоящая антенна. Санька протянул руку и вытащил... магнитофон, пропавший в самом начале его появления в этом мире и непонятно каким образом очутившийся у Яги.

— Да, — тяжело вздохнул паренек, — толку от этих достижений цивилизации как от бабкиных козлов. Даже как оружие для самообороны никуда не годится, табуретка намного тяжелее.

Он уныло смотрел на дверь, машинально теребя подряд все кнопки, и случайно нажал на кнопку «Вкл».

Вопль солиста группы «AC/DC» разорвал тишину в клочья. Сам Санька от неожиданности подлетел под потолок, что же говорить об остальных обитателях избушки: изо всех щелей прочь полезла всяческая дрянь: сова, простые и летучие мыши, змеи, пауки.

Какой-то совершенно очумелый мышонок свалился прямо на голову парнишке и запутался в волосах. С испуга тот вырубил магнитофон. Все замерли...

Санька первым пришел в себя; схватил мыша за хвост и сдернул вниз.

— Ага, попались. Держись, вражья сила. Пора нести культуру в массы. Выступают «Монстры рока».

Музыка — великая сила. Особенно если это громкая музыка. Так что «Громкость» вывернута до предела, и... понеслась родимая.

Неделя на бабкиных харчах давала себя знать, и «лунная походка» а-ля Майкл Джексон явно не получалась. Санька, схватив ухват и изображая гитариста, начал топтаться, как слон. Слоны в окрестных лесах не водились, поэтому избушка, которая подобных животных никогда не видела,

от такого слонотрясения стала пошатываться и поскрипывать.

Козлы, привлеченные странным шумом, сгрудились у крыльца, но внезапно дверь распахнулась, и окрестный лес огласил истошный рев:

— А ю реди, — в сопровождении соло гитары. Все стадо опрометью ринулось в ближайшие кусты и выглядывало оттуда, чуть дыша.

Тут вернулась Баба-Яга. Она застала жуткую картину. Избушка, как пьяный матрос, с угрожающим скрипом раскачивалась из стороны в сторону, того и гляди завалится. Из трубы валил черный дым, а в кустах дрожало от страха все козлиное семейство.

— Свят, свят, свят, — закрестилась перепуганная старушка. Потом опомнилась, поглядела по сторонам, не видал ли кто, и решительно поднялась на крыльцо. Эта неосторожность тут же сыграла с ней злую шутку. Избушка уже начала подпрыгивать, и бабка, не удержавшись, слетела вниз, на землю. А из окошка залихватски летело:

— Еври бади!

Это разошедшийся паренек решил пройтись по избушке с подскоком, словно он Чак Бэрри или Ангус Янг.

— Ах ты, ирод! — рассвирепела Яга, прицелилась и, когда избушка начала валиться на другую сторону, метнулась в дверь.

В это время вступили «Beatles». Санька, не обращая никакого внимания на появление новых зрителей, завопил что было мочи:

— Эн бамило о.

— Какое такое помело? — заверещала бабка. Она схватила сковородку и принялась лупить «певца» по спине.

Он остановился, развернулся, не спеша выключил магнитофон и, зловеще усмехаясь, поинтересовался у оторопевшей Яги:

— Ааа... Бабуля приехала. Автограф дать?

— Душегуб окаянный. Все хозяйство порушил. Скотинку распугал! — взорвалась бабка.

— Ах, им не нравится? Они хотят слушать свои сопливые «Гой еси, добры молодцы». Под гусли. Ладушки. Будут вам гусли, будет и свисток. — И он снова надавил на клавишу.

От этого рева Баба-Яга, разинув рот, осталбенела. Черный кот, на полусогнутых лапах просочившийся в дверь, как ошпаренный кинулся под лавку.

Санька продолжал носиться по избушке, круша все вокруг. Он уже порядочно взмок, но чувствовал себя все лучше и лучше, худея прямо на глазах. Бабка прыгала следом, потрясая кулачком.

Магнитофон грохотал, Санька завывал «Йе-е-е. Бэби», Яга визжала, черный кот орал благим матом. В общем, получился настоящий праздничный концерт.

Наконец, умаявшись, он остановился и выключил звук. Погром вокруг был полный. И это радовало.

— Мы имеем что-то еще сказать? — повернулся он к Яге.

— А... э... о... Ослобони. — Старуха без сил рухнула на табурет. Она тихо икала.

Парнишка обошел вокруг нее несколько раз, затем остановился напротив и, скрестив руки на груди, потребовал грозным голосом:

— Колечко?

Яга молча ткнула пальцем за зеркало.

Действительно, заветный талисман висел там. Санька взял и надел его себе на палец. Вот теперь был полный порядок. С колечком он снова почувствовал себя богатырем: могучим и веселым. В зеркале отразился красавец мужчина. Оставалось, правда, небольшое брюшко, но уже так, мелочи. Он повернулся к старушке.

— Разнести, что ли, твой курятник по бревнышку, или ступу с печкой соединить, трактор сделать? Я сегодня такой сердитый. Короче, быстренько собери мне с собой, пойду я отсюда, пока мне еще какая идея в голову не пришла.

Баба-Яга с опаской покосилась на магнитофон и полезла в печь.

— И чего это ты, старая, удумала, — все никак не мог успокоиться Санька.

— Так, ить, скоро праздник... — потупясь, бормотала старуха.

— Какой такой праздник?

— Ну, ентот...

— Ага. А я — главный подарочек для твоих дефективных. «Санька в яблоках». У, лиходеи. Всех сгною.

Яга, поначалу смотревшая с испугом, внезапно тоже разозлилась:

— Сам виноват. Кто тут уже почти цельную неделю дурака валяет, ничего не делает? Палец о палец не ударил. И нечего на старших орать.

— Здрасте-приехали. Нашли крайнего, — опешил паренек. — Я думал, тут это, вроде... санатория. Кормежка там, отдох.

— Короче, тяжелое наследие прошлой жизни, — раздался знакомый голос у двери. — Они привыкли, что халыва — это тоже труд.

— Баюн! — хором воскликнули оба. Санька с радостью, Яга — с удивлением.

— Уважаемая. — Кот приближался, прижав обе лапы к груди, в восхищении закатив глаза к потолку. — Вы являете собой образец идеальной женщины: умны, трудолюбивы, материально независимы, имеете собственный дом. А ваше увлечение техникой. Этую ступу знают в самых отдаленных уголках леса. Чудесное транспортное средство. И вообще вам никак не дать ваших лет, вы у нас просто красавица. Пушистая, мягкая и добрая. Где-то там далеко внутри. Я знаю. Если, конечно, вас не сердить.

Яга растягиванно захлюпала носом:

— Подлец ты, а не кот. Так складно врешь. Наверно, тоже принц заколдованный. Ладно, проходи, садись. Зачем пожаловал?

— Скорее за кем. Вот за этим молодцом. Я тут, видите ли, чисто случайно прогуливался неподалеку, слышу — голос знакомый. Дай, думаю, нанесу визит dame в возрасте. Заодно постояльца вашего заберу, а то загостился он.

Санька слушал разглагольствования кота, раскрыв рот, затем опомнился, захлопнул его и надулся:

— Так, спелись. Два сапога пара. Один мне чуть голову не откусил, другая в духовку запихать готовилась. Ладно, можете продолжать любезничать, а я пошел.

Он схватил котомку с едой, магнитофон и выскочил за дверь, но, пораженный, остановился: перед ним от самого крыльца расстилалась прямая широкая дорога. Издевается, вражья сила. Этакий намек; катись, мол, отсюда, да поживее. Парнишка хотел напоследок хлопнуть дверью, но этого сделать не удалось; пошарив рукой позади себя и ничего не нашупав, он обернулся.

Избушка на курьих ножках стояла в стороне, шагах в двадцати и, уставясь окошками в небо, делала вид, что все происходящее вокруг ее не касается.

Молодец поджал губы.

— Сбежала, воронье гнездо? — Он посмотрел еще раз на дорогу, затем снова оглянулся назад и не увидел избушки: ее не было, она просто исчезла. Кругом плотной стеной стоял густой лес, и было бы большой глупостью опять туда лезть. Пришлось махнуть на это безобразие рукой и отправляться на болото, выполнять Берендеево задание.

Но не успел он пройти по дороге и трех шагов, как увидел кота. Санька негодующе фыркнул, задрал нос кверху и, приняв самый безразличный вид, попытался прошмыгнуть мимо.

Баюн снисходительно проводил его взглядом, потянулся, выгнув дугой спину, и с иронией произнес:

— Действительно дуб.

Парнишка так и замер с поднятой ногой:

— Так это ты на меня сны идиотские насыпал?

— Нет, царский писарь. И потом, почему идиотские? Если бы не мои сны, тебя бы давно с гречневой кашей съели.

Несмотря на обиду, Санька не мог не признать правоту этих слов:

— Ну, извини, погорячился.

— Принимается, — махнул лапой кот. — Давай-ка я тебя провожу немного, мне как раз по пути.

Двигаясь по дороге, Санька продолжал ворчать:

— Карга — она карга и есть. Только порчу на людей наводить. Недаром в народе говорится: от нее одни неприятности.

— Хватит понапрасну наговаривать на пожилую женщину, — наконец не выдержал Баюн. Он уселся посреди дороги и начал яростно чесаться, что выдавало в нем крайнюю степень возбуждения.

— Где ты видел женщину? Ведьма. Самая настоящая. Я, да будет тебе известно, читал, что она сироток малых в печи жарит и ест.

— Это ты у нас младенец, что ли? Да ты уже такой старый ворчун, что если тебя съесть — несварение желудка сразу будет.

Санька даже остановился от возмущения:

— Ты что, уже позабыл, как она меня в порося чутъ не превратила?

— Ну, поросенком, положим, ты сам чутъ не стал. Тебя сова предупреждала, что здесь от самого человека многое зависит? Предупреждала. Был в тебе, значит, такой росток. Яга ему просто подрасти дала.

— Тоже мне селекционер-мичуринец, — проворчал молоцец, не желая сдаваться.

— На себя лучше посмотри. — Кот словно не замечал угрюмой Санькиной физиономии. — Превращение в какое-либо животное — это личное дело каждого. Можно в оборотня, можно — в нетопыря. Некоторые поросятами быть желают. Натура у них такая — свинская. А сам не захочешь, никто не заставит. Кстати, ты обратил внимание, что нам навстречу много женщин попадается?

— Эка невидаль. Их хлебом не корми, дай по гостям побегать, языком почесать.

— Это к Яге.

— Собрание колдуний по обмену опытом, — попытался съязвить паренек.

— Нет, за помощью идут. Яга — она ведь с давних пор хранительницей рода и традиций считалась. Правда, строгая; что есть, то есть. А если сильно ей досадишь, она так разойдется, мало не покажется. Но справедливая. И детей, заруби себе это на носу, никогда не ела.

— А почему тогда ее все ведьмой называют?

— Во-первых, не все. Это длинная история, потом расскажу. Один только случай для ясности. Яга в молодости бедовая была. Ей и сейчас пальца в рот не клади, а тогда с ней и вовсе связываться боялись. Теперь представь. Ночь. Луна. Эта девонька в чем мать родила мимо деревни летит в своей ступе на озеро купаться. Естественно, те мужики, которые возле окон сидели, так на землю-то и попадали. Догадайся с трех раз, что их жены вслед Яге кричали. И потом. Слышал, наверное, что добрые люди дольше живут. А Яге сколько лет? То-то.

— Ты меня совершенно запутал. Баба-Яга приличная женщина оказывается. Что? Врут сказки?

— Сказки люди сочиняют, а потом сами же этим сказкам и верят. И потом, если кому-то хочется выглядеть хорошим, а натура не позволяет, то самое простое — наговаривать на других.

Санька задумчиво поскреб макушку, затем неуверенно переспросил:

— Что же мне теперь, у Бабы-Яги прощения просить?

— Хорошая идея. Сам догадался?

— Да нет, так просто сказал.

— А жаль. Мысль интересная. Только вот ушли мы уже далеко, да и Яга, сдается мне, все тропки уже поперепутала, чтобы к ней еще какой-нибудь незваный гость не пожаловал.

— И чего мне все время не везет?

— Это тебе-то не везет? — всплеснул лапами кот. — Да другой давно бы голову сложил, а ты только толстеешь. Кто-то в тебе сильно заинтересован. Неужели ты до сих пор не понял, что такие колечки просто так на дороге не валяются?

— Свежо предание, да верится с трудом, — вздохнул Санька и поплелся за котом. Впереди показалась развилка.

— Вот и пришли. — Баюн остановился и, наклонив голову, посмотрел на обе дороги. — Слушай, а что это за волшебный ящик у тебя?

— Э-э-э... — снисходительно протянул паренек (наконец-то и ему удалось удивить кота). — Я всякой нечисти наловил да сюда замуровал, теперь она там по моему приказанию воет. Хочешь послушать?

Он нажал на кнопку, но красная лампочка не загорелась. Он потряс магнитофон, постучал его о камень — никакого результата.

— Наверное, батарейки сели. И что мне теперь с ним делать? — огорчился Санька, нерешительно покрутил аппарат в руках, а затем размахнулся и запустил его в ближайшие кусты.

Кот внимательно наблюдал за всеми этими действиями. Когда шум в кустах стих, он лениво потянулся.

— Правильно. Хорошему человеку нечистая сила не прислуживает. Но, однако, до свидания. Мне налево, в Лукоморье; там у меня присмотрено неплохое mestечко. Полежу, отдохну чуток, пару строчек нацарапаю. — Он задумчиво поскреб загривок лапкой. — Тебе, насколько я знаю, прямо. Болото там.

Снова побежала путь-дорожка. Впрочем, разве это дорога? Ямы, колдобины на каждом шагу; даже деревья посередине вырастают. А бывает, дорога начинает в прятки играть. Раз — и нет ее, шагай куда хочешь. Вот и эта — взяла, да и исчезла. Оборвалась в самой чаще, и все. Вправо, влево, туда, сюда — ничего, вставай и волком вой. После безрезультатных поисков Санька понял, что окончательно заблудился.

— Что за царство такое? И как тут люди живут? По домам сидят да никуда не ходят? Или это только у меня установилась такая дурная традиция — теряться. Опять куда-нибудь кривая заведет, хоть стой, хоть падай, — пробурчал он и, неожиданно споткнувшись, действительно упал.

Это его добило. Прорычав нечто невнятное, он вскочил и принял яростно топать ногами и размахивать руками, оглашая окрестности дикими воплями непереводимых восклицаний. Затем попытался пнуть лежащую на пути корягу, промахнулся и снова шлепнулся на землю. С языка готовы были слететь еще пара-тройка крепких крылатых выражений, но рядом раздался очень знакомый голос. Неужели Баюн назад вернулся?

— Санька вскочил и помчался вперед. Спустя какое-то время голос послышался снова, правда, чуть левее. Сдается, немножко не угадал. Ничего, сейчас исправим.

С полчаса он метался по лесу словно угорелый, в конце концов выдохся, остановился и осмотрелся. Лес вокруг стал совершенно непролазным, угрюмым и дремучим. Добегался. Он повернулся назад, однако не успел пройти и трех шагов, как из-за куста выскочил низенький, маленький мужичок, почти карлик. На нем была куртка из старого облезлого меха, а на голове торчали рожки.

— Черти! — завопил Санька и бросился напролом. Неизвестно, чем бы закончилась эта гонка, если бы, прикрываясь рукой от хлещущих веток, он случайно не заметил, что колечко совершенно почернело. Санька остановился как вкопанный и с удивлением уставился на свою руку. Такого просто не могло быть. Разглядывая эту диковинку, он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и незаметно для себя поворачивался вокруг своей оси. Черный цвет понемногу исчез, вновь заблистало серебро. Санька повернулся еще немножко, колечко снова начало темнеть. Похоже, оно указывало на выход. А так как никаких других идей и предложений по этому поводу в голову не приходило, то и нечего было мудрить: вперед, и все.

Действительно, вскоре лес поредел и раздвинулся. Впереди показалась небольшая поляна. На противоположной стороне на пне сидел старичок. Наконец-то хоть одна живая душа. Местный, поди. И наверняка дорогу знает.

— Дедуля... Э... А... — обрадовался заблудившийся и в три прыжка пересек полянку.

Что за чертовщина. Никого. Пенек стоял, но совершенно пустой. Привиделось, что ли? В это время позади раздался кашель. Санька оглянулся и увидел удаляющуюся спину. И когда только успел?

— Послушайте! Я тут вот... Да подождите же!

Но с возрастом слух, говорят, портится; и дедова рубаха замелькала далеко между деревьями. Санька бросился вдогонку. Вскоре он с удивлением отметил, что, хотя старый хрыч еле тащился, расстояние между ними нисколечко не уменьшалось. Вот дед зашел за березку и... не вышел. Санька обежал вокруг дерева три раза, но никого не обнаружил; вытер вспотевший лоб и вдруг снова увидел впереди знакомую сутулую фигуру.

— Так. Снова чудеса. Теперь мне какое-то чучело еловое голову морочит. Дудки. Делать больше нечего, как по лесам за ним скакать.

Санька развернулся в обратную сторону, прошел несколько шагов и... снова наткнулся на старика.

— Что это я, похоже, круг сделал? Назад.

Но уйти от деда, так же как и догнать его перед этим, не удавалось. Противный старишка постоянно появлялся перед самым носом. Санька снова начал заводиться, но, представив эту игру в догонялки со стороны, рассмеялся и с самым безмятежным видом уселся на поваленное дерево.

Дед потоптался еще немного на месте, а затем, поняв, что на него больше не обращают никакого внимания, стал медленно, кругами, приближаться. Было видно, как его распирает любопытство.

— Чего уселся-то?

— С зайцами наперегонки бегай, если тебе больше делать нечего, а то мельтешишь, аж в глазах рябит. Так что лучше передохну чуток — все полезней, чем за тобой гоняться.

— Дык все гоняются. Ты знаешь, какой я для всех нужный. Я ведь потаенные места знаю, где клады хранятся. А тебе что, золота аль серебра не надо?!

— А у тебя есть?

— А ты думал! — радостно воскликнул дед и тут же спохватился: — Конечно, не столько, сколько люди болтают. Так, самую малость.

— Можешь себе оставить, оно меня сейчас меньше всего интересует. Ты лучше скажи, как отсюда выбраться?

— А волшебное слово?

Санька слегка опешил и хотел сказать, что с волшебным словом сам бы дорогу влегкую нашел, но тут до него дошло, о чем речь, и он добавил:

— Пожалуйста.

— Эх, молодежь, молодежь, — протянул старишок и, прищурив левый глаз, выпалил: — Что-то кушать хочется. Не угостишь ли старого человека черствой корочкой?

От этого вопроса Санька даже сморщился. Поесть бы он был и сам не прочь, но в котомке от всей еды, что он успел прихватить у Яги, оставалась только горбушка хлеба, а шагать еще было невесть сколько. Он еще немного покряхтел, пару раз почесался, затем встал и решительно вытащил хлеб:

— Держи.

— Сам-то как?

— Я прямо перед тобой такой же кусок съел, — соврал Санька. — Опять же, вон за теми кустами землянику видел. — И он отошел в сторону, делая вид, словно что-то ищет под ногами.

Дед, занятый едой, закивал в ответ. Управившись с горбушкой, он смахнул крошки с ладошки в рот, причмокнул два раза и, насмешливо глядя, произнес:

— А землянике не сезон уже. Отошла она, родимая.

Санька прислушался к глухому бормотанию у себя в животе и, помедлив, согласился:

— Не сезон.

— Ты же сначала не хотел давать хлеба-то.

— Не хотел.

— А чего передумал?

— Кто его знает. Начну потом сам себя накручивать. А оно мне надо? Стресс укорачивает жизнь. В газетах про это очень хорошо сказано.

Дед пропустил мимо ушей странное слово «газеты». Он сидел, задумчиво глядя вверх.

— От природы оторвались, — наконец произнес он.

— Ну, старый, придумаешь тоже, — хмыкнул Санька. — Какая еще природа? Она же несознательная.

— Много ты понимаешь. — Глаза у деда сделались озорными. — Я сюда сейчас медведя позову. Вот у вас поговорка есть: «медведь на ухо наступил». А косолапый знаешь какие мелодии на расщепе выводит — заслушаешься. Сядь и смотри, только не дергайся.

— Верю, верю! — замахал руками Санька. Только Топтыгина ему не хватало для полного счастья.

— Не хочешь, как хочешь. Сам-то есть будешь?

— Перебьюсь. У нас люди специально голодают, чтобы здоровее быть.

— Не. Может, у вас и голодают, а у нас так не принято гостей встречать.

И словно из-под земли на ближайшем пеньке появилось лукошко, полное спелых ягод.

— Так ведь не сезон.

— Кому не сезон, а кому мать родная.

Санька не заставил долго упрашивать себя и навалился на ягоды, вмиг опустошив корзинку.

— Спасиочки за угощение. Хотя странно как-то: ты у меня поесть просишь, а у самого еды навалом. Скучно, что ли, стало? В лесу, наверно, давно живешь?

— С самого рождения. Леший я.

— Точно! — хлопнул себя по лбу Санька. — И как я сразу не догадался. Мужичок-боровичок, он же Лесовик, он же Дедок. Вредный дед, который незадачливых путников по лесу водит, голову им морочит, а они в самые дебри попадают и бесследно исчезают.

— Чур меня, чур меня, — всполошился Леший. — Кто тебе всей этой ерунды понарассказывал?

— Ты не оправдывайся. Никакой не ерунды. Все вы тут одного поля ягоды — что ты, что Яга. Кто мне голову моро-

·чить начал, по лесу водить? Иван Сусанин? Не стыдно тебе было меня взад-вперед гонять?

— Дык как сказать. Гляжу — идешь. Бубнишь чего-то. Руками машешь. Дай, думаю, посмотрю, что за человек. А ты не злой.

— В честь чего я злиться должен?

— Не скажи. Народ нынче нервный пошел. Раньше-то люди намного добреे были, а сейчас их как сглазили. Только о себе думают. Еще совсем недавно дверь в избу палкой подпирали, и все, чужой не войдет. Теперь замков понаставили, друг от дружки таятся. Да и вообще я замечаю, что-то странное, мрачное стало вокруг твориться. Каждый только о своей выгоде думает. Чуть что не по нраву — в драку лезет. «Мой лес, — кричит. — Я первый сюда зашел». Ты сам посуди, как может лес быть чьим-то. Природа — она и до нас была и после нас будет. Если, конечно, к ней бережно относиться. Вот и приходится за порядком следить. Чтобы по-напрасну ничего не ломали, не мусорили, почем зря зверей не губили. Чтобы не орали, как некоторые. Лес — он ведь для всех. Другое дело, что у людей раз общее, значит — ничье. И давай везде гадить. А то, что после них еще другие сюда придут, так это никого не интересует. Вот ты говоришь, путников в лесную чащу на погибель завлекаем. А мы ведь только плохим людям стежки-дорожки путаем, да и то, только для того, чтобы они сюда, в лес, не ходили. Однако нас почему-то к нечистой силе причислили и теперь нами даже малых деток пугают. — Леший на минуту замолчал, задумчиво глядя перед собой, затем что-то буркнул, удрученно покачал головой и снова повернулся к Саньке. — Ну а ты чего в лесу потерял?

— На Дальнее болото меня послали и приказали принести цветок волшебный. То ли царь занедужил, то ли еще чего, я так толком и не понял, но советник сказал, что это единственное средство.

— Советник, говоришь? Ну, этот если куда пошлет, так оттуда редко кто живым возвращается. Неспроста все это. Он же сам последний цветок прошлым летом сорвал. Не иначе

голову тебе морочит. Вот возьми клубок. Он покатится, а ты иди за ним; прямо к дому и выйдешь. А царю передай: пусто на болоте, пусть домашними средствами лечится.

Клубок бойко катился прямо по буеракам, через кусты, подскакивая на кочках, не давая возможности ни на минуту сбавить скорость. Но наконец лес закончился; показался город. Теперь можно было сесть и передохнуть.

Неизвестно, как долго бы Санька отдыхал, но его размышления прервал звучный удар по затылку. Он съежился, втянув голову в плечи. Никак новая напасть? Однако вокруг никого не было. Шуршание послышалось сверху. Вот это кто, оказывается, дерется. На ветке стоящей рядом березы сидела, поблескивая бусинками глаз, белочка. В лапах она держала большую еловую шишку, точно такая же валялась на земле. Поняв, что ее заметили, маленькая хулиганка выпустила шишку и весело пискнула.

Санька с удовольствием наблюдал за грациозными прыжками зверька и, не удержавшись, показал ей язык. Белочка изумленно замерла, затем фыркнула, и теперь пришел черед удивляться молодцу: перед ним стояла Василиса.

— Я так и думала, что ты меня узнаешь, — улыбнулась царевна.

Санька совершенно растерялся. Сколько раз он представлял, как они встретятся в каком-нибудь уединенном месте, где им никто не будет мешать. И вот теперь, когда такая возможность представилась, он сидел пень пнем: все заранее приготовленные замечательные слова разом покинули его бедную голову, хотя всего пару минут назад он мысленно разговаривал с царевной, проявляя незаурядный интеллект, тонкий юмор и умопомрачительную галантность. Паренек сидел, не в силах произнести ни звука, и только тихо краснел.

Василиса решила, что на нее обиделись из-за шишки.

— Я не хотела делать тебе больно, так получилось. Меня Леший научил новому заклинанию: можно сидеть на дереве здесь, а шишки с дерева срывать в соседнем лесу. Но когда в

чужом обличье находишься, то иногда всякие глупости получаются. Вот моя мама, рассказывают, была настоящей колдуньей, дружила с лесными берегинями и духами, многое умела, но она умерла давным-давно. Никто не знает, как это произошло. Все попытки натыкаются на странную темную силу. У Бабы-Яги даже волшебное зеркало треснуло, пришлось искать новое.

— А Липуня сказал, что ты волшебница.

— Нет. Я еще учусь волшебству и мало чего знаю. Но я обязательно стану колдуньей и выясню, кто погубил мою мать. Ты, главное, отцу не рассказывай, что видел. Он почему-то наших волшебников не любит и будет ругаться.

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Пушистый солнечный зайчик осторожно вскарабкался на подоконник, задержался на мгновение и затем тихонько по одеялу и подушке перебрался на лицо спящего человека.

После трудного путешествия ужасно хочется спать, но зайчик попался настырный. Он даже умудрился забраться под подушку, под которой соня попытался спрятаться.

Продрав глаза, Санька с хрустом потянулся и уселся на постели. Это был тот самый домик, куда привел его Липуня. Три комнаты, прихожая, огромная кухня. В прошлой жизни Санька всегда мечтал о таком доме, особенно по вечерам, когда они с теткой пытались разойтись на тесной кухоньке типовой малометражки.

День обещал быть чудесным.

Правда, нам частенько чего-нибудь обещают: большую конфету, если будем слушаться родителей; замечательную, интересную и денежную работу, если будем хорошо учиться. Выигрыш в лотерею. Да мало ли еще чего. И мы ждем выполнения этих обещаний, ждем этого чудесного будущего, совершенно не обращая внимания на то, что есть замечатель-

ное настоящее. А следует просто остановиться на мгновение и посмотреть по сторонам, увидеть это хорошее здесь, сейчас — в нашем сегодняшнем дне. А прекрасное далеко — настанет оно или нет, кто знает? Это ведь так, слова. Судьба слегка дунет, и нет их.

И тут ожил пояс. Он медленно приподнялся над лавкой, на мгновение неподвижно завис, словно раздумывая, куда податься, а затем плавно поплыл в воздухе.

От удивления Санька вытаращил глаза.

— Это что еще за чертовщина? Кто набрался наглости здесь колдовать? Я тут, понимаешь, у самого Берендея на службе состою. Во дворце по углам нечисть гоняю, а она у меня дома завелась. Да я этого кудесника в мелкий порошок разотру. Да я его в барабан рог закручу. Да я ему... Хотя, с другой стороны, раз колдует, значит, не боится или какое-то жутко заковыристое волшебство в запасе имеет. И вот это уже плохо, даже опасно. Вот возьмет сейчас ремешок и вокруг горла обмотается.

Не отрывая взгляда от свихнувшегося предмета одежды, парнишка пошарил вокруг себя, нашупывая меч. Под руки попалась кочерга. Все лучше, чем ничего. Зажав ее в руке, Санька потихоньку слез на пол и на цыпочках пошел вслед за поясом, который все так же неторопливо плыл вдоль стены. Дело ясное — наводили порчу. Сначала очертя круг, потом гром и молния, заклинания всякие на стене проявятся, и готовьте тапочки, погиб в расцвете лет.

— У, демон неструганный. Сейчас поймаю, все колдовство назад вгоню, — тихо матерился «ответственный за царскую нечисть».

Он сосредоточенно ходил по комнате, боясь пропустить тот момент, когда обнаружится неизвестный и, несомненно, злой колдун. Нервы были напряжены до предела, и когда краем глаза он заметил появившуюся смутную тень, то резко остановился и, развернувшись, замахнулся своим оружием. Но, обескураженный, остановился. На него с выпученными глазами и раскрытым ртом смотрел воевода.

— Липуня, осторожно! — предостерегающе вскинул руку Санька. — У меня тут нечистая сила шалит. Со свету сжить хочет. Гляди, что вытворяет.

Грянул хохот. Липуня веселился до слез. Он захлебывался от смеха, икал. В конце концов свалился на пол и продолжал смеяться там. Наконец, успокоившись, уселся и произнес:

— Уф, слава богу. А я-то уж, грешным делом, решил, что у тебя после путешествия с головой не все в порядке. Захожу, а ты босой, в одних портках по комнате кружишь да еще кочергу как флаг держишь. Эх ты, Аника-воин. Это ведь Домовой.

— Домовой?

— Он самый. Скучно ему. Ты здесь не первый день живешь, а его не замечаешь. Вот он и устроил маленькое представление. У тебя еще так, семечки. Вот один мой знакомый своего Домового умудрился обидеть ненароком. Так тот ему такой погромчик сообразил: любо-дорого смотреть. Все перервнул.

— И очень даже запросто, — раздался незнакомый тоненький голосок. На столе, болтая ножками, сидел маленький старичок. — Мы люди добрые, мирные. За порядком в доме следим. По хозяйству завсегда помогаем: посуду, там, помыть, пол подмести. Скотинку, ежели таковая имеется, покормить. А потому имеем полное право хотя бы на отдельное «спасибо». Я уж не говорю о кружечке молока и кусочке хлеба. Лучше, конечно, ежели хлебушек этот с маслом и колбасой.

Санька с любопытством разглядывал деда. Он прежде много слышал и читал о домовых, да и тетка рассказывала. Но там выходило, что это были вредные мелочные создания, способные в основном на различные пакости типа залить водой кровать, поджечь скатерть или разбить стеклянную банку с солеными огурцами. Сидящий напротив симпатичный старичок никоим образом не походил на тех, газетных, барабашек.

— Вообще-то тебе жениться надо! — продолжал разглагольствовать Домовой.

— Мне? — опешил Санька.

— Тебе, тебе. Ты погляди только, какая вокруг грязь да беспорядок. Все пораскидано, посуда третий день не мыта. Паукам — так тем совершенное раздолье. Самое, говорят, место для охоты. И мух навалом, и никто их ловить не мешает. А будет жена — будет тебя обстирывать, обшивать, обкармливать, об...

— Постой, постой. Я, того, жениться не спешу, — замял-ся молодец. — Мне еще погулять хочется.

У него были совершенно иные представления о семейной жизни. Жениться — так один раз и до гроба. Он ее носит на руках; в перерывах они сидят на лавочке и смотрят на звезды. Утром — кофе в постель, вечером — стихи при луне. Беседы об искусстве. Мягкий полумрак, ну и все такое. Она до самой старости красавица, Василиса Прекрасная. Все вокруг завидуют. При чем тут какая-то посуда, пауки? Чушь собачья. Да он ради своей Василисы на любой подвиг готов.

Тут он вздохнул: с настоящей Василисой, дочкой Берендея, он после возвращения так еще и не встречался.

— Не спешишь, так не спешишь, — гнул свое настырный дед. — Но учти, и я больше с тобой нянчиться не намерен.

— Подумаешь, — выпрямился во весь рост и выпятил вперед грудь Санька. — Больно надо. Да я, если хочешь знать, все сам делать могу.

— Ой ли? — скептически хмыкнул Домовой.

— Спорим.

— На что?

— На ведро медовухи.

— Идет.

— Чур, разбиваю, — вмешался Липуня, — у меня как раз и огурчики на огороде поспели. А сейчас пошли к царю.

— Колдун, царь-батюшка. Ей-богу, колдун, раз в болоте не утоп, — нашептывал Хряк на ухо Берендею, глядя на Сань-

ку, стоящего перед троном. — Не извести нам его. Может, сразу голову отрубить? Верное дело.

— Погоди, не суетись, — прервал советника Берендей. Он был согласен с Хряком, но не мог так просто взять и позвать палача. Раз воевода и, главное, Василиса были опутаны злыми чарами, то неизвестно, что они сделают, увидев Саньку на плахе. — У меня есть другая идея, получше. Отправлю-ка я его к Водяному. У него уже не один молодец сгинул, глядишь, и этот в заколдованным омуте навеки останется.

На другой день ранним утром Саньку растолкали, еще заспанного выпихали за городские ворота, повернули лицом к лесу и слегка подтолкнули: вперед, к Водяному.

Зевая и почесываясь, «посол по секретным надобностям» брел по дороге. Настроение было паршивое, погода тоже. Или наоборот, погода портила настроение.

В самом деле, чего радоваться? Он уже бог знает сколько времени находится на службе у Берендея, а дело ни с места. Какое такое Зло? Откуда и зачем оно взялось? Он до сих пор не знает ответов на эти вопросы. Гоняют, как мартышку по деревьям, с разными заданиями, одно другого чище. Можно подумать, только его и ждали, чтобы всякие глупости на него спихнуть. Понятное дело, никто не говорит, что жизнь должна быть легкой, но не до такой же степени.

Но время шло. Выглянуло солнышко. Дорога оказалась удобной, наезженной, идти было легко, и потихоньку, чем дальше оставался город, тем легче становилось на душе. По-немногу начало подниматься и настроение. Жизнь перестала казаться такой уж беспросветной. Вот замелькали в ветвях деревьев солнечные зайчики, зазвенели голоса птиц. Природа иногда пытается нам втолковать, что жизнь — штука замечательная.

Прокосчив несколько развилок и сворачивая все время наугад, Санька в конце концов понял, что снова заблудился. В который раз приходилось полагаться на волю случая и просто идти вперед, надеясь на удачу.

Дорога постепенно сужалась, перешла в тропинку, да и та все хирела и хирела и вот уже стала еле заметна. Еще несколько шагов — и она окончательно пропала, уткнувшись в огромный гранитный валун.

На камне, затерянном среди елей и осин, каким-то чудаком была выведена корявая надпись: «Направо пойдешь — побьют. Налево пойдешь — побьют. Прямо пойдешь — обязательно побьют».

— Фи, до чего же однообразно, абсолютно никакой фантазии. И ведь не лень кому-то было ковыряться. Он бы еще приписал: «Здесь был Вася», — пожал плечами Санька. — И потом. Кто полезет в эту глухомань, чтобы по шее получить? Лично мне, по крайней мере сейчас, драться неохота. Сядука я лучше на пенек, да съем пирожок.

— Ты чё, неграмотный? — раздалось из-за камня.

— Что за дела? — тоскливо вздохнул Санька. — Никакого тебе спокойствия. От этих голосов уже голова пухнуть начинает. — И, повернувшись в сторону невидимого собеседника, произнес: — Грамотный, а что?

— А чё сидишь?

— А чё спешить? — передразнил паренек невидимку.

— Не, а ты точно читать умеешь? — забеспокоился голос.

— Да умею, умею.

— Тады прочитай, об чем там речь? — не унимались из-за камня.

— Об чем, об чем. Да ни об чем. Написано, что торопиться не надо. Надо поесть, отдохнуть.

— И почему за последнее время мне одни неучи попадаются? — страдальчески вздохнул невидимка и назидательно добавил: — Тут написано — быть тебе битому.

— Так это ж если я куда пойду. А мне и здесь хорошо.

— Пойду, не пойду. Написано — битому, значит, битому. Всякая надпись силу имеет в том, что произойдет непременно.

— Что написано пером... — ляпнул Санька невпопад застертую поговорку, но до конца договорить не успел. На ва-

лун вскочило низенькое, коренастое, с длинными руками существо.

— Ишь ты, шарик какой, — насмешливо фыркнул Санька.

Существо же засунуло два пальца в рот, набрало полную грудь воздуха, от чего раздулось еще больше, и начало свистеть.

— Остановитесь! — суровым тоном автоинспектора произнес паренек. — Прекратите хулиганить, гражданин Соловей-разбойник.

От удивления «шарик» выпустил через нос воздух вместе с пузырями, раскашлялся и расчихался.

— Откуда ты меня знаешь? — спросил он, придя в себя. — Ты кто такой?

— Я Саня. Можно Александр Иванович. Личный посол царя Берендея по секретной части. А про тебя в сказках читал. Личность ты известная, но хулиганистая.

— А чё. Мы ничё. — принялся оправдываться Соловей-разбойник. Он опустил руки, но с камня не слезал, настороженно глядя по сторонам. — А ты не для поединка сюда пришел?

— Ага. Всю жизнь мечтал, — лениво потянулся секретный посол и завалился на траву. — Вот как утром проснусь, так сразу же начинаю искать, с кем бы это посвистеть в четыре пальца.

— Ты уж прости меня ради бога. — Мужичок наконец-то успокоился. — Приятно встретиться с хорошим человеком. А то ведь всяк стремится обидеть, с мечом лезет, голову рубит. Меня, понимаешь ли, в нечисть записали. У нас каждый богатырь так и норовит аккурат между завтраком и обедом подвиг совершить. И нет бы Змея Горыныча или Кащея на поединок вызвать, всё ко мне; иногда даже в очередь становятся. Вот и приходится посвистывать. Это свист, понимаешь ли, такой; его не слышно, а у человека глаза наружу выскакивают.

— Ультразвук.

— Во-во. И я говорю. Звук он у меня. Только этим и спасаюсь. Ты вот первый, кому этих подвигов не надо.

— Почему ты Соловей — мне понятно. А разбойником отчего кличут? Зря же не назовут.

Соловей помялся немного, подергал себя за ухо, шмыгнул пару раз носом и начал свой рассказ:

— Давным-давно, в стародавние времена, я был богатырем. Да, да, самым настоящим богатырем; и не надо улыбаться, я ничего не сочиняю. Конечно, сейчас, глядя на меня, в такое трудно поверить. Но это на самом деле так. Стояли мы на службе у самого Перуна. Народ подобрался неслабый. По именам сам определить сможешь: Горыня, Валигора, Вырвидуб, Запривода. Еще долго перечислять можно. А уж как начну рассказывать, какие они подвиги совершали, это я и к завтрему не закончу. Вот возьмем Святогора...

— Как Святогора? — удивленно приподнялся Санька. — Он ведь это... герой, а не хулиган, как некоторые.

— Я и говорю — богатырь. А ты не перебивай. Я среди них самым младшеньким был, посвистывал. Мог запросто ветер-ураган поднять. Молодой был, глупый и по глупости своей озоровал много. С одного такого случая все и началось.

Жил-был неподалеку купец. Большая скотина, между прочим. Жадный до тошноты. Как увидит у кого чего-нибудь такое, чего у него нет, аж дрожит весь. Ехал он однажды с соседней деревни с ярмарки. Я по лесу мимо шел и не удержался, свистнул. Кобылка у него молодая была, горячая; на дыбки взвилась да как понесет. Купчишка перепугался, бородой вниз завалился; ноги вверху рогатиной раскорячились. Чуть было не убился. Так в деревню и влетели, еле-еле их остановили. Купца чуть живого из телеги вытащили, на ноги перевернули. А он, не успев сено изо рта выплюнуть, давай ругаться и кричать: «Разбойник, грабитель».

Мешок денег у него, видите ли, пропал. Может, он их по дороге выронил, а может, сам и зажучил, с него станет. Однако виноватым я остался.

Ладно, только все успокоилось — новое дело. За рекой деревенька стояла. Там у меня зазноба появилась. Толь-

ко-только начали встречаться. В один прекрасный вечер иду я со свидания, а навстречу — ейный сосед. Он тоже, как потом выяснилось, на нее глаз положил. Орясина метра под два ростом. Увидел меня — и в ссору. Я, чтобы его утихомирить, свистнул тихонько, он в колобок свернулся и покатился по дорожке. Очень так шустро покатился. Я для пущего веселья еще и присвистнул вдогонку, да масть не рассчитал: рядом дом стоял, так на нем крышу снесло, да в поле рожь спелая полегла. Из избы мужик обалденый вылетел — и за вилы. Пришлось и его колобком следом отправить. Наперегонки с соседом. Зрелището, сам понимаешь, замечательное, но опять мне попало. Так и повелось: где какой куренок пропадет, забор повалится или еще какая напасть, так все сразу на меня валят. Вся деревня в один голос пальцами тычет: «Это наш разбойник свистнул».

С тех пор так и живу разбойником. Надоело, а кому скажешь; близко подойти и то боятся. — Соловей обреченно махнул рукой. — Что теперь старое вспоминать. Расскажи лучше, куда сам-то направлялся?

— Служба у меня такая. К Водяному шел. С тайным заданием от царя Берендея. А очутился сам видишь где. Что теперь делать, ума не приложу.

— Хорошему человеку помочь — святое дело. Дорогу я тебе покажу. Есть тут одна заветная тропинка, прямо к Водяному и выйдешь. Он в пруду живет, мимо не проскочишь. Правда, дорога через бор ведет, но ты не бойся. Что бы вокруг ни происходило, не обращай внимания. Это все больше морока, наваждение.

Это предупреждение Санька пропустил мимо ушей. После встречи с Ягой и Кащеем он уже без всякого волнения взирал на разных волшебников: «Подумаешь сказки. Мы и сами не лыком шиты».

Однако, услышав, что лес заколдованный, он внутренне собрался и, шагая по тропинке, был готов немедленно дать отпор любому чародею, невзирая на лица. Но не успел он

отойти от камня с надписью и нескольких шагов, как вдруг услышал чей-то нежный голос:

— Ой, глядите-ка, богатырь. Молоденький. А симпатичный-то какой.

Санька непроизвольно расправил плечи, надул для важности щеки, сделал серьезное лицо и обернулся.

На поваленном дереве сидела прелестная миниатюрная девчушка. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами и улыбалась. Санька подрос еще на несколько сантиметров и заулыбался в ответ.

— А что богатырь ищет в наших лесах?

— Я правая рука самого царя Берендея. Выполняю его личные и самые ответственные поручения. Как появится работенка потяжелее да поопаснее, так сразу за мной — спаси, родимый, помоги. Больше ничего сказать не могу, потому как государственная тайна. Вот только тебе по секрету. Но чтоб дальше никому. Иду проверять Водяного. Не проказничает ли он.

— Ой. Такой молодой, а уже воевода, — продолжала льстить девица.

— Бери выше — советник.

— Ты и есть тот самый советник у Берендея? А не врешь? — Легкая тень пробежала по лицу прекрасной незнакомки.

Но Саньку несло. Он гоголем ходил вокруг девчонки и совершенно не обратил внимания на эту перемену в ее настроении.

— А ты думала. Самый наиглавнейший царский советник и есть. Он у меня все, что ни скажу, делает. Потому как то, что в будущем произойдет, вижу. Вот так вот посмотрю на человека и сразу сказать могу, что его ждет. Да без меня царь давно бы с протянутой короной в руках ходил, милостью просил. А сколько я диковинок разных придумал, — продолжал он с энтузиазмом. — Вот, например, придумал я железную птицу — самолет. Представляешь, внутри человек сидит...

— Ой, какое симпатичное колечко! — восхищенно перевела его девчонка. — Никогда прежде такой красоты не ви-

дала. И дорогое, наверное. У тебя, наверное, этих денег куры не клюют?

— Да уж не из бедных будем, — продолжал заливать Санька. — А колечко это так, пустяк. Мне Берендей обещал подарить другое — золотое и с изумрудом. А еще цепочку — с падающим кольцом.

— Здорово. А померить можно? Если, конечно, не жалко?

— Мне жалко? — возмутился парнишка и начал снимать кольцо.

Колечко резко сжалось, словно пытаясь оставаться, но Санька рывком сдернул его и протянул маленькой прелестнице.

— Можно я его сам на этот чудный пальчик надену?

Девица протянула руку, полюбовалась на колечко, а затем, наклонив голову набок, переспросила:

— Неужели царь тебя во всем слушается?

Парнишка надул губы:

— Мужик не баба, врать не будет. Да я, если хочешь знать...

— Уже знаю. Василиса замуж идет.

— Как идет? За кого идет? — поперхнулся на полуслове «советник». Он вмиг забыл и про колечко, и про все остальное.

— За Чудо-Юдо морское.

Это был удар под дых. Мгновенно все вокруг сжалось и превратилось в малюсенькую точку с диким названием «Чудо-Юдо», которая затем разрослась, заполнив весь мир.

Как ни крути, а следовало признаться, что красавица царевна произвела на молодца большое впечатление, и он уже постоянно вспоминал ее серебристый смех, милую улыбку. Даже жизнь здесь перестала казаться ему такой мрачной, хотя, конечно, лучше было бы забрать ее с собой в светлое будущее. В конце концов, куда муж — туда и жена.

Так что новость эта Саньке не понравилась. Он сразу потерял всякий интерес ко всему, что творилось вокруг, однако виду не подал.

— Подумаешь. Это ее сложности. Если ей Чуда не хватало, так и пожалуйста. У нас равноправие.

— Слушай, — предложила девица. — Пошли ко мне домой. В гости. Я недалеко живу, совсем одна. Скучно.

Саньку душила обида на Василису. «А что, и пойду. Будет знать». И он повернулся к девице:

— Давай показывай свои хоромы.

Она соскочила с дерева, схватила его за руку и потащила в глубь леса. Странное дело, никакой дороги не было видно, наоборот, чем дальше, тем гуще становились заросли.

— Ты куда меня ведешь? — повернулся он к проводнице. Та, словно спохватившись, остановилась и огляделась.

— Ой, и то правда? Куда-то не туда попали. Надо правее взять. Ты вот что, присядь на минутку, передохни, и дальше пойдем.

Санька послушно уселся и прислонился спиной к дереву. Непреодолимо захотелось спать. Он широко зевнул и прикрыл глаза.

— Сходи посмотри дорогу, а я кимарну чуток. — Он еще раз зевнул и обмер. Вместо милой молоденькой девчушки напротив него стояла странная особа неопределенного возраста. Рваная одежонка, длинный нос. Торчащие шишом спутанные волосы. — Ты чего? — удивленно промямлил Санька и вдруг понял, что тело его отяжелело. Невозможно было пошевелить ни рукой, ни ногой.

Вместо ответа противное создание принялось скакать вокруг него корча рожи и показывая язык.

«Это конец, — мелькнула в затуманенной голове запоздалая мысль. — Вот усну я тут и больше никогда не проснусь. И не видать больше мне дома родного, а уж Москвы тем более».

Все это время перед ним маячила неясная, постоянно ускользающая мысль. Последним усилием воли Санька поймал ее за хвостик: «Соловей предупреждал, что могут голову заморочить. А раз все это наваждение, значит, сплошное вранье». А коли так, то и насчет Василисы, ему тоже дурят голову. Никуда и ни за какого Юду она не выходила.

Это его почему-то очень обидело.

— У, кикимора болотная, — пробормотал Санька заплакающимся языком.

Простое слово разом поставило все на свое место, развеявшись весь сон, и он вскочил на ноги.

— Ты Кикимора! — радостно завопил он. — На людей кошмары нагоняешь. Главное — на тебя внимания не обращать.

Та, увидев, что ее колдовские чары больше не действуют, метнулась в сторону и исчезла.

— Василиса! — прокричал во все горло свое волшебное слово Санька, встряхнул головой и понял, что снова очутился на дорожке.

«Привидится же такое, — думал он, шагая дальше. — А ведь сам и виноват. Никогда и никого нельзя слушать. С Василисой, как вернусь, нужно будет обязательно поговорить, и не так, как в прошлый раз».

И тут его словно пригвоздило к земле: колечко-то у Кикиморы осталось. Однако искать ее, похоже, бесполезно.

Солнышко колобком катилось по небу, день был в самом разгаре. Санька притомился шагать и недовольно бурчал, стараясь в то же время не потерять из виду тропинку:

— Соловей говорил, до пруда недалеко. Интересно, это он в чем измерял? Иду, иду и ничего не вижу. А если хорошенько подумать, так к чему такая спешка? По такой жаре Водяной из воды и носа не высунет; еще звать, кричать придется. Так что можно отдохнуть малость да перекусить чуток.

Он огляделся и, заметив невдалеке небольшой пенек, повернулся к нему. Чем не стол? Наброшенный сверху платок заменил скатерть, оставалось только разложить продукты, и милости просим отобедать.

Все, что затем произошло, Санька запомнил плохо, отрывками. Как все начиналось, он еще смог бы рассказать, но что происходило потом...

Раздалось недовольное шипение. Лежащий до этого неподвижно платок стал медленно подниматься вверх, и из-под него наружу показалась рассерженная змеиная голова. Одно это могло заставить человека вздрогнуть. Нет, если смотреть отвлеченно, то зрелище представилось, конечно, замечательное: этакая бабушка в платочке. Но Саньке было не до смеха. Он с детства не любил и боялся змей. При виде этих мильых созданий он моментально впадал в панику. Самое интересное, что ни один из этих ползучих лично ему ничего плохого не сделал и почему их нужно бояться, он, хоть тресни, объяснить не мог. И никакие утверждения, что змеи первыми не нападают, а наоборот, сами пытаются убежать, не помогали. Как не помогали и уверения, что есть масса безобидных особей, например, ужи. Какие пятнышки? Кто и где их будет искать?

Вот и теперь, увидев мелко дрожащий раздвоенный язык, круглые немигающие глаза, Санька подскочил высоко вверх и с криком сорвался с места, пулей промчался вперед по тропинке, не останавливаясь до тех пор, пока между ним и змеей не установилось приличное расстояние. Даже не заметил промелькнувший мимо пруд.

Он выскочил на широкую полянку и встал, еле переводя дух. На всякий случай осмотрелся: опасность, похоже, миновала, никаких других гадов вокруг большие не было видно.

Но теперь возникла новая проблема; где-то там, позади, остался и Водяной. Однако идти обратно к пруду Санька не согласился бы ни за какие коврижки. Впрочем, впереди виднелась река. Если рассуждать логически, то почему владыка рек, прудов и всяких луж не может находиться там? Какая ему, если подумать, разница, где сидеть?

Приняв такое важное, успокоительное решение, «тайный посланик» бодро зашагал к реке. Настроение сразу улучшилось; в голове у него всплыла старая детская песенка, и он заорал ее во всю мочь, насколько хватало голоса:

Я Водяной, я Водяной.
Никто не водится со мной.

А все мои подружки — пиявки и лягушки.
Тьфу, какая гадость.

— Это что еще за «гадость» такая? — раздался чей-то возмущенный голос, и Санька получил такой подзатыльник, что полетел носом в репейник. — Кому это пиявки и лягухи не нравятся?

Несчастный парнишка, причитая, выдрался из колючек. Перед ним, сердито наступившись, стоял странный дед: не высокого роста, кругленький, с нечесаной гривой зеленоватых волос и круглыми, как у рака, глазами навыкат.

— Ты что, старый, совсем сдуруел? — накинулся на него пострадавший.

— А ты пошто мерзости всякие орешь? — петухом лез в ответ незнакомец.

— Какие мерзости, дедуля. Песенка это детская. Понимаешь? Для маленьких. Из мультика.

— Енто неправильная песенка. Пиявки и лягухи не гадость, а очень даже и полезные. А ежели ты их не любишь, нечего вообще сюда ходить.

— Ну, пенек, ты даешь. Да ты совсем повернутый. Да знаешь ли ты, кто я такой? — гордо вскинул голову Санька.

— И кто же?

— Посланник по секретной надобности от самого царя Берендея, и дело у меня наиважнейшее к самому Водяному. Это мужик тут один с такой вот фамилией живет. Говорят, речной царь. Так что ты полегче, а не-то я твоих земноводных вмиг раздраконю, и икры от них не останется.

— Ишты, раздраконю. Тоже мне Змей Горыныч нашелся. А скажи-ка, мил-человек, у царя что, кругом одни дурни остались? Неужто он никого поумнее прислать не мог?

— Почему это дурни? — не на шутку обиделся царский посланник.

— А потому, что это ты ко мне шел. Водяной — это я.

— Ты? — ошарашенно пролепетал Санька. — А почему же ты тогда здесь стоишь?

— И где же я, по-твоему, быть должен? — вконец разозлился дед.

— Не знаю. В реке там или омуте. Под водой, короче. Править рыбами всякими, утопленниками.

— Не, точно бестолковый. Как что скажет — так хоть стой, хоть падай. Мне больше делать нечего, только с утопленниками возиться. Ладно, если там еще девушка молодая попадется, а остальные-то мне на что? И вообще отвечай, зачем пришел?

— Это мне у тебя спросить нужно. Берендей послал с тайным поручением. А что это за поручение, не сказал. Так что на этот вопрос ты сам ответ дать должен.

— Берендей, говоришь? Тогда ясно. — Водяной усился на пенек. — Давай выкладывай, какой дорогой сюда шел?

— Вот оттуда. — Санька махнул рукой в сторону леса.

— Оттуда? Странно. — Водяной почему-то занервничал. — А ты там по пути ничего такого необычного не заметил?

— Ух, еще как заметил, дедуля. Змеюку видел. Жуть.

— Чего? — опешил дед. — Какую такую змеюку?

— Живую. В платочке.

— С тобой говорить — сперва жбан воды выпить надо. При чем тут змея? Ты омут-то мой видел?

— Да проходил мимо. Канава как канава.

Речной царь с изумлением уставился на Саньку. Так обозвать заколдованное место. Здесь находился его подводный дворец, и, чтобы никто не докучал, он наложил на окрестные места страшное заклятие. Попасть сюда можно было только по одной-единственной тропинке, о существовании которой знали немногие. Но это еще не все. Всякий, кто все-таки забредал сюда, засыпал и бесследно исчезал.

Санька, удирая от змеи, с такой скоростью проскочил мимо омута, что заклинания не успели на него подействовать.

Водяной, не подозревая, насколько прост ответ, не знал, что и подумать, и задумчиво глядел на парня, почесывая свою запутанную бороду.

«Выходит, он тоже волшебник? И посильнее меня будет? А я его в колючки. Нехорошо получилось. Пока он сам этого не понял, надо его выпроваживать. Еще вза- правду осерчает, разбирайся потом. Нет уж. Пусть идет обратно во дворец».

— Ты передай царю, дождик завтра будет.

— Чего? — уставился на него Санька. — Какой дождик? Я что, за этим сюда шел?

— За этим, за самым. Берендей у меня завсегда погодой интересуется. Так что возвращайся назал по тропке, да и все как есть передай.

Идти по тропинке, на которой наверняка до сих пор находилась змея, Саньку нельзя было заставить даже под угрозой немедленного расстрела.

— А какого-нибудь иного пути нет? — неуверенно спросил он. — Мне тут еще в одно место заглянуть нужно.

— За тем бугром другая дорога, — замахал рукой Водяной, которому хотелось скорее избавиться от неудобного гостя. — Правда, крюк небольшой сделать придется, но это ничего — лишнего совсем немного, да и илтить хорошо.

— Вот и ладненько. Пошел я потихоньку, вот только сначала попью, а то что-то в горле пересохло.

— А пиявки? — не удержался и съехидничал Водяной.

— Дались тебе эти пиявками. Я же говорил, песенка такая есть.

— Ладно, ладно. Это я так, не серчай. Давай попрощаемся: тебя ждут, да и мне пора делом заниматься. Вон родничок пробивается, помочь нужно. Река опять же в излучине заросла, почистить не мешало бы. Так что некогда мне тут с тобой возиться.

Подступал вечер. От реки потянуло прохладой. Всю стрекотали кузнечики, звенели цикады, с шумным плеском играла рыба. Санька подошел к самой воде. Вот мелькнул серебристый хвост. Затем другой.

— Эх, здоровенная же рыбина, жалко, удочки нет. Хотя от этого ненормального защитника природы можно и по шее схлопотать.

Сбоку в камышах послышалась какая-то возня, тихий шелест и хихиканье. Санька посмотрел туда и обомлел. На него смотрели две прелестные девичьи головки. Они о чем-то тихо переговаривались, а затем поплыли ему навстречу. Вдруг одна из них приподнялась, затем другая, и оказалось, что на них совершенно нет одежды. Густая краска залила молодцу лицо.

— Дикий пляж, — стукнул он себя рукой по коленке. — И этот старый хрыч тут небось втихаря подглядывает, а мне так голову морочит: «Я Водяной. Я — владыка вод». У, крокодил зеленый.

Видя, что купальщицы его не стесняются, Санька сделал шаг вперед и помахал рукой:

— Девчонки, а вот он я.

Те переглянулись, о чем-то быстро перешепнулись и снова уставились на него, улыбаясь до ушей.

— Ух, искупнусь! Хороша водичка! — отчаянно прокричал Санька и начал стаскивать с себя рубаху.

Увидев это, в воде восторженно заверещали и подняли фонтан брызг. И, о ужас, в воздухе замелькали серебристые рыбьи хвосты.

— Русалки, — обалдел паренек и рванул прочь. Мокрые ноги скользили по траве, спущенные до половины штаны не давали как следует ступить. Он все время скатывался и скатывался назад к воде. Наконец судорожным рывком вылетел на берег, подтянул штаны и кинулся наутек. Снова споткнулся, упал, вскочил и со всего маху врезался в речного царя.

— Ты что, сказился? — взвизгнул Водяной, отлетев в кусты. — Какая муха тебя укусила? Так ведь и убить недолго.

— Рус-с-с-салки, — стучал зубами то ли от страха, то ли от холода и заикаясь, едва выговорил Санька, показывая пальцем на реку.

— Русалки как русалки. Чего орать-то?

— Так ведь заманят и утопят.

— Где ты этой глупости набрался? — недовольно пробурчал Водяной, кряхтя и поднимаясь.

— Но как же. Это даже дети малые знают. Вот и в песне поется: защекочут до икоты и на дно уволокут.

— Фу ты, ну ты, — насупился речной царь. — У тебя своя голова на плечах есть? Посуди сам. Кругом природа, свежий воздух, вода в реке чистая-чистая. И кому ты там нужен утопленником, раздувшийся да синий.

— Ничего не знаю! — решительно произнес Санька. — Все говорят, что русалки одиноких путников завлекают и топят. Вон они какие... завлекательные. Теперь я и сам вижу.

— Говорят, говорят. Ты слушай больше. А еще волшебник. Мои девоныки, наоборот, всех бестолковых пловцов из воды вытаскивают. В основном-то кто топиться лезет? Молодежь сопливая. «Ах, у меня несчастная любовь. Ах, никто меня не любит», — и бултых в воду. Ну, с этими понятно. Они в воде-то поостынут, на бережку отлежатся, а там, глядишь, и домой подадутся.

Вот с кем морока, так это с мужиками нетрезвыми, медовухи перебравшими. Как увидят моих лапулек, так сразу в воду лезут, компанию составить. Мало того что утопнуть могут, так еще всю воду сивухой отравят. Я уж и так девчата своим приказал: ежели идет пьяный, не высовываться. Пусть мимо проходит. Так нет же, все равно углядят.

Только вчера один такой глазастый отсюда неподалеку пузыри пускал. До чего накачался, что решил по воде, словно по дороге, пойти прогуляться. Русалочки-умницы давай его выпихивать, а он уперся и ни в какую. Как раскричался на всю речку: «Девочки. Я с вами. Буду самым главным дельфином». А сам лыка не вяжет. Плавники все у себя искал. Пришлось этому, «бутылконосому», по щекам хвостом нахлестать, тогда немного очухался. А тут, как на грех, жена его по воду пришла. Видит, муженек-то в воде, с русалками вперемешку, и в крик: «Спасите, люди добрые. Помогите». Мужик-то сразу протрезвел. На берег выкарабкался, и что ты думаешь? Правильно. Бросился к своей законной половине и давай ей врать, что его, мол, эти соблазнительницы заманили, с ног сбили, в воду заташили, утопить хотели, но он им, уродинам, не дался. Лишь одну тебя люблю, а этих — только на сковородке. Теперь в деревне разговору будет на месяц.

Санька посмотрел на играющих в воде русалок.

— Может быть, и так, — неуверенно проговорил он. — Они, конечно, ничего, симпатичные. Но мне идти надо, царь ждет. Нечего время зря терять.

«Задание я выполнил, уж теперь-то царь будет доволен. Пора о деле поговорить», — размышлял Санька, барабаня по воротам.

Однако он опять размечтался раньше времени. Из бойницы соседней башни выглянуло угрюмое лицо советника.

— Как там Водяной поживает? — недружелюбно любопытствовало лицо, со злостью разглядывая вернувшегося живым и невредимым посланника.

— Нормально. Кувшинки пересчитывает. Открывай давай. — Парснек развернулся спиной к воротам и принялся колотить по ним ногой, подняв ужасающий грохот.

— Кончай безобразничать! — завопил Хряк. — Стража, взять его — и под замок!

Ворота отворились, из них выскочили три стражника, больше смахивающих на небольших гиппопотамов, чем на воинов, и дружно затопали к возмутителю спокойствия, выставив вперед пики. Увидев это воинство, Санька сразу понял, что перед ним опять-таки не дружины Липуни, а люди советника.

— И чего он ко мне привязался? — вздохнул молодец и начал медленно пятиться назад, затем неторопливо побежал. Это подбодрило нападавших, и они добавили прыти, пытаясь догнать и окружить паренька. Он слегка прибавил, делая большой круг. Стражники, сопя от усердия, тоже поднажали, постепенно вытянувшись гуськом. Санька вернулся к воротам и резко развернулся лицом к преследователям.

Бежавший первым широкомордый детина ткнул в него пикой, но промахнулся и, потеряв равновесие, споткнулся. Голова его воткнулась в щель между створками, где и застяла. Второй стражник, громко сопя и задыхаясь от такого забега, оказался удачливее и попал в цель. Правда, не туда, куда целился, а чуток пониже — первому в зад. Пострадав-

ший взвыл и, вывернувшись, с размаху опустил свой щит на голову растяпы. Тут наконец-то подоспел третий, самый толстый, самый неповоротливый стражник, и, не сумев затормозить, со всего маху врезался в первых двух. Раздался оглушительный грохот, вопли и ругань. Перед воротами образовалась небольшая свалка из рук, ног и доспехов. Хряк взвыл от злости.

Санька стоял рядом, задумчиво разглядывая эту симпатичную картину.

Берендей в это время поднимался на крепостную стену. Услышав шум, он подскочил к бойнице иглянул наружу:

— Что, где, почему? — но, увидев кучу мала и рядом Саньку, упер руки в боки. — Опять хулиганишь?

— Ничего подобного. Пытаюсь пройти для доклада. Водяной привет передавал. Сказал, на завтра сапоги готовь, дождик пройдет.

— Ты чего несешь?

— Вот и я удивился, при чем тут погода. А он говорит, что ты у него уже третий раз прогноз узнаешь.

Берендей пожевал губами, посчитал в уме. Действительно, Хряк посыпал на верную гибель двоих смутьянов, и те сгинули, а этот, вишь, вернулся. Не сработало колдовство.

Советник тем временем вихрем взлетел на стену, подскочил к царю и настойчиво потащил его прочь, погрозив молодцу кулаком.

— Царь-батюшка сейчас отдохнать идут, а ты домой отправляйся, завтра будет тебе новое задание.

Санька шел домой, задумавшись о том, что все это очень странно. Берендей совершенно не желает с ним разговаривать. Советник постоянно ставит палки в колеса и скорее всего опять ласт какое-нибудь илиотское поручение. Этак он никогда не узнает, какое же тут Зло объявилось, а если и узнает, то не будет ли слишком поздно?

Задачка, похоже, оказалась ему не по зубам; зря Кащей на него понадеялся. Это было как-то даже обидно, и парнишка размашисто шагал, невнятно бормоча ругательства и дер-

гая головой. Редкие прохожие шарахались в сторону, что также раздражало. Но было еще что-то такое, от чего становилось и вовсе неуютно.

Он резко остановился и осмотрелся вокруг. То, что он увидел, настроения не прибавило. Во-первых, забрел неизвестно куда. Во-вторых, совершенно не представлял, как отсюда выбраться. Два тупика, куча высоких заборов. Возле одного из них что-то жгли — к небу тянулся серый дым.

Прикинув, где примерно может находиться его дом, парнишка повернул обратно. Проплутав еще немнога, он вновь огляделся. Впереди засияли маковки царского дворца. Санька хотел шагнуть в этом направлении, но замер: из зарослей крапивы вверх поднималось знакомое серое облачко.

Санька насторожился, но виду не подал, а, небрежно настыривая, зашагал к дворцу. Выйдя на площадь, он резко повернулся, краем глаза посмотрев назад. Настырный дым двигался следом.

«Похоже, за мной шпионят. Интересно кто? Что, если это злые силы узнали, кто я такой, и решили расправиться? — От такого неожиданного вывода ему стало не по себе. — Баюн говорил, если понадобится, то Василиса поможет. Да и Липуня может чего-нибудь умного подсказать. Однако сразу сейчас к ним пойти нельзя, об этом тотчас станет всем известно. Хорошо, устроим маленькое представление».

Он остановился, задрал голову вверх, закатил глаза и, подывая, затянул гнусавым голосом:

— Призываю силы небесные, дабы поразили они все туманы стелющиеся, а через них и врагов моих невидимых.

Дым задрожал и моментально растаял в воздухе.

— Так, от ишнейки избавились на время. Теперь нужно Липуню и Василису отыскать. Сначала домой, в этом деле без Домового не обойтись.

Парнишка прибавил шагу и вскоре открывал дверь в свою избу:

— Ау, люди!

Из-под печи показалась заспанная голова Домового:

— Чё случилось?

— Срочно разыщи воеводу и царевну. Но так, чтобы ни одна собака не пронюхала. Встречаемся у Лени.

— Усе исполним, и в лучшем виде, — лихо отрапортовал Домовой и исчез.

Выходя за ворота крепости, Санька направился к знакомой хибаре. Здесь было по-старому, словно он никуда и не уходил. Леха все так же лежал на своей лавке и глядел в потолок.

— Все лень?

— Лень — двигатель прогресса. Вот новое заклинание придумал. — Леха произнес коротенькую фразу, и вмиг небольшой смерч вымёл весь сор из избы. Правда, исчезла и последняя корочка хлеба, одиноко лежавшая на столе.

— Издержки, — грустно произнес Леха. — На роду у меня, видимо, написано страдать за общество. Чего хотел?

— Одну загадку разгадать. Ты бы не мог на крылечке посидеть, по сторонам поглядеть, пока мы тут малость переговорим?

— И не стыдно тебе меня тяжелой работой загружать? — вздохнул Леха. — Но раз надо, значит, надо. Только я сперва к одной бабке загляну. Знатный самогон варит; тройной перегонки, березовыми угольками очищена. Слеза. Представляешь: луна, звезды, соловьи поют, а у меня этого нектара целая бутыль. — И он, кряхтя, вывалился за дверь.

Через полчаса появился воевода, вслед за ним в дверь прошмыгнула лисичка и обернулась Василисой.

— Зачем звал? — хором спросили они.

Санька присел на краешек лавки, пару раз кашлянул, прочищая горло, тяжело вздохнул, затем вскочил и принялся шагать из угла в угол — все никак не мог придумать, с какого конца приступить к разговору.

— Понимаете, — начал он. — Я тут вчера, в смысле — сегодня, после Водяного одного волхва встретил. Он ко мне бросился, начал говорить, что видение ему было — царство наше в опасности. Что вы на это скажете?

— Моя дружина всегда готова разбить любого супостата, если он к нам сунется, — твердым голосом отчеканил воевода. — А насчет всяких там предсказателей у меня от батюшки-царя есть ясные указания: все они жулики и пройдохи. Как начнет такой вот «знаток» людей мутить, сразу его в дальний монастырь и под замок, чтобы другим неповадно было.

Паренек взглянул на Липуню и пожал плечами.

— А ты что скажешь? — повернулся он к Василисе.

— Мне кажется, что нет дыма без огня, — задумчиво проговорила царевна. — Последнее время у меня часто на душе неспокойно, а отчего, сама не знаю, тревожно, и все. Я, конечно, еще много не умею, но стоит мне «на будущее» начать колдовать, словно пелена встает, ничего не вижу. Кто-то не даст мне этого делать. Превращение или перемещение — пожалуйста, сколько душе угодно. Причем я чувствую, что этот таинственный кто-то для меня совершенно не опасен. Я пыталась спрашивать у лесных волшебников, но они об этом говорить боятся, а отец даже слушать не захочет.

— Да, негусто, — подытожил Санька. — Ладно. Есть у меня кое-какие подозрения. Я их сначала проверю, а уж потом вы мне поможете с Берендеем наедине поговорить, без советника.

В это время Хряк сидел в темном углу дворца и с ужасом думал, что с Санькой он так ничего поделать и не смог. Мало того что неизвестно, какова на самом деле волшебная сила у этого невесть откуда свалившегося на его голову несчастья, так теперь он умудрился подружиться со всей местной нечистой силой и при их поддержке наверняка стал еще сильнее. Это было очень плохо.

Приходилось звать на помощь колдовские силы. Магистр, конечно, не подарок, к тому же он наверняка взбешен тем, что его обманули, но сейчас Санька был намного опаснее. Его было необходимо срочно спровадить подальше от дворца и сгнить с заморскими колдунами. А если они друг друга уничтожат, то еще лучше. Да и вообще время не ждет,

пора начинать: Берендея с Василисой — в темницу, с ними можно потом разобраться; дружины разогнать, а воеводу — на плаху.

Хряк начертил круг и начал произносить заклинание, вызывая повелителя Серого Ордена.

В круге появилась зыбкая сгорбленная фигура в серой рясе. Постепенно она приобретала все более четкие очертания; вот фигура выпрямилась, откинула капюшон. На советника презрительно смотрел Магистр.

— Это снова ты? За тобой должок, не забыл? Сколько мы еще будем ждать, когда ты выпустишь нас?

— Я все помню и уже давно собирался выполнить свое обещание, но обстоятельства оказались против нас, — заюлил советник. — Не сомневайтесь, я обязательно все исправлю. Прямо сейчас. Но с одним условием. Последним. Вернее, с двумя: убейте волшебника Саньку и помогите мне получить царскую корону. Всего-то. А уж как у вас это получится, меня не касается.

Монах поднял глаза вверх, сложил руки на груди и пошевелил губами, затем, склонив голову, смиленно произнес:

— Мы поможем тебе еще раз.

Если бы Хряк мог знать, о чем думает колдун, то немедля отправил бы его обратно туда, откуда тот явился, но чужая душа — потемки. В магическом круге был открыт проход, и Магистр шагнул вперед.

— Для начала нужно... — начал советник, но монах его перебил:

— Я сам знаю, что мне делать.

— Нет, — взбеленился Хряк. — Здесь командую я, твое дело выполнять приказы. Возьмешь своих людей и захватишь заставу, ту, что ближе к городу. Я пошлю Саньку к ним на выручку, там вы его и убьете. Одновременно захватываем дворец.

— Хорошо, — согласился Магистр, хлопнул в ладоши и... раздвоился. — Я возвращаюсь, и завтра отсюда хлынет мое войско. А мой двойник разберется с твоим врагом-волшебником.

ЗАСТАВА

— Дружина, подъем. Во дворец требуют! — загремел в сенях гулкий бас, и в комнату ввалился Липуня, заняв собой, по обыкновению, все пространство. — Просыпайся, леже... — начал он снова, но осекся. Хотя на дворе наступило раннее утро, здесь, похоже, еще и не ложились. Постель не была смята, а за столом, словно статуя, сидела неподвижная фигура и, не мигая, смотрела прямо перед собой.

Воевода подошел поближе, обошел вокруг стола. Затем остановился напротив Саньки и помахал у него перед носом рукой. Тот, не обращая никакого внимания на гостя, даже не шелохнулся, продолжая плятиться остановившимся взглядом на стол, в центре которого лежал большой клетчатый платок, заставленный маленькими фигурами черного и белого цвета. Лоб у него отливал синевой и слегка распух.

— Заколдовали! — ахнул Липуня. — Как есть заколдовали. Влип молодец. Заговоренные амулеты подсунули. Да и где ж ему все хитрости колдовские знать-то. Как ни крути, а все одно — молод еще. Ох, пропадет ни за что. Спасать нужно.

— Шах. — Статуя неожиданно ожила и произнесла магическое слово.

Ситуация казалась почти безнадежной. Если человек заговоривается, значит, злые чары уже прочно опутали его душу. Времени на раздумья не оставалось. Чем быстрее уничтожить эти бесовские штучки, тем лучше.

Старый добрый меч пошел на взлет, как вдруг раздался тонкий голосок:

— И мат. — И на противоположном конце стола материализовалась знакомая хитрючая физиономия. — Давай лоб. — Домовой деловито послюнявил палец.

Санька послушно наклонил голову, и тут раздался такой звон на весь дом, что Липуня непроизвольно поежился.

— Вы что это тут делаете?

— В шахматы играем.

— Играете? С кем? Вот с этим жуликом? Да ты на его рожу-то погляди.

— А чего сразу на личность переходить, — надулся Домовой. — И вовсе не рожа, а физиономия. Я знаю, в зеркало смотрелся. Мне нравится. Очень даже ничего.

— Ах, ничего. И давно вы тут сидите?

Санька выглянул в окошко:

— Ба. Да уже скоро день на дворе. Тогда с вечера, однако. Вот время-то летит. А я ни разу еще не выиграл.

— Так ты эти свои шахматы перекрести.

Домовой, видя, что на него не обращают внимания, тихо сполз с табуретки и исчез в углу.

Санька недоуменно посмотрел на воеводу. Затем нерешительно перекрестил фигуры.

— Жулик! — тут же завопил он. — Полтергейст несчастный. Король-то мой совсем в другом месте стоит. То-то я гляжу, у меня взрослый разряд, а он шахмат в жизни не видал, первый раз играет.

— Ничего не первый, — раздалось из угла. — Я в игрушки разные, если хочешь знать, уже пятьсот лет играю.

В угол полетел валенок.

Липуня не мог сдержать смеха, глядя на это представление.

— Ты смотри, шибко не буянь. Кушак-то свой вспомни. Обидишь маленького — будет тебе тогда на орехи.

— Это точно, — подтвердил голос.

— Как же, размечтался. Держи карман шире. Кто тогда с тобой играть-то будет. Сверчки да тараканы?

В угол дипломатично промолчали.

— Мне очень нравится ваша задушевная беседа, — воспользовался паузой воевода, — но царь к себе требует.

— Ладно, — сменил гнев на милость Санька. — Я сейчас быстренько во дворец слетаю. Туда и обратно. А ты давай новой фигуры расставляй, но заруби себе на носу: такие фокусы у тебя больше не пройдут.

Во дворец их повели через черный ход. В воздухе висела гнетущая тишина. Берендей сидел на троне и был мрачнее

тучи. Последнее время на границе было неспокойно, но сегодняшний день принес и вовсе плохие вести.

Вчера утром с пограничной заставы прискакал взмыленный гонец с донесением. Бумага, по всему, писалась в спешке, и понять, что там произошло, было невозможно. Сам гонец также ничего нового добавить не смог, а только испуганно повторял:

— Нечистая, — и мелко крестился.

Липуня немедленно выслал конный отряд, но уже сегодня днем дружинники вернулись: помочь опоздала, от укрепления остались одни головешки.

Следом появился гонец с другой, расположенной совсем близко от города заставы. Сотник Сыч доносил о странных иноземцах, напавших на его людей. Так близко враг давно не появлялся.

Ко всему прочему, пропал советник. Его искали весь день, но так и не смогли найти. Берендей уже так привык, что у Хряка всегда есть ответ на любой вопрос, что совершенно растерялся и не знал, что делать.

Советник, бледный и осунувшийся, как после тяжелой работы, появился под вечер.

Разгневанный царь вытянул его посохом вдоль хребта. Хряк, ловко увернувшись от второго удара, распластался на полу и запричитал:

— Беда, ой беда. Чернокнижники иноземные в царстве твоем шалят, народ с пути истинного сбивают.

Берендей побледнел. Сначала своя нечисть нервы попортила, теперь заморская объявилаась.

— Что делать будем?

— Вопрос сложный, — поднялся, отряхивая пыль с колен, Хряк. — У тебя шапка дорогая, тяжелая, ты и решай. Лично я бы отправил против них этого высокочку Саньку.

— Так ты говорил, что он колдун? — растерялся Берендей.

— Вот пусть с чужими колдунами и разбирается, — зловеще проговорил Хряк и едва слышно добавил: — Если сможет.

И теперь Берендей долго глядел на молодца, который уже совершенно извелся и стоял, переминаясь с ноги на ногу, но рта не раскрывал.

— Есть у меня для тебя новая служба. Может, так, пустячок. Тогда вернешься скоро. Но сдается мне, дело непростое. На границе люди темные появились. Нужно съездить да поглядеть. А там как бог даст.

— Ну наконец-то, — обрадовался Санька. Это было то, ради чего его сюда затащили. Плохо было, правда, то, что Берендей не знал, что это за Зло, но появилась реальная возможность в этом деле разобраться. — Ха, дел-то. Смотреть — не работать.

— И я о том же, — вздохнул Берендей. Это настораживало.

— Что, там опять какие-то сложности? Может, сразу туда дружину послать? Почему я один должен ехать?

— Да шустрой ты больно. Из любых ситуаций сухим выходишь. Везет тебе. А это может пригодиться. Говорят, что пришельцы — маги, чернокнижники. А ты нашим всем чародеям голову заморочил, может, и от этих отобьешься.

Связываться с колдунами, тем более зарубежными, не хотелось. Колдун — он и в Африке колдун. Если, конечно, не жулик. Но жулики они или не жулики — неизвестно. А вот свои-то способности Санька знал хорошо.

С царем, однако, спорить было опасно. Вновь осерчает и, не задумываясь, выполнит свою угрозу: отрубит голову. Да так ловко, что после не приделаешь. Никакое волшебство не поможет.

— И когда идти?

— Да уж давно пора в пути находиться. Так что шагай на конюшню, садись на коня — и вперед.

Санька и воевода вышли из дворца. На крыльце их ждала встревоженная Василиса.

Санька в двух словах пересказал ей разговор с царем.

— Папаня твой о колдунах говорил; появилась тут у нас пара-тройка одуревших шарлатанов. Я их немного погоняю

и обратно вернусь. — Он повернулся он к воеводе: — Домового предупреди. Пусть потренируется. А я мигом.

— Ты не очень-то хорохорься; Берендей почему-то тебе не все рассказал, но ты знать должен, на что идешь. Дело тут загадочное. Если разобраться, история эта с прошлого лета тянется. Началась тогда у нас полоса неприятностей: непогода, разбойники по лесам объявились, люди промеж собой ссориться начали. Чем дальше, тем больше. А третьего дня появились и эти темные люди, о которых царь говорил. Колдуны они или нет, не знаю, мое дело — неприятеля бить, но на людей словно наваждение находит; объяснить ничего толком не могут. Молчат, и все. Помнишь оборотней, что на нас напали? По всему, этих самых колдунов рук дело. А те, кто сопротивляется пытаются, исчезают. Самое странное, что толком их никто не видел. Мои лазутчики доносят: противника вроде бы и немного, а уже три заставы вчистую вырезаны. И никаких свидетелей. Не у кого спросить, что и как. Вот такие пирожки с капустой получаются. На рожон нелезь, будь поосторожнее. Если раньше они по окраине шастали, то теперь рядом объявились. И еще. В той стороне замок племянника Змия Горыныча. Дорога проходит мимо, и хотя племяш ни в чем пока плохом замечен не был, но чует мое сердце, будет нам еще с ним забот. Так что ты ворон-то в дороге не лови. Мало ли что.

— Ерунда, — приосанился молодец.

Василиса посмотрела на него и покачала головой:

— Ой, не хвались. Заставы не дети малые охраняли, и то сгинули. Никто не знает, откуда эта темная напасть и насколько она сильна.

— Ну, вы, ребята, даете, у вас тут, оказывается, уже давно черти шалят. Вы сами все знаете, но только теперь, когда жареный петух клюнул, спохватились. Ладно, сильно не переживайте. Раз выпал мне такой жребий, придется выполнить. Правда, если уж честно говорить, я очень сомневаюсь, что со злыми силами справлюсь, не волшебник все-таки, а вот посмотреть да Берендею доложить — это мы запросто. Я же тут у вас не случайно появился.

И Санька рассказал всю свою историю, особенно отмечив непонятное поведение советника.

— Пойду и набью Хряку морду, — прорычал Липуня.

— Нет, — не согласилась Василиса, — это грубо и ничего не даст. Нужно отцу глаза открыть...

— А потом обязательно набить... моську, — закончил воведа.

— Меня дождитесь, я тоже поучаствовать хочу, — рассмеялся молодец и, весело посвистывая, отправился на конюшню.

Приближающаяся осень исподволь ляпала на густую зелень леса свои яркие, разноцветные краски. Дни еще стояли теплые, но ночью уже было довольно-таки прохладно; природа ненавязчиво предупреждала о грядущих холодах.

Санька не торопясь ехал на заставу, полной грудью вдыхая свежий воздух и разглядывая окружающую природу. Он не трусил, просто заметил интересную особенность: чем меньше торопить события, тем удачнее они завершаются.

На этот раз обошлось без приключений. Дорога была безлюдная, прямая, попыток исчезнуть не делала, и вскоре показалась сторожевая крепость. Охрана встретила у ворот и проводила в избу, где жил Сыч. Тот внимательно оглядел царского посланника, прочитал грамоту.

— Садись. Значит, так. Появились в наших местах чужеземцы. Вооружены. Смуту сеют. Обещают всем жизнь расчудесную. И сейчас, и потом, после смерти. Но только в том случае, если их беспрекословно слушаться будут.

— Так. Эту лабуду я уже знаю. Новенькое есть что-нибудь? Поймали хотя бы одного? Я бы с ним покалякал.

— Утром наш дозор с ними в лесу столкнулся. Драться не дрались; наших двое, а тех — полтора десятка, вмиг на коня бы подняли. Дозор отпустили, но сказали, что завтра с «ультиматом» придут. Что это за штука, не ведаю, но на всякий случай гонца послал к царю, потому как слухи всякие ходят.

— Они хотят, чтобы ты сдался, — хмыкнул Санька. — Ну, народ. Как говорит воевода, простой такой, как пирожки с капустой. Пришли не званы, не прошены; голос повышают, а вдруг испугаемся и лапки вверх. Совсем очумели. Одно радует, что встреча завтра. Сейчас поедим и банийки. Не с такими парламентерами разговоры вели.

Сотник смотрел на сидящего перед ним паренька и думал, что уж больно тот молод и нахален. Но, с другой стороны, и слухов о подвигах этого молодца предостаточно. А главное, сам царь его прислал. Значит, свое мнение нужно пока держать при себе, а там видно будет, на что годится эта прыткая молодежь.

Не успело солнце подняться и осмотреться по сторонам, как к крепости приблизилась группа всадников в одинаковых серых плащах.

— Они, — проговорил стоящий рядом один из бывших в дозоре дружиинников.

— Пошли. Как полномочный представитель царя беру переговоры на себя.

Сотник попытался деликатно намекнуть, что выходить совершенно не обязательно и со стены прекрасно все слышно, но было поздно: Санька, лихо подбоченясь, уже стоял за воротами.

— Привет, мышата. Как жизнь? Почем баранки на базаре?

В рядах «серых» произошло замешательство. Уж кого-кого, а эту сияющую физиономию здесь явно не ожидали увидеть. Капюшоны повернулись друг к другу; зашелестела быстрая, неуловимо-тихая речь. Действительно мыши — не поймешь, кто, чего, лиц не видно. Наконец один из них заговорил:

— Мы слуги господа нашего Иисуса Христа.

— Да и мы не басурмане какие.

— А договор у вас есть?

— Какой такой договор?

— Официальный. У нас с господом бумага подписана. Мы ему — почет и уважение, он нам — помощь и содействие в делах наших.

— Ну и где эта ваша бумаженция?

— Далеко. В сторожевой башне. Под надежной охраной. Так что вы должны...

— Не знаю, не знаю. Не имел, не привлекался, никого не обижал, ни у кого ничего не занимал, а значит, никому ничего и не должен. И потом, у нас людям верят, но не до такой же степени.

— Если вы с радостью не примете наших условий, то вам придется горько об этом пожалеть.

— Ничего не пойму. Вера у нас одна? Одна. А вы грозитесь.

— Ваша вера ложная. Правильная — наша.

Дружина тихо зароптала. Какой-то наиболее ретивый монах все подпрыгивал и тянул руку:

— Ах ты, мурло заморское. Мужики, дайте я ему по сопатке вдарю. Вмиг прозреет.

— Тихо! — Успокоив своих, Санька снова повернулся к парламентерам. — Мы вообще-то люди мирные, тихие. Нас не трогают — мы не трогаем. Так что идите себе подобру-поздорову от греха подальше.

— Гнев господа страшен. Наказание неотвратимо. — И серая группа повернула обратно.

Дружина смотрела им вслед, и кто-то задумчиво произнес:

— К вечеру нападут.

— А, ерунда, — потянулся Санька. — Их всего ничего. Удвоить караулы. Оружие к бою. Один полк поставить в засаду, другой за обозом. Крестьян в ополчение...

Сыч нахмурился:

— Тут в грамоте сказано, что ты нам в помощь прислан. Так что запомни, главный здесь — я. У нас сотня не собрана, всего два десятка человек. Какие полки, какие засады? И холопов без доспехов да мечей вмиг порубят. Их тут тоже все-

го ничего. У нас ведь застава сторожевая, а не посад. Так что иди отдохни, а я уж тут как-нибудь сам управлюсь.

Санька разобиделся. Еще бы. Его присылают, можно сказать, спасителем родной земли, а в ответ абсолютно никакого уважения. Хорошо, не хотят — как хотят. Отдыхать так отдыхать.

Но не спалось. Все-таки одного из «серой» группы он разглядел. И хотя тот все время молчал, показалось, что это старший. Вспомнились слова Липуни о трех погибших заставах. Что-то тут нечисто. Ведь сюда послали не кого-нибудь, а именно его, а он... Покомандовать, видите ли, не дали. Полководец непризнанный. Да, на обиженных воду возят. И Вasilisa в него поверила.

В дверь забарабанили:

— Беда, боярин!

— Ишь ты, уважают, уже до боярина дослужился. Что случилось?

— Вот мальчионка тут у нас. У него коза в лес убежала, он и пошел ее искать. Куда нынче без козы-то. Хорошо еще, что тихонько шел, волков у нас много. Глядит, а в роще «серых» уже видимо-невидимо. И все новые появляются. Малец говорит, прямо из воздуха. Не иначе, как нечистая сила объявила.

— Без паники, — начальственным тоном произнес Санька. — До воздушно-десантных войск у вас еще не додумались, а из воздуха только мыльные пузыри появляться могут. Так что продолжайте вести наблюдение, а я посижу по-мозгую. Затем и прислан.

Сотник хотел что-то сказать, но только вздохнул и вышел из комнаты, а «мозговой центр» снова завалился на кровать и уставился в потолок: «Думай, казак, думай, атаманом станешь. Своей головы мало — спроси соседскую. Стоп. А действительно, не добежать ли до Бабы-Яги, ей ума и хитрости не занимать. Хотя расстались мы не самым лучшим образом, но должна же она быть патриоткой своего леса. Глядишь, вдвоем что-нибудь умное и сообразим».

Он вскочил и, бросив по пути часовому: «Я сейчас, мигом», — выскочил за ворота и направился в лес.

— Защита родной земли — дело святое. Значит, дорога должна сама отыскаться, — бормотал себе под нос Санька, и действительно, не прошел и трех шагов, как увидел знакомую избушку. — Ха. А кот-то голову дурил, что теперь сюда ни одна собака не попадет. А я, такой умница, вмиг нашел, и никаких проблем. — И он начал дубасить кулаком в дверь: — Открывай, старая.

— А, гость дорогой, — высунулась Яга. — Явился не запылился. Побыстрее не мог? И так все тропки перепутанные выпрямлять пришлось, не то опять к черту на рога отправишься, иши потом. Глаза б мои тебя не видели, но пришла беда — отворяй ворота. Зачем пришел — знаю. Но вот как с силой темной справиться, не могу сказать.

— Я могу. У них войско большое, а наших мало. В момент затопчут. Тут нужно оружие будущего. Например, автомат.

— Это что за зверь?

— Не зверь, а механизм. Ты же у нас технически подкованная. Ступу, кстати, можно в броневичок переделать или лучше в пикирующий бомбардировщик. Представляешь, как это здорово будет. Они внизу, и тут мы, как ясны соколы...

— Ну, об этом после поговорим, соколик, — съязвила Баба-Яга, однако на всякий случай тихонько задвинула ступу ногой под стол. — Лучше о своем автомате расскажи.

— Это, бабуля, такая длинная железяка с дыркой, а из нее пули вылетают.

— Как птицы?

— Скорее как осы. Жалят они, понимаешь. И такие же маленькие. Но посильнее будут. Валят наповал. — И он как мог объяснил, что такое автомат.

Бабка задумалась. Затем начала колдовать. В избушке дым стоял коромыслом. Дело было непростое, длительное; попробуй-ка создать то, что не только никогда не видел, но о чем даже и не слыхивал.

Наконец все затихло, и на свет из котла был торжественно извлечен опытный образец.

Это была симпатичная самоварная труба с прилепленным небольшим осинным гнездом. Или из осиного гнезда торчала труба. Кому как нравится. Увидев эту конструкцию, Санька слегка скривился.

— Что-то не так? — забеспокоилась Яга.

— Ну, не знаю, — неуверенно проговорил заказчик. — Автомат системы Яги. «Ася», так сказать. А стрелять-то эта штуковина стреляет?

Старая колдунья надулась.

— Ты к стене встань, а я пульну. Там и видно будет.

— Ну уж фигушки. Где это видано, чтобы к стенке сами, по собственному желанию, становились? Вон кружка стоит, на ней и тренируйся.

Баба-Яга повернула трубу в сторону кружки и тихонько стукнула по гнезду. Тотчас наружу вылетело несколько ос, и... трах-тарарах — только осколки полетели в разные стороны.

— Каково? — горделиво вскинула голову Яга.

— Здорово. — От радости Санька запрыгал по избе. — Ну, талант, ну, самородок. Это ж целый гранатомет. Теперь мы им покажем кузькину мать, а заодно и где раки зимуют.

Солнце стояло высоко над головой, когда Санька вернулся к заставе. Он постучал в ворота и чуть не получил по шапке здоровенным камнем, благо успел вовремя увернуться.

— Вы что там, сдурели? Это же я.

Ворота слегка приоткрылись, и его резким движением втянули внутрь.

— Где тебя черти носят? — зашипел сотник. — Тут уже некоторые пытались пробраться. У нас теперь один раненый.

— Что значит где? Подарок гадам готовлю.

— Подарок будет, если тебя подловят. Мне от Берендея. Сядь в крепости и сиди. Еще с тобой возиться. Мы уж врага по-нашему встречать станем, по старинке.

Вечерело. Весело щебетали птицы. Теплый ветерок еле слышно шелестел листьями деревьев. Природа словно говорила: «Посмотрите, жизнь — это прекрасное путешествие».

Но людям, как всегда, не до природы. Они были заняты собой. Кто из них самый самый... Самый умный. Самый сильный. Самый главный. И все готовились к выяснению этого наиважнейшего для жизни человека вопроса.

Над крепостью повисло напряженное молчание. Никакого движения, только настороженные глаза.

Вокруг же, напротив, царило оживление. Кустарник и деревья многое скрывали, но и так было ясно, что обложили заставу плотно и штурм начнется в ближайшее время.

— Черт-те что, — кипел Санька, нервно расхаживая по стене. — Меня, умнейшего человека из будущего, и в обоз загнать. Я для них стараюсь, можно сказать, последняя надежда, а они...

Прямо над головой лязнула о камень стрела. От неожиданности «спаситель отечества» присел. Затем осторожно выглянул в бойницу. Никого.

— Придурки. Этак и убить недолго.

— Соображаешь, — раздался хриплый голос.

Около бойницы стояла фигура в сером плаще с капюшоном. Монах. Тот самый, утрешиий. Санька стремительно выхватил меч и нанес сильнейший удар. Меч прошел сквозь тело как сквозь туман и лязнул о стену. Следом туда же врезался и его владелец.

«Серый» хрипло расхохотался:

— А ты, оказывается, не так и умен. Былин про тебя написали.

Санька поднялся, потрогал вздувшуюся на голове шишку и, повернувшись к призраку, спросил:

— Ну и дальше что?

— У меня деловое предложение. Переходи на нашу сторону. Ты ведь не здешний, чужой.

— Свой. Чужой. Нравится мне тут. Всяк кулик свое болото хвалит. Не я родину себе выбирал, не мне от нее и отказываться.

— Э, ты тогда был глупый и несмышеный. Теперь-то, наверно, понял, что рыба ищет где глубже, а человек...

— Пять минут вижу, а уже надоел, — раздраженно проговорчал Санька. Шишка болела. — И вообще ты ведь так, голограмма со звуком.

— Колдуюшь? — снова рассмеялся монах. — Колдуй, колдуй. На меня оно не действует.

— Значит, так. Ты кто? Привидение, мираж. Нету тебя. Плюнуть и растереть! — рассвирепел Санька.

— С огнем играешь. — «Мираж» тоже начал злиться. — Я Магистр Серого ордена.

— Серый, рыжий, буро-малиновый. Да хоть зеленый в синий горошек. — Санька никогда не слышал о таком Ордене и поэтому равнодушно пожал плечами. — Мне-то что?

У Магистра от удивления отвисла челюсть. Он первый раз видел человека, который совершенно спокойно воспринял такое известие.

— Смотри не пожалей. Как солнце закатится, мы на приступ пойдем. Пока не поздно, беги отсюда. А чтобы тебя мои люди не зарубили, вот тебе жетон. Покажешь — ко мне приведут. Жить будешь, и, между прочим, неплохо. Есть одно очень выгодное предложение, но об этом потом. А здесь останешься — в землю ляжешь вместе со всеми этими глупцами.

Раздался звон упавшего металла, и монах исчез.

Санька подобрал жетон, отыскал сотника и выложил все, что с ним произошло. Тот внимательно рассмотрел бляху.

— Плохо дело. — Сыч махнул рукой в сторону противника, который, уже не таясь, выстраивал свое войско. — Серый Орден. Магистром у них колдун высшего разряда. Слышал о таком, теперь вот и встретиться довелось. Похоже, перед смертью. Не выбраться нам живыми отсюда.

Злость охватила Саньку. Он уже считал эту землю своей и был готов драться за нее с кем угодно. Живут люди, никого

не трогают. Так нет же, принесла нелегкая незваных гостей. Сидели бы у себя дома.

— Так что делать будем?

— Пойдем причастимся. Только ночь наступит, тут и конец. Врагов и так много, а в темноте, говорят, сила их удеся-теряется. Черная магия, будь она неладна. И хуже всего, что никто не знает, какая темная сила против нас выступила. А впрочем, постой: выход есть. Возьми-ка ты этот пропуск да попытайся к Берендею проскочить. Предупредить его о Магистре нужно. Одна надежа на тебя. Но сделать это нужно по-тихому. Мало ли что. Прямо сейчас и пойдешь. Сумеешь?

— Попробуем, раз других вариантов нет. Только котомку захвачу, — согласился паренек, а про себя подумал: «Сейчас-то я вам всем покажу, как воевать нужно».

Санька по веревке спустился вниз и направился навстречу противнику. Не успел он пройти и несколько шагов, как его окружили мрачные, угрюмые воины: низкорослые, коренастые, все в серых одинаковых плащах, с короткими мечами.

«Да, такие навалятся — мало не покажется», — подумал молодец, показывая бляху.

— Приятно иметь дело с умным человеком, — прозвучал довольный голос, и вперед вышел Магистр. — Каждый переживает лишь сам за себя. Какое тебе дело до других, думай о себе. Главное, чтобы у тебя было больше, чем у соседа.

— А вот Кашей говорил, что свой дом любить нужно.

— Твой Кашей — идеалист. Родина. Своя земля. Возьмемся за ум и будем жить хорошо. Чепуха. Не будете. В вашем царстве вы ни на что не способны: ни создать, ни организовать, ни исполнить. Живете как бог на душу положит. Вы все разгильдяи, и вам нужны крепкая рука и порядок. Наш порядок.

— Ну так и наводили бы его у себя.

— У вас земли много, и богатая она.

— Теперь понятно, откуда уши-то растут, и незачем тут тень на плетень наводить. — Санька изо всей силы стукнул кулаком по гнезду. Из трубы вырвался рой ос. Поднявшись

над головами людей, они немного повисели, а затем разлетелись. Прозвучал хлопок. Тихий такой, незаметный. Никто и внимания не обратил. Затем еще один и еще. А потом раздался сдавленный вскрик. Все разом посмотрели на кричавшего. Но смотреть было не на кого — человек пропал. И началось вокруг сплошное бабаханье, словно хлопушки на Новый год, и началась потеха. Неприятельские ряды стали быстро редеть. Прямо на глазах исчезали целые отряды. Враг, не понимая, что происходит, в панике кинулся врассыпную, кто куда.

— Осы! Бейте ос! — закричал Магистр, но было уже поздно. Эхом прокатилось рассыпчатое «бум!», и на поляне осталось всего лишь сотни две врагов. Не больше. Улетучился и Магистр.

— Ату их! — торжествующе орал Санька, но вдруг заметил, как несколько вражеских солдат кинулись в его сторону. То, что «Ася» подействовала не на всех, оказалось очень неприятным сюрпризом.

Парнишка был безоружен, да, откровенно говоря, никогда и не умел обращаться с мечом. На тех нескольких уроках по фехтованию, что пытался преподать ему Липуня, он больше зевал, ибо дело это было утомительное; все-таки не столовым ножичком махать. К тому же желающих не то что напасть, а даже просто поспорить с ним, во всей округе больше не находилось. Для чего тогда потеть и мучиться?

Так что оставалась одна надежда: на хорошую реакцию да на умение, полученное на занятиях по карате. Пришлось прыгать, кувыркаться, уворачиваясь от чужих мечей и копий. Вот где пригодились тренировки из прошлой жизни. Но даже если ты сам Джеки Чан и Брюс Ли в одном лице, то как ни крути время, все равно протянешь ноги. Естественно, очень хотелось хотя бы еще разок взглянуть на восход солнца, но усталость начинала брать свое. Мокрая рубаха была прорезана в нескольких местах, пот заливал глаза, болела поврежденная рука. Увлекательное приключение под названием

«Путешествие в тридевятое царство», похоже, заканчивалось. И заканчивалось не самым лучшим образом.

Но тут раздалось мощное «Ура!», ворота крепости распахнулись, и вся дружина бросилась на выручку своему товарищу. Завязался упорный бой.

Санька продолжал раздавать направо и налево тумаки и затрещины, пытаясь сбить с ног противника. Это не всегда удавалось, однако в пылу боя ему казалось, что он крушит всех подряд. Враги, конечно же, в ужасе бегут, а те, кто не успел удрать, падают замертво. Неожиданно вокруг образовалась пустота. Неприятель испарился, а вместо него появился сотник.

— Все, победа, — устало выдохнул он.

— Здорово. А как я их? И так, и этак. Наверно, целую гору навалил. — Молодец все никак не мог остановиться. Но, осмотревшись по сторонам, не увидел этих самых гор. «Мертвяки», если они и были, почему-то успели дать деру.

— Сбежали, — подтвердил Сыч. — Получили по первое число, от добавки отказались. Теперь не скоро сунутся.

Санька заскучал. Выходит, никого он не громил, а все это так, его фантазии, сплошной обман зрения.

— Чудак человек. — Сотник опустился рядом на землю. — Если бы не ты, нас бы тут как курят передушили. Оказывается, эти ироды мороку навели. Они с каждого своего воина по сотне двойников наделали. Призраки, следует признать, добротные; мечом заедут — на облака загорать отправишься. Короче, задурили всем головы, потому и непобедимыми считались, свои порядки заводили. Один ты что к чему сообразил, их чары развеял. Земной поклон тебе за это. Спас нас и землю нашу. Ты уж не держи зла, что я давеча в тебе сомневался.

— Спасибо! — хором загудели дружиинники.

— Ладно уж, пользуйтесь, — снисходительно ответил Санька. Он хотел встать, но с удивлением заметил, что не может этого сделать. Ноги стали как ватные. Только теперь до него дошло, какой опасности он чудом избежал.

Сыч, понимая его состояние, скомандовал:

— Всем в крепость. Дозорные, прочесать лес. А наш богатырь один побывать желает. Хочет думу думать. Не мешать.

Солнце уже село. Приятная прохлада сошла на землю. В соседних кустах заливался соловей. Луна, отодвинув в сторону тучку, чтобы было лучше видно, смотрела на одинокую фигуру, сидящую на земле.

Сотник подвел коня.

— К царю поедешь?

— Скажешь тоже. Ищи дурака ночью по лесам болтаться. Завтра утром, как рассветет. С солнышком оно спокойней.

В этот миг раздался свист падающего с неба предмета. Все замерли на месте. Это что еще за новость?

На землю с жутким грохотом шлепнулась ступа. Проскарав по инерции еще несколько метров, подняв кучу пыли, она остановилась и завалилась набок. Из ступы выскочила Баба-Яга и бросилась к Саньке.

— Родимый, постой. Не суйся с этой штуковиной в драку. Напутала я, когда колдовала. Это только супротив нечистой силы. На простого человека оно не действует.

— Бабуля по старости дала маху. — Вслед за Ягой из ступы задом выполз кот Баюн. — Кружка, по которой вы стреляли, волшебная была.

— Волшебная, милок, волшебная. Лет семьсот тому назад ее мне Водяной подарил. На именины. А я запамятаю.

— Так что, — закончил мысль Баюн, — задумка эта ваша в бою против обычных смертных бесполезная, даже, можно сказать, опасная.

Санька глядел на эту в буквальном смысле свалившуюся с неба неожиданную подмогу, и у него началась тихая истерика. Он начал смеяться, сначала тихо, а затем все громче и громче. Яга с недоумением смотрела на него, силясь понять, что же такого смешного она сказала. Потом заулыбался сотник, и вот уже громовой хохот переполошил всю округу.

Успокоившись, Санька подошел к насупившейся Яге:

— Не переживай, все нормально. Это у меня так, с испугу. А твою «Асю» я перепрограммировал. Теперь это — чудо-

оружие. Разит наповал. Можешь сама убедиться. Смотри, нету никого. Враг разбит и бежал.

— Пере... проро... что? — переспросила Яга.

— Не бери в голову, — усмехнулся герой дня. К нему вернулось его обычное расположение духа. — Баюн. Как там насчет былины? Тема моя, сочинение твое. Хотя былины пишут про тех, кто давно уже помер, а я еще вроде ничего, живой. И раз у нас такая компания подобралась, то, пожалуй, можно и к Берендею отправиться. О победе да о том, как вы нам помогали, рассказать.

Он так расхрабрился, что вскочил на коня, подбоченился и махнул рукой:

— Впрочем, я дорогу помню и один доберусь. Можете не торопиться, теперь-то уж точно никто не рискнет на меня напасть.

«Злодеев я разгромил, даже следа от них не осталось; теперь имею полное право на награду царскую и на заслуженный отдых, — гордо думал Санька, покачиваясь в седле. — И какой я все-таки молодец. Утер нос самому Кашею. Домой он меня, видите ли, не пустит. А я...»

Но, вспомнив начало сказки, молодец призадумался: отправляться назад, в свой мир, ему совершенно расхотелось. Гораздо заманчивее получить в подарок здесь какой-нибудь маленький замок на берегу озера или реки.

«Рыбалка, прогулочная яхта, теннисную площадку можно соорудить, — прикидывал он, мечтательно глядя вперед. — Каждое воскресенье с женой приемы устраивать будем. Кстати о жене. Пора бы в самом деле объясниться с Василисой. После всего, что я для ее отца сделал, она вообще не должна ни на кого обращать внимание: только на меня. Все-таки жаль, что со Злом окончательно покончено. Хорошо бы еще разок спасти ее от какой-нибудь жуткой опасности. Еще один малюсенький подвиг, но на глазах у царевны».

И он представил, что будто осадили дворец самого царя.

«Врагов — тьма. А я весь в белом. Сижу. Нет. Весь в золотом — и стою. А стрелы — вжик-вжик. А я все равно стою на

виду у всех. Василиса очень переживает. А неприятель стену проломал — и на штурм. Наших все меньше и меньше. А я, весь в золотом, царевну и царя обороняю. Нет. Лучше все-таки в белом. Меня ранят — и красное по белому. Эффектно смотрится. Ну, рана, конечно, не опасная, не мешает. Врагов навалил горы. Естественно, устал. Меч наполовину за зубрился. Чувствую — не справиться. Я и говорю: «Бегите, мол, царь-государь, да дочку захватите. Я вас прикрою». А наших — уже никого. Народ в церкви закрылся. Молодухи, старики, дети малые. Крики, вопли. И вот уже ворота в церкви сорваны. Молодух поволокли. Ну, тут я. Насквозь раненный, но все еще живой. Вылетаю на центральный проспект, и с пулемета: тра-та-та-та-та... Всех враз. Берендей на шее висит, плачет. Нет. На шее Василиса висит, а царь рядашком стоит, корону предлагает. А я — по главной улице. На белом коне. Нет, черный цвет престижней. На вороном. Персональный битюг. Или скакун? Короче. Мне все в ноги — спаситель ты наш. Девки под руки с коня снимают, в хоромы ведут. А там уже Василиса...»

Санька ехал и рисовал себе встречу с царевной, непроизвольно подгоняя коня. Он так был занят своими мыслями, что совершенно позабыл все предупреждения воеводы, и то, что затем произошло, стало для молодца неприятным сюрпризом. О том, что будет в хоромах, помечтать не дали.

Из леса на дорогу вывалились с десяток человек и молча окружили парнишку. Он не успел даже удивиться, как вся эта толпа разом навалилась на него и стащила на землю. Двинуть коленом одному да заехать в лицо локтем другому — вот и все, на что он оказался способен. А потом, элементарно, не хватило кислороду, и соображать он начал только перед массивными резными дверями.

От хорошего пинка в спину пленник влетел в огромный зал, владелец которого явно хотел всех поразить великолепием своего жилища. Но со вкусом он явно был не в ладах, и дворец напоминал огромную антикварную лавку. В глазах просто рябило от обилия массивных, дорогих, ярко блестящих вещей.

Но все эти мысли моментально вылетели у молодца из головы, как только он увидел хозяина замка. На троне, небрежно развалившись, сидел двухголовый Змей. С огромным брюхом, тонким, как у крысы, хвостом и тупейшим выражением на обеих мордах.

— Здравствуй, дружок, — ласково начал Змей. — Каким это ветром занесло тебя в мой дворец?

— Какой ветер... — Санька хотел разразиться гневной tirадой, но мысли у него путались, вдобавок ко всему раздававшееся под самым ухом сопение выводило его из себя. Он развернулся, чтобы отпихнуть наглеца, да так с открытым ртом и замер. Затем медленно закрыл рот и поежился. Ему вдруг стало очень холодно.

Вокруг стояли двухголовые. Только вот если с одной головой у всех было все в порядке, то вторые головы у многих были явно не в себе. А у некоторых они вообще не подавали признаков жизни.

— Любушься? — благодушно поинтересовался Змей.

— А чего это они все у вас, — Санька замялся, — какие-то не такие?

— Замечательные. Как и все остальное в нашем царственном государстве, — дружелюбно пояснила одна голова. — Нас, двухголовых, всегда притесняли, дразнили. Дядя наш, Змей Горыныч, в черном теле держал. Все запрещал. Ни тебе съесть кого, ни деревеньку подпалить. Зато Берендеево хулиганье, другого слова не скажешь, дружину богатырей-любителей организовали. Первым пунктом — поединок со Змеем, то есть со мной. Тоска. Никто не любит. Совершенно некуда податься. Вот мы и решили свое царство по своему разумению устроить.

— Суверенитет себе добыли, — догадался Санька.

— Обзываешься, — обиделась другая голова. — Будешь хамить — в момент съем.

— Я не обзываюсь, а в том смысле, что вы теперь сами себе голова. Вернее, головы.

— Точно. — Вторая голова слегка успокоилась. — Мы теперь сами по себе. Что хотим, то и делаем.

— И никто нам не указ, — неожиданно взвизгнула первая голова. — Землицы вот тоже себе отрезали. Нашей, между прочим, землицы. Мы над ней с незапамятных времен летаем. — Голос Змея снова сорвался.

— И живем мы теперь по своим законам, — снова вступила в разговор вторая голова.

И тут обе головы наперебой стали рассказывать и доказывать, что с ними поступали нечестно, даже, можно сказать, безнравственно. А он, Змей, только с виду мрачный и сердитый, а если хорошенько разобраться, то совсем наоборот — милое, веселое существо. Обожает рыбалку, веселые компании, любит посидеть у камина и порассуждать о смысле жизни. И если брать по большому счету, то даже на гербе царя Берендея изображен двухголовый ОН, Змей то есть. Отсюда, само собой, напрашивается вывод, что двухголовые были прародителями всех в этом мире.

— Голубых кровей, значит? — не удержался от ехидной реплики парнишка.

— Это ты на что намекаешь? — вытянула шею вторая голова. Она была явно глупее первой.

«Баран ты с крылышками», — подумал Санька, но вслух произнес:

— Это метафора такая. Из истории.

— Эта метафора двусмысленная, — не унималась глупая голова. — Так что ты тут выражайся поаккуратнее, а то точно чего-нибудь потом не досчитаешься. А история твоя — это вообще бред сивой кобылы. Я тут немного полетал по свету, знаю. Каждый только себя хвалит и в том других убедить пытается.

— Тут даже и спорить-то смешно, — вмешалась умная голова. — Не зря же придумали поговорку: «Один ум хорошо, а два — лучше». Ежели ты двухголовый, то ты уже от рождения умный; можешь и войском командовать, и, к примеру, кухней руководить. А вот ежели у тебя одна голова, то тут тебе крупно не повезло; по нашим меркам ты так полудурок. Поэтому народ у нас дружно переходит в двухголовые, и это

еще одно доказательство того, что мы, то есть я, Змей, прав. Тыфу ты, совсем запутался.

— Может быть, может быть. Вот только головы у многих, мягко говоря, в зачаточном состоянии. — Санька решил немного поспорить. Ну неужели он, человек из будущего, не переговорит какого-то там птеродактиля, к тому же давным-давно вымершего.

— Это ничего не значит. — Умная голова явно стремилась развить свою двухголовую идею. — Главное — принцип. И мы нашими принципами никогда не поступимся.

— А если кто не согласен в двухголовые переходить?

— У нас таких нет, — моментально откликнулась глупая голова.

Первая голова укоризненно посмотрела на вторую и повернулась к Саньке:

— Есть отдельные индивидуумы, не обладающие достаточным уровнем для осознания всего значения двухголовости. Но иногда мы им идем навстречу. Демонстрируем, так сказать на практике, наше преимущество.

— Как это? Гипноз? Очень даже любопытно.

— Все намного проще, — ухмыльнулась вторая голова, было видно, что она в этом вопросе главная. — Эй ты, быдло, подойди сюда, — крикнула она одному из немногих нормальных людей.

Бедняга идти не желал, но толпа придворных просто выдавила его к самому трону. Змей слегка привстал, и неожиданно на голову несчастного со свистом опустился меч.

Не успела жертва демонстрации упасть на пол, как Змей выпустил из пасти едкую струю черного дыма. Когда дым рассеялся, то все увидели, что вместо одной головы у человека было две маленьких. Раны странным образом затянулись, однако «новоиспеченный» признаков жизни не подавал.

— А он не того? — заикаясь, спросил Санька. Он был в шоке от такого зрелища.

— Ни в коем разе, — усмехнулась умная голова. — Счас оклемается.

Действительно, минуты через две человек сначала дернулся, затем сел, однако было видно, что он ничего не сообщает.

— На доработку, — рявкнул Змей.

Подскочили слуги, и вот уже вокруг снова только спины, порядок и послушание.

— Ну как? — Двухголовый снова развалился на троне. — Скажу тебе по секрету, мы не очень-то стремимся к увеличению числа избранных. Чистота рядов — это святое. Но, — Змей поднял вверх лапу, — за гигантские заслуги перед государством, то есть нами, в порядке, так сказать, исключения, некоторых принимаем. Вот лично ты нам понравился.

— Но это же натуральное насилие над личностью, — не сдавался Санька. — Теперь ты у себя в замке пытаешься заставить всех жить так, как тебе нравится. Только что жаловался, что тебя притесняли, а как получил власть, так сам начал с того же.

— Ерунда! — безапелляционно заявила вторая голова. Этот вопрос для нее был ясен как кирпич. Она не терзаясь различными сомнениями и уж тем более не собираясь ничего обсуждать.

— Во-первых, — Змей оттопырил мизинец, — мы — царство маленькое. Во-вторых, все нас пытаются обидеть. В-третьих, у нас никогда не было своего замка. А так хотелось. А посему все, что мы делаем, это правильно, и мы будем и дальше давить всех одноголовых, а кому не нравится, пусть сидят у Берендея и, словно зайцы, дрожат от страха.

— А ведь так можно и доиграться. — Санька задумчиво посмотрел на потолок: — Без толку тут разговаривать. Вас двое, а я один. Не переспоришь.

— Соображаешь! — радостно подскочил на месте Змей. — Ты человек умный, а нам умные подданные нужны. Ты на этих-то глянь. Честно говоря, только об одном и думают: как бы побольше золота наворовать да где-нибудь в тридевятом царстве домишко себе поставить. Так что отвечай: согласен в двухголовые переходить или, может, тебе и одна голова ни к чему?

Саньку охватила тихая паника. Спина моментально взмокла, и он физически обнаружил у себя сердце, которое начало валиться в пятки, но застряло в желудке. Язык присох к гортани, и никакие силы не могли его расшевелить.

Змей понял Санькино молчание по-своему.

— Ты не переживай, у тебя будет другой ритуал. Рыцарский. Его, мы слышали, в тридцатом государстве применяют. Не то что эти богатыри-лапотники. Никакой культуры. — Двухголовый на минуту замолчал. — Так о чём это я? Ах да. Ты нам сначала прошение напишешь. Мы, — головы переглянулись, — его рассмотрим. Естественно, посовещаемся. Примем решение. Если оно будет положительное, то мой лекарь у тебя где-нибудь чего-нибудь отрежет и вырастит тебе вторую голову.

— Количество голов увеличивается, только ума от этого не прибавляется. — Санька наконец обрел дар речи.

— Издевается, издевается. — Вторая голова умоляющее посмотрела на первую. Умная ответить не успела.

К трону откуда-то сбоку прошмыгнул маленький человечек в сером капюшоне и начал нашептывать что-то Змею. Обе головы склонились вниз и, вытянув шеи, внимательно слушали, изредка поглядывая на молодца. Парнишка кожей ощутил всю опасность ситуации. Кажется, нужно спешно уносить отсюда ноги.

— Я бы с удовольствием, — начал он, но закончить не успел.

— В общем, человек-то ты хороший. Наверное, — ласково проговорила умная голова.

— И вкусный, — плотоядно облизнулась другая голова.

— И это может быть, — согласилась первая. — Но речь сейчас о другом. Мы — царство маленькое, нас всякий обидеть может. Пока. Мы поэтому никому не верим. Так что есть у нас теперь большое подозрение, что ты шпиен Берендеев. И пришел сюда выведать, как нас с нашей кровной землици изгнать. Нас, кстати, предупреждали, что могут появиться такие вот вредные людшки. Так что мы тебя сейчас в хо-

лодную посадим, а завтра поутречку мои специалисты из тебя секреты-то твои вытрясут.

— Господи. И что за народ пошел. Какой шпион? Какие секреты. Чего же ты из меня выпытать хочешь? Я тебе и так все расскажу, было бы что.

— Обмануть пытаешься? Не выйдет. Понимаешь ли, мы давно пришли к выводу, что всю правду только на дыбе или колесе сказать могут. Так уж человек устроен. Он, может, думает, что все выложил, а нет — стоит поджарить ему пятки, как он обязательно еще что вспомнит. Да и как вспомнит — целый роман сочинит. Так что, глядишь, опять поспрошать можно.

— Так ведь от ваших спрашивалок и загнуться недолго.

— Это точно, — грустно подтвердил Змей. — Скажу больше, редко кто не загибается.

— Вот и ты, — радостно сообщила вторая голова, — скорее всего долго не протянешь.

— Ну, мутант ползучий, если выкручусь из этой переделки, уж постараюсь все сделать, чтобы жизнь тебе медом не казалась, — промычал Санька, злясь про себя, что так глупо попался.

— Гляди, гляди, зубами скрипит! — радостно завопила дурная голова. — Давай я ему откушу чего.

— Завтра. На десерт, — ответила первая голова, и уже через минуту Санька летел носом в вонючую темень холодной камеры. Дверь с лязгом захлопнулась. Наступила тишина.

А в царском дворце царила суматоха. Хряк, взъерошив волосы, мазанув себя по лицу уличной пылью, ввалился к Берендею и с придыханием прохрипел:

— Беда. На границе войско несметное появилось. На нас идут. Ежели сейчас немедля не бросим против них все силы — пропадем.

Срочно вызвали воеводу и приказали спешно собрать всю дружины до единого человека, даже охрану дворца заменить людьми советника, и вести ее навстречу противнику.

Липуне это не понравилось, но приказ есть приказ, и уже через час войско выступило в поход. Сам воевода собирался выехать утром следующего дня, так как на подходе были еще две сотни с дальних застав. Кроме того, утром ожидался Санька, и втроем с Василисой они должны были отправиться к Берендею.

В это время посреди потайной комнаты в магическом круге один за другим появлялись монахи, одетые в серые капюшоны. Короткие, отрывистые команды — и серые тени бесшумно заскользили по коридорам и переходам дворца.

Толстые ленивые «стражники» дремали на своих постах или сплетничали в караулке, и никто из них, почувствовав у своего горла холод стали, не издал ни единого звука. Охранников вязали и стаскивали в погреб.

Все бы так и прошло без шума, но Липуня допоздна задержался во дворце. На такой случай ему была отведена одна спаленка, и воевода решил переночевать в ней.

Несколько дружинников расположились для охраны у двери и, завидев напрошеных гостей, разом выхватили мечи.

Липуня, услышав звон оружия, выскочил в коридор. Часовые медленно отступали, с трудом отбиваясь от нападавших, и, завидев своего командира, в один голос закричали, чтобы он спасался, покуда они сдерживают врагов.

— Какое спасаться! — крикнул воевода и ринулся вперед. — Царя с царевной вызволять надо, а не о себе думать.

Он с холодной яростью разил врагов, но те словно чумные лезли по трупам нескончаемым серым потоком.

Гора мертвых тел росла, вот они уже заполнили весь проход. Оставалась небольшая узкая щель, но туда никто больше не рисковал соваться. Наступила короткая передышка.

Липуня, оставив нескольких человек в коридоре, с остальными через раскрытое окно выбрался на крышу. Тотчас перед ним возникли две серые тени. Два удара — и проход освободился, но везде, куда ни глянь, сновали люди в серых капюшонах. Пробиться к воротам сквозь такую толпу было невозможно, и воевода решил перебраться по крыше на кре-

постную стену, а оттуда по одному ему известному ходу — на волю за подмогой. Но и из этого ничего не получилось; к ним со всех сторон уже лезли солдаты Ордена.

Липуня метнулся назад в спальню. Они оказались в мышеловке, и весь вопрос заключался теперь только в том, сколько недругов они смогут захватить с собой в могилу.

С дребезгом, разбрызгивая осколки, вылетела рама, и вновь завязалась упорная сеча. «Серые» лезли безостановочно. Воевода со своими людьми отчаянно сопротивлялся, продолжал методично наносить удары, но это не могло продолжаться бесконечно, спиной он уже чувствовал стену.

— Отец родной, — раздался у него за спиной быстрый шепот. — Иди скорей сюда. Посмотри, какие чудеса творятся.

Липуня выскочил за дверь и ахнул. В коридоре не было ни одного убитого неприятельского солдата; исчезли, словно испарились. Но на размышления времени не было. Он быстренько вернулся назад и мощными ударами заставил атакующих попятиться назад. Затем вытолкал из комнаты оставшихся дружинников и, захлопнув дверь, подпер ее лавкой.

Следовало поторопиться, в проходе уже мелькнул один чужой силуэт. Ратники бегом бросились вперед по коридору, сметая всех выскакивающих навстречу ворогов. Вихрем пронеслись по боковому коридору, ссыпались по лестнице вниз и очутились в небольшом тупичке.

Наверху тотчас раздались радостные возгласы. Монахи, решив, что дружинники попались и надежно заперты в каменной мышеловке, начали подтаскивать камни, собираясь наглухо замуровать выход.

Воевода, не обращая на эти глупости никакого внимания, медленно осматривал стену, нашел потаенный камень, сдвинул его, и в стене появилась маленькая дверь. Осталось вставить меч в щель, приналечь, и дверцы распахнулись, открывая дорогу во внутренний двор крепости.

Кругом было полно захватчиков, но они совершенно не ожидали появления рассвирепевших русских воинов, которые последним отчаянным броском прорвались сквозь не-

приятельские ряды в стоявшую рядом оружейную башню и, перебив застрявших в ней врагов, забаррикадировали дверь.

Тяжело дыша, Липуня поднялся наверх и выглянул наружу:

— Откуда эта серая напасть? Что с Берендеем, Василисой, советником?

Царевна не спала и, услышав звон мечей, крики и ругань у спальни воеводы, сразу поняла, что пришла беда. Когда советник постучался в дверь и елейным голоском попросил впустить его, Василиса обернулась горлицей, собираясь вылететь в окно, но не успела. От сильнейшего удара дверь слетела с петель, и на птицу накинули тонкую, специально заговоренную волшебную сеть.

В комнату важно, не торопясь, вошел Хряк.

— Теперича я тут царь. А ты, не будь дурой, выходи за меня замуж.

— Погоди, вернется Санька, вместо трона на кол сядешь, — пыталась вырваться из плена Василиса.

— Не дождешься. Твой Санька в темнице у двухголового Змея, и скоро ему отрубят голову, если уже не отрубили. А ты, если такая несговорчивая, будешь здесь взаперти сидеть; станешь старухой, а затем в пыль превратишься.

Самозванец злорадно хихикнул и для большей верности приказал шестерым солдатам встать на края сети.

— Сойдете с места — на кусочки порублю и поджарю, — пригрозил он и вышел. Половина дела была сделана, остался царь.

Подождав, пока люди Ордена окончательно зайдут все входы и выходы, Хряк влетел в царскую спальню и истошно завопил:

— Спасайтесь, батюшка! Беда пришла!

— Какая такая беда? Почему не знаю? — засуетился ничего не понимающий спросонок Берендей.

— Дворец захвачен врагом. Санькина работа, я предупреждал. Бежим скорее, я вас в надежное место спрячу.

— А Василиса?

— Уже в безопасности.

Берендей вскочил и, путаясь в халате, засеменил за советником. Тот втолкнул царя в темный чулан и задвинул снаружи засов.

Утром глашатай объявил, что царь болен, вместо него временно править будет советник.

Несколько часов Санька провел неподвижно. В голове было пусто. Словно кто-то повернул в голове выключатель, и все: ни единой мысли. Прошедшее казалось диким сном. Но проверять, сон это или нет, совершенно не хотелось. И поэтому он просто сидел, закрыв глаза. Но сколько ни сиди, кроме отсиженной ноги, ничего не высидишь, так что глаза пришлось открывать.

Типичная одиночка. Маленькое оконце вверху, которое почти не давало света; хотя очень может быть, что на дворе уже ночь. Последняя ночь этой сказки.

Было тяжело дышать, пришлось расстегнуть ворот рубашки.

«Помохи ждать неоткуда. Липуня с Берендеем думают, что я еще в крепости; Сыч — что в городе. У кота свои дела; развалился небось где-нибудь под дубом. Рифмоплет несчастный. «Если я тебе понадоблюсь, потри колечко». Нету колечка, у Кикиморы осталось. А голыми руками много не на воюешь. Я не чародей, колдовать не умею. Даже если очень-очень захочу. Судьбу мои хотелки совершенно не интересуют. Но, с другой стороны, когда вот так прижмет, только на чудо и остается надеяться. Ведь уже столько раз везло. Может быть, не все еще потеряно? А вдруг у судьбы в кармашке еще одно совсем малюсенькое волшебство завалялось? Не попросишь — не получишь».

Узник аккуратно уселся на пол, приняв почему-то позу «лотоса». Скрестил руки на груди, крепко зажмурился и попытался представить Баюна. Кошачья морда моментально возникла в его воображении, но ~~была~~, как и в первую их встречу, настолько наглой и ехидной, что парнишка даже дернулся.

Первый блин вышел комом. Санька глубоко вдохнул, снова сосредоточился на коте и для большей убедительности тихонько позвал «Кис, кис», но результат остался все тот же: вокруг ничего не изменилось.

— Врал котяра.

На него навалилась огромная усталость. Жутко захотелось спать. Теперь уже глаза сами закрывались, и разлепить веки не было никаких сил.

— Пропади оно все пропадом. Одного жалко — с Василисой-то так по-настоящему и не поговорил. Теперь уже не придется свидеться.

— Привет, — раздался из угла знакомый голос.

— Баюн! — с радостным воплем подскочил заключенный. — А я тут зову и зову, а тебя все нет и нет. Ну, думаю, обманул.

— Это вы, люди, думаете одно, говорите другое и не выполняете ничего, — обиженно проговорил кот, всем своим видом показывая, что оскорблен в своих лучших чувствах.

Санька сначала прыснул от этого вида, но потом вдруг испуганно спросил:

— А может, ты мне просто снишься?

— Опять за свое. Снишься, не снишься. Сон вообще вешь странная. То ли было, то ли не было. А ведь и жизнь точно такая же. Было, не было. Время пройдет, и ни о чем с уверенностью сказать нельзя. Особенно быстро забываются собственные глупости. Все сном кажется. А может быть, и весь этот прием у двухголового тебе пригрезился. Может, ты его сам придумал.

— Ага, придумал. А это что? — Санька рукой обвел темницу. — Сочинение на вольную тему, да?

— Я бы не был столь категоричен, — заметил кот, пощевелив задумчиво ушами. — И вообще я не понимаю, в чем, собственно говоря, дело.

— Он не понимает. Животина бесчувственная. Ему-то что, дыбу для других готовят.

Кот насупился.

— Если мы тут кому-то очень мешаем, так мы можем и не навязываться. Вы уж тут как-нибудь сами, без нас.

— Нет, нет, Баюнчик, — испугался Санька. — Я не хотел тебя обидеть. Просто все очень скверно, и ничего лучшего не предвидится. Помоги выбраться отсюда. Если сможешь. Обещал ведь.

— Обещал, не спорю. Мы, коты, в отличие от вас, людей, никогда от своих слов не отказываемся. Только в толк не возьму никак, чего тебе помогать. Если ты отсюда выйти хочешь, так возьми и выди.

— Ты б еще сказал как. Дверь закрыта, окно с решеткой.

— Что значит как? Захотел и вышел. Сколько можно повторять: отсутствие внутреннего желания и есть тот тормоз, который часто мешает сделать то, чего желаешь сделать. Я понятно изъясняюсь?

Санька снова вспылил и уже снова приготовился сказать противному животному все, что он о нем думает, но, набрав полную грудь воздуха, досчитал до десяти и тихонько выдохнул. Кот, улыбаясь, наблюдал за этой процедурой.

— Ну и куда же мне идти? — с видом приговоренного к смерти, которому уже все равно, топор или веревка, поинтересовался узник.

Баун с озабоченным видом обошел камеру и, остановившись у одной из стен, ткнул в нее лапой.

— Сюда. Тут у нас березовая роща.

Санька подошел и потрогал стену. Стена была холодная и совершенно твердая.

— У человека горе, так над ним еще и издеваются.

— Господи. — Кот изобразил учителя, с досады рвущего на себе волосы при виде нерадивого ученика. — И почему ты такойшибко умный. Никакой фантазии. Перевожу на ваш логический. Я, помнится, уже упоминал, что целый гол у одного алхимика жил и немного в науках смыслю. Но ему для одного зелья понадобился живой кот. Пришлось рвать когти. Так вот. Хозяин, если мне не изменяет память, говорил, что все вокруг, и мы в том числе, состоим из одного и того же вещества. Как это называется, я не знаю. А если и

знал, то позабыл. Но — и это точно — одно может переходить в другое. Или проходит. Так что и ты запросто можешь пройти сквозь стену. Сделать это мешает только твое неверие. Не думай о стене. Вспомни, как выглядит роща, и шагай.

Санька закрыл глаза, представил березу и потихонечку двинулся вперед. Через секунду у него на лбу вздулась шишка. В это время пропел петух, стало заметно светлее.

— Значит, так. У меня еще куча дел. — Кот развел лапы в стороны, показывая, какого размера эта куча. — Если уж ты такой совершенно бесполковый, то вот тебе волшебное заклинание. Хорошее. От Бабы-Яги. Но больно мудреное, лично я его так и не смог заучить. Быстро читай и пошли, или я тебя тут одного оставлю.

— Давно бы так, — с облегчением засмеялся Санька. — А то вещества, еще скажи — атомы. Тоже мне физик-ядерщик нашелся. С волшебным-то заклинанием мы откуда хочешь выйдем. — И он схватил протянутую Баюном бумажку.

— Читаешь четко и внятно. Затем закрываешь глаза, ни о чем не думаешь и прыгаешь. Все. Вперед. А то здесь еще немножко посидишь — чахотку схватишь. Лично я уже пошел. — И на глазах изумленного Саньки Баун вошел в стену. Затем из стены появилась кошачья лапа, помахала в воздухе и снова исчезла.

Парнишка начал быстро читать текст, не очень-то вдумываясь в смысл, стараясь только не перепутать буквы. Даже малые дети знают, что в заклинании каждая буква играет наиважнейшую роль. Дочитав до конца, он крепко зажмурил глаза и, не колеблясь, прыгнул. Ощущение было словно тело вошло в воду. Внезапно вода кончилась, и в лицо ударили влажный, свежий воздух. Он находился в березовой роще.

— Получилось. Ей-богу получилось. Не подвела Ягусина бумага. Да я тебе, Баун, за нее век должен буду.

— Э, не спеши, дорогой. Обещание, сказанное вслух, рано или поздно выполнять придется, что не всегда потом хочется.

— Да я... Да никогда... Эх. Да мне... Да такое заклинание. Да в прежней жизни... Да я б там жил... — От осознания того, что опасность миновала, Санька просто не мог стоять на месте. Он прыгал, размахивал руками.

— Очень любопытный клинический случай. В течение пяти минут вялотекущая шизофрения переросла в крайне буйное помешательство, — раздался насмешливый голос.

Санька оглянулся и оторопел. Перед ним на невесть откуда взявшемся стуле сидел кот в белом халате, белой шапочке и, что особенно поражало, с очками на круглой морде.

— Ты чего?

— Я? Ничего. — Баюн снял очки, протер их огромным носовым платком и снова водрузил на нос. — Просто нам, исследователям душ человеческих, интересно, что чувствует бывший узник, нежданно очутившийся на свободе, и как все это влияет на его умственные способности.

Санька молча уставился на кота.

— Записку-то не потерял?

Так же молча Санька протянул бумагу.

— Ну-ка прочитай ее еще раз.

— А если я назад в камеру попаду?

— Не попадешь, не попадешь. Читай.

С запинками, с остановками (мало ли что) парнишка повторил заклинание:

— Отъ тето хазъ нечо илсе.

— Ну и...

— Что «и»?..

— Да-а, — протянул кот. — Крайне тяжелый случай. А при первой встрече умней показался. Ладно уж. Читай теперь задом наперед.

— «Если очень захочетъ, то...» Так это не от Бабы-Яги?

— О, у нас уже успехи, — похлопал в ладоши Баюн.

— Обманщик, я тебе поверил, а ты... — начал снова заводиться Санька.

Кот шлепнулся на землю, замотал в воздухе всеми четырьмя лапами и сколько было мочи завопил:

— О великодушный, не лишай жизни несчастное животное, не сумевшее тебе угодить. — Затем снова усился и с усмешкой произнес: — Это ты себе поверил. А я так, за углом стоял.

— Ну а если бы я в стене застрял? — не унимался бывший узник.

— Проехали, — подмигнул кот: — Значит, в книге судеб на тебе еще не поставили жирной точки. И переживать теперь нечего.

— Странный мир, — вздохнул Санька.

— Да мир тут как раз и ни при чем. Это твое отношение к нему странное.

— Может быть. Хотя сам себя-то ведь всегда считаешь нормальным. Слушай, а откуда тут это двухголовое недоразумение появилось?

— Из тридевяятого царства. Ты нашего Змея Горыныча знаешь? Нет? Странно. Ладно, потом познакомлю. Он у нас с виду грозен. Гремит, рычит, огонь и дым пускает. Но это все так, внешнее. А на самом деле — добрейшей души существо. Мухи не обидит. Если, правда, вовремя заметит...

Вот ему-то и преподнесли однажды подарочек. Яйцо. Большое такое, в крапинках. Купцы, что яйцо подарили, из-за моря-окияна приехали. Странные, между прочим, купцы. Товару мало; сами незаметные, в серых плащах. Их на базаре сразу и не разглядишь. «Вот, — говорят. — Если высидеть это яйцо, то вам большой сюрприз будет». Горыныч и обрадовался. У каждого свои тараканы в голове; наш на редкостях помешался, все к себе тянет. Клады собирает. У него сокровищ этих видимо-невидимо. Яйцо он тоже к себе приволок. Прошло время, и вылупился на свет вот этот субъект. Змей поначалу обрадовался, «племяш», говорит. Но тот, чуть подрос, норов свой стал показывать. Пока мал был, Горыныча еще слушался, а затем понемногу безобразничать принялся. Чем все это кончилось, ты сам видел.

— И что с ним теперь делать?

— Никто не знает. Время покажет. — Кот был уже без халата.

— Замечательно. Я тут, понимаешь ли, без раздыху тру-
жусь, со Злом воюю, а вы сидите и выжидаете; ждете, пока я
за вас всю работу сделаю. Ладно, если вы такие беспомощ-
ные, придется мне вашего мутанта уму-разуму учить.

— Что, так сразу и начнешь? — всплеснул лапами Баюн. —
Зачем тогда из темницы бежал? Змей сунется в дверь, а ты
его шапкой, да по головам, по головам. Покуда не поумнеет.
А что, ты ведь у нас как стихийное бедствие: куда ни попа-
дешь, везде дров наломаешь. И что самое странное — у всех
заморочки, а с тебя как с гуся вода. Уже и слух по всей земле
прошел о непобедимом богатыре, которого никакое волшеб-
ство не берет. Так что будем с тебя былину писать. На худой
конец — песнь. Сам же говорил, пора тебя прославлять.

— Хватит издеваться, ошибки бывают у всех. Так ведь
учусь же, — вздохнул Санька.

— Ученье — свет... — произнес назидательно Баюн. —
Кстати, тут у меня твоя котомка завалялась. Мог бы и забрать,
не таскать же мне твои вещи.

Санька даже подпрыгнул от радости. Он схватил котом-
ку и перевел дух; «Ася» была на месте.

— Вот увидишь. Я сейчас бегом в город, возьму Липуни-
ну дружину — и назад. Буду воспитывать этого пернатого.

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Санька впринрыжку летел к городу, но чем ближе он под-
ходил, тем тревожнее становилось у него на сердце. Появи-
лись сожженные дома, убитые.

Услышав шум, парнишка на всякий случай спрятался за
куст; и вовремя. Мимо, громко топая, пробежал отряд в се-
рых капюшонах.

— Прошляпил, — ахнул Санька. — Вот оно, Зло. Пока я
там, у сотника, возился, они здесь появились. Обвели вок-
руг пальца. Двухголовому Змею скормить хотели, нашли кро-

лика. Ну, это вам так просто даром не пройдет. Костьми лягу, но жить буду. Всех на бой подниму. А сейчас я хочу, чтобы тут, передо мной, сию же секунду появились Баюн с Бабой-Ягой.

Раздался оглушительный грохот, и на землю рухнула ступа.

— Ты чего, совсем сдурел? — Возмущению кота и старухи не было предела. — Летим, никого не трогаем, о высоком беседуем, как вдруг ты в самое ухо орешь. Так и заикой стать недолго.

— Ничего. Лучше скажите мне, граждане колдуны и волшебники, как это получилось, что у вас какие-то заморские злодеи, чернокнижники из Серого Ордена, свои порядки устанавливают, а вы и не знаете?

— Ты, дружок, с большой головы на здоровую не сваливой, — рассердилась Яга. — Все мы знаем, только Берендей злыднями нас считает и ни за какие коврижки нам бы не поверил.

— От ваших склок одни проблемы, — укоризненно покачал головой Санька. — Ребята, пора начинать жить дружно, пока вас поодиночке не перешелкали. Что с Василисой, Липуней и царем?

Баба-Яга закрыла глаза. С минуту она сидела неподвижно, затем голова у нее затряслась, лоб покрылся испариной, и старая колдунья без сил опустилась на землю.

— Живы, — еле ворочая языком, проговорила она. — Больше ничего не вижу. Черная стена, не пробиться.

— И на том спасибо, — обрадовался богатырь. — Идем на выручку. Собирайте всех, кого можно, будем штурмовать крепость.

К вечеру все силы, какие удалось собрать, были стянуты к городу. Силенок было негусто: Сыч со своими людьми и отряд из местных мужиков и ремесленников. Отдельной группой стояли несколько оборотней, Одноглазое Лихо и Баба-Яга. Возле ступы, свернувшись клубком, лежал Баюн.

Впрочем, кот не считался — не на мышь же охота готовилась.

— Да, — грустно рассматривал свое войско Санька, — настут едва на один партизанский отряд наберется. Какой может быть штурм — все сразу по углам да переулкам растеряются. А дворец мне одному брать прикажете?

Неожиданно ему показалось, что где-то неподалеку свистят.

— Кому это слишком весело стало? Сейчас «серые» набегут, и свистуну этому погадет, да и нас обнаружат.

Свист тем временем приближался, и уже можно было разобрать, что кто-то старательно выводит строевую солдатскую песню «Соловей, соловей, пташечка».

Сыч и его дружины оживленно загомонили. Затрещал ближайший кустарник, и на поляну с довольным видом вывалили Соловей-разбойник с Лешим. Следом за ними появились вооруженные ратники.

— Это же наши! — восторженно закричал Сыч. — С дальней заставы. Их воевода сегодня к полудню ожидал.

— Это точно, — важно подтвердил Леший. — Они ишли к городу, да мы с Соловьем их по дороге перехватили. Так что принимайте подкрепление.

— Вот теперь можно и побороться, — проговорил Санька.

Он уже было собрался выложить свой план будущего сражения, как вдруг Баюн вскочил на пень и, вытянув вперед лапу, завопил:

— Братцы! Вы сами видите, что враг делает. Так положим животы наши за землю русскую. Тем более что с нами могущественный волшебник, гроза колдунов и непобедимый богатырь Санька.

— Веди, — зашумел народ.

— Ты что, совершенно из ума выжил? — дернул кота за хвост молодец. — Какой я тебе волшебник?

— Спокойно. Дыши глубже. Главное — народ настроить, а там он сам чудеса начнет творить: одной лопатой целую гору свернет, дубину дай — всех ворогов переколошматит.

— В таком случае скажи-ка, дядя, а где твой меч? — поинтересовался Санька.

— Я при начальстве. Главный писарь. Приказы составлять. Заодно чай, свежие булочки, хорошие новости.

— Приказы, между прочим, на передовую доставлять нужно. Так что придется тебе в самую гущу сражения соваться.

Кот задумчиво поднял морду вверх, посмотрел на мирно плывущие по небу облака и вздохнул.

— Это в корне меняет дело, тем более что с начальством спорить нельзя. Даже если будешь прав, то этого не докажешь. Слагаю с себя все полномочия и перехожу в обоз. Лучше я буду собирать рассказы и воспоминания участников событий. Создавать эпическое полотно. Для потомков.

— Создавай, — улыбнулся богатырь. — Могу даже нача-ло подсказать: «Собрался совет военный думу думать, как тут быть».

— Нас мало, — начал Санька, когда все расселись. — Если подождать пару дней, подойдет подмога и с других дальних застав. Но ряды вражьей силы постоянно растут. Их скоро столько наплодится, что по нам просто пройдутся и не заме-тят. Поэтому нападать нужно сразу, как только взойдет солн-це.

План сражения простой: я иду первым с «Асей», уничто-жаю фантомов. Сложного здесь ничего нет, уже проверено. Ворота оставлю открытыми, и затем сотник со своими людь-ми и с ополчением уничтожает остатки этой заморской не-чисти. Наши чародеи действуют по своему разумению, в за-висимости от обстановки.

Персональное задание только для Бабы-Яги. Подни-мешься в воздух и будешь на связи: как только начнутся хлоп-ки, подашь знак к всеобщему выступлению. Вот такая моя...

— Авантура, — закончил фразу Баюн.

— Много ты в стратегии понимаешь, — обиделся Сань-ка. — У меня тонкий расчет на внезапность, преимущество в волшебной силе и техническое средство, которого нет ни у

кого. Так что помолчи. У остальных вопросы есть? Нет? Очень хорошо. Если у кого будут иные предложения, мы их рассмотрим послезавтра. А теперь спать или готовиться к завтрашнему бою.

Молодец сидел в одиночестве на пеньке и смотрел на звездочки в ночном небе. Еще совсем недавно он изо всех сил пытался отгадать свою, родную, а вот уже ему и не хочется отсюда уходить. Даже несмотря на то, что утром произойдет сражение, которое неизвестно чем закончится. Могут и убить. Но сейчас он живой, значит, о том, что будет, переживать нечего. А если убьют, то тем более переживаний не будет.

Из мрака шагнула фигура. Санька узнал волхва, с которым встретился при появлении в этом мире.

— О, гражданин предсказатель, давненько не виделись. Можешь гордиться, все произошло по-твоему. А теперь давай колись: есть, наверное, местная легенда, где сказано, что придет лихой незнакомец-богатырь и освободит страну от врагов.

— Придется разочаровать. Нет никаких легенд. Если бы была, то все бы сейчас сидели и ждали, когда сбудутся пророчества; чего мучиться, раз в скрижали записано.

— Утешил, нечего сказать. Ну, раз ничего хорошего сказать не можешь, тогда давай присоединяйся, у нас каждый человек на вес золота.

— Я бы с удовольствием, но, увы, дела. Мимо шел. Дай, думаю, пару минут со старым знакомым покалякаю. Заодно сообщу ему, что в оружейной башне дружины заперлись. Завтра поближе к ней держись.

— Вот так всегда, — скривил нос Санька. — Покалывать это мы запросто. Советы давать — тоже сколько угодно и бесплатно, даже если об этом совсем не просят. А вот как помочь, так никого. Сразу дела наиважнейшие наваливаются, спасу нет. Ну и обойдемся. Сами справимся.

Он хотел добавить еще что-нибудь обидное, но поперхнулся:

— Батюшки! Кащей Бессмертный! Ты?

Волхв откинул капюшон. Действительно, это был Кащей.

— Знаешь, есть такая поговорка: «Не хвались, что на врага ходил, а хвались, что победил». Завтра ты встретишься с силой, по сравнению с которой все твои прежние приключения — семечки.

Наступило утро. Не торопясь Санька подошел к крепостным воротам. Он протянул руку, чтобы постучать, но двери сами распахнулись. Парнишка вошел, и ворота сразу же захлопнулись. Двор был полон монахов.

— Попался, голубчик, — навстречу шел... Магистр.

— Но тебя же убили, — растерялся Санька.

— Да? — усмехнулся Магистр. — И как я этого не заметил? Но если наимудрейший волшебник считает, что меня нет, тогда конечно...

— Хватит паясничать. Подать сюда Берендея, его дочку и воеводу.

— А может, с тебя одного советника хватит? — злорадно ухмыльнулся Магистр, указывая на стоявшую невдалеке осину. На ней висел труп Хряка.

— Он вас обманул: убил воеводу, царя с царевной в подземелье заточил, нам город сдал. Очень уж ему хотелось корону поносить. Целый день носил. К сожалению, он и нас провести пытался. Тебе же, помнится, говорили: гнев наш страшен, наказание неотвратимо, вот и локазательство. Мы к тебе со всей душой, а ты против нас какую-то толпу убогих да немощных набрал. Нехорошо это.

— Интересно, если вы такие всезнайки, почему с нами раньше не расправились?

— Вот делать нечего, как за каждым в отдельности по лесам гоняться. А теперь никого искать не нужно; одно твое неверное решение — и всем вам одна общая могила. Так что отправляйся-ка ты, дружок, обратно и распускай свой сброд по домам. Сам же возвращайся; надеюсь, ты не забыл наше предложение?

— Главное, что мы всегда платим, — раздался сзади голос.

Санька обернулся:

— Опаньки. Второй Магистр, близняшка.

— Да, да. Это тоже я. Не пугайся.

— Была нужда. Состряпал себе дубликат и доволен. Тоже мне волшебство, самый обыкновенный клон.

— А вот это ты зря. Колдовство первостатейное. Высшей пробы. Можно сказать, мое второе «Я». Оно страшное, и его бояться нужно.

— Угу. Сейчас все брошу и начну дрожать. Бояться живых нужно. Это у них периодически «сдвиги» происходят. А у тех, кто по ту сторону жизни, другие заботы. Не до нас им. Так что не морочь мне голову. Ты всего лишь за свою шкуру драгоценную переживаешь. Как в какую-нибудь опасную дыру, как давеча на заставе, так двойника. И сейчас проверял, а вдруг я с мечом наброшусь.

— Обычная предосторожность. Умный человек всегда к себе бережно относится. Это вы, местные, с голыми руками на медведя идете. Нет никакого резона.

— Резона нет. Это точно. Есть душа. А она, родимая, иногда такое учудит, сам себе удивляешься, — рассмеялся Санька и, развернув «Асю», с размаху шандахнул по аппарату: — Эх, самонаводящаяся, не подведи.

Пяточко вылетело из трубы, но паренек, как заправский барабанщик, продолжал выбивать на гнезде дробь. Через мгновение небольшая плотная тучка зависла над головами. И началось...

А ничего не началось. Абсолютно ничегошеньки. Стоявшие рядом закаленные в боях и длительных походах воинны продолжали стоять как ни в чем не бывало. Хотя бы кто дернулся. Подумаешь, мошки летают. Парнишка растерянно смотрел по сторонам. Услышав позади себя звучный шлепок, он обернулся. Один из солдат прихлопнул осу и равнодушно взирал на мокрое пятно. Это был полный провал. Бабкина конструкция, чудесно действовавшая в избушке и на заставе, здесь совершенно не работала. Санька, такой само-

уверенный еще минуту назад, похолодел; теперь вся эта затея казалась ему глупой мальчишеской выходкой. Нельзя начинать дразнить гусей, если не знаешь, в какую сторону потом бежать. Тоже великий умник нашелся.

Тучка тем временем рассеялась, изредка пролетали отдельные насекомые. Магистры презрительно кривили рты.

— Давайте, муhi дохлыe! — Молодец снова стукнул по суме.

Никакого эффекта. Ни единой осы больше не вылетело наружу.

Магистр злорадно скалил зубы.

— Что, молокосос? Моя колдовская сила покрепче твоей будет. Отныне я новый властелин этого царства и последний раз спрашиваю, будешь на нашу сторону переходить?

Вместо ответа Санька выхватил меч, но Магистр сделал неуловимое движение рукой, и замечательная, прославленная булатная сталь рассыпалась на мелкие кусочки.

Санька затравленно посмотрел по сторонам. К воротам было не пробиться. Интересно, а какая башня оружейная? Там свои. Хоть призрачный, но шанс. Он задрал голову вверх и вдруг в одной из бойниц увидел Липуню.

— Ага, это кто? — торжествующе закричал парнишка. — А врали-то, что его убили.

— С ним тоже скоро покончим, — зашипел Магистр номер два. — А из тебя сейчас ежика делать будем.

Он кивнул своим солдатам, и те, схватив пленника, завернули ему руки за спину и поволокли к осине. Несколько лучников начали деловито готовиться к стрельбе по живой мишени.

Накрепко прикрученный к дереву молодой богатырь стоял, смотрел на голубое небо и думал, что в принципе приключение получилось не очень-то плохое. Правда, не повезло, бывает. Вот только непонятно, а почему это он так тихо помирать приготовился: живой же, и ничего еще не кончилось. Санька надул живот, напряг мускулы и начал дергаться, пытаясь разорвать путы.

Неожиданно он заметил, что прямо к нему с ветки на ветку перелетает маленькая белочка.

«Василиса», — подумал парнишка.

Это и вправду была Василиса.

Попав в западню, она пыталась вырваться, но, увидев, что это бесполезно, затихла. Прошла ночь. Как только солнышко поднялось над крышами, царевна приняла свой человеческий облик. Она лежала на полу и тихо плакала. Сторожившие ее монахи тупо глядели на пленницу.

— Судьба-судьбинушка моя горькая, — всхлипывая, проговорила Василиса. — Не видать мне больше солнца красного, не гулять по траве-мураве шелковой. — Она села, вытерла слезы и протянула руку к ближайшему охраннику. — Дал бы кто воды напиться. А то со вчерашнего утра во рту маковой росинки не было.

Никто в ответ даже не пошевелился.

«Ладно, — подумала про себя царевна. — Не выходит так, попробуем по-другому». И она сняла с пальца золотой перстенек.

— А за это я тому человеку доброму отдала бы перстень волшебный. Он открывает потайную дверь, за которой сокровища всего нашего царства хранятся.

На мгновение наступила мертвая тишина; монахи, наморщив лбы, пытались переварить услышанное. Наконец до них дошло, что за один глоток воды можно получить целое состояние. Намечался очень неплохой обмен. Раздался топот ног, нестройное «Я», и вот перед царевной, громко сопя и отпихивая друг друга, сгрудились ее сторожа. Каждый тянул к царевне свою флягу; в таком деле помочь захотели все.

Василиса откинула в сторону сеть:

— Воды.

Физиономии у солдат вытянулись, глаза начали наливаться злобой. Они явно не понимали, в чем дело, дают же пить этой ненормальной бабе, но чувствовали — золото от них уходит.

— Хочу ВОДЫ! — требовательно повторила царевна.

Кто-то из толпы раздраженно плеснул на царевну, и тут до всех дошло. У них не было воды — только вино. Пока монахи растерянно осматривались, из задних рядов протискался какой-то худой, невзрачный коротышка. С округлившимися от радости глазами, торжествующей идиотской улыбкой и высоко поднятой баклагой: у него единственного оказалась вода.

Василиса улыбнулась и протянула руку маленькому замухрышке:

— Ты будешь сказочно богат.

— Вот уж дудки, — вырвалось одновременно у всех, и конкурента тотчас затоптали.

Началась свалка. Каждому хотелось завладеть флягой с водой, чтобы тут же поменять ее на волшебное кольцо.

Некоторое время раздавались глухие удары, ругань и хрипы, затем все смолкло, и посреди камеры на ногах остался стоять только один — весь залитый кровью коренастый здоровяк. Он криво усмехнулся и пошел на царевну.

Лучше бы он этого не делал. До конца своих дней несчастный заикался и кричал по ночам.

Из беззащитной жертвы пленница превратилась в разъяренную фурию. Юная колдунья вскочила на ноги: волосы ее разевались в разные стороны и были похожи на рассвирепевших змей, глаза сверкали словно молнии, между пальцами высоко поднятых рук проскаивали искры.

Здоровяк взвизгнул, вышиб головой закрытую дверь, стрелой пролетел через весь город и бесследно сгинул в дремучем лесу.

В коридоре послышались встревоженные крики бегущих людей; еще немного — и они ворвутся в комнату. Василиса вскочила на окно, собираясь обернуться горлицей и улететь, но ахнула, увидев Саньку в окружении врагов.

Тут она заметила лежавшее на подоконнике знакомое серебряное колечко. Выяснить, как оно тут очутилось, времени не было; царевна схватила колечко, обернулась белочкой и прыгнула на осину. На земле перекувырнулась через голову и опять превратилась в девицу-красавицу.

Резкий взмах руками, короткое заклинание, и «серых» разбросало в разные стороны от пленника, а веревки кольцами упали на землю.

— Говорят, богатырю, идущему на битву, полагается иметь на счастье амулет. — И Василиса протянула серебряное колечко.

— Оно, родное, — обрадовался Санька и надел его на палец. Колечко село плотно, как влитое.

— Назад, — завизжал Магистр. — Как эта дрянная девчонка оказалась здесь?

— Не кричи на даму, — нахмурился богатырь. — Эх, мне бы сейчас какое-нибудь приличное оружие. Все что угодно отдал бы за него.

Яркая вспышка на миг ослепила всех. Из колечка вверх метнулся тонкий луч и превратился в огненный меч.

— Ух, — оттянулся Санька, проведя мечом из стороны в сторону, и сразу же вокруг него образовался маленький пустой пятак.

— Взять их! Растоптать! Уничтожить! — продолжал веерящий Магистр, и серые шеренги пришли в движение.

— Уходи, не мешай — крикнул Санька Василисе, и она исчезла, словно сквозь землю провалилась.

Началась потеха.

— Вот и хорошо... Вот и замечательно... — пыхтел богатырь, нанося сокрушительные удары. — Раз меня сюда из-за вас заташили, так и получите по полной программе.

Он поудобнее перехватил рукоять. Волшебный меч сам разил врагов, защищая своего хозяина, которому оставалось только покрепче его держать.

— Эх, все-таки дураком был, не учился у Липуни. Сейчас бы только пух и перья летели от этих ушастиков, впрочем, так тоже вроде неплохо получается.

Каждый взмах меча наносил ощутимый урон нападавшим, но это их не останавливало; словно прорвавшая плотину вода, они продолжали упорно лезть вперед. Неизвестно, сколько времени продолжалось это побоище, но наконец монахи дрогнули и застыли по краю смертельного круга.

Санька вытер пот.

— Что, съели, лысые хвосты? — Он хотел добавить еще пару эпитетов, но замер. Перед ним снова появился отряд стрелков. Лучники достали стрелы, натянули тетиву.

«Допрыгался», — похолодел богатырь и хотел куда-нибудь запрятаться, но уперся спиной в холодные камни стены. Тогда он выставил впереди себя меч, всю свою защиту, и, помахивая им, словно отгоняя мух, закрыл глаза.

Прошли томительные мгновения. А затем раздались жуткие проклятия.

Санька слегка приоткрыл один глаз. Прямо перед ним сиял ослепительный диск. Оказывается, огненный меч раскрутился с такой скоростью, что ни одна стрела не смогла достичь цели — на земле лежала приличная горка щепок; все, что от них осталось.

— Йес! — издевательски крикнул молодец, дернув согнутой в локте рукой. — Кишка у вас тонка супротив человека будущего.

Но тут вперед вышел Магистр и гнусным голосом забороматал какую-то тарабарщину. На паренька сверху повалились доски, бревна, разная рухлядь. Он даже не успел ничего сообразить, как был завален этим мусором. Наружу торчала одна голова.

— Ну что, кто сильнее? — злорадно ухмыльнулся Магистр. — Хватит. Надоело с тобой возиться. — И он подал знак стоящим около него солдатам. Достав ножи, они полезли на завал, пытаясь добраться до Санькиного горла.

— Вот теперь уж точно все, — обреченно вздохнул богатырь.

Однако «серые» неожиданно остановились.

— Чего это они резину тянут, поиздеваться вздумали? — Санька начал вертеть головой, пытаясь понять, в чем же дело, и краем глаза заметил Василису. Юная волшебница стояла, подавшись вперед и вытянув обе руки. Глаза ее были широко раскрыты, брови нахмурены. Она словно излучала невидимую силу, и эта сила не давала никому приблизиться к богатырю.

— Ей же было сказано исчезнуть. Пропадет девчонка, — выругался Санька. Он снова попытался выбраться, но смог лишь пошевелить рукой.

Внезапно прямо перед его носом из земли выскочил огненный клинок. Оказывается, он мог рубить не только головы, но и разрезать словно масло все, чего касался.

— А чего я тогда тут сижу, дурака валяю? — выругался с досады молодец и принял энергично водить мечом. Он уже почти выкарабкался из-под обломков, но встать на ноги не успел.

Магистр произнес короткое заклинание, и в его вытянутой руке появился небольшой черный шар. Неуловимым движением он метнул шар в Василису. Царевна как подкошенная рухнула на землю.

Второй такой шарик полетел в Саньку, который в бешенстве раскидывал последние доски, однако богатырь уже был на свободе. Он взмахнул мечом, словно битой при игре в лапту, отбил шар обратно и угодил монаху прямо в лоб. Раздался оглушительный треск, во все стороны полетели раскаленные искры.

Магистр где стоял, там и сел, недоуменно мотая головой. По всему было видно, что он с трудом соображает.

И тут на него сверху спикировала ступа с Бабой-Ягой.

— Ах ты, Ирод, нашу лапочку забижать! На тихую, слабую девчушку руку поднял! Жук навозный, а не мужик. Я сейчас твою рожу-то поганую разрисую, глазки твои подлые повыцарапываю, — бушевала старуха, тыкая помелом Магистру в лицо.

Чернокнижник, очумевший от такой напасти, только крутил головой. Наконец пришел в себя и выбил метлу у Яги из рук. Это только подлило масла в огонь. Баба-Яга взвыла, схватила ступу, с размаху нахлобучила ее на Магистра и, прищелкнув пальцами, закрутила ее волчком.

Санька вскочил на ноги и, когда ступа остановилась, одним ударом разрубил Магистра надвое. Раздался хлопок, и тело убитого растаяло в воздухе.

— Тыры-пыры, опять двойник. Сколько же их? — буркнул богатырь.

Однако размышлять было некогда, монахи повалили плотной стеной. И снова огненный меч принялся рубить направо и налево, прикрывая теперь и Ягу, которая хлопотала над Василисой. Но врагов было слишком много.

— Ну и работенка у меня в последнее время, — тихо бранился Санька. — И помошь эта где? Заснули, что ли?

Он начал выдыхаться и двигался все медленнее и медленнее. Из многочисленных порезов текла кровь; счастье, что раны были пока не опасны. И неизвестно, сколько бы он еще продержался, если бы не волшебный меч.

Оглушительный взрыв потряс площадь, ворота крепости взлетели на воздух. Осколками камней разметало лучников, запахло жареным.

Санька поднял голову. На крышу одной из башен уселся здоровенный Змей. Одноголовый. А в проделанный проход уже валило ополчение. Впереди бежал сотник Сыч. Одновременно распахнулись двери оружейной башни, и появился Липуня с дружиными.

Санька подождал, пока Яга приведет в чувство Василису, а затем медленно, словно тяжелый асфальтный каток, двинулся вперед, расчищая перед собой широкую дорогу.

Липуня размашистыми ударами тяжелого меча валил по несколько противников сразу и в пылу боя оторвался от своих. Это едва не стоило ему жизни, так как несколько вражеских солдат набросились на него спереди, а позади неслышно возник еще один, огромного роста монах, и замахнулся тяжелой секирой.

Лежать бы воеводе с пробитой головой, если бы на грудь опешившего от неожиданности Громилы с истошным кошачьим визгом не взлетел Баюн. Шерсть его стояла дыбом, уши плотно прижались к голове, ярко-желтые глаза яростно сверкали. Он потянулся клыками к вражескому горлу, но запутался в густой бороде. Тогда, с отвращением фыркнув, он вцепился всеми когтями в противную рожу. Громила, выпу-

стив топор, попытался ухватить кота, но тот успел увернуться и спрыгнуть на землю. Монах, с расцарапанной физиономией и завывая от злости, плюхнулся на четвереньки и начал шлепать по земле рукой, пытаясь, словно комара, прихлопнуть дерзкое животное, но тут же замертью ткнулся носом в землю.

— Не обижай киску, она хорошая, — назидательно произнес Липуня, забрался на опрокинутую телегу и осмотрелся.

Бой кипел повсюду: в крепости, во дворце, на улицах и за стенами города.

Соловей-разбойник резким свистом сбивал с ног целые шеренги.

Монахи, успевшие выйти через разбитые ворота за прелесты крепости, неожиданно остановились, а затем начали влеть обратно. В проломе появилась фигура здоровенного мужика с повязкой на левом глазу и огромным топором в руках. Это был Лихо Одноглазое. Словно дровосек, попавший в тонкий кустарник, он крушил направо и налево, приговаривая: «Неси Лихо, пока оно тихо».

— Клен кудрявый, пень трухлявый, — послышалось под телегой невнятное бормотание. Из-за колеса выползла крошечная фигурка Лешего.

— Ты что, сдурел?! — закричал воевода. — Затопчут не нарком.

Лесовик задрал голову и с обидой пропищал:

— Мы, если хочешь знать, можем быть и ниже травы, и... — тут писк перешел в ужасный рев, — выше самых высоких деревьев.

Посреди площади стоял Леший исполинских размеров. Он вырвал из земли вековой дуб и, словно дворник, начал махать этой «метелкой» направо и налево.

Ситуация резко переменилась. Берендеевы ратники при помощи лесных волшебников победно теснили врага. Ряды Серого Ордена таяли, словно снег под солнцем.

Липуня радостно потряс мечом и вдруг замер: на оружейной башне появился Хряк. Воевода зажмурил глаза и помотал головой:

— Чур меня. Его же повесили. Сгинь, пропади.

Но советник не исчез. Зловеще ухмыляясь, он швырнул вниз черный шар, убив сразу нескольких дружинников и оборотня. Второй шар угодил в Лешего, который запыпал словно большой костер. Невесть откуда выскочил Водяной, и целый водопад обрушился сверху на лесовика. Поднялись клубы пара, а когда они рассеялись, то Леший стоял мокрый, взъерошенный, обычного роста, зато целый и невредимый.

Громкие проклятия разнеслись по крепости. Волшебники, увидев, что советник жив, не сговариваясь, одновременно ринулись в башню. Каждому хотелось первому добраться до предателя и рассчитаться с ним за все.

Но раздался оглушительный взрыв, и оружейная башня развалилась на части, похоронив под обломками всех находящихся внутри.

«Серые» приободрились и принялись со всех сторон насыдеть на растерявшееся русское войско.

Липуня, едва успев укрыться щитом от падающих камней, снова бросился в бой, стараясь пробиться к мелькавшему вдалеке огненному мечу.

Наконец они встали рядом, плечом друг к другу.

— Очень вовремя вы появились! — прокричал Санька. — Я уж думал, не расхлебаюсь.

— Все нормально; пока живешь — живи и улыбайся, — подмигнул воевода, и оба богатыря дружно бросились на неприятеля.

— Откуда они лезут? — продолжал парнишка. — У них там что, конвейер по производству этой гадости. Они нас в конце концов своей массой задавят.

— Я знаю! — Между богатырями просунулась голова Бабы-Яги. — Но здесь применена черная магия, так что это наше с Василисой дело.

Яга и царевна прыгнули в ступу и свечой взлетели вверх, к Змею Горынычу, который продолжал сидеть на башне, лишь изредка выпуская струю пламени, так как боялся задеть своих.

Бабка пошептала что-то ему на ухо, Змей согласно покачал головой, и вся тройка полетела к дому советника. Тут уж Змей отвел душу. Он так расстарался, что и сам совершенно скрылся в клубах дыма. Через минуту все было кончено: дом Хряка был сожжен дотла, а Баба-Яга и Василиса уничтожили бесовские знаки, перекрыв проход, через который в город попадало «серое» воинство.

— Даешь Магистра! — прокричали богатыри и с удвоенной силой налетели на врага.

Однако несмотря на то, что Серый Орден лишился пополнения, врагов оставалось еще слишком много. Один за другим падали дружинники, и вот уже оставшиеся в живых вскарабкались на развалины взорванной башни и там отбивались от врага.

Неожиданно земля под ними задрожала, в разные стороны полетели остатки башни, и на белый свет, раскидывая камни, выкарабкались волшебники. Все в пыли, чумазые и злые.

— Вы? — прослезился от радости Санька.

— Мы, — невозмутимо подтвердил Лихо, огляделся по сторонам и, заметив рукоятку своего топора, принялся освобождать его из-под обломков.

— Живые?

— А то.

— Что Хряк?

— Шбешал, шкотина, — прошепелявил Соловей, выплевывая небольшой булыжник и с ним четыре передних зуба. — Такая шволочь. Как ше я теперь швиштеть буду? — огорченно продолжал он и сунул два пальца в рот, но вместо залихватского свиста получилось только невнятное шипение.

— А ты его пошире раскрой, — хихикинула Яга.

Разбойник машинально разинул рот и тут же от неожиданности выпучил глаза, едва не подавившись каким-то месивом.

— Ты что, старая, сдурела! — начал плеваться и вопить Соловей, но тотчас смолк: все зубы снова были на месте. Он

немедленно развернулся к противнику и так свистнул, что тех в один миг словно ветром сдуло.

Это прозвучало как сигнал к атаке, и все — люди и волшебники — с новыми силами бросились вперед, на врага.

«Серые» ряды стали быстро редеть. Наконец они дрогнули и словно по команде остановились.

Посреди двора образовался широкий круг, на одном конце которого стоял Магистр, а на другом — Санька с Липуней.

— Предлагаю честный бой. Кто победит, тому и царство. Согласен? — сквозь зубы процедил Магистр.

Воевода предостерегающе поднял руку, но парнишка мягко остановил его:

— Это мое дело. Личное. Как ни хотелось на кого-нибудь спихнуть, доделывать придется самому. — И он бросился вперед.

Но не успел он сделать и пары шагов, как Магистр раздвоился. Санька, не ожидавший такой пакости, растерялся и чудом ускользнул от меча.

— Идиот, нашел кому верить, — ругал сам себя богатырь, пытаясь увернуться от нового выпада. Это ему удалось, однако следующий удар наверняка рассек бы его пополам — хорошо огненный меч оказался проворнее и сам отбил нападение. Санька перепугался; Магистры были слишком серьезными противниками, чтобы одному сражаться сразу против двоих.

И тут наконец сработало волшебство Бабы-Яги. Из растоптанной котомки вылетела оса. Одна-единственная, с помятыми крыльями, она неуверенно поднялась вверх, на мгновение зависла, словно пытаясь понять, что же делать дальше, а затем загудела и впилась прямо в нос ближайшему Магистру. Тот бросил меч, схватился за лицо и завопил. Санька воспользовался этим минутным замешательством и рассек второго Магистра пополам. Тот хлюпнул и исчез.

Богатырь развернулся и... расхохотался.

Последний Магистр оказался настоящим. Но физиономия у него моментально распухла и скосоворотилась. В яро-

сти он выкрикнул новое заклинание. Снова появился черный шар, и раздался страшный взрыв, разметавший всех в разные стороны. Санька, стоявший ближе всех, рухнул как подкошенный. Магистр исчез.

«Серое» воинство, увидев, что осталось без предводителя, кинулось наутек. Сражение выплеснулось за городские ворота. Сотник преследовал остатки Ордена за городом, а Липуня добивал врага в крепости.

Победа была полная.

После долгих поисков нашли царя. Громко ругаясь, он вихрем вылетел из подземелья и сразу же наткнулся на Леншего, мирно расположившегося в тени деревьев. Берендей побагровел и замер на месте, судорожно открывая и закрывая рот, не в силах произнести ни одного слова. Его бы хватил улар, не подоспел Василиса, в двух словах объяснившая отцу, что произошло за это время и кто был врагом на самом деле. Царь немного успокоился, но все же с недоверием поглядывал на нечисть, пусть даже свою, родную.

Тем временем Саньку перенесли в светелку, уложили на лавку. Все собрались вокруг.

— Ну, сделайте вы хоть что-нибудь, — кипятился Берендей. — Волшебники вы или не волшебники?

Баба-Яга отрицательно покачала головой:

— Против Смерти наше волшебство бессильно.

Берендей чертыхнулся и умолк, рассматривая паркет. Липуня снял шапку и отвернулся. Баюн ткнулся мордой в колени Василисе, которая неподвижно сидела, не сводя глаз с богатыря. Яга вытирала глаза кончиком платка. В углу появилось привидение. Видя, что на него не обращают абсолютно никакого внимания, пралед просочился сквозь присутствующих и замер в изголовье.

Коротка летняя ночь. И вот ужс первый, самый любопытный солнечный зайчик вскарабкался на одинокое облако и оттуда заглянул в окно дворца.

В светелке возле Саньки остались только Василиса и Баюн. Берендей с Липуней наводили порядок в городе и окрестностях; Яга и Леший помогали выхаживать раненых.

Кот нервно вышагивал из угла в угол и что-то невнятно бормотал себе под нос. Наконец он остановился и с отвращением произнес:

— Терпеть не могу сочинять эпитафии.

Василиса смотрела на неподвижного богатыря и думала, что вот наконец-то она повстречала хорошего человека, но так и не успела сказать ему об этом. Не смогла и спасти его от злого колдуна. Как не помогло и колечко; почерневшее, оплавленное, оно рассыпалось сразу после взрыва.

Царевна едва не зарыдала от обиды на судьбу, но сдержалась, и только одна слезинка упала Саньке прямо на губы. Василиса нагнулась и поцеловала богатыря.

Глаза его медленно раскрылись:

— Василиса? Ты что, плачешь? Кто тебя обидел?

— Живой, — разревелась царевна.

— Какой же еще? Когда этот чертов шар взорвался, я думал, что все, конец. Но представляешь, колечко превратилось в щит и приняло удар на себя. Спас меня мой талисман. Но бумкнуло здорово. Так в голове зазвенело, так было плохо, что даже двигаться было неохота. Дай, думаю, полежу чуток. Я что, задремал, что ли?

— Так ты притворялся?! — Лицо Василисы запылало от гнева. — Все вокруг с ума сходят, а он, видите ли, устал, от ратных подвигов отдохнуть изволит.

Она стремительно вскочила и выбежала из светлицы, громко хлопнув дверью. Санька растерянно смотрел ей вслед.

Весть о том, что богатырь жив, мгновенно облетела город. Все кинулись во дворец.

Санька совершенно пришел в себя и все порывался встать, но Липуня своей крепкой рукой возвращал его обратно:

— Лежите, больной. Не напрягайтесь.

— Да здоров я. Все нормально, — пытался вырваться паренек. Ему было необходимо увидеть царевну.

* * *

Город готовился к пиру. Саньке было запрещено чем-либо заниматься, и он сидел на крылечке, наблюдая за суматохой. Бесшумной тенью появился Баюн и уселся рядом.

— Ты знаешь, — начал кот, — мы решили, пока все празднуют, потихоньку по домам разойтись. Леший с Водяным уже подались, сейчас и мы с Ягой отправляемся. Берендею не до нас, мы с ним потом встретимся, за жизнь поговорим.

— Я вас провожу, мне все равно делать нечего, — вскочил парнишка.

Если бы кто-нибудь поглядел с крепостной стены вниз, то он увидел бы странную компанию, бодро шагающую по дороге к лесу. Посередине шел молодой богатырь, справа важно вышагивал упитанный кот, слева мелко семенила ста-рушка с помелом на плече. Замыкала шествие здоровенная деревянная ступа.

Санька шел и думал, что возвращаться в свое время он совершенно не желает. Категорически. Чего он там не видел. А здесь у него появились друзья, свое дело. Его мечта стать для кого-то необходимым начала сбываться.

Совершенно иными оказались и эти сказочные «злодеи», о которых он читал столько страшных сказок; на них больше наговаривали.

Да и все остальное начало неплохо складываться. По службе перспективы открылись. Тайный посланник, затем — царский посол, а там и до трона недалеко. А что? Был же он женихом у Василисы. Целых пять минут. Полцарства даром отдавали, не взял, дурак; а каким человеком стать мог. Сидел бы сейчас во дворце, пряники ел.

И самое главное — Василиса была бы рядом. Глядишь, и смог бы он в конце концов с ней объясниться. А так не получается пока у него с царевной.

Неожиданно парнишка остановился. На дороге, склонив голову и поблескивая глазом, сидел знакомый Ворон.

— Пошли.

— Куда?

— Хозяин ждет.

— Нетушки. Хватит с меня этих встреч. Как только я с ним повстречаюсь, так у меня разные неприятности начнутся.

— Ты что, сдурел? — раздалось за спиной шипение, и бабкино помело больно ткнулось Саньке в бок. — Кащае все ищут, да не каждый находит, а тебя самого в гости зовут.

— Да был я уже у него.

— Ничего, ноги не отвалятся лишний раз прогуляться. — Яга повернулась к птице: — Это он заговаривается. От радости. Так что все будьте здоровы, а я полетела. Дел у меня невпроворот. И все срочные. Супчик на плите позабыла, боюсь, убежит. — И она прыгнула в ступу.

— Я тоже откланиваюсь. — Баюн держал в лапах большую пачку листов. — У меня тут небольшой роман в стихах вырисовывается, а сами понимаете, в такой обстановке рифму не подберешь.

Санька остался один. Он тяжело вздохнул и повернулся к Ворону.

— Куда идти?

— Да никуда, — из кустов вышел Кащей Бессмертный. — Место тут тихое. Можно спокойно поговорить. Ты вроде как домой хотел?

Санька насторожился.

— Опять звездочки угадывать?

— Да нет. Есть у меня еще один способ, малость покороче.

— А почему тогда сразу не отправил?

— А Магистр? — вопросом на вопрос ответил Кащей. На пальце у него неожиданно сверкнуло серебряное колечко.

— Так это твоя работа, что я сюда попал?

— Неужто моя? — с усмешкой поинтересовался Бессмертный, склонив голову набок. — Помнится, я тебя в яму за шиворот не тащил. Если человек сам не захочет, то его никто не заставит. А что, опять что-то не так?

— Но почему меня?

— Мечты твои мне понравились. Я подумал, раз в том мире тебя ничего не держит, то здесь быстрее освоишься.

— Ясненько, — проговорил Санька. Действительно, там, в прежней жизни, он был никому не нужен, а эта сказочная страна приняла его.

Он посмотрел по сторонам, на эту не исковерканную еще человеческими руками природу:

— Что сделано, то сделано. Но я так думаю, уж если человек появился на свет, то и жить должен там, где он нужен, и так, чтобы ему было хорошо.

— Ничего не могу возразить против, — согласился Кащей. — Но у тебя другой случай. И придется тебе отправляться домой.

— Не. Не пойду, — возмущенно запротестовал Санька. — Что значит «отправляться»? А Баюн, а Яга, а Липуня? Как они без меня? Да и я без них. И потом, у меня тут еще дел невпроворот. Крокодил этот двухголовый, до сих пор на свободе. Нельзя его без присмотра оставлять. Понаделает еще делов.

— И Василиса? — улыбнулся Кащей.

— Да. И Василиса тоже, — с отчаянием повторил Санька. — И нечего иронизировать.

Кащей задумчиво посмотрел на взъерошенного богатыря. А ведь и в самом деле богатырь. За время, проведенное здесь, парнишка заметно возмужал.

— Изменить ничего не могу. Сам понимаешь, если что где взял, нужно обязательно вернуть на место. Но, с другой стороны, если с тобой случится что-нибудь непредвиденное, то это уже не моя забота.

— Что же такое может случиться?

— Не знаю, не знаю. Могу только напомнить слова Кота: «Если очень захочетъ». — И Кащей хлопнул в ладоши.

Санька хотел еще возразить, но не успел: померк свет в глазах, снова наступила абсолютная темнота. И сразу же он обнаружил себя лежащим в яме. Где-то вдали гудел подходящий к станции поезд. А может, это гудело в голове. Было совершенно непонятно, что это, — сон или он на самом деле

побывал в сказке. Может, от удара у него галлюцинации приключились. И тут он заметил, что прямо над ним высоко в небе ярко блестела маленькая звездочка.

«Звезд на небе днем не видать. Это обман зрения», — подумал парнишка.

— И когда ты у меня только поумнеешь? — вздохнул рядом знакомый кошачий голос.

Санька вскочил, начал крутить головой в разные стороны, но никого рядом не обнаружил. Что-то слегка сжало пальц. Он взглянул на руку и увидел сверкающее серебряное колечко. Настоящее и совершенно целое. А раз колечко при нем, то есть надежда, что он снова попадет обратно в эту сказку.

Если, конечно, очень захочеть.

Часть 2

МЕСТЬ СЕРОГО МАГИСТРА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Унылый вечер. Хмурые, недовольные на всех и вся тучи затянули небо до самого горизонта. Дождь, словно возомнив себя великим водопадом, лил не переставая.

Редкие прохожие шлепали по лужам, стремясь быстрее добраться до своих домов. Подошел автобус, выплюнул очередную порцию народа, которая тотчас растворилась в этой серой мгле.

Последним выскочил парнишка лет восемнадцати, натянул поплотнее на голову кепку и, пригнув голову, бегом кинулся к подъезду стоявшего рядом дома. Он поднялся на четвертый этаж, вошел в прихожую и облегченно перевел дух.

Это был Санька Воробьев.

Минута на раздевание, пять минут на то, чтобы разогреть чайник, и можно завалиться на диван, включить телевизор и блаженно вытянуть ноги.

Вот уж с год Санька жил в городе. Это, конечно, не Москва, но все-таки. У него была работа, хотя и беспокойная, шофером на хлебном фургоне, зато всегда можно перехватить батон теплого хлеба. Некоторые неудобства вызывал скользящий график работы, однако с этим приходилось мириться. Был и собственный угол. За довольно-таки умеренную цену он снимал комнату; вполне приличную, метров

семь, с большим окном, выходящим во двор. Единственным недостатком этой жилплощади было полное отсутствие звукоизоляции; если крепко зажмурить глаза, то могло показаться, что стен и вовсе нет, а все соседи находятся рядом с тобой в одной комнате.

Так дни и катились: работа, в свободное время — телевизор. Немного однообразно, но так живут тысячи, и ничего, не жалуются. Однажды вечером по неизвестной причине вырубился свет, и Санька отправился на свежий воздух погулять. Он долго бродил по улицам и случайно заметил приkleенное на столб написанное от руки объявление об открытии самодеятельного клуба старинных русских забав. На следующий день он уже стучался в дверь подвала с пришпиленной простенькой надписью: «СКСРЗ Русич АООО». И с тех пор каждый выходной он спешил по заветному адресу, где с увлечением изучал историю России, а главное — учился сражаться на мечах и вскоре мог противостоять сразу трем противникам. Особенно ему нравился прием, позволяющий выбивать из рук оружие.

Сегодняшний день получился не самым удачным. Все началось с того, что Санька проспал. Не умывшись и даже не поев, он только успел схватить пакет молока и кубарем скатился по лестнице вниз, едва не опоздав на автобус. Приехав на хлебозавод, решил позавтракать, поставил молоко на сиденье, но неудачно повернулся и опрокинул пакет, отчего на полу образовалась большая белая лужа. В довершение всего в самом конце смены спустилось заднее колесо. На улице разгулялась непогода: крупные капли барабанили по стеклу, и высовываться не хотелось совершенно, но делать было нечего, пришлось вылезать. Дождь, обрадовавшись, припустил с такой силой, что уже через пять минут Санька перестал торопиться, так как промок до нитки.

Вечернее сидение у телевизора также не подняло настроения. Показывали светские новости. Депутат Соловьев-Свистунов отбыл на Канары для изучения опыта работы по выращиванию тамошних баобабов. Широко известная фанерно-танцевальная группа «Шипящие», выпустив свой супер-

популярный дебютный альбом «Я — свистушка», готовилась к длительному турне по странам Юго-Восточной Азии, на-мереваясь снять лучший клип последнего десятилетия. Про-дюсер группы таинственно намекал на фантастическую сто-имость проекта и участие в подтанцовке известных лиц. По другим каналам показывали интеллектуально-развлекатель-ные передачи: «Скажи хоть что-нибудь, получишь пятачок» и бесконечный, плавно перетекающий по времени и каналам сериал.

Санька со злостью выключил телевизор. Тоска зеленая. Этот Свистунов завернет в Париж, тамошних деликатесов откусывать изволит, а тут до получки денег не хватает, опять занимать придется.

Он встал и подошел к окну. По стеклу бурно катился ма-ленький водяной поток, искажая до неузнаваемости старый двор.

— Тоска, — повторил парнишка, слушая крики скандала за стеной, вопли младенца снизу и треск боевика сверху. Снова включил телевизор и принялся механически переклю-чать кнопки: первая, вторая, третья, нигде надолго не оста-навливаясь. Программы мелькали, дождь стучал по подокон-нику, соседи выясняли отношения.

Он улегся на диван и достал из-под рубашки висевшее там на шнурке серебряное колечко, подаренное Кащеем Бес-смертным и спрятанное подальше от посторонних глаз.

Санька глядел на колечко, такое родное, такое теплое, и вспоминал свое увлекательное приключение в далеком сказочном царстве. Вот бы сейчас снова попасть туда, узнать, как там поживают царь Берендей, кот Баюн, Липуня. А са-мое главное — Василиса, которую он не мог забыть и посто-янно вспоминал. Хоть одним глазком взглянуть на них, по-махать рукой. Санька глубоко вздохнул и... уснул. Странный это был сон. Странный и страшный.

Словно лежит он, связанный, в какой-то темной, сырой и мрачной пещере. Посредине костер горит. На огне боль-шой котел, вода булькает. А вокруг стоят жуткие образины:

низкорослые, коренастые существа. Низкие лбы, злые, глубоко посаженные глаза и носы, словно поросячий пятаки. Длинные, спутанные волосы и такие же корявые бороды. Каждый держал в руках большую, окованную железом дубину. Они громко ругались между собой, и их раскрасневшиеся зловещие рожи еще больше наливались злобой.

От криков и воплей закладывало уши, но отдельные слова и даже целые фразы можно было разобрать.

— Третий день не жрамши! — вопил один.

— Они его для себя хотят припрятать! — орал другой.

— Всем поровну! — надрывался третий.

Санька похолодел. Разговор шел о нем. Большинство требовало кинуть его в кипяток, и лишь двое были против, но их голосов совершенно не было слышно.

— Какой котел, — заерзал Санька, пытаясь освободиться. Он понимал, что спит, но совершенно не желал, чтобы его сварили, пусть даже и во сне.

Спор тем временем перерос в маленькую потасовку, над головами замелькали дубины. Победила, как обычно, грубая сила. Ужасные создания медленно приближались к пленнику. Первый монстр, оскалив зубы в кривой ухмылке, потянулся к нему руки.

— Да у него клыки! — ужаснулся Санька. — Ну уж нет. Это неправильный сон.

Он напрягся, рванулся изо всех сил. Опутывающие его веревки лопнули, и он вскочил на ноги. В руках у него оказался меч, и сверкающий словно маленькая молния клинок принялся разить врагов.

Кошмарные создания бросились врассыпную.

Воспользовавшись паникой, Санька нырнул в черное пятно туннеля, где, он точно знал, находится выход. Но во сне почему-то от преследователей убежать невозможно. Парнишка старался изо всех сил и... не двигался с места. Зато враги его уже почти настигли: их вытянутые руки начали удлиняться и уже были готовы схватить ускользающую добычу. Санька решил пройти сквозь стенку туннеля и резко повернул в сторону. Стало еще хуже. Он застрял в каменной

толще и не мог даже пошевелиться. А чудовища все ближе и ближе. Вдруг раздался далекий, еле слышный голос Василисы. Она звала на помощь. Парнишка беззвучно закричал, рванулся и вывалился наружу из какой-то крепостной стены. Пролетев немного, он рухнул в ледяную воду и... проснулся.

Он лежал на полу весь мокрый от пота, сжимая в руке колечко.

Унылые серые облака нависли над землей. Дождь лил как из ведра и, казалось, задался целью затопить весь этот мир. На худой конец, смыть с лица земли затерянный среди леса заброшенный замок. Впрочем, заброшенным он казался для посторонних; и попади туда кто-нибудь, то обнаружил бы внутри с десяток странных людей в серых рясах.

Близился вечер, и серый свет за окнами становился гуще и чернее, однако хозяева свечей не зажигали: либо они были жуткими скупердяями, либо не хотели, чтобы об их присутствии в замке узнал кто-нибудь из посторонних.

По тронному залу нервно прохаживался человек, зябко кутаясь в серый плащ. Лицо его было мрачно. Сделав три или четыре круга, он зашел за трон, присел, засветил короткий огарок свечи и открыл маленький тайник.

Внезапно распахнулась входная дверь, и в зал стремительно вбежал кругленький коротышка.

— Есть! — раздался его ликующий возглас.

— Что есть? — недовольно переспросил, не поднимая глаз, человек в сером.

— Его больше нету.

— Чего нету? Того, что есть? Ты толком объяснить можешь?

— Есть новость, что богатыря Саньки больше в Берендеевом царстве нету.

— Остынь.

— Да провалиться мне на этом месте. Его, говорят, Кашей к себе забрал.

Из-за трона высунулась голова. Она задумчиво посмотрела на толстяка, затем недовольно дернулась.

— Слушай, Хряк, я вообще не понимаю, почему Берендей так долго держал тебя своим советником. От твоих советов одни убытки. Ваш Кашей — еще тот фрукт, и от него всяческого подвоха ожидать можно. Даже если сказанное тобой чистая правда, то все равно ничего не меняется; на новую войну у нас сил нет.

— А кто говорит про войну? — всплеснул руками бывший царедворец. — Все намного проще: у Василисы горе — жених сбежал, и мы ей взамен другого подадим.

Голова снова задумалась, затем скрылась. Послышался скрип запираемого замка, и вот уже человек в сером плаще уселся на трон. Свеча осветила его лицо — это был Магистр Серого Ордена.

После неудачной попытки скинуть с трона Берендея остатки «серого» воинства бежали в тридевятое царство. Главная резиденция Ордена находилась далеко за морем-окианином, но почти в каждом царстве-государстве имелись тайные убежища, где при необходимости монахи могли укрыться. По большей части это были заброшенные замки, хозяева которых пропали при таинственных обстоятельствах. Случайные прохожие, отважившиеся там заночевать, также бесследно исчезали. Самые отчаянные смельчаки, приближаясь к замку, начинали ощущать безотчетный страх и спешили повернуть обратно, а местные жители тем более не совались в эти гибкие места. Все это позволяло Магистру чувствовать себя в полной безопасности.

— Хитер, — ласково улыбаясь, протянул он. — А что? Может, эта твоя хитрость даже и пройдет.

— Девки — они глупые, — хихикнул Хряк. — Им главное — замуж выскочить и чтоб жених был покрасивше.

— Такой, как ты, — не удержался от колкости Магистр.

— Не, не я, — ответил Хряк, сделав вид, что не заметил сарказма. — Мы Василисе живописный портрет пошлем, якобы от нашего заморского принца. А дальше я это дело возьму на себя.

— Ты, часом, не забыл, что царевна — волшебница? Не боишься, что она тебе этот портрет на голову наденет, на отрубленную?

— Вопрос, конечно, непростой и с наскока его не решить, но игра стоит свеч. Поэтому тут нужно хорошенько помозговать, придумать нечто такое, что сможет в одночасье Василису волшебной силы лишить. А за свою голову я спокоен, для такого случая у меня один мальчионка есть. Он, как пес, меня во всем слушается. И язык за зубами крепко держать умеет. Вот его и пошлем.

Магистр неожиданно заволновался и даже вскочил:

— Нет, такое серьезное дело какому-то там мальчионке пограть нельзя. Жених должен быть представительным, с хорошей родословной, голубых кровей.

Хряк подозрительно посмотрел на монаха:

— Тебе, сколько я знаю, жениться нельзя.

— Почему нельзя? Для пользы дела можно.

— Э, постой, постой, а царство кому? — всполошился Хряк.

— Тебе, конечно. Посадником будешь. У меня и своих дел полно, — равнодушно ответил Магистр, а сам подумал: «Ты мне только царевну приведи, а уж дальше я с тобой разберусь».

— Тогда договорились, — оскалился в мрачной улыбке Хряк и быстренько сложил в кармане кукиш. Он ни на капельку не верил Магистру, однако, хорошо понимая, что при первом же удобном случае монах постарается от него избавиться, без его помощи обойтись не мог, и поэтому до поры до времени был согласен на любые условия, выжидая своего часа: «Ничего, ты лишь помоги Василису охомутать, а там я тебе такой магический круг устрою, волком взвоешь».

— Ну что ж, попробуем, — заключил Магистр. — Кстати, у меня появилась одна идея, как лучше обделать это дельце. И еще: мы завтра отсюда уходим к себе в монастырь. Местные жители что-то начали подозревать, а нам это ни к чему. Поживешь пока один. За свою жизнь можешь не беспоко-

иться; замок считается проклятым, и ни один нормальный человек сюда не сунется.

Хряк согласно кивнул; по крайней мере не нужно все время находиться в напряжении, ожидая от «друзей» удара ножом в спину.

К тому же вчера он встретил в лесу двухголового Змея, сумевшего удрать из Берендеева царства раньше, чем до него добрались дружинники Липуни. Получив убежище, двухголовый будет ему должен и для начала поможет украсть Василису, так как теперь в царстве Берендея невозможно отыскать потаенного места, чтобы незаметно начертить магический круг. Местные лесные волшебники вмиг его обнаружат.

Серые, скользкие тучи висели над головой; дождь кончился, но все вокруг находилось в том мрачном, оцепенелом состоянии, когда не было никакого желания даже шевелиться.

По лесной тропинке, глубоко задумавшись, медленно шла Василиса — дочка царя Берендея. Она только что побывала у Бабы-Яги, пытаясь узнать у нее хоть что-нибудь о богатыре Саньке, спасшем от нашествия Серого Ордена их царство и неожиданно исчезнувшем в самый разгар празднества.

Старая колдунья ничем помочь не смогла, и теперь Василиса возвращалась во дворец. Настроение у нее было еще хуже, чем погода, и поэтому, услышав впереди веселое пение, она поморщилась и попыталась свернуть с тропинки, да не успела; прямо перед ней появился молодой парнишка с большим коробом за плечами.

— Здравствуй, красавица, — приветствовал ее коробейник. — Куда путь держишь? А что ты такая печальнаяная? Грустные мысли девушку некрасивой делают. Вот взгляни на себя в зеркальце — совсем плоха.

Василиса еще больше нахмурилась, однако сдержалась и решила не отвечать, а просто пройти мимо, надеясь, что тот отстанет.

Не тут-то было: молодец оказался настырным малым и, забежав вперед, продолжал нахваливать свой товар:

— Возьми себе на память колечко бирюзовое, или ожерелье, или платок шелковый вышитый.

Царевна окончательно рассердилась и хотела предупредить, что ей ничего не нужно, а если он будет и дальше приставать, то рискует превратиться в какое-нибудь животное, но паренек внезапно подскочил к ней, протянул вперед руку и воткнул в волосы маленький гребешок.

Василиса почувствовала резкую боль, голова у нее закружилась. Когда она пришла в себя, то поняла, что сидит на земле, никакого коробейника рядом и в помине нет. Странное равнодушие охватило царевну. Она с недоумением осмотрелась вокруг, пытаясь понять, как и для чего она сюда попала. Вспомнила про Бабу-Ягу, Саньку, и все это показалось ей совершенно мелким, ненужным. Царевна встала и медленным неуверенным шагом пошла к городу.

Она почти подошла к воротам, как ее окликнули. У самой крепостной стены на маленьком коврике сидел седобородый старик, одетый в яркий, расшитый золотыми и серебряными нитями шелковый халат. На голове его красовался большой белый тюрбан.

«Купец. Заморский, — подумала Василиса. — Хотя вряд ли, никаких товаров рядом не видать. Скорее всего очередной обманщик, а впрочем, какая разница?»

— Постой, луноликая, посмотри сюда! — воскликнул старик и протянул ей живописный портрет. — Это принц тридевятого царства. От тебя без ума; ни есть, ни пить, ни спать не может. На глазах чахнет. Меня прислал тебя сосватать, а не то совсем, взаправду, помереть обещал. И будем мы тогда, сиротиночки, слезы горькие лить да думать, что нам с добром нашим делать. А у нас его навалом. Чес-слово: как навалили, так оно и лежит, добро это.

— И то правда, давно пора замуж. Какая разница: этот принц, тот принц, все одно, — кивнула красавица. — Пойшли, батюшке тебя представлю.

Старик неожиданно засуетился:

— А вот это без надобности. Ты сама ему скажи, а я тебя тут подожду. Выйдешь, и мы вместе отправимся в тридевя-

тое царство. — И он сунул ей в руки портрет. — Отцу покажи, чтобы не осерчал понапрасну. Да смотри не забудь на словах передать, что принц молодой, красивый и богатый.

Царевна равнодушно согласилась:

— Ну жди, если хочешь, — и вошла в городские ворота.

Санька поднялся с пола:

— Не к добру сон.

Он решительно надел колечко на палец, закрыл глаза и громко проговорил:

— Хочу оказаться в царстве Берендея, а еще лучше — рядом с Василисой.

Однако на этот раз не произошло ничего необычного; никаких рывков или толчков, никакой потери памяти, даже не закружилась голова. Звуки — и те не изменились; криков соседей, правда, не было слышно, но вот вода с пропускающимо на кухне крана все так же капала и действовала на нервы.

«Не сработало, наверно, плохо сосредоточился, — подумал Санька и резко передернул плечами, ему почему-то стало холодно. — Ладно, сделаем маленький перерыв. Для начала поставим чайничек».

Он открыл глаза, собираясь пойти на кухню перекусить, и замер: вместо комнаты он очутился в каком-то глубоком колодце. Этакий каменный мешок. Ни дверей, ни окон, ничего; лишь одно вкопанное посередине длинное, заостренное бревно, пикой уходящее вверх. Стены, выложенные из плотно подогнанных камней, не имели ни малейших трещин, и вскарабкаться по ним вверх было невозможно. Эту «приятную» обстановку дополняли несколько скелетов, валявшихся на полу в самых живописных позах. Сырой, затхлый воздух. Гробовую тишину нарушали только звуки капающей воды, но на испорченный кран это не походило.

— Вот так номер, — пробормотал парнишка, усаживаясь на пол. — Называется, приехали. Станция конечная, всем на выход. А где указатель?

Он разжал пальцы; колечко было на месте, и это успокаивало. Теперь предстояло выяснить, где это он.

— Так, первым делом нужно выбраться отсюда на свободу. Как там кот-то говорил? «Если очень захочеть»? Ладушки. Лучше всего выйти в лес, а там видно будет.

Санька отступил на шаг назад, а затем решительно двинулся вперед. Упругая волна на миг сжала его и тут же отпустила; яркий свет ослепил паренька. А когда он снова смог видеть, то обомлел от неожиданности.

Он понял, что попал совсем не туда, куда намеревался; вместо весело шумящих от ветра деревьев перед ним появилась маленькая комнатушка, посреди которой за простым, грубо сколоченным столом сидели два человека. Одетые в короткие рубахи из неокрашенного сукна и такие же штаны, они походили бы на работников или слуг, если бы не свирепые лица да груда оружия, сваленная в углу. Возможно, это были солдаты, но в безлюдном месте их легко было принять за разбойников. Перед ними стояла большая, наполовину пустая миска с жареной рыбой, тарелка с нарезанным крупными кусками черным хлебом и большой глиняный кувшин. Внезапное мистическое появление незнакомого человека повергло их в глубокий шок. Окаменев от ужаса, они стояли, вытаращив глаза, с поднятыми кружками в руках. Они уже успели выпить, и один замер с надкусанным куском, а у второго изо рта торчал рыбий хвостик.

— Всем привет, — промямлил Санька, растерянно оглядываясь. — Приятно подавиться. Прошу прощения, я тут случайно. Маленькое недоразумение. Шел, знаете ли, мимо, а попал почему-то к вам. Направление малость перепутал; со всяким случиться может. Так что откланиваюсь, до свидания.

Истощенный вопль оглушил парнишку.

— Нечистая! — ожил и завизжал один из истуканов. — Сгинь, пропади!

— Да я тут вообще, ничего... — начал Санька, но дверь распахнулась, и в комнату ворвался... человек в серой рясе.

— Батюшки, монах! Серый Орден! — ахнул Санька. — Каким ветром меня сюда-то занесло? Скорее уносить отсюда ноги, пока голова цела.

Он начал медленно пятиться назад и попытался снова заскочить в стену. Но не тут-то было. От волнения он никак не мог сосредоточиться на своем желании.

В отчаянии он ринулся к выходу, пытаясь вырваться из этой западни, но потрясенно остановился: на него уставилась встревоженная физиономия Хряка, самого большого в этом мире Санькина врага.

Увидев богатыря, живого и невредимого, советник поначалу в ужасе отпрянул назад, но быстро пришел в себя и, завопив истошным голосом:

— Взять его! Связать его! — метнулся назад и захлопнул дверь.

— Угу, счас! — кивнул Санька и опрокинул стол, придавив двоих. Третий оказался проворнее и успел отскочить в сторону. Богатырь не стал с ним возиться, и пока тот силился вытащить нож, просто запустил ему в голову огромным кувшином. Кувшин разлетелся на сотню кусочков, и последний противник повалился в лужу вина.

Не раздумывая, Санька подался в противоположную сторону и, проскочив стену, заметался по замку, по каким-то длинным, запутанным коридорам. Он перепрыгивал через ящики, бревна и еще бог знает что и уже слышал у себя за спиной хриплое дыхание и сопение своих преследователей. Наконец вырвался во двор и очутился в самой гуще врагов. Повсюду мелькали факелы, сверкали мечи, скрипели ворота, перекрывая решеткой выход. Монахи кинулись к богатырю с твердым намерением убить его на этот раз.

В последнее мгновение Санька прыгнул в крепостную стену. Проскочив сквозь нее, он очутился на вымощенной булыжником дороге, и тут начало твориться уже совсем нечто странное: окружающий мир исказился, начал расплываться и выкручиваться. Замелькали калейдоскопом фантастические, ни на что не похожие леса, поля, подземные тунNELи, снова леса, реки. Ветер свистел в ушах, серый туман скрывал окружающие предметы. Все казалось нереальным.

«А может, у меня крыша поехала?» — мелькнула в голове у Саньки мысль, но додумать ее он не успел, а со всего маху

врезался во что-то твердое. В глазах у него потемнело, и он рухнул наземь.

Санька лежал на земле и постепенно приходил в себя, собирая по одной свои мысли, разлетевшиеся при ударе. Было так больно и муторно, что не хотелось ни шевелиться, ни даже открывать глаза. Голова раскалывалась, но проверять, цела она или нет, не хватало смелости.

«Ну почему я такой невезучий, — грустно размышлял парнишка. — Все люди как люди — или заклинание какое скажут, или волшебной палочкой махнут, и все, никаких проблем, что хотят, то и получают. У меня же сплошные неприятности — что в первый раз, что сейчас. Того гляди головы лишишься. С колечком что-то произошло: я просил его к Василисе доставить, а появился Хряк. Может, оно испортилось и советника с царевной перепутало? В таком случае где я сейчас нахожусь?»

Санька медленно приоткрыл глаза и обалдел. Прямо перед его носом, выгибаясь петлей, деловито ползла жирная гусеница. Все бы ничего, но ползла она... по воздуху.

— Легкое сотрясение мозга, вызывающее кратковременные галлюцинации, — пробормотал Санька и наморщил лоб, пытаясь сконцентрироваться.

Это ему удалось, но легче не стало: теперь ему показалось, что гусеница ползла по острию копья, нацеленному прямо на него.

От этого видения у Саньки испортилось настроение. Получалось, что он действительно спятил, раз ему чудится не весть что. Он снова прикрыл глаза и начал внушать себе, что все нормально, все хорошо. А то, что он видит, вовсе и не бзик, а... а обычное продолжение сна.

Ну конечно же, он снова незаметно для себя уснул. Это была замечательная мысль. Одним махом она объясняла, что и замок, и подземелье, и даже Хряк, а уж тем более этот глупый червяк с лапками явились ему во сне. Сон, конечно, неважнецкий, но пару минут еще можно полежать, а затем уже и просыпаться.

Паренек попытался перевернуться на другую сторону.

Не тут-то было; в бок сильно колнуло. Санька взвизгнул и подскочил. Все его умные рассуждения сдуло одним махом. Да и то, какой это может быть сон, если прямо перед ним на огромном коне возвышался здоровенный, толстый стражник с широко раскрытыми от удивления глазами и с явным намерением проделать в нем, Саньке, дырку.

— Ты откуда такой взялся? Тебя тут только что не было. Из норы вылез, что ли?

— О, большой привет товарищам по оружию, — улыбаясь, начал Санька, но закончить не успел, так как повис в воздухе.

Толстяк недолго думая подцепил его копьем за шиворот.

— Отпустите немедленно! — завопил парнишка, болтая ногами. — Свой я, свой.

— Свой, говоришь, а одежонка на тебе странная, не наша.

— Да это я еще не переоделся. А если мне не верите, то спросите у кого хотите. Меня здесь каждая собака знает.

— Ах, не успел свое обличье поменять? Вот тут-то ты и попался, голубчик. Меня не проведешь; я знаю, кто ты такой, — один из тех злыдней, что всякие гадости нам делают. Думал, здесь нет никого? Хотел тайком к нам проскочить? И наверняка с нечистой силой знаешься. То-то ты словно из-под земли появился. Тут без бесовских заклинаний никак не обошлось.

Стражник обернулся назад и закричал во все горло:

— Эй, давайте все сюда. Я пса-чернокнижника поймал.

Невдалеке раздался топот копыт, и к ним подскакала большая группа вооруженных всадников. Они с интересом принялись рассматривать Саньку, который вертелся на копье, словно волчок.

— Вот полюбуйтесь, — подвернул усы толстяк. — Я не зря сюда шел, я как чувствовал, что около этого дерева ждать надо. Стою, и вдруг: бах, трах, тарах, дым, искры, и появляется вот эта темная личность. Я, братцы, сразу смекнул; колдун это, не иначе. Он вылез и давай на меня свои чары наводить. Но вы же знаете, меня на голое колдовство не

взьмешь. Я его на копье, и вот поглядите, как его корежит, повисеть не может спокойно. Первый признак, что с нечистой силой связан. Вон люди говорят: Василису, голубку нашу, злые чародеи околдовали. А вдруг и этот висельник с теми злодеями заодно? А что нам царь-батюшка приказал? Всяку подозрительную личность хватать и к нему вести, а за то будет награда большая. Потому не мешает проверить. Счас его свезу к царю, там разберутся, что это за птица. Ну и раз на граду обещали, так не отказываться же.

— А ты не привираешь? — засомневались подъехавшие дружины.

— Еще как, — в отчаянии снова завертелся Санька. — Врет как сивый мерин. Да вы сами посудите, какой я колдун. Я Санька, богатырь. Я всех вас не так давно от большой беды спас.

Дружный хохот переполошил сидящих невдалеке на деревьях ворон.

— Ой врать-то. Скажет же такое. Нас спасать не надо, ты попробуй себя спаси.

Толстяк нахмурился:

— Ах ты наглец. Стоило нашему непобедимому богатырю отправиться в чужедальние края, чтобы еще один подвиг совершить, как сразу объявилась какая-то пузатая мелочь и к чужой славе примазаться пытается. Тоже мне Богатырь Комарович. Висиши, так виси и не попискивай, а то как бы ненароком не прихлопнуть.

— Сам смотри не прихлопнись, пивной бочонок, — огрызнулся в ответ Санька и с такой силой дернулся, что хотя и порвал рубашку, но с копья сорвался.

— Держи, сбежит награда, — завопил стражник, подпрыгивая в седле.

Толстого богатыря звали Митюхой. Был он ленив, трусыват и большой враль. Любил хорошенъко поесть, особенно на дармовщинку. Но больше всего ему нравилось, сидя в каком-нибудь трактирчике, хвастаться своими вымышленными подвигами, не забывая подливать в свою чарку чужое вино. В дружине его не любили, рассказам не верили, но тер-

пели, так как он мог при надобности одним ударом вышибить самую крепкую дверь.

Вот и теперь, поглядев на Митюхин трофеи, друдинники решили, что пленник на колдуна явно не тянет, и с интересом наблюдали за происходящим.

Сообразив, что убивать его пока никто не собирается, Санька перевел дух и осмотрелся по сторонам, прикидывая, как ему отсюда поскорее улизнуть.

В принципе он не возражал, если его отведут к Берендею, — всем сразу станет ясно, кто он такой. Но беспокоила одна мысль: просто так вооруженный отряд по лесу рыскать не станет. Значит, возможна стычка. Начнут стрелять. Одна случайная стрела, и все, к царю он уже не попадет — кому нужны неизвестные свежие покойники. Однако если даже все и обойдется, оставался толстяк. Друдинники были настроены мирно и больше развлекались; зато толстопузый так просто не отстанет — по роже видно, что уже подсчитывает в уме свой барыш. А может, еще какая дурь ему в голову ударила: привидится колдовство — убьет не задумываясь. Эх, жалко, нет здесь Липуни.

Что ж, толстяк так толстяк. Однако до тех пор, пока он сидит на коне верхом, справиться с ним невозможно. Хорошо еще, что коняга имел кроткий нрав и с самым равнодушным видом жевал траву, не обращая никакого внимания на паренька, который укрывался за его мордой.

Наконец Санька решился, отпрыгнул в сторону и, уперев руки в боки, закричал:

— Эй ты, пузырь надутый. На коне, с мечом, против пешего да безоружного всякий дурак воевать сможет. А ты по пробуй на кулачках, один на один. Или кишка тонка — боишься, что вздую?

От такого наглого заявления изумленный Митюха раскрыл рот, а затем принял громко хохотать:

— Да ты хоть знаешь, кого на кулачный бой вызываешь? Поздоровее тебя богатыри от моих ударов бездыханно падали, а таких, как ты, сопляков я за раз с десяток повалить могу.

Он соскочил с коня, отложил в сторону оружие, снял кольчугу и шлем, выпятил живот и, презрительно сплюнув, процидил:

— Можешь помолиться, пока слова помнишь, а то по уху получишь и сразу все на свете, даже как папка с мамкой звали, позабудешь. Только покороче, свинячий хвостик.

— Сам ты свинячий хвостик, — огрызнулся Санька. После стольких лет тренировок по рукопашному бою он не воспринимал всерьез стоящего перед ним противника, собираясь завалить его после двух, максимум трех ударов. Парнишка даже не стал пытаться обмануть соперника, а просто пошел вперед. Это было большим нахальством с его стороны, о чем он очень скоро пожалел.

Митюха широко расставил ноги, поплевал на ладони и так засветил Саньке в грудь кулаком, что тот отлетел назад шагов на пять. Санька вскочил, помотал головой и, подумав, что он просто сам нарвался на удар, снова кинулся на толстяка, но получил в лоб и покатился по земле. Он лежал и со злостью смотрел на противника: так сильно ему давно не попадало; все ребра болели, к тому же начал заплывать подбитый глаз. А тот стоял, поглаживая себя по животу, и посмеивался в усы.

Стоявшие рядом дружинники, весело переговариваясь, наблюдали за боем и, как ни странно, переживали за паренька.

«Так дело не пойдет», — подумал Санька. Он встал, закрыл глаза, несколько раз глубоко вдохнул, стараясь успокоиться. Противник оказался серьезней, чем он предполагал. И нужно было срочно менять тактику, а для начала постараться вывести толстяка из себя, рассердить, заставить нервничать.

— Ты, квашия толстопузая, матрас в штаны заправь. — крикнул он толстяку.

— Что? — заревел толстяк. — Это кто квашия?

— В лужу посмотри, увидишь, бочонок пусторылый.

Такого оскорбления Митюха вынести не смог. Глаза у него налились кровью, и он, словно разъяренный бык, ки-

нулся на парнишку с одной только мыслью — растоптать, наказать, унизить обидчика. Задать этому высокочке такого жару, чтобы он валялся в ногах и молил о прощении.

Санька этого только и ожидал. Сообразив, что бить противника по корпусу совершенно бессмысленно, он нанес ему несколько слабеньких, но быстрых и точных ударов по лицу и отскочил в сторону.

Богатыри засвистели, насмехаясь над толстяком.

Тот, взревев от обиды, попытался заехать Саньке в челюсть, но промахнулся и тотчас получил в ответ сильнейший удар по уху. Митюха на мгновение замер, выпучив глаза и хватая, словно рыба, раскрытым ртом воздух. Санька, воспользовавшись этим замешательством, подскочил к толстяку и, словно издеваясь, звонко щелкнул его по носу.

Митюха совершенно обезумел. Он широко размахнулся и ударил, вложив в этот удар всю свою силу, намереваясь убить паренька. Гори она ясным пламенем, эта царская награда.

Санька уклонился и, перехватив руку, перекинул толстяка через себя. Тот, проделав в воздухе огромную дугу, с размаху шлепнулся на траву и, раскинув руки, неподвижно замер. Наступила тишина.

«Чего это он? Это же земля, а не асфальт. Может, толстопузый придуривается?» — недоуменно подумал парнишка, осторожно подошел поближе, присмотрелся и тихо ахнул: голова толстяка лежала на плоском камне, совершенно незаметном в высокой траве.

Ситуация осложнялась. Дружины, почувствовав неладное, начали тревожно переглядываться.

Санька, поняв, что пора уносить ноги, иначе до Берендея он точно не доберется, повернулся к богатырям, развел в стороны руки и придал лицу недоумевающее выражение:

— Слабак, и как таких в дружины берут? А тут же, «прихлопну». Хлопалка еще не выросла.

Он медленно повернулся назад, а затем резко рванул и припустил во весь дух к лесу, благо до ближайших деревьев было рукой подать.

Дружинники, очнувшись, с криками «Хватай колдуна!» ринулись вдогонку.

На этот раз удача была на стороне паренька. Передний всадник уже почти достал его копьем, но в пылу погони не заметил толстый сук, напоролся на него и, вылетев из седла, со всего маху шмякнулся на землю. Остальные едва успели резко затормозить перед деревьями.

Санька продолжал улепетывать и бежал до тех пор, пока далеко позади не затихли вопли и ругань преследователей.

Старая, худющая лошадь медленно тащила по дороге такую же старую разбитую телегу. Скрип стоял неимоверный, но это совершенно не мешало вознице, накинув на голову рваный армяк, мирно спать. Мужик возвращался с базара и по случаю удачной продажи поросенка заглянул в придорожный трактир. Теперь он тихо похрапывал, всецело положившись на свою лошадку, которая издавна, который год подряд, возила хозяина в город и обратно и так изучила дорогу, что тоже дремала на ходу. Поэтому никто — ни лошадь, ни тем более мужик — не заметил выглядывающих из кустов двух настороженных глаз.

Как только телега скрылась за поворотом, ветки раздвинулись, и появился Санька. Он огляделся по сторонам и, не обнаружив ничего подозрительного, уселся на обочине.

Получалась интересная петрушка. Снова, как и в первый раз, появление в этом мире началось с неприятностей.

Правда, теперь он знал, где находится, и если бы не тревога за Василису, все было бы нормально. Плохой и неожиданной новостью оказалось то, что его не узнают, и это создавало дополнительные трудности.

Оставалась надежда на царскую семью, но добираться до города требовалось с осмотрительностью, чтобы снова не попасть в какую-нибудь передрягу.

Санька встал и вышел на середину дороги. Он совершенно не представлял, в какой стороне находится город, но по первому своему путешествию помнил: нужно просто идти вперед, кривая выведет.

Однако день сегодня выдался на редкость неудачный; не-подалеку раздался стук копыт. Санька, решив, что на сегодня с него приключений хватит, не стал дожидаться, пока кто-либо покажется, а нырнул обратно в кусты и на всякий случай припустил подальше в лес.

Вскоре он понял, что заблудился. Лес вокруг становился все темнее, непроходимее; коряги цеплялись за ноги, ветки старались хлестнуть по глазам, и казалось, что под каждой елкой притаился мрачный злодей с топором в руках. Правда, совсем не изменилось колечко; оно словно сообщало, что все это глупости и никакой опасности рядом нет. Так что, хотя в это верилось с трудом, оставалось одно — идти вперед, надеясь на удачу.

Наконец впереди мелькнул просвет, и — о радость! — показалась знакомая полянка, а на ней избушка на куриных ножках.

— Яга! — обрадованно завопил Санька и бросился бегом вперед, вихрем взлетел на крыльцо и распахнул дверь. Бес-покойной хозяйки дома не было, но так как бабка с ее энтузиазмом могла появиться с минуты на минуту, паренек решил подождать ее на месте. Он шагнул через порог и замер. На первый взгляд все вроде как обычно: чистая комната, на-крытый к обеду стол, в волшебном котле тихо булькает вода. Однако в воздухе висела какая-то тревога, напряженность. Санька осмотрелся. Предчувствие его не обмануло. На всем лежал тонкий слой пыли; похоже, не убирали уже дня три-четыре. Еда, издали казавшаяся такой аппетитной, совер-шенно остыла, а хлеб успел зачерстветь. Он осторожно про-шелся по избушке, заглядывая во все углы, но ничего, что могло бы хоть как-то объяснить произошедшее, не обнару-жил.

Проходя мимо зеркала, он заметил в нем свое отражение, остановился и, посмотрев на себя, укоризненно покачал головой. Что за вид: всклокоченные волосы, весь в грязи, по-рванная рубашка, не человек, а пугало болотное.

Отражение в зеркале повторило его жест.

— Переживем, — подмигнул парнишка.

По зеркальной глади прошла дрожь, изображение искалилось, и очень потешная, но пока еще похожая на него рожица сморщила нос.

Санька удивленно поднял брови. В ответ весело хрюкнули. Парнишка отпрянул назад. А из постоянно изменяющейся зеркала на него теперь пялилась, ухмылялась и корчила рожи наипротивнейшая физиономия.

— Ты к-кто? — заикаясь, спросил Санька.

Вместо ответа это недоразумение выпутило глаза и оскалило зубы. Санька в испуге попятился.

— Гляди-ка, себя не узнал, — неожиданно откуда-то сбоку раздался довольный голос.

Санька затравленно закрутил головой, но рядом никого не было.

— Во дает, чисто филин, — восторженно присоединился еще один, также невидимый.

— Это он с перепугу. Ежели себя со стороны неожиданно увидишь, ни за что не признаешь. Общеизвестный факт, — продолжал первый.

Паренек ломанулся к выходу, спотыкаясь и круша все вокруг.

— И до чего нынче мужик неуклюжий пошел, — ехидно заметил первый голос.

— Слов нет, — подтвердил второй. — Их в приличный дом пускать никак невозможно. В крайнем случае в сени, но не дальше.

— А этот чего тогда тут делает?

— Василису ищет.

— Ха. Всего-то. Так она под кроватью связанныя лежит.

Услышав про царевну, Санька замер у порога. Он кинул ся на пол, но под кроватью было пусто. Одна лишь пыль да липкая паутина.

— Не, там нет никого, — уверенно заявил голос. — Василису еще вчера вечером в сундук запихали.

Сундук отыскался в дальнем углу под ворохом одежды, но был заперт на огромный амбарный замок. Парнишка схватил кочергу, вывернул замок и откинулся крышку. Оттуда выс-

кочил черный бабкин кот и, отчаянно мяукая, вылетел за дверь.

— А это вовсе и не царевна — хихикнул первый. — Эх ты, животное за девицу принял.

— Не скажи, — серьезно возразил второй. — А вдруг ее околдовали, в кота превратили. Его, в смысле ее, надо поймать и поцеловать.

И они начали яростно спорить, кто же это на самом деле убежал из избушки. Санька стоял и, раскрыв рот, слушал весь этот бред. В конце концов голова у него пошла кругом, он не выдержал и уселся на сундук.

— Гляди-ка, устал, — тотчас раздался короткий смешок.

— Слабак, — подтвердил другой.

— Ах вы, вражины, — начал заводиться Санька. — Издеваться вздумали. Да я вас всех в бараний рог, в порошок, в дугу... — Он вскочил и начал метаться из угла в угол, пытаясь обнаружить невидимых насмешников.

— Ой, боюсь, боюсь, — запричитал первый.

— Прячься кто может, — заверещал второй.

— А куда?

— Чего куда?

— Куда прятаться? Да и зачем, он ведь нас не видит, — скептически отметил первый голос.

— Ты думаешь? — недоверчиво переспросил второй. — А чего он тогда грозится и пугает?

— Наверно, очень страшный. Давай спросим.

— Ты кто? — хором произнесли невидимки.

— Санька. Богатырь.

Кто-то из невидимок шумно шмыгнул носом, и первый голос с жалостью произнес:

— Гляди, что с людьми делается; если раньше в богатыря дети малые играли, то теперь все норовят прославленными стать; так сказать, спасителями отечества, причем каждый второй — обязательно Санькой. Вот еще один объявился. И не стыдно врать? Наш славный богатырь давным-давно пропал, и сама Баба-Яга не смогла его отыскать.

— Вы мне не верите? — Парнишка даже побелел от обиды. — Можете спросить у кота Баюна. Он учил: не хочешь говорить — не говори, а врать не смей.

— Хм... — хмыкнул первый голос. — Настырный какой. А может, он не врет, а? Но он такой грязный, что и не разберешь. Слушай, давай его умоем.

Тотчас в воздухе возникли ковшик, тазик и кусок мыла. Рядом повисло вышитое полотенце.

— Мыться так мыться, — согласился Санька и протянул руки.

Не тут-то было. Мыло, словно поджаренная кукуруза, с легким треском хлопнуло и вспенилось тысячами маленьких пузырей. Парнишка едва успел закрыть глаза, как эта пена полностью покрыла его голову. Тут же сверху на него обрушился целый водяной поток, очень мало похожий на тоненькую струйку из ковшика. Вода мигом промочила всю одежду, лезла в нос, уши и рот.

Ошеломленный таким обращением Санька замер и, не дыша, стоял столбиком, ожидая, какая еще неприятность свалится ему на голову, но вместо очередной бяки почувствовал на своем лице пушистое полотенце. Он открыл глаза и увидел зеркало, а в зеркале себя: чистого, с аккуратно расчесанными волосами и, самое странное, в совершенно сухой одежде. Все произошло так быстро, что он даже не успел рассердиться.

Зато оба голоса хором радостно загаддали:

— Гляди, и вправду наш богатырь. Здравствуй, родимый, проходи, располагайся.

— Спасибо, родимые, — передразнил их Санька. — Я, если вы случайно не заметили, давно зашел. Только располагаться времени нет. Я совсем недавно появился в царстве, а уже столько всего наслушался. Это правда, что Василису околдовали? Где Баба-Яга и почему тут такое запустение?

— Подожди, подожди. Не так быстро, — перебили его голоса. — Давай по порядку. Околдовали Василису или нет, не ведаем; слышали, что она пропала. Об этом сказала Баба-Яга

пару дней назад, села в ступу и улетела. Оттого и пыль кругом завелась.

— Дальше.

— А что дальше? Это все. Мы больше ничего не знаем. Бабка себе под нос бурчала, что она догадывается, кто Василису похитил, и злодею это так просто с рук не сойдет. Ягу с тех пор не видели; ты первый, кто в избушку заглянул.

— Ясно. Ну а вы кто? Чего прячетесь, покажитесь.

Наступила небольшая пауза. Затем один из голосов вздохнул.

— Мы бы с превеликим удовольствием, но никак нельзя. Невидимые мы. И имена свои произнести не можем — запрещено. Потому что если какой человек сможет нас позвать, то мы обязаны исполнить любое его желание. Ты, того, сам догадаться должен, а не угадаешь, извини...

Санька сосредоточенно почесал затылок. Он старательно вспоминал прочитанные в детстве сказки, но ничего нужного на ум не приходило. Все по одному — поди туда, не знаю куда, сват Наум, джинн из лампы. Были, правда, двое из ларца, хотя их невидимками не назовешь.

Парнишка так ожесточенно скреб свою шевелюру, что выдral у себя из головы клок волос.

«Не хватало полысеть», — подумал он и как бы невзначай спросил:

— А подсказки никакой нет?

— Чай, не маленький, чужим умом жить. Давай свою отгадку.

— Сват Наум и кум Игнат, — неожиданно ляпнул Санька и сам испугался.

В ответ грянул дружный хохот:

— Ну ты даешь! Точно Санька-богатырь. Вообще-то точнее будет кум Наум и сват Игнат, но имена угадал правильно. Что прикажешь?

Желаний у Саньки было всего два. Первое: переодеться, иначе так и придется всем постоянно доказывать, что он не вражеский лазутчик. А второе — побыстрее попасть во дворец к царю Берендею.

— Это мы запросто, — обрадовались невидимки. — Но прежде ты поесть должен. Не принято у нас гостя голодным отпускать.

Тотчас старая скатерть с остатками еды завязалась узлом и исчезла, а на столе появились тарелка дымящихся щей, пара запеченных перепелов с картошкой и горшочек топленого молока рядом с пышным теплым пирогом. Отдельно лежали большой сверток одежды и веревочный клубок.

Через полчаса Санька, подкрепившись, развернул одежду и даже крякнул от досады.

— Ребята, вы чего мне подсунули? Это же полный богатырский комплект: шлем, кольчуга, щит и меч. Не хватает лишь копья да верного вороного коня. Неужели вы думаете, что я в таком виде смогу незаметно до Берендея добраться?

— Так ты все-таки как-никак богатырь, — нерешительно попытался возразить Наум. — Но твое слово — закон.

Доспехи исчезли, а на столе появились простая застиранная рубаха, латаные штаны и пара стоптанных лаптей. Сверху лежал тонкий платок.

Санька двумя пальчиками поднял рубаху:

— Ну, молодцы, ну, конспираторы. Хорошо еще грязью для достоверности не перемазали. А платок зачем? В девицу превращаться?

Слева прозвучал сдавленный смешок:

— Где ты видел девицу в штанах? А платочек тебе понадобится, когда до города доберешься. Перед тем как войти во дворец, найди укромное местечко, и его себе на голову накинь. Там увидишь, что произойдет.

Богатырь переоделся, вышел на крыльце и бросил клубок на землю.

— Вы со мной? — спросил он у невидимок.

— Пока не можем. Нам Яга наказала избушку сторожить.

— Ну, раз приказано, так ждите. Но я так думаю, лучше бы вам отправиться на поиски Яги — мало ли что. — И Санька зашагал за клубком.

* * *

Долго ли, коротко ли, но вот показались знакомые стены. У Саньки чаще забилось сердце, и в душе затеплилась маленькая надежда: может, насочиняли все про Василису, а она сейчас выбежит ему навстречу, протянет руки, засмеется и бросится на грудь.

Но все гладко происходит только в мечтах, а в жизни ежено вылезают всякие заморочки. Хотя солнце и стояло высоко в небе, ворота оказались на запоре. Возле них стояла телега, груженная сеном. Понурая лошаденка равнодушно рассматривала что-то на земле, а из сена раздавался храп спящего возницы.

Санька постучал. Тишина. Он снова постучал — уже сильнее. Никакого ответа. Тогда он принял барабанить что было сил, затем развернулся и принялся колотить по створке ногой.

Наконец в бойнице появилось недовольное лицо стражника:

— Кого тут черти носят? — Увидев оборванного паренька, он скривился: — Ты, обглодыш, будешь шуметь — уши надеру.

Это наглое заявление возмутило Саньку до глубины души. Получалось, что его и тут, в городе, совершенно не помнят и ни во что не ставят. Вроде и времени прошло не так много, а уже напрочь забыли.

— Я богатырь Санька.

Стражник сначала удивленно хмыкнул, затем хрюкнул, а потом принял громко хохотать и в конце концов повалился на пол. Наконец успокоился, вытер рукавом слезы и, отдышавшись, укоризненно произнес.

— Молод еще, а врать-то уже горазд. Говорят, — он понизил голос, — его сам Кашей Бессмертный в свою свиту зачислил. Потому как геройская личность. Можно сказать, в одиночку целый Серый Орден уничтожил. Они наше царство захватить хотели, а Санька-богатырь не дал. Этих сальных захватчиков, как тараканов, видимо-невидимо налетело. Богатырь Санька вышел им навстречу; как махнет мечом

направо — улица, махнет налево — переулочек. Всыпал по первое число.

Слушая этот рассказ, Санька непроизвольно расправил грудь и приосанился. Все-таки приятно. Молодец Баюн, постарался. На все царство прославил. Но тогда тем более странно, что его не узнают. Раз в бою видели, так обязаны и помнить. Неужели он так сильно переменился?

— А ты никак в битве участвовал? — перебил он ударившегося в воспоминания вояку.

— Не так чтобы рядом, но почти; в то время я служил пешим ратником в той сотне, что на подмогу шла. Мы, считай, на полдня всего-то и не успели.

— Получается, ты того Саньку и в глаза не видел?

— Ты полегче, а не то точно по лбу схлопочешь. Не видел. Конечно, здороваться не здоровался, врать не буду, но рядышком стоял. Вот как до тебя, даже ближе. Он еще с Велилисой...

— Ну и каков он?

— Каков, каков. Я его вообще-то со спины видал, но скажу тебе — герой. Одним словом, богатырь. Плечи — во. Широченные такие плечи. Сам он — во, таких, как ты, пяток нужно сложить. Грудь колесом. Глаза голубые-голубые и волосы русые. Свой, коренной русак. Борода небольшая, колечками...

— Постой, постой, какая борода? Ты же его со спины видал?

— Люди сказывали. А ты не перебивай. Меч у него был в три пуда. А голосина — не твоя писклявка. Как крикнет — лошади замертво падали. Тебе, недомерку, этого не понять. Это видеть надоально. И чего это я тебе все рассказываю, время зря теряю? Короче, надоел ты мне, вали отсюда, а то стреляй угошу.

— А почему ворота закрыты? Мне в город нужно.

— Всем нужно. Но из дворца пришел приказ: запереть все входы и выходы, чтоб ни одна вражья душа внутрь не про никла. Какая душа вражья, а какая нет — неизвестно. Раньше хоть столб волшебный стоял: стоило нечисти рядом по

явиться, он звенел. А теперь нет ничего, срыли столбик. Наше начальство, опасаясь царского гнева, решило подстраховать-ся и на всякий случай приказало в город вообще никого пус-кать. И хватит болтать, ты смотри, я уже и лук достаю.

Трудно сказать, чем бы закончилось это препирательство, но тут к воротам подскакала группа всадников. Санька мон-тально узнал дружиинников, с которыми он совсем недав-но так поспешно расстался. Он быстрым отвернулся, ста-раясь сделаться как можно меньше, незаметнее, а затем ныр-нул под телегу и там замер.

Но всадникам было не до него.

— Живо открывай, толстяку помошь нужна! — закрича-ли они часовому.

Действительно, Матюха почти лежал в седле, привалив-шись к холке коня.

Ворота натужно заскрипели.

— Кто это его? — участливо поинтересовался часовой.

— И не спрашивай. Страшная история. В дозоре мы сто-яли. Тут на нас напало целое полчище колдунов. Еле отбились. Толстяку больше всех попало, совсем плох. Доложи царю, что рядом с дворцом нечисть объявилась.

Поднялась суматоха. Дружиинники въехали в город, а за ними проскочила и подвода, под которой скончался Санька.

ГДЕ ВАСИЛИСА?

Отыскать дворец было делом одной минуты. Вот оно, зна-комое крылечко, на которое много раз возвращался Санька в своих мечтах. Он поправил рубаху, но вспомнил про пла-точек. Укромных местечек было сколько душе угодно, и, свернув в первый же переулок, парнишка оказался в тупике из трех высоких заборов. Он вытащил платок и набросил себе на голову. Тонкая материя легко опустилась и превратилась

в легкий белый дым. Дым рассеялся, и Санька ахнул, увидев себя в богатырских доспехах. Теперь было не стыдно и перед царем показаться.

Он вернулся, поднялся по ступенькам и только взялся за ручку, как дверь резко распахнулась, и перед ним появился Берендей.

И снова неожиданность: царь поначалу опешил, однако, вместо того чтобы обрадоваться, насупился.

— Явился, негодник? Ты где болтался?

— Что значит болтался? Дела были.

— Ишь ты, скажите на милость, — грозно вскинулся царь. — Дела у него такие важные и срочные, просто спасу нет. Не бось от забот этих устал, намаялся, родимый. Ну ничего, я тебе устрою отдых. Стража, ко мне! Сейчас тебя посадят в холодную, а завтра утром отрубят голову.

— За что? — искренне удивился Санька.

— Как за что? — теперь уже удивился Берендей. — Кто привел нечисть во дворец? Из-за кого у нас неприятности?

— Ну вот, — обиделся Санька. — Я, чтобы с тебя корону вместе с головой не сняли, живота своего не жалел, и я же виноватым остался.

— Он еще оправдывается; незнамо откуда появился, Ва-силисе голову заморочил, а потом сбежал. Вот она с горя замуж и выскочила.

— Как замуж? Говорят, что пропала.

— Хрен редьки не слаше. Третьего дня вечером пришла она ко мне, тихая такая, и говорит, что встретила богатого красавца принца, который от нее без ума. Живописный портрет его показала. Я даже рта раскрыть не успел, как она встала, поклонилась и ушла.

— Замуж, — машинально повторил Санька и начал медленно спускаться с крыльца. — Выходит, никто ее не крал, не заколдовывал, а я-то, дурак, торопился. И для чего теперь шуметь? Вы, как я припоминаю, давно хотели ее за какого-нибудь принца заморского отдать.

— Хотел, не хотел, — горестно вздохнул Берендей. — Был бы ты рядом, ей такая глупость в голову бы не пришла. Я, по

правде говоря, думал, что ты у меня зятем будешь, а теперь ума не приложу, кто ее охмурил. Да когда же это я из дома гнал-то? — вдруг запричитал царь. — Напротив, завсегда ей в придачу полцарства давал. Хоромы новые, отдельные помог бы построить; живи, не хочу. А н нет, она никогда отца родного не слушала, все по-своему делала. Вот и допрыгаясь. Сгинула моя кровинушка, где теперь ее искать? — Берендей опустился на ступеньку и, рыдая, продолжал: — Одного в толк не возьму, как у нее портрет того принца оказался? Сдается мне, что это не принц, а она сама с ума сошла. Словно околдованная стала. После тебя частенько в лес ходила к твоим колдунам. Может, кто из них Василису и сглазил.

В это время подскочили два стражника, но, увидев, что на них не обращают внимания, принялись нерешительно топтаться на месте, ожидая приказаний. Санька недолго думая, лишь бы рядом не маячили, отправил их принести попить, а сам уселся рядом с царем.

— Вот вы ругаете наших волшебников, а у меня есть точные сведения, что Баба-Яга знала, с кем ваша дочка ушла. Она за этим «женихом» в погоню отправилась, чтобы Василису вернуть, но боюсь, в беду попала. Очень может быть, что дочка ваша действительно не по своей воле отправилась в чужие края, и это совершенно меняет дело. Я думаю, должен же быть еще кто-то, кто слышал, или видел, или догадывается. Нужно только найти этих людей. Вы пока на крылечке посидите, отдохните, успокойтесь. Я тем временем похожу, поспрашиваю, послушаю, может, что и узнаю. Раз я снова тут, то обязательно разыщу Василису.

Берендей с надеждой глядел на богатыря и кивал. Ему очень хотелось в это верить. Вернулась стража и принесла ковшик с квасом. Берендей пил квас и без конца повторял, как пришла к нему Василиса и что затем произошло.

Наконец Санька вырвался из дворца и тут же развел бурную деятельность: за каких-то полчаса допросил всех слуг и обежал весь город. Выяснилось, что, кроме царевны, исчез и

Липуня. С этими сведениями богатырь и вернулся к Берендею.

— Ну, узнал чего? — с надеждой в голосе вытянул шею царь. — Что с Василисой?

— Да у вас тут вообще жуткие вещи творятся, — с порога выпалил богатырь. — Воевода, оказывается, тоже пропал. Он, наверно, кинулся останавливать царевну, и его тоже уволокли или, того хуже, пристукнули — и головой в колодец. Так что теперь их двоих искать надо.

Царь потупил голову:

— Липуню искать совершенно не обязательно. Нету его.

— Как это нету, убили, что ли?

— Да нет, пока живой.

— И сильно ранен? А это не опасно?

— Почему ранен? Жив, здоров. Просто в опалу попал. А то он у нас больно умный стал: советы принялся давать, что делать да как делать. Еще один советник выискался на мою голову, — принялся оправдываться Берендей. — После твоей победы к нам больше никто соваться не рисковал. Ты сам посуди, кто теперь на насвойной пойдет, зная, что ты в любой момент объявиться можешь. Недоумки только. Я и распустил половину войска, оставил только свою личную охрану — так, на всякий случай. Воеводе, естественно, делать стало нечего, так он мельтешить начал: «Не теряйте бдительности», и давай смотры да учения проводить. Надоел вконец. Вот я его в дальний монастырь-то и отправил. Пусть, думаю, там чуточку постынет, вместе с монахами грехи свои предо мной замаливает, глядишь и поумнеет. Да ты не подумай чего: келья у него там чудесная, на одного человека, тишина, никаких волнений; короче, сплошная благодать.

— Да, — вздохнул Санька, — вам, царям, только подпевать надобно. Стоит свое мнение высказать, и все — враг народа. Пока ты им нужен, привечают, а только беда мимо пройдет — с глаз долой. Эдак и меня при случае запрут куда Макар телят не гонял?

— Да ты что, ты — другое дело, — испуганно замахал руками Берендей.

— Ох, с трудом верится. Но давай о деле: первое — придется вернуть назад воеводу. Второе...

— Погодь. Все-таки царь я или не царь? Я его сослал, и теперь он должен там сидеть до скончания дней своих. Его только мой преемник помиловать может. Вот найдешь Василису, примешь царство и делай что заблагорассудится. Так положено.

— Кем положено? — переспросил Санька. — Ты хочешь, чтоб Василиса домой вернулась, или нет? Я без Липуни ничего делать не буду. Если уж очень о приличиях волнуешься, то объяви, что по случаю возвращения славного богатыря, меня то есть, объявляется всеобщая амнистия.

— Чего объявляется?

— Амнистия. Или можешь попроще сказать: мол, всех прощаешь.

— Не, я лучше твое мудреное слово скажу.

— Говори, чего хочешь. А я пока домой схожу. Никто, случаем, не занял еще моих хором?

— Да ты что? — замахал руками Берендей — Свободна. Кто туда рискнет вселиться?

— Ну и ладненько.

Санька открыл дверь, вошел в избу и остановился на пороге. За короткое время своего первого пребывания в царстве он успел полюбить свое жилище и теперь, прислонившись к косяку, с волнением вдыхал родной запах: он вернулся домой. Было хорошо, удобно и спокойно.

«Найду Василису и поселюсь здесь», — подумал богатырь. Он обошел комнату, заглянул на кухню. Все как прежде. И тут лицо его расплылось в широкой улыбке; на полке среди мисок и ложек торчал знакомый валенок. Домовой. Парнишка, стараясь не шуметь, на цыпочках, подошел к полке и легонько потянул за валенок. Валенок взмыкнул. Санька потянул снова.

— Пшльон, — раздалось в ответ.

Санька, тихо хихикая, шлепнул по маленькой ноге.

В ответ раздался возмущенный вопль:

— Да какой такой сущеный таракан смеет меня будить? Да если я сейчас скажу заклинание, которому меня научил богатырь Санька, то быть тебе до скончания века ящерицей или жабой. Да я...

— А как насчет того, чтобы в шахматишки сразиться?

Наступила тишина, валенок исчез, и вместо него среди мисок возникла сияющая физиономия.

— Родимый! Вернулся! — радостно взвизгнул Домовой и так резво спрыгнул с полки, что вся посуда с жутким грохотом посыпалась вниз, и по полу в разные стороны полетели черепки.

— Полегче, ты, хранитель очага. Без ужина оставишь, — рассмеялся богатырь. Он был очень рад встрече со старым жильцом.

— Пустое, счас все приберем. Ой, а это что? — всплеснул руками Домовой, заметив заплывший глаз. Еще одна миска выпала из его рук и разлетелась на мелкие кусочки.

— Да так. Взаимопонимание с некоторыми товарищами по оружию искали. Оно было, но поначалу очень маленькое. Пришлось разъяснять, — сморщил нос Санька.

— Так это на тебя наши славные вояки нарвались? Поделом им. А то примчались, всех людей взбудоражили: «Город окружили злые колдуны». Теперь этих колдунов до скончания века искать будут. А ты не переживай, в момент все поправим. — И старишок вытащил прямо из воздуха горшочек с мазью. — Пара пустяков. К утру и не видно будет, — тараторил он, накладывая мазь.

Через час богатырь сидел за столом и уплетал приготовленный ужин. Домовой устроился напротив и, подождав, когда паренек наестся, выдал давно крутившийся на кончике языка вопрос:

— Ты где пропадал? Такой переполох в городе поднялся, не передать. Чего только люди не болтали.

— Мне Кащей Бессмертный одну работенку подогнал, я отказаться никак не мог.

— Точно. Люди так и говорят: Кащей забрал, — прошептал Домовой и на всякий случай залез под стол. — А ты действительно живой?

Санька в ответ молча покрутил около виска указательным пальцем.

Старичок немного помялся, что-то бормоча себе под нос, затем вернулся назад на лавку.

— Ты о своей встрече с Кащеем лучше молчи. Народ к нему с опаской относится, и у тебя появятся лишние заботы. Если кто спросит, отвечай: ездил за три моря. А что, почему — дело служивое, секретное.

— Меня эти глупости не интересуют, — отрезал богатырь. — Мне Василису найти нужно. А здесь, сам понимаешь, без колдовства не обошлось; поэтому организуй мне встречу с нашими лесными волшебниками.

Домовой призадумался, поглаживая бороду.

— До Лешего тебе сейчас не добраться. Он у Водяного в заколдованным омуте с горя пьет, не просыхая. А так как дороги туда никто не знает, то и вытащить его оттуда нет никакой возможности.

— У Соловья спросить нужно. В свое время он мне к омугу тропинку показал.

— И Соловей с ними. На троих сообразили. Это те, о ком мне известно. Яга исчезла, Баюн тоже. Никто ничего не видел и ведать не ведает.

— И Баюн пропал? — присвистнул парнишка. — Совсем нехорошо.

— И не говори, — поддакнул старичок.

Так, вспоминая былое и пытаясь придумать, как отыскать царевну, они засиделись далеко за полночь.

Утром, едва первый солнечный лучик поднял всех петухов в округе, Санька вскочил, быстренько ополоснулся и на цыпочках подошел к двери, ведущей на кухню, затем резким рывком распахнул ее и с криком: «Соня, подъем!», влетел внутрь, но тут же смущенно остановился.

Стол был уже накрыт к завтраку, а из-за печи ехидно выглядывала довольная физиономия; как парнишка ни старался, Домовой проснулся раньше и уже все приготовил.

Едва богатырь взял ложку, раздался стук в дверь, и в избу ввалился Липуня. Друзья обнялись. Воевода сильно похудел, однако держался бодро.

— Кормежка неважнецкая, — усмехнулся он, заметив недоумевающие взгляды. — Вода, капуста, на сладкое — репа. Но это все ерунда. Ответь-ка лучше, куда ты пропал?

— Скажем так, выполнял секретное поручение. Ты человек военный, поймешь; не имею права разглашать чужую тайну. Поэтому давай за стол. Домовой, ставь еще тарелку. Поедим, а заодно и подумаем, как быть дальше.

К сожалению, воевода, которого держали взаперти в маленькой келье, ничего не знал не только о Василисе, но и вообще ни о чем, что творилось в царстве. Внимательно выслушав Санькин рассказ о его появлении в этом мире и о том, с чем он здесь столкнулся, Липуня сразу же заявил о своем желании принять участие в поисках и освобождении царевны.

Особенно его заинтересовал странный сон и встреча с Хряком.

— Жив, значит, вражий сын. Даю голову на отсечение, что в этом деле без него не обошлось. Эх, жаль, не добили паразита! — стукнул он кулаком по столу. — А сон твой вешний. Ты постарайся вспомнить, как замок или местность вокруг него выглядели, нам сейчас каждая мелочь важна.

Но богатырь больше ничего толком рассказать не мог. Единственное — он твердо знал, что Хряка он видел не во сне, а наяву.

— Ты пойми, — кипятился он, — это произошло совсем недалеко.

Липуня, который, по долгу службы исколесив все царство вдоль и поперек, знал наперечет не только дворцы и крепости, но даже небольшие строения, с сомнением качал головой: он нигде не встречал такого замка.

Санька со свойственной ему горячностью принялся доказывать, что от вражеской караулки до избушки на курьих ножках он добрался всего за каких-то десять — пятнадцать минут. Воевода с ним ни в какую не соглашался, и они принялись яростно спорить, позабыв про завтрак.

Спор грозил затянуться надолго, не вмешайся Домовой, который ужасно обиделся, увидев такое безразличное отно-

шение к его стряпне: щи почти остывли, а к запеченной картошечке с грибами и сметанным соусом и вовсе не притронулись. Он поначалу надулся и даже полез прятаться под печку, но передумал, возвратился и так шандарахнул кулаком по столу, что посуда зазвенела, а тарелка с хлебом подлетела высоко вверх.

Богатыри молниеносно среагировали; одновременно перехватив в воздухе тарелку, они вместе аккуратно поставили ее на стол и с удивлением воззрились на разбушевавшегося старичка.

— Нечего всякими глупыми выяснениями заниматься, — уже спокойнее произнес тот. — Просто Санька попал на волшебную тропинку сжатого времени. Дорога стала короче, но теперь ее нет, пропала, и где находится замок — неизвестно. Вы бы лучше думали, как царевну вернуть. Вам кто нужен, Василиса или беглый советник?

Спорщики переглянулись и снова уселись на свои места. Наконец порешили, что Липуня найдет дорогу к Водяному и вытащит оттуда этих пьяничуг, а Санька сначала заскочит к Кащею, узнает у него, какой враг замыслил это темное дело, затем вернется, и они все вместе отправятся вызволять Василису.

Завтрак доели быстро и молча. Домовой принял мыть посуду, воевода двинул в лес, а Санька, захватив меч, перед тем как выйти за ворота, на всякий случай заглянул во дворец.

Бледный словно тень царь бродил из угла в угол и легко мог сойти за прадеда-привидение, и только ткнув пальцем, можно было понять, что он еще жив. Отчего-то Берендей твердо надеялся утром встретиться с Василисой и поэтому, не увидев дочку, не стал ничего слушать, обреченно махнув рукой:

— А, делайте что хотите.

Санька направился к воротам. Теперь-то его узнавали все подряд. В окнах мелькали любопытные головы, из дверей торчали длинные носы, позади вприпрыжку скакала босоногая ребятня.

С самым безразличным видом богатырь неторопливо шагал по улице, делая вид, что все происходящее вокруг его совершенно не касается, однако в глубине души ему было приятно. Вот еще бы Василису отыскать да сюда обратно вернуть. Ради такого дела можно было отправиться хоть на край земли, хоть за самое синее море-окиян.

А на другой стороне моря-окияна, на самом берегу, стоял монастырь Серого Ордена. Именно отсюда Магистр рассыпал своих людей, свергал старых королей и ставил на трон новых, пытаясь подчинить себе чужие королевства. Чтобы быстро добираться до любого, даже самого отдаленного места, существовала специальная келья с начерченным на полу магическим кругом, и в случае необходимости посвященный в тайну мог мгновенно переместиться куда угодно.

Магистр торжествовал. Он методично мерил шагами свой кабинет и тихим голосом диктовал писарю события последних дней. А дела шли хорошо, даже замечательно. Многочисленные вербовщики, отправленные по городам и селам, успешно завлекали новых членов, и скоро вновь воскреснет грозный Серый Орден, и горе всем недовольным или сомневающимся.

Монах подошел к камину, в котором весело играли язычки пламени. Но он не видел огня, мысленно находясь далеко отсюда. Недавно ему принесли донесение, что Хряк и Василиса уже в пути и скоро прибудут в монастырь. Все складывалось как нельзя лучше.

Для начала он решил царевну немного подержать тут, в монастыре. Посмотреть, как она будет себя вести; если что, посильнее околовать, чтобы до самой свадьбы не произошло ничего непредвиденного. Затем вернуться в тридевятое царство и в заброшенном замке устроить пышную свадьбу, пригласив на нее всех окрестных рыцарей. Можно будет привезти и Берендея, пусть привыкнет к новому зятю. Ну а затем — на царство. Молодую жену через пару дней вернуть обратно сюда и заточить в подземелье. Хряка, естественно, на кол; хватит ему воду мутить...

— Беда! — раздался пронзительный крик, и в зал ввалился Хряк. — Беда пришла.

— Что еще такое? — подскочил на месте Магистр. — Какая такая беда? И ты сам, черт тебя дери, откуда взялся? Ва-силиса где?

— С царевной все в порядке, ее двухголовый Змей стережет, — зачастил бывший советник. — Я начертил круг и через него скорее сюда, сообщить — снова Санька-богатырь объявился.

— Врешь! — пошел красными пятнами Магистр. — Ты же сам говорил, что его Кащей забрал.

— Ну говорил, не отрицаю. Так об этом все болтали, — начал оправдываться Хряк.

— А где ты его тогда видел?

— В заброшенном замке. Мы в нем на ночь остановились. Я словно предчувствовал, заглянул в караулку проверить, как охрана службу несет, а там этот негодник. Видимо, пронюхал про Василису и следом кинулся.

— Ты хоть сам понимаешь, что несешь? В тридевятом царстве, за непроходимыми Волшебными горами, вдруг появился человек, которого совсем недавно отправили в царство Тьмы. Вздор какой-то.

— Не веришь? А зря. Смотри, как бы он нам все дело не испортил. Хорошо еще, что он меня испугался, бросился бежать и едва ноги унес.

— Хватит сочинять. Если он такой пугливый, зачем в замок полез? А ты — отчего ты его не поймал и не убил, а? Хороши помощники: в наших владениях безнаказанно разгуливает наш злейший враг, и никто не может с ним справиться. Слушай, а может, это тебе привиделось, может, ты просто переутомился? У меня есть неплохое лекарство, моментально помогает.

— Сам ешь свою отраву, — скривился Хряк. — Я еще из ума не выжил и этого негодного мальчишку даже с завязанными глазами узнаю.

— По запаху, что ли? — хмыкнул Магистр и вытащил из ларца хрустальный шар. — Ладно, сейчас мы посмотрим, точно ли это Санька или одни твои фантазии.

Он зажег свечу, быстро проговорил заклинание и замер в ожидании. Стоящий рядом Хряк даже перестал дышать. Протянувшись, он оставил шар на столе и удалился. Протянувшись, он оставил шар на столе и удалился. Протянувшись, он оставил шар на столе и удалился. Протянувшись, он оставил шар на столе и удалился.

— Ну, баламут, и где он, твой богатырь?

— А ты где смотришь?

— Как где, у себя в замке, конечно.

— У Берендея посмотри, мудрый ты наш.

Магистр яростно сверкнул глазами, но ничего не ответил, а быстро прочитал новое заклинание. Шар засиял ярким светом, затем по нему пошла рябь, полосы, и вот уже внутри появился Санька, выходящий из городских ворот.

— Он самый! — Оба злодея отпрянули от стола.

— Ничего, — злобно усмехнулся Магистр, — на этот раз он не сумеет мне помешать. Даже если он разузнает, где Василиса, то пока досюда доберется, я уже раз пять жениться успею. Пусть ищет, ежели больше заняться нечем.

Пройдя прямо по дороге, пока не скрылся город, Санька остановился и задумался. Ему совершенно не хотелось шататься по лесам и горам в поисках Каšeя.

— И где этот неуловимый может находиться? В прошлый раз пришлось изрядно побегать, чтобы его отыскать. А без его помощи никак не обойтись. Он хотя с виду и сердитый, но дядька ничего. Много чего знает, и будем надеяться, не откажет хорошему человеку в маленькой просьбе; подскажет, как Василису найти да домой вернуть.

— Ишь размечтался, — раздался тихий голос.

— А вот и ничего подобного. Мы с Бессмертным старые друзья.

Санька обернулся, однако никого рядом не обнаружил.

— Странно, почудилось, что ли? — Он покрутил по сторонам головой и, взбравшись повыше на поваленное дерево, закричал: — Ка-а-щееей!!!

С таким же успехом можно было говорить шепотом или просто молча постоять, результат оставался один. Вокруг не

только не произошло никакого движения, напротив, ему даже показалось, что стало тише.

— Наверное, это не то место, — пожал плечами богатырь и начал оглядываться, раздумывая, в какую сторону направиться. Почесав затылок и не придумав ничего путного, он решил положиться на волю случая. В самом деле, если разобраться, зачем куда-то идти; ищи, не ищи Кащея, пока он сам появится не соизволит — не найдешь. Поэтому не проще ли сесть и подождать. Раз он сюда попал, то не просто так, а как говорил Баюн: «Время подошло».

— Хм... сообразительный малый, — хмыкнул все тот же тихий голос, и в воздухе материализовалась знакомая худая фигура.

— Привет, — замахал руками Санька. — С тобой встретиться — целая проблема. У меня уже горло болит от крика.

— А тебя сюда никто не звал.

Такого ответа паренек не ожидал.

— Да ты что? У нас целое царство загибается, единственная наследница престола пропала в неизвестном направлении, а тебе хоть бы хны.

— Ты, кажется, успел забыть, что меня это не касается, — ледяным тоном ответил Кащей. — И не преувеличивай, с царством все нормально. А царевна не пропала, она замуж собралась. Отец, естественно, волнуется за дочку, но остальным от этого ни холодно ни жарко. Так что нечего тут стоять, голосить на весь лес.

— Понял, перестарался, — съязвил паренек. — Извини. Хотел как лучшие, кажись, не получилось.

— Не хами. Думаешь, если один раз помог, так теперь все вокруг тебя прыгать должны? Дудки.

Санька с опаской посмотрел на Кащея. Похоже, он попал к нему в неправильное время. Чего доброго, еще рассердится, тогда вообще неизвестно, чем вся эта история закончится. Не хватало еще с самим Бессмертным поссориться.

— Хорошо, я не прав, это все мои фантазии. А почему тогда Берендей думает, что Василису околдовали? И раз ты такой всезнающий, подскажи — где ее искать?

— Хочешь знать?

— Очень.

— Так какие сложности? Найди и спроси. Я что-то не пойму, раз тебе так не терпится увидеться с царевной, то ты давно уже должен сидеть возле нее.

— Фу-ты, ну-ты. Сколько можно повторять, не волшебник я, не-вол-шеб-ник. У меня и была одна надежда на тебя да на твое серебряное колечко.

— Бедненький, ты еще слезу пусти. Конечно, когда совсем будет невмоготу, колечко поможет, но учи — всего один-единственный раз. Поэтому, прежде чем воспользоваться им, хорошенько подумай, неволшебник. И почему все вокруг говорят, что ты сильный, смелый богатырь, гроза колдунов и прочей нечисти? Ведь никому и в голову не придет проверить, а верно ли это на самом деле. Может статься, это попросту кот Баюн сочинил сказку, в которую все и поверили? Так, что ли, получается? Короче, раз ты богатырь, то на себя и надейся. Правда, здесь одного желания мало, нужно еще и дело делать, а не сидеть сложа руки или бегать высунув язык, задавая всем вокруг глупые вопросы. Ты в царстве со вчерашнего дня болтаешься и ничего еще не узнал, а это означает, что один день и одну ночь ты уже потерял; если так и дальше пойдет, то можешь сразу назад, к себе домой, возвращаться. На поиски Василисы тебе теперь остается лишь три дня и три ночи. Вот и считай. Кстати, сегодня наступает первая ночь полной Луны, а Венера встречается с Марсом. Время, когда происходят таинственные превращения, открываются потайные двери и сбываются самые несбыточные желания; время смелых и стойких духом воинов. А на третью ночь в небе появится Черная Звезда. Своим ярким блеском она...

Санька, у которого от всей этой тарабаршины голова пошла кругом, не выдержал:

— Черное сиять не может. На небе черными исключительно дыры бывают, и то их не видно.

— Слушай, ты, крупный специалист по небесным светилам, гороскопам и предсказаниям судьбы: если ты такой ум-

ный, то дальше сам разбирайся. Но учти, если ты опоздаешь хоть на минутку, Василису больше до конца дней своих не увидишь. Все понял?

— Понял, не дурак. У меня есть время до послезавтра.

— Гляди-ка, запомнил.

— Я старался. И все-таки кто царевну умыкнул?

— Все-таки с головой у тебя плохо. Сколько можно повторять одно и то же. — Кащей развернулся и... исчез.

— Бе-е-е. Подумаешь, сам справлюсь, — показал язык Санька тому мести, где только что стоял Бессмертный, но тут же спохватился и быстро огляделся по сторонам: чего доброго, Кащей вернется и увидит — сразу в жабу превратит.

Но вокруг была тишина. Парнишка успокоился, уселся на землю и задумался. Он с такой уверенностью ожидал помощи от Бессмертного, что теперь совершенно не представлял, как быть дальше. Дело зашло в тупик.

• — Они меня не звали. Подумаешь. Могу я просто так зайти погостить?

— Знаешь, что у нас про незваных гостей говорят? — послышалось рядом.

Такого нахального вмешательства парнишка перенести не мог: еще один умник объявился и будет ему указывать, каким образом себя вести. Он круто развернулся, чтобы послать непрошшеного советчика подальше, но осекся. На толстой нижней ветке стоящего рядом дерева, свесив вниз лапы и хвост, развалился кот Баун.

— Котик, — раскинул руки Санька. — А сказали, ты пропал. Как хорошо, что я тебя встретил. Слышал, наверно, какая беда у Берендея приключилась?

— Он еще спрашивает, слышал ли я? — Баун выудил из воздуха и водрузил себе на нос небольшое пенсне. — Старый кот который день не досыпает, не доедает, пропавшую Василису ищет. Но, увы, пока безрезультатно. Абсолютно никаких следов. А кстати, что по этому поводу думает наш уважаемый Бессмертный?

— Я от «вашего уважаемого» ничего толкового не добился. Стариакашка, по-моему, от старости заговариваться начал: полная Луна, открытые проходы, Черная Звезда, Венера и тому подобная дребедень. Одни сплошные загадки. — И Санька пересказал свой разговор с Кащеем.

Кот почесался, спрыгнул с ветки вниз, сложил лапы за спиной и, наклонив голову вперед, принял задумчиво вышагивать по поляне, бормоча себе под нос:

— Кащей ничего зря говорить не будет. Луна, Луна, а еще и звезда, и Венера...

Сделав несколько кругов, он остановился, подергал себя за усы и поднял лапу.

— Рассуждая логически, можем предположить, что Кащей указал нам путь, где искать Василису.

— На Луне, что ли? Как она туда попасть могла? Ракету, по-моему, у вас еще не изобрели.

— Глупости, если разобраться, не такое уж это и трудное дело — на Луну слетать, решали задачки и посложнее. Но не будем отвлекаться — Кащей совершенно иное имел в виду. И кажется, я знаю, в чем тут дело: во время полнолуния приходит в движение вся живая и неживая природа.

— Интересно, кому это охота в темноте по улицам шататься?

— Из-под теплых одеял наочные крыши выползают лунатики. В морях, океанах начинаются приливы и отливы. Перемещаются и до сей поры неподвижные камни...

— Проклятие! Похоже, у нас эпидемия, еще один заговариваться начал. Киса, где ты видел камни с ножками?

Кот укоризненно посмотрел на богатыря, вздохнул, но, видимо, решив, что препираться значит впустую тратить время, продолжил:

— Далеко на западе лежат Волшебные горы, которые отделяют наши земли от тридевятого царства. На них наложено страшное заклятие, и в обычное время они совершенно непреодолимы. И лишь во время полнолуния горы приходят в движение, открывая проход. Мне кажется, Кащей пытался тебе намекнуть, что Василиса находится где-то там. Следовательно, туда и нужно идти.

— А при чем здесь Черная Звезда?

— При чем, при чем, — рассердился Баюн. — Что ты ко мне привязался со своими дурацкими вопросами? Откуда я знаю? Вот попадем в тридевятое царство, там и разберемся.

Санька покорно поднял руки:

— В тридевятое так в тридевятое. Я ж не против, а вовсе даже и наоборот. Сейчас быстренько смотаюсь в город. Предупрежу Берендея, заберу Липуню и Соловья с Лешим, если их отыскали. Может, Баба-Яга объявилась. Опять же перекусить не мешает. Аккурат после обеда и выступим.

— Так ты у нас голодный, — хлопнул себя по лбу лапой кот. — И как я сразу не догадался. Ведь ежели вас, богатырей, не покормить, так вы ни думать, ни сражаться не в состоянии. Сплошной упадок. Правильно?

Санька почувствовал подвох, но не удержался и согласно кивнул головой.

— Переживешь! — неожиданным образом закончил свою мысль кот. — У нас нет времени возвращаться в город. — И, укоризненно взглянув на удивленную физиономию богатыря, повторил: — Нету совершенно. До тридевятого царства месяц пути на быстрых конях. У тебя случайно в кустах конь не завалялся?

— Нет, — промямлил Санька.

— То-то же. Поэтому времени на всякие прощания и прочие глупости у тебя нет. Тебе сколько времени на поиски дали? Три дня. Где ты сейчас должен находиться? Давай думай, шевели мозгами.

От этих слов Санька снова начал тихо закипать. Получается, он здесь самый бестолковый. Нашли крайнего. Он бегает, пытается собрать команду, которая поможет ему найти и освободить Василису, и его же обвиняют, что он до сих пор еще не в тридевятом царстве. Есть мудрая поговорка «Один в поле не воин». Спору нет, он сюда и прибыл, чтобы, невзирая на трудности и опасности, мчаться в неизвестность, но нельзя забывать об элементарной осторожности. И потом, в сказках у храброго богатыря всегда есть надежный помощник: преданный оруженосец,

друг-товарищ, на худой конец, сгодится верный пес. Где их взять?

— Какая жалобная история. Крик души, можно сказать, — всхлипнул кот и смахнул лапой одинокую слезинку. — Действительно, кто-то же должен показать тебе дорогу и, если вдруг с тобой какая беда приключится, поведать потомкам о твоей героической гибели. Как ни крути, а видимо, придется мне тебя сопровождать, но с одним условием — не называть меня Шариком.

— Договорились, — протянул руку Санька. — Вперед, на поиски Василисы.

— Вперед-то вперед, — проворчал кот. — Только мы сейчас с тобой пойдем назад, вон к той горе. Там есть пещера, и живет в ней Змей Горыныч. Помнишь такого? Я тебя как-то обещал с ним познакомить. Вот время и настало. Посидим потолкуем, и если сумеешь с ним договориться, он быстренько перенесет нас на своей спине к Волшебным горам, а там и до тридевятого царства недалеко.

В чистом поле стояла одинокая гора. И хотя казалось, до нее рукой подать, солнце стояло уже высоко над головой, когда путники подошли к жилищу Змея. Ветра почти не было, и пекло немилосердно, но из входа в пещеру пахнуло такой жарой, что они поневоле остановились.

Кот попытился назад, затем забрался под куст в тень и принял задумчиво выводить когтями на земле какие-то ракули:

— Горыныч — он добрый. Можно сказать, Змей, приятный во всех отношениях. Один недостаток: со зрением у него плохо. Он еще сослепу не заметит меня да ненароком усядется. Так что ты лучше один туда сходи. А я тут на холодке полежу. Только одно не забудь: Змей нахальных визитеров не любит. Разговор веди степенный, сам о деле не заговаривай, пусть Горыныч первый спросит. Да, и не пытайся его обмануть.

Санька с сомнением посмотрел на кота, но делать было нечего, и он направился внутрь. Проход оказался прямым,

просторным, безо всяких боковых ответвлений, и заблудиться в нем было практически невозможно, и вскоре богатырь очутился в большой пещере, которая из-за переполнявших ее сокровищ больше смахивала на ювелирную свалку, чем на жилище.

Огромные, обшитые кованым железом сундуки, большие резные лари и совсем маленькие ящики, самые разнообразные плетеные корзины и просто мешки лежали и стояли везде, куда ни кинь взгляд. Некоторые из них не закрывались, так как были до самых краев забиты золотом, серебром и самоцветами. Кроме этого, золото грудами лежало просто на полу вперемешку с богато украшенными доспехами и оружием.

Все это великолепие светилось, переливалось и блестело, отбрасывая яркие блики на стены и потолок.

У богатыря зарябило в глазах, и он не сразу разглядел хозяина пещеры, тихо лежавшего в дальнем углу.

Вернее, он заметил небольшой серебряный холмик, полузакрытый чем-то смахивающим на кожаный плащ, однако принял его за большую кучу монет. Но тут в воздух вылетела тоненькая струйка пламени. Настоящий, живой, огнедышащий Змей лежал на боку, вытянув в стороны мощные лапы, и тихо посапывал. Из полуоткрытой пасти при каждом выдохе вылетал огненный язычок, которого хватало, чтобы освещалась вся пещера. Будить такого грозного зверя было опасно; еще спросонья огнем обдаст или зевнет и случайно проглотит.

Санька, не зная, что предпринять, в нерешительности остановился и, хотя время поджимало, решил не торопиться, а немного подождать, надеясь на свою удачу. Он уселся на пол и принялся с любопытством рассматривать первый попавший под руки меч.

Неожиданно ему стало неуютно. Он поднял голову и, несмотря на жару, похолодел: Горыныч проснулся и смотрел на него своими круглыми, черными как смоль глазами.

— Здрасте, — слегка запинаясь, проговорил богатырь.

Змей легко вскочил на лапы; монеты оказались сияющей серебряной чешуей, а кожаный плащ — парой прекрасных крыльев. Затем он потянулся и рыкнул:

— Здорово, коль не шутишь. Зачем пожаловал?

От этого приветствия от потолка отвалился изрядный каменный кусок.

Санька замялся: с одной стороны, очень хотелось сразу же приступить к делу, с другой — Баюн зря предостерегать не будет.

— Красота-то какая, — начал он издалека.

— Это ты к чему? — подозрительно прищурился Змей.

— Нет, нет, ничего, — смутился паренек. — Если тебе на эту тему говорить неприятно, давай о чем-нибудь другом: например, о погоде.

Морда у Горыныча сделалась совершенно мрачной. Глаза у него сузились, а хвост непроизвольно задергался из стороны в сторону.

— Тут до тебя приходил один такой, тоже погодой интересовался. Солнышко, птички, прогулка на свежем воздухе, а сам хотел у меня хрустальный шар украсть.

— Да неужели?! — всплеснул руками Санька. — И что, ценная вещь?

Горыныч пошарил лапой в ближайшей куче и выложил в ряд несколько прозрачных шаров размером с большое яблоко, внимательно наблюдая за выражением лица гостя.

— Неплохая коллекция, — согласно кивнул тот.

— Чего?

— Замечательное собрание красивых вещей. Таких чудаков, как ты, коллекционерами называют.

Горыныч с явным удовольствием посмотрел на богатыря. Рот у него расплылся до ушей, и из него с шипением вылетела маленькая молния. Воздух при этом так наэлектризовался, что у Саньки волосы поднялись дыбом.

— Наконец-то встретился человек, который меня понимает. А то только и слышно: хапуга, жадина, ворюга. Сколько обидных слов за свою жизнь выслушал, сколько желающих поживиться за мой счет сюда пытались пробраться — и

не сосчитать. И барыша от всего этого никакого. Лапа не поднимается продать даже самую маленькую, самую пустячную вещь. Слабость у меня такая; люблю, понимаешь, красивые вещи. А все красивое, сам знаешь, нынче дорого. Приятно, что не перевелись еще люди, понимающие толк в прекрасном. А еще у меня изумрудное яйцо есть. Превосходная, следуя отмечать, штучка. Редкостная.

И Змей принял увлеченно показывать свои сокровища, попутно рассказывая, где и каким образом он приобрел ту или иную вещицу.

Санька, которому не терпелось перейти к вопросу перелета в тридевятое царство, слушал вполуха, стараясь поймать момент и вклинившись в этот монолог, чтобы высказать свою просьбу.

Змей, заметив, что его богатство не производит на гостя никакого впечатления, умолк на полуслове, а затем спросил:

— Слушай, а откуда у тебя Кащеево колечко?

— Почему ты решил, что оно Кащеево? — теперь уже насторожился богатырь.

— Да не бойся. Я про драгоценности и волшебные вещи все знаю. Это колечко сделано в Подземном мире и у плохого человека на пальце не удержится. Если учесть, что мой рассказ о золоте тебе совершенно неинтересен, то можно развить мысль дальше: ты и есть тот самый богатырь, который царство спас, а награды не взял. Так что давай выкладывай, зачем пришел?

— Дело у меня есть в тридевятом царстве. Помощь нужна. Твоя.

— Да ты что, даже и не уговаривай, — замахал лапой Змей и завалился на свое добро. — Это ж бог знает где. А я уже, можно сказать, в преклонном возрасте, силы не те. Да и подкрепиться не мешало бы — с самого утра еще ничего не ел. И чего тебе там понадобилось?

— Василису похитили.

— Как Василису? — зарычал Горыныч. — Кто?

— Если б я знал, — сокрушенno развел руками богатырь. — Есть предположение, что в тридевятое царство ее увезли си-

лой, в смысле — околдовав, а еще я думаю, что в этом деле замешан бывший советник царя Берендея.

Услышав о Хряке, Змей Горыныч снова вскочил: глаза его запылали, из пасти вырывалось пламя:

— Опять этот негодяй. Это именно он пытался у меня хрустальный шар украсть. Прескверный человечишко. И Василису жалко. Хорошо, уговорил: я тебя доставлю к Волшебным горам, за которыми находится тридевятое царство. Дальше, извини, не могу. Но я знаю заветное местечко, где начинается дорога через эти самые горы. Ты один, или еще кто есть? Путь неблизкий, тяжеловато будет.

— Нет, нет, совершенно один. Больше ни одного человека.

— Тогда пошли! — И Змей резво затопал к выходу из пещеры.

Они выбрались на свежий воздух. Солнце перевалило далеко за полдень. Время совершенно не желало идти хотя бы немного помедленнее.

Из-за груды камней показалась ветревоженная голова кота:

— Цел? Чего это там у вас произошло; гром, вспышки какие-то? Я уж не чаял тебя живым увидеть.

— Беседовали, — коротко ответил Санька.

— Ой, хомячок на завтрак, — раздался радостный возглас Змея. — Хоть червячка заморю перед дальней дорогой.

Баюн пулей метнулся назад, в свое укрытие.

Санька выскочил перед Горынычом, прикрывая друга.

— Какой завтрак? Протри глаза. Это же кот Баюн!

— Не может быть! — всплеснул лапами Змей и самым неожиданным, насколько сумел, голосом позвал: — Кис-кис-кис. Ты где? Извини, обознался.

— Ну, что я говорил? Так и смотри в оба, чтобы какой-нибудь близорукий Змей по ошибке не проглотил, — проворчал кот, выползая из своего убежища, грустно посмотрел на свой пушистый хвост, сплошь усеянный колючками, и укоризненно заметил Горынычу: — Давно пора очки носить.

— Ладно, не ворчи, — свесил голову набок Змей. — Живой ведь. А ты никак богатыря провожаешь?

— Вообще-то он со мной, — потупился Санька, сообщив, что свалял большую глупость, умолчав про кота. Хотя в принципе ведь это не человек, а так, мелкое животное.

У Змея на этот счет было совершенно иное мнение.

— Как с тобой! — возмутился он. — Ты ничего не говорил, что вас будет двое. Сам небось весишь пудов пять, так еще этого жирного котяру с собой тащишь. Мы так не договаривались.

— Не жирный, а упитанный, — обиделся Баюн. — И вообще, ты, как я понимаю, обещал помочь. А уговор дороже денег.

Горыныч осуждающе посмотрел на кота, вздохнул, но ничего не сказал, а только пригнулся. Богатырь и кот взобрались Змею на спину, и они взмыли в воздух.

Пару раз Санька летал на самолете. Однако одно дело сидеть в уютном кресле теплого салона и совершенно другое — цепляться за жесткие бока живого дракона. Ни встать, ни прогуляться: одно неверное движение — и можно запросто свалиться вниз. Да еще ветер все время пытается сдуть седоков. Впечатлений, конечно, масса, но часто пользоваться таким видом транспорта не хотелось.

Путь оказался неблизким. День уже клонился к закату, а они все еще находились в пути.

Заметив внизу большую зеленую поляну, Змей повернул голову:

— Как хотите, а я не могу больше лететь. Мне нужно подкрепиться. — И спланировал на землю. — Привал, — прогудел он и распластался на земле, широко раскинув лапы. Немного отышавшись, поднялся и направился к ближайшим кустам. — Я пошел, а вы тоже можете немного размяться.

Баюн молча потянулся и нырнул в кустарник.

Санька не мог даже говорить, так у него болело все тело. Но, видя, что остался один и сочувствовать ему никто не собирается, кряхтя, встал и начал бродить кругами в надежде

отыскать хотя бы немного ягод. Увы, ничего съедобного поблизости не оказалось. В это время почти одновременно, но с разных сторон появились Горыныч и Баюн.

Живот у Змея заметно округлился, и это сразу сказалось на его настроении: он насвистывал какой-то легкомысленный мотивчик, а затем, выбрав местечко помягче, завалился на траву.

Баюн — так тот вообще все еще продолжал жевать.

«Вот скотина, издевается. Отвернуться не может. Я по его милости только позавтракать успел», — разозлился Санька.

Чтобы хоть немного отвлечься, он подошел к Змею и улегся рядом, стараясь не замечать довольную кошачью морду.

— Слушай, Горыныч, а почему тебя так кличут?

Змей лениво приоткрыл один глаз, вздохнул, затем уселся и с шумом встяхнул крыльями, подняв при этом такой ветер, что бедный кот кубарем покатился по земле, потеряв по дороге припасенного на десерт мышонка.

— Любопытно, да? Я тоже, когда мне стукнуло лет пятьсот, заинтересовался этим вопросом. Вообще-то каждый должен знать, кто он и откуда, родословную, так сказать. Поэтому недавно, лет триста назад, решил я про себя подробнее разузнать. Нашел седых стариков, рукописи почитал, ибо род наш древний, правда, конкретно, кто мои родители, выяснить не удалось. Легенда гласит, что я сын Горы Небесной.

— На небе гор нет, — не удержался от глупого замечания Санька. — Научный факт.

Змей моментально сунул Саньке под нос сжатую в кулак лапу:

— А тучи?

Паренек посмотрел на лапу и, решив, что с таким весомым аргументом спорить бесполезно и даже опасно, был вынужден согласиться.

Змей, одобрительно кивнув, продолжал:

— Обожали мои родители разгул стихий: бури, ураганы, грозы всякие; главное, чтобы шуму побольше, с громом да молнией. Уж если ветер, так чтоб деревья гнулись, если

дождь, так чтоб как из ведра. Их до сих пор каждый год на Юрьев день вспоминают. Потому как частенько от них зависело: быть или не быть урожаю. Я в них пошел. Люблю природу, крестьянский труд. Иной раз увижу мужика в поле за работой, слезы на глаза наворачиваются; не напрасно жизнь проходит. Вот, к примеру, неплохие озимые нынче уродились.

— Чего? — выпучился Санька.

— Репа тоже удалась, — рассмеялся довольный произведенный эффектом Змей. — Я, если хочешь знать, за этим делом слежу. Ежели мужик работящий, не лентяй, ему и условия соответствующие создаю: теплый дождик, солнечные дни на сенокос. Заработал. А ежели мужик пустячный, бездельник, такому град, ливень, молнии. Все равно у него ничего не вырастет.

Санька в нерешительности потер нос:

— В общем, ты, как я понял, больше по крестьянскому делу. Почему тогда как про Змея вспоминают, так сразу — «подколодный»?

— У меня родни видимо-невидимо, а в семье не без урода. У вас, у людей, что, одни ангелы собрались? Как бы не так. Насмотрелся я на ваши порядки. А мои сородичи, кроме помощи крестьянам, еще много чего умеют. Кого считают самыми мудрыми? Кто лучше всех разбирается в лекарственных травах? Кто хранит врачебные тайны? Кто клады с сокровищами несметными охраняет? Сообразил? Правильно — мы, Змеи.

— Тебя послушаешь, так добрее, милее, полезней и симпатичней вас в целом мире нет. А злые люди ваш род оговаривают да обижают. Еще скажи, беречь вас нужно, чтобы не перевелись.

— Чудак, — громыхнул Горыныч. — Знаешь, сколько моих родственников находится на службе у Владыки Подземного мира. Вот уж их никак беззащитными не назовешь; даже мне с ними лишний раз встречаться неохота. Ладно, хватит лясы точить. Время идет, а до Волшебных гор еще леть и лететь. Где это толстое животное?

* * *

И снова ветер свистит в ушах, а внизу пестрым калейдоскопом меняется пейзаж. Леса, реки, холмы и поля. Поначалу встречались села и деревни, но, чем дальше, тем безлюдней становилась местность. Прошло еще немного времени, и на горизонте показались горы.

Маленькая серая полоска стремительно приближалась и на глазах вырастала в грозные, неприступные скалы. И вот уже отвесная каменная стена острыми зубцами своих вершин уперлась в небо, перекрывая путь.

— Прибыли, — кивнул Горыныч, заложил крутой вираж и, словно заправский самолет, приземлился на небольшом поле возле самых скал. — Дальше я вас нести не смогу. Горы эти так высоки, что под самые облака взлететь нужно; мало того — место это заколдованное. Крылья у меня сразу ослабевают; не взмахнуть, хоть тресни. Я по молодости несколько раз пытался через них прокочить, но тщетно. Последний раз вообще чуть не погиб: у меня крылья в воздухе просто-напросто сложились. Кувыркалась вниз, словно курица с насеста, только чешуя по сторонам летела; хорошо еще склон попался не отвесный, а покатый, и то три ребра сломал.

— Сочувствую, — Санька похлопал Змeya по крылу, — но мне упорства не занимать, и если по воздуху не получается, так я через эти горки пешком переберусь. Да что там говорить, я их ползком, на брюхе проползу, если надо. Я же очень сильно хочу на ту сторону попасть, значит, обязательно пройду. Верно, Баюн? Вперед за мной, мой верный друг, готовься описывать мои новые подвиги.

— Тышибко-то не разгоняйся. Ишь разъякался, герой. Чем больше спешишь, тем хуже получается, — покачал головой Змей. — Про эти горы мне еще моя бабушка рассказывала, что перейти через них можно только ночью и только тогда, когда взойдет полная луна. На ваше счастье, сегодня наступает именно такая вот ночь.

— А посему, — свернулся клубком кот, — посидим, подремлем, подождем.

— Какой сон, ты чего? — запротестовал Санька. — Ночью, даже если и светит полная луна, плохо видно. Это же горы: камни, пропасти, обрывы. Можно споткнуться и упасть, набить на лбу шишку.

— Мало того, — радостно подхватил Горыныч, — существует всего лишь одно-единственное место, где начинается дорога, ведущая на другую сторону. Но проход этот опутан чарами и магическими заклинаниями. Стоит только какому-нибудь человеку на тропу встать, все понемногу приходит в движение: коряга под ноги попадется, сверху камешек упадет. Поэтому идти нужно как можно быстрее, иначе горы принимаются трястись, вызывая камнепады, лавины. И уж если и тогда не поторопиться, то земля разломится трещинами, и ничто уже не спасет от гибели незадачливого путника. Так что вот вам мой совет: пока время есть, сядьте, отдохните, соберитесь с силами, а как луна появится — быстренько по тропочке, по тропочке и на ту сторону. А я вас тут подожду, пока вы обратно с Василисой не вернетесь. — И он, повиливая хвостом, отправился в лес.

— Ты это специально, да? — крутанулся к коту разгневанный Санька. — Ты куда меня привел? Мало того что в темноте по камням скакать придется, так тут еще, оказывается, и горы припадочные. Трясет их, видите ли.

— А я чего? Я ничего, — развел лапы в стороны Баун. — Помочь ничем не могу; всякое геройство оттого и геройство, что сплошные опасности и трудности преодолевать нужно. Раз ты Василису ищешь, тебе и главные шишки, а я так, рядышком иду, чтобы веселее было.

— Кстати об опасностях. — Из лесу высунулась голова Змея. — Чуть не забыл: говорят, совсем недавно на этой тропе людоед объявился. Вы уж смотрите будьте поосторожнее, в кинящий котел не пропадите. А иначе, зачем я вас ждать буду, время зря терять? — И голова снова скрылась в ветвях.

— Вот спасибо, обрадовал, — съязвил ему вслед Санька, — можно сказать, угешил. Увидел луну, прошел сто метров, по маковке камнем получил, и все нормально. Очнулся, а у тебя

уже полноги или руки отъели. Что, раньше предупредить не мог, питон с крылышками.

— Тихо ты, — шикнул на него Баюн. — Обидишь Горыныча — будешь отсюда три года и три месяца выбираться.

— Ах, это я еще и виноват? — не унимался богатырь. — Можно подумать, мне предлагают бесплатный билет в парк аттракционов, где меня немного попугают и дадут за храбрость большое мороженое, а я, такой-сякой, от сладкого отказываюсь. Ну извините, что не несуся туда сломя голову.

Кот с самым безразличным видом выслушал эту гневную тираду, почесал задней лапой за ухом и равнодушно спросил:

— Так мы идем или не идем? Если идем, то другого пути все равно нет, если кто-то испугался и передумал, то...

— Кто испугался? Идем.

— Тогда помолчи. Видишь, пока ты тут бранился, стемнело, и луна появилась.

Действительно, из расщелины между горами выглянул огромный блестящий лунный глаз, внимательно поглядел вниз и снова исчез. Прошло еще несколько томительных секунд, и луна медленно поднялась над Волшебными горами.

Все вокруг осветилось тусклым мертвенно-бледным светом. Исчезли тени, окружающие предметы казались плоскими. Краски пропали, все стало пепельно-серым.

Словно по мановению невидимой дирижерской палочки разом замолкли птицы, цикады, не стало слышно даже комаров; наступила полная тишина.

Богатырю сделалось не по себе, да и кот чувствовал себя не в своей тарелке, шерсть на нем стояла торчком, и он испуганно жался к Санькиным ногам.

— Что, боишься, когда страшно? — спросил парнишка и вдруг, подскочив на месте, вскинул руки вверх и завыл противным голосом: — У-у-у!..

— Ты ч-чего? — шарахнулся в сторону Баюн.

— Да так, шалю, — рассмеялся Санька, — проверка на вшивость.

— Да у меня не токмо вшей, блохи ни одной нет, проветрятьщик несчастный. Нашел место, где шутки шутить. Нельзя в заколдованных местах шуметь, обязательно беду накличешь, — сердито зашипел кот, нервно дергая хвостом. Он уселся на землю, поднял голову и принял внимательно следить за луной.

— Не переживай, сам говорил, что мне всегда везет. Давай показывай, где эта дорога находится, — проговорил Санька, но, заметив, что Баюн не реагирует, поинтересовался: — Между прочим, очень странная луна: то выглядывает, то прячется, то по небу мчится как угорелая, а то стоит на месте, словно гвоздями прибитая. И на тебя странно влияет: давно идти пора, а ты сфинкса изображаешь. Может, ты на нее и повоешь немного?

Кот молчал, продолжая смотреть вверх.

Луна почти зашла за одну из гор, виднелся только один маленький краешек. Вдруг оттуда вырвался тонкий луч, прочертил в небе серебристую дорожку и, осветив черное отверстие в скалах, тут же пропал.

— Есть! — обрадованно воскликнул Баюн. — Давай быстрее вон в то ущелье, там должна начинаться дорога через перевал.

Между тем ночь уже окончательно вступила в свои права, и когда путники подошли к едва заметной тропинке, стало довольно-таки темно.

— Может, переноочуем, а завтра по солнышку пойдем? — предложил парнишка. — Вход мы нашли, и теперь совершенно не обязательно ломать ноги или подставлять голову под камни. Да и с людоедом, если не повезет, лучше встретиться при дневном свете.

— Господи, как с тобой тяжело, — простонал кот. — Тебе же сказали, что на горы наложено страшное заклятие; перейти через них можно только один раз в месяц и только ночью. Неужели это так трудно запомнить? Повторяю еще раз для особо бестолковых: только ночью. Ночь — это время суток, когда темно. Сейчас темно, а значит, наступила ночь, и поэтому мы должны идти. Говорят, дорога тут петляет как

бабушкин клубок, да к тому же постоянно меняется. Ты еще не забыл, что она заколдована? Мы можем двинуться утром, мы можем выйти после обеда или перед самым ужином, но на перевал все равно попадем в лучшем случае поздним вечером и обязательно после захода солнца. Поэтому нечего тут стоять и рассусоливать; отправляемся вперед, а дальше как повезет. Бог не выдаст — людоед не съест.

Они ступили на тропинку, но не успели сделать и пары шагов, как невесть откуда набежали тучки, луна пропала, и сразу потемнело.

— Стоять! — резко скомандовал богатырь, с гордым видом утер нос и решительно уселся на небольшой камень. — Все равно я хитрее. Что бы тут ни говорили, но мы стоим на тропинке, и никакая из-под ног она теперь не денется. Мы сейчас прямо здесь и заночуем, а завтра двинемся дальше.

В темноте укоризненно сверкнули кошачьи глаза. Баюн вздохнул и уселся рядом.

— Не переживай, со мной не пропадешь, — бодро произнес Санька, слегка приподнялся и погладил животное по спине. Но когда попытался снова сесть, то неожиданно для себя промахнулся мимо камня. К тому же оказалось, что устроился он на краю обрыва, куда и свалился, даже не успев выругаться. На его счастье, овраг был неглубокий, и все обошлось отбитой коленкой.

Богатырь вскочил и молча полез по склону обратно. Путь наверх почему-то оказался намного длиннее, и когда он вылез на поверхность и осмотрелся, то понял, что очутился в совершенно незнакомом месте. Проход с тропинкой исчез, никакого ущелья и в помине не было, а вокруг громоздились непроходимые скалы.

Потрясенный этим превращением богатырь начал мечтаться из стороны в сторону, но быстро понял всю тщетность своих усилий.

— Накаркал, несчастное животное, — проворчал он. — Слушай, может, нам все это привиделось?

— Не морочь мне голову. Лучше делом займись. Переход здесь где-то рядом, — с мрачным видом отрезал кот, вним-

тельно разглядывая окрестности. Наконец он удрученно махнул лапой и уселся на землю. — Ничего не получится, путеводный лучик появляется всего один раз. Видно, придется ждать до следующей ночи, чтобы снова попытаться проскочить в тридевятое царство.

Санька, который все время ругал себя, что не послушался кота, взмолился:

— Не ворчи. Целиком и полностью осознал. Был не прав. Вставай, котик, поищем эту проклятую тропинку, время-то уходит. Не пройдем.

Действительно, эта попытка закончилась бы полной неудачей, не случись небывалое для здешних мест: тучи на минуту разошлись, снова появился край луны, и серебряный луч уткнулся почти им под ноги. Оказывается, вход все время был рядом, просто сми его не замечали. Баун прямо-таки осталенел от такого везения, у него просто не нашлось слов. Санька горделиво задрал нос, тут же споткнулся и едва не расшиб себе лоб. Это его сразу отрезвило.

— Серьезное место.

— То-то же. Змей зря предупреждать не будет. Кстати, ты заметил странную вещь? На небе ни звездочки, а видно очень даже неплохо. Интересно, какие сюрпризы нас еще ожидают?

Путники бодро зашагали вперед, но уже за первым поворотом были вынуждены остановиться и пересвести дух. Большие камни мешали движению. Приходилось прорыться сквозь узкие щели между скалами, оставляя на них клочки одежды и шерсти. Вдали виднелись бездонные пропасти с узенькими карнизами, зловещие черные пятна таинственных пещер. Тот, кто говорил, что тут можно пройти в тридевятое царство, сам скорее всего здесь никогда не был. Любая едва приметная тропка по сравнению с этой «дорогой» казалась широким и ровным проспектом.

Ко всему прочему, она действительно лихо петляла и закручивалась в такую замысловатую спираль, что заблудиться не составило бы труда, попадись хотя бы две-три развил-

ки. К счастью, кругом стояли отвесные скалы, и ни вправо, ни влево свернуть было невозможно — только прямо.

Баюн вскоре выдохся и, сообщив, что он не горный козел, распластался на огромном валуне.

Санька посадил кота себе на плечо и продолжал идти, вернее, пробираться через препятствия. Плохая дорога его мало волновала. Честно говоря, богатырь не верил этим сказкам о движущихся горах. Скорее всего кому-то не нравилось, что люди ходят друг к другу в гости, и сочинил эту страшилку для малолетних детишек.

А вот людоед — это было серьезно. Он мог появиться внезапно, в любой момент, и стукнуть по затылку или скинуть на голову хороший валун. Словно в подтверждение Санькиных опасений сверху скатился приличный каменный кусок. Богатырь присел и затаился, стараясь разглядеть, откуда явился этот подарочек.

— Ты с ума сошел, — забеспокоился Баюн. — Не останавливайся. Это горы просыпаются.

— Тише ты, — зашептал в ответ Санька. — При чем тут горы? Знаешь такое выражение: «Стоять как скала»? Даю руку на заклад, это людоед.

Сверху посыпалась каменная крошка. Затем послышался далекий гул, который стал быстро приближаться. Камни падали уже беспрерывно, превращаясь в настоящий камнепад.

— Бежим! — испуганно мяукнул кот. — Иначе нас с тобой засыплют.

Санька бросился бежать. Баюн, крепко вцепившись всеми четырьмя лапами, отчаянно старался удержаться.

В это время земля задрожала, словно действительно началось землетрясение. Горы пришли в движение. Некоторые из них начали сближаться, другие — раскачиваться из стороны в сторону, несколько высоких скал образовали круг и... завели хоровод. Самое странное, что, хотя камни и продолжали падать сверху, ни один из них не задевал путников.

— Баюн, они не злые, — закричал Санька коту, стараясь перекрыть этот неимоверный грохот. — Горы нас просто проверяют, не испугаемся ли мы.

Неожиданно грохот и тряска прекратились. Наступила звенящая тишина, и только медленно оседающие клубы пыли напоминали, что это все им не приснилось, а произошло на самом деле.

Не успели ошеломленные путешественники прийти в себя, как раздался дикий рев, и прямо перед ними на тропу выскочило косматое страшилище с огромной дубиной в руках. Лохматая, всклокоченная голова, торчащие метелкой борода и усы, два клыка над нижней губой и огромные, сверкавшие фосфорическим светом глаза.

«А вот и людоед», — подумал богатырь и, не останавливаясь, замахнулся мечом. Людоед успел подставить дубину, и лезвие застряло в сучковатом дереве.

В это время раздался еще один подземный толчок, по земле зигзагами побежали трещины. Санька дернулся, потерял равновесие и стал падать. Он вытянул вперед руки, пытаясь удержаться, но дорога раскололась надвое, возник провал, и богатырь рухнул головой вниз. Краем глаза он успел заметить, как Баюн в отчаянном прыжке перепрыгнул с его плеча на твердую землю.

И снова Саньке повезло: высота оказалась небольшой. Вместе с камнями, землей, полуослепший от грязи и пыли, он провалился в маленькую пещеру. Правда, приземление оказалось довольно-таки болезненным, да еще здорово попало по спине и голове; но по сравнению с тем, чем могло падение закончиться, это были мелочи. Паренек с трудом сел, ощупал голову, пошевелил руками. Вроде цел, только каждое движение вызывало неимоверную боль.

Но к боли можно притерпеться, постараться не обращать на нее внимания, и она потихоньку уйдет, недовольно ворча. Хуже было то, что теперь все усилия найти и освободить Василису утратили всякий смысл. Хорош освободитель: поте-

рял друга, лишился оружия, очутился у черта на куличках и неизвестно, каким образом вернется назад, на поверхность.

«Ты у нас главный герой, тебе и шишки», — вспомнились слова кота.

Санька стиснул зубы и, громко проговорив:

— Под землей лежать мне рано, я пока еще живой, — кряхтя и охая, встал и медленно побрел по пещере. Прямо перед ним показались два прохода. Он по очереди заглянул в каждый из них, но ничего стоящего не разглядел.

«Куда теперь податься? Теоретически лучше направо, но нормального человека вечно тянет налево, а делать нужно так, как тебе хочется. Пойду налево».

Время словно остановилось. Однообразные стены, однообразный сумрачный свет, который излучали эти стены.

«Хоть в одном эти Волшебные горы хороши: под землей видно. У нас на Земле давно бы лоб разбил в темноте. Хотя что это лает? Кащей сказал, через три дня у Василисы свадьба. А я тут болтаюсь. И долго ли еще буду?»

Сраженный мыслью, что он может остаться здесь, под землей, до конца своей жизни, Санька остановился и дико заорал:

— Люди! Помогите! Спасите!

Гулкое эхо, многократно повторяясь, прокатилось по туннелю и затерялось где-то вдали.

— Чего орешь? — внезапно раздался за его спиной угрюмый голос.

Санька стремительно развернулся.

Перед ним стоял среднего роста худой гражданин, одетый в серые холщовые штаны и такую же серую, залатанную рубаху. Лысый череп, большие оттопыренные уши, маленькие глазки и вздернутый нос придавали ему сходство с летучей мышью; для полной картины не хватало пары крыльев. И что-то неуловимо знакомое было во всем его облике.

— Заблудился. Подумал, может, кто живой неподалеку есть, услышит.

— Ну, я пришел. Больше орать не будешь?

— Да теперь вроде как бы и ни к чему, — ответил Санька и непроизвольно попятился.

— Там тупик, — пробурчал гражданин летучая мышь. — Пошли выведу.

— А может, я сам? Попозже. А пока чуток посижу, о вечном подумаю.

— Не понял, ты здесь навек оставаться собираешься?

Незнакомец не вызывал никакого доверия, но деваться было некуда, не сидеть же действительно всю оставшуюся жизнь под землей.

Проводник двигался уверенно, было видно, что эти катакомбы ему хорошо знакомы. Миновав несколько развилок, сворачивая несколько раз в боковые коридоры, они вышли в огромную пещеру, посреди которой горел костер.

«Ага, раз дым выходит, то и до поверхности недалеко», — обрадованно подумал Санька. Под ногой у него что-то хрустнуло. Он опустил глаза и замер. На полу лежали человеческие кости. Санька схватил незнакомца за рукав, но тот, равнодушно пожав плечами, подошел к костру, сел и принял внимательно разглядывать гостя.

От этого взгляда парнишке стало не по себе, и чтобы хоть как-то разрядить обстановку, он спросил:

— Ты кто?

— Огр.

— Орк?

— Огр, говорю. Местный людоед. Живу я тут.

Санька недоверчиво покачал головой:

— Да ладно заливать. Видел я того людоеда: заросший, рожа зверская, глаза и клыки светятся. У тебя клыки есть?

Огр молча повернулся и из лежащего позади него вороха одежды вытащил лохматую шкуру какого-то животного и жуткую, оскалившуюся маскарадную маску со светящимися глазами.

— А вот люди говорят... — продолжал упорствовать парнишка, но людоед его перебил:

— Кто говорит? Кого съели? Как можно жить в мире, в котором ты либо хороший, либо плохой, без оттенков? Давайте ругайте меня, бейте руками, топчите ногами.

— Ну ты даешь, — ошалел от такого натиска Санька. — Сам людей поедаешь, а кто-то в этом виноват.

— А ты как думал? — сразу успокоился Огр. — Я, к примеру, не встречал людей, которые бы себя ругали. Во всем виноваты обстоятельства, гнусные соседи, бестолковые правитель; короче, кто угодно, только не они. И хватит болтать. У меня от голода уже живот к спине прилип.

— Что, сейчас и начнешь, сырым? — спросил Санька.

— И чего я перед тобой распинаюсь? — обиделся людоед. — Стоит кого-то слопать, и сразу поднимается крик: дикарь, чудище немытое, чурбан необразованный. Заруби себе на носу — я гурман, а не дикарь. Целый год у одного графа на кухне служил. Приличное обхождение понимаю: этикет, сервировка, ассортимент, все как положено. Граф мясо очень любил, правда, его больше на сырое тянуло, но для гостей приходилось стараться. Я до тысячи блюд из мяса могу приготовить. Можешь проверить — закажи чего. Вот, к примеру, жаркое. Здесь главное, чтобы корочка была румяная. А это зависит от того, какой огонь в костре развести. Ежели большой — подгоришь, а маленький — внутри сырым останешься.

— Примитив, — отозвался Санька. У него даже живот заболел, как он представил себя на вертеле.

— Если желаешь, могу суп из тебя на завтра сварить, — ответил Огр и откуда-то из-за спины вынул котел. — Да ты не сомневайся, супец получится в самом лучшем виде. Бульончик — пальчики оближешь; наваристый, душистый. У меня для такого дела и травка припасена, так и называется — душица. Аромат — слюнки сами текут. Еще дикий лук есть. Ядреный. В один миг слезу вышибает. Так что я по тебе одно и поплачу.

Услышав про лук, Санька вззвизгнул и ринулся в один из проходов, но далеко убежать не успел. Людоед, несмотря на свою внешнюю неуклюжесть, оказался намного проворней, ухватил богатыря за ногу, и через мгновение тот, плотно перевязанный, лежал на земле.

Огр подбавил еще дров, налил в котел воды и, достав большую коробку, подмигнул пленнику:

— Душица, та самая. Помнится, когда я был маленьkim, то у нас в деревне вот так же веревочками колбасу заматывали, — хихикнул он, поставил коробку на пол и вытащил большой нож, больше смахивающий на саблю. — А знаешь, я, пожалуй, тебя пополам поделю или даже на три части: одну половинку в супчик, вторую на жареху, а третий кусочек так, сырым, съем. Очень уж мой организм по приличной пище истосковался. Ты пойми, глупая твоя голова, я уже месяц живого человека не видел. Еще недавно, как полнолуние, так завсегда два-три каравана, а то и поболе, через перевал шли. Торговля, понимаешь. Я, как первый раз сюда забрел, сразу вот такого приличного купца поймал, — и Огр развел руки в стороны, показывая, какого размера был купец, — и пару купчишек помельче. Бывало, в удачную ночь по нескольку человек запасал; как раз хватало до следующего полнолуния; и вдруг на тебе, словно кто сглазил.

Людоед стоял, сложив руки на животе и мечтательно разглядывая потолок. Затем встрепенулся, лицо у него снова приняло грустное выражение.

— Да, замечательное было время. А потом купец пропал, ушел купец. Вместо него появились какие-то нервные, колючие рыцари. Все в драку лезли. Хлопотно с ними, пока справишься — семь потов сойдет. Да и выковыривать их из доспехов удовольствие небольшое. Теперь и этих не стало. Мыши да змеи, вот и весь улов. Сегодня, думал, повезло: сразу двое на тропе появились, человек и животное. Так нет же, оба улизнули. Так что извини, некогда мне ждать, пока ты поджаришься; придется, как графу, сырым есть. — И людоед поднял нож.

Санька задергался, пытаясь освободиться, но веревка лишь сильнее впивалась ему в тело. Огр между тем почему-то остановился и задумчиво уставился на паренька, вернее, на его руку.

— Волшебное? — спросил он, показывая на колечко.

— Предположим, — неохотно согласился Санька.

— Подари. Граф черной магией занимался немного. От его колдовских заклинаний еда намного вкуснее становилась. Я тоже хочу попробовать.

Санька замер. Он вспомнил, что нельзя насильно завладеть волшебным талисманом, сила теряется. Можно украсть, но как можно украсть у жареного трупа? Остается подарок. Людоед, а в волшебстве разбирается. Ладно, попробуем по торговаться.

— И не думай, — прервал его мысли Огр. — Ты мне колечко, а я тебя за это в обмен оставлю в живых... до завтра. По-моему, очень честное предложение.

— Ты за кого меня принимаешь? — возмутился Санька. — Замечательное волшебное колечко — и всего за один день в этой вонючей пещере. Я что, похож на ненормального?

— Похож, — утвердительно кивнул Огр. — Умные люди сюда давно не ходят. Кстати, тебе оно совершенно ни к чему: здесь власть Волшебных гор. Никакое другое волшебство, колдовство или чародейство в этом месте не имеет силы. Если ты не согласишься, я тебя съем, и колечка у тебя все равно не будет. А так ты еще немного проживешь. И представь, каково мне; столько времени ждать и от голода мучиться.

«Это он с голодухи так убедительно врет? Зачем ему колечко, если оно не действует? Отдавать жалко. Хотя кто его теперь знает, волшебное оно или нет? Тут с жизнью прощаешься, а ему хоть бы что. Врал Кащей: «Колечко поможет, когда будет совершенно безвыходное положение». Можно подумать, сейчас все замечательно. Эх, сюда бы хоть на чуть-чуть, хоть на одну секундочку огненный меч. Но, с другой стороны, есть-то меня пока не начали, а впереди могут подождать еще более тяжелые испытания. Нет, торопиться не нужно».

— Уговорил, — вздохнул богатырь. — Если мне привалило счастье целый день смотреть, как ты давишься слюной, то я согласен, только развязи, а то совсем руки-ноги онемели.

Людоед нерешительно помялся, почесал затылок, вздохнул, однако веревку снял и протянул руку:

— Ну, давай скорей. Сколько время ни тяни, все равно протянешь ноги.

— Привет, ребята! — неожиданно улыбнулся Санька, глядя за спину людоеду. — Отдадим безделушку этому горю луковому? Пусть подавится, да?

— Что? — зарычал Огр и, резво подскочив, развернулся. Но позади него никого не было. — Ах, ты обманывать? Думаешь удрать?

— Надеюсь, — подтвердил Санька и со всего маху ногой зафутболил коробку с приправой прямо людоеду в голову.

По всей пещере разнесся резкий аромат. У богатыря засвербело в носу, и он чихнул. Затем еще раз. И еще. Зато людоед чихал безостановочно. Весь обсыпанный душицей, он тер крепко зажмуренные глаза, хрипел, размазывал по лицу слезы и сопли. Все тело его корчилось в конвульсиях. Мотаясь из стороны в сторону, он споткнулся о край котла и повалился в кипящую воду. Раздался истошный вопль, и Огр затих.

Людоед, Людоед
Что сегодня на обед?

Нет, не зря кот и Кащей говорили, что если очень захотеть, то все получится. Еще бы на волю дорогу найти.

Санька внимательно осмотрелся вокруг. Вокруг валялись кости, клочки истлевшей одежды, различные золотые побрякушки. А вот оружия, к сожалению, не оказалось. Вернее, оно было, но такое ржавое, что казалось, пни — и рассыпается.

Богатырь прошелся по пещере, заглядывая в каждый встречный ход; где она, свобода? Пол в одном из проходов был более утоптан; значит, им пользовались чаще, и, возможно, там и находился выход. Санька осторожно двинулся вперед. Туннель становился все шире, идти было все более удобно, и появилась надежда на скорое окончание этого приключения.

Радужное настроение не испортила даже перегородившая путь большая куча мусора, отдаленно смахивающая на баррикаду. Обойти ее не было никакой возможности, только по-

середине оставалась небольшая лазейка, в которую мог боком пробраться человек.

Не заподозрив никакого подвоха, Санька с трудом протиснулся в эту узкую щель и уже добрался почти до середины, как за что-то зацепился. Пытаясь вырваться, он несколько раз резко дернулся. Вдруг вся конструкция зашаталась, рядом с ним что-то завалилось, сверху посыпались бревна и камни, рухнул потолок, и парнишку полностью завалило. Оглушенный, облепленный землей и грязью, с трудом дыша, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Липкий страх накатил волной, началась истерика, и неизвестно, чем бы все это закончилось, но внезапно рядом послышались голоса, и какие-то люди начали разбирать завал.

Однако чем ближе была помощь, тем тревожнее становилось у Саньки на душе. Неведомые спасители добирались до него явно не с дружескими намерениями: «Попался, душегуб», «Людоед проклятый!», «Сейчас мы ему зададим». Крики становились все громче; вот уже раскиданы последние камни, и крепкие руки вытащили пленника наружу.

Вокруг стояли низкорослые, крепко сбитые длиннобородые человечки в разноцветных плащах с капюшонами, вооруженные топорами и короткими мечами. Его спасителями оказались гномы.

Увидев свою добычу, гномы почему-то замолкли и стояли, растерянно переглядываясь. Наконец один из них, с толстой золотой цепью на шее, шагнул вперед и спросил:

— Ты кто?

— Дед Пихто. Из вашего подземелья выход искал, да застрял. Неужели не видишь?

— Вижу, — зловеще проговорил старший, отступил на шаг назад и сделал быстрый знак рукой. Санька даже охнуть не успел, как его крепко обмотали веревкой и, подталкивая, чтобы пошевеливался, повели куда-то в глубь гор.

Очень скоро они вышли к пещере — такой огромной, что потолок терялся в вышине.

У Саньки захватило дух. Увиденное поразило его, и он даже на мгновение забыл о своем бедственном положении.

Здесь, под землей, находился целый город. Протекающая посередине река разделяла его на две части. Подземные мастера в верховье соорудили запруду и установили большое водяное колесо. Вокруг располагались кузницы и мастерские. От колеса при помощи хитроумных приспособлений приводились в движение различные станки, прессы, двигались меха, раздувающие огонь. Ниже по течению располагался жилой район. С левой стороны, поднимаясь уступами вверх, стояли вырубленные в скалах маленькие дома. Справа возвышался чудесный дворец с многочисленными башенками, остроконечными крышами и широкими балконами, украшенными самыми разнообразными коваными узорами. Небольшая площадь отделяла дворец от реки, через которую был перекинут ажурный металлический мостик.

Вместо солнца гномы приспособили толстые свечи. Накрытые большими хрустальными колпаками и установленные в разных концах города, они давали яркий ровный свет.

Пленника торжественно провели мимо мастерских, через мост, к дворцу. Подземные жители, завидев процессию, немедленно сворачивали свою работу и шли следом. Вскоре на площади собралась приличная толпа. Все стояли молча, и это не предвещало ничего хорошего. Стоило удирать от людоеда, чтобы попасть из огня да в полымя.

Но вот кольцо расступилось, и внутрь шагнул гном в плаще, застегнутом золотой пряжкой, и с маленькой короной на голове.

— Друзья, — начал он тихим голосом, обращаясь к окружающим. — Сегодня захлопнулась одна из ловушек, которые мы сделали, чтобы обезопасить себя от Огра. В нее попался вот этот человек. Что будем с ним делать?

— Смерть! — закричала толпа.

— Ты слышал, — повернулся к Саньке король. — Наш суд приговорил тебя к смерти.

— Подождите! — запротестовал Санька. — Вы что, издаётеесь? Это судилище, самосуд, суд Линча, все что угодно,

но уж никак не суд. На суде обвиняемого хотя бы выслушивают.

Король пожал плечами:

— А зачем? Нам и так все ясно.

— Я не людоед! — в отчаянии выкрикнул Санька. — Посмотрите на меня! Людоед раза в два больше.

— А вас никто и не путает. Да, ты не Огр, но раз ты пришел с той стороны, откуда нам постоянно грозит опасность, то скорее всего ты с ним в сговоре; иначе он бы тебя съел. Те люди, которые хотят жить с нами в мире, приходят к Большому Валуну, который стоит на краю горы у входа в наши владения. Так о чем разговор? — надменно ответил гном и, повернувшись назад, приказал: — Бросьте его в реку, и пусть вода унесет его тело.

Санька отчаянно брыкался, но ничего не мог поделать. Его снова схватили и понесли к реке. Он уже видел мрачную бездну, как раздался голос:

— Прошу простить меня, мой повелитель, сегодня я заканчиваю меч, который заказал Корн, владелец Тероны. Уже нанесены волшебные руны, и осталось только закалить. Могу я использовать кровь этого человека?

Король утвердительно кивнул.

Тут же подскочили подмастерья и быстро перетащили парнишку обратно на другую сторону моста к одной из кузниц, надели на него железный ошейник с толстой цепью и приковали к столбу.

Кузнец раскалил на огне меч так, что он стал ярко-желтым, и медленно подошел к пленнику.

Тот завороженно смотрел на огненную полоску, понимая, что деваться уже некуда, но гном почему-то остановился и спросил, указывая на руку:

— Это что? Где взял?

Санька хотел огрызнуться, но сдержался: все-таки он в плену, а не наоборот.

— Мой охранный амулет. Между прочим, волшебный. Если кто на меня руку поднимет, то через час сам рядом мертвым лежать будет. Так что смотри.

Выслушав это грозное предупреждение, кузнец усмехнулся и, не произнеся ни слова, одним ударом перерубил цепь. Подмастерья потащили недоумевающего богатыря обратно на площадь.

Основная часть народа уже успела разойтись и заняться своими делами, возле короля оставались несколько придворных. Увидев пленника, живого и невредимого, король удивленно приподнял одну бровь. Вместо ответа гном молча показал на колечко.

— Это же Оберег, изготовленный в Подземном мире! И носить его может только тот, кто не имеет против нас, гномов, злых намерений, — воскликнул удивленно король и приказал развязать парнишку. — Мы приняли тебя за врага, но это колечко меняет дело. Ты находишься в королевстве гномов Волшебных гор. Меня зовут Грон.

— Ну, слава богу, — облегченно вздохнул тот и без сил опустился на землю. — Есть еще правда на этом свете.

— А где Огр?

— Нет больше вашего людоеда. Он от недоедания совсем плохой стал; его так шатало, что в кипящий котел свалился. Такая вот душица получилась.

Услышав это, гномы загалдели, перебивая друг друга и оживленно размахивая руками. Некоторые бросились звать остальных, передавая им эту новость. В один миг все побросали работу, и площадь снова заполнилась народом. На бывшего пленника никто уже не обращал внимания. Он смотрел на весь этот базар, наконец не выдержал и спросил у Грона:

— Будьте так любезны, объясните, в чем дело.

— Ты сообщил нам радостную весть. Огр был свирепым людоедом, очень хитрым и осторожным. Он загубил немало моих подданных. Пришлось отгородиться от него завалами, установить западни и ловушки, хотя и это не спасало. Ты его победил, и мы признательны тебе за это. Но, — гном поднял вверх палец, увидев, что парнишка заулыбался, — хотя ты избавил нас от большой головной боли и у тебя есть колечко, однако мы не очень доверяем людям. От людей вообще

очень много неприятностей: они вечно зарята на наши сокровища, пытаются их украсть. Когда они покупают у нас какие-нибудь вещи, то все время стараются обмануть. Им постоянно всего мало, а при виде золота у многих начинается помутнение рассудка. Ты человек, а значит, ничем не лучше остальных.

— Оно мне надо? У меня есть одно сокровище, но его увезли в тридевятое царство. Это моя Василиса.

— Почему мы должны тебе верить? Береженого и бог бережет. Мы не причиним тебе зла и даже дадим на дорогу прпасов, но ты должен сейчас же уйти.

— Да с превеликим удовольствием, только куда? Где выход? И не начнется ли снова землетрясение?

Грон задумчиво посмотрел на Саньку, затем сделал знак остальным замолчать.

— Начнем с последнего вопроса. Горы трясутся только в одном месте: там, где проложена дорога. Здесь этого не происходит. К тому же тряска длится совсем недолго; горы испытывают путника, и если он не испугается, то сможет преодолеть перевал. Далее. Тебе идти в эту сторону. Там находится выход к Большому Валуну. Вот возьми от нас на память меч. Мало ли, пригодится. Теперь плаш, твоя одежда совершенно изорвалась. И наконец, котомка. В ней свежий хлеб и вяленое мясо. Во фляге чудодейственный напиток: даже маленький глоток придает бодрость и силы.

— Вот здорово! — обрадовался Санька и одним махом ополовинил посудину. — Я и так задержался, а у меня каждая минутка на счету. — И он, весело посвистывая, направился в указанном направлении.

Он шел по туннелю, жуя на ходу мясо с хлебом, и размышлял о том, что совсем не обязательно использовать волшебные силы колечка. «Ишь ты, какое название — Оберег». Оказывается, даже здесь, в тридевятом царстве, о нем многие наслышаны. Достаточно просто показать талисман, чтобы разрешились все проблемы.

Проход тем временем стал расширяться. Стало заметно светлее, и вот уже показалось яркое пятно дневного света.

— Свобода! — обрадовался Санька, прибавил шагу, но вдруг почувствовал какое-то беспокойство. Он насторожился и, услышав позади себя тихое шуршание, резко обернулся.

Прямо на него смотрело странное, даже, можно сказать, отвратительное создание: круглые немигающие глаза, омерзительная покрытая бородавками круглая морда с огромной, зубастой пастью.

— Бр-р-р... — содрогнулся от отвращения Санька. — Тебе чего?

Пасть облизнулась.

— Ну конечно, и как я сразу не догадался; еще один голодающий. Может, мне сразу голову посыпать солью и перцем? А этого не хочешь? — возмутился Санька и ткнул в противную морду колечком.

И тут произошло совершенно не то, что ожидалось. Вместо того чтобы в панике удрать, тварь разъяренно зашипела и кинулась на богатыря. Тот едва успел увернуться. Тварь снова бросилась на него. Сообразив, что геройизм в данном случае неуместен, паренек швырнулся в раскрытую пасть котомку и припустил, только пятки засверкали. Благо до выхода из горы было совсем недалеко. Он выскочил на свет и кувырком покатился вниз по склону, со страхом ожидая, что его сейчас сцапают. Но позади только раздался страшный рев. Санька оглянулся и увидел, что тварь поспешно убралась обратно в нору. Похоже, она боялась солнечного света.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Санька медленно приходил в себя. Оказывается, с этим колечком возможны любые неожиданности: то от него шарахаются, как от чумы, а то недолго и самому головы лишиться. Впредь нужно быть поосторожнее.

Он встал и осмотрелся. Прямо перед ним расстилалась березовая роща. Высокие стройные деревья белоснежным хороводом окружали его со всех сторон, и казалось, что он все еще находится в своем родном лесу.

«Интересно, а прошел ли я сквозь Волшебные горы? — задумался паренек. — И где, интересно, сейчас Баун? Жив ли?»

Но сидя на месте, ответа на вопросы не получишь, и он начал спускаться вниз. Вскоре перед ним появилась вымощенная булыжником дорога.

— Все-таки, похоже, я в тридевятом царстве: там, где мы со Змеем приземлились, даже звериные тропы не попадались. А у Берендея я вообще таких ухоженных дорог не встречал. Гномы говорили, что они торгуют с местными жителями. Значит, недалеко должно находиться какое-нибудь селение, и можно будет расспросить, не появлялась ли в этих местах незнакомая царевна.

Замечательная, ровная, без ям и ухабов дорога, по обеим сторонам которой росли аккуратные, одинаковой высоты деревья, весело бежала вперед. Среди листвы порхали и беззаботно распевали птицы.

— Красота! Здесь, наверное, даже дикие звери при встрече раскланиваются и говорят «Здравствуйте», «Извините», «Будьте так любезны», — с умилением глядел по сторонам Санька. — Не то, что наши дебри с препятствиями.

Дорога круто заворачивала, и здесь, за поворотом, он испытал сильнейшее потрясение, лоб в лоб столкнувшись с двухголовым Змеем.

Змей, увидев богатыря, пришел в замешательство, отпрянул назад и уселся себе на хвост. Обе головы, перед этим мирно беседовавшие, разом замолчали, выпучив от изумления глаза. Умная голова попыталась что-то сказать, но лишь сумела промычать нечто невразумительное.

Санька похолодел от страха и остановился как вкопанный, лихорадочно соображая, что делать. Однако, поняв, что бежать бессмысленно, решил дорого продать свою жизнь. Он выхватил меч и выставил его перед собой. Сверкнуло серебро.

Глупая голова, решив опалить богатыря огнем, разинула пасть, глубоко вдохнула и только тут заметила колечко. Вытянув шею, она поняла, что не ошиблась, в панике захлопала глазами и, поперхнувшись своим собственным дымом, раскашлялась.

Втянув в плечи обе свои головы, Змей стал медленно пятиться, затем подскочил и, несмотря на свои крупные размеры, очень резво помчался по дороге обратно с жутким топотом, от которого задрожала вокруг земля.

Санька, обрадованный и растерянный, остался один. Вытирая вспотевший лоб, он пытался понять, в чем дело; ведь в первую их встречу двухголовый его совершенно не боялся. И тут он вспомнил, что в прошлый раз у него не было с собой Оберега.

«Вот тебе и мирная идиллия, — полумал он. — Расслабляться никак нельзя. Сначала мне попадается живой и здоровый Хряк, теперь Змей, кто следующий? Надо бы узнать, откуда здесь эта двухголовая скотина взялась? Может, он тоже причастен к похищению Василисы?»

Теперь Санька шел, настороженно поглядывая по сторонам, готовый ко всяkim неожиданностям.

Вдали послышался звон копыт, и вскоре из-за поворота появился рыцарь на белом коне, одетый в серебристые латы и такого же цвета шлем с развевающимися тремя белоснежными перьями. Длинный меч и большой прямоугольный щит с серебряным орнаментом и гербом, изображающим алью розу с шипами на коротком стебле, дополняли эту картину. В руке он держал короткое, перевитое белой лентой копье с пушистой белой кисточкой на конце.

Зрелище было настолько замечательное, что Санька забыл об осторожности и восхищенно рассматривал приближающегося всадника.

Рыцарь, не доехав до него нескольких шагов, остановил коня и грозно прорычал:

— Ты, плебей, прочь с дороги!

Забрало у шлема было опущено, и разглядеть, что это за человек, было невозможно, но Саньку покоробил сам вопрос. Он сложил руки на груди и лениво зевнул:

— С каких пор снеговики с метелками летом под ногами путаются?

От такого вопроса всадник на мгновение замер, а затем, что-то резко прокричав, опустил копье и ринулся в атаку.

Хотя богатырь и был начеку, он едва не попался. Сумев резким рывком увернуться от коня, он не успел отбить копье, которое, хотя и скользнуло мимо, все-таки зацепило плащ. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы Санька полетел в кусты. Пока он медленно поднимался, потирая помятые бока, рыцарь развернулся, соскочил с коня и бросился к нему, размахивая обнаженным мечом.

Санька понял, что дело может кончиться для него печально. Свое оружие он потерял при падении и поэтому принял ся скакать зигзагами, прячась за деревьями и стараясь не попасть под удар.

— Несчастный трус! — кричал рыцарь, словно заправский дровосек, круша деревья и кусты.

— Давай, давай, работай. На зиму дрова нужны, железяка ржавая, — огрызаясь Санька, продолжая увертываться. Улучив момент, он пригнулся молодую березку, а затем отпустил ее. Деревце резко распрямилось и хлестко ударило противника прямо по голове. Тот остался лежать. Санька воспользовался моментом, подскочил к рыцарю и резким ударом подбил его ноги. И пока тот падал, с лету добавил ногой по шлему. «Бум», — ответил шлем, и оглушенный рыцарь растянулся на траве.

Санька привалил его к дереву и, откинув подальше меч, поднял забрало. Увидев, что бедняга без сознания, огорченно покачал головой, стянул с пострадавшего шлем и легко пошлепал его по щекам.

Рыцарь глубоко вздохнул и открыл глаза. Это был бледный темноволосый юноша. Под левым глазом расплывался большой синяк — результат последнего удара. Увидев своего обидчика, он дернулся и попытался нашупать свое оружие.

— Привет, — улыбнулся богатырь.

— Привет, — отозвался рыцарь.

— Ты что, сдуруел, на незнакомых людей кидаешься? — полюбопытствовал Санька.

Яркий румянец обиды залил лицо юноши. Он неуклюже поднялся, скрестил руки на груди и, глядя прямо в глаза своему обидчику, произнес:

— Я рыцарь.

— Вижу, — согласился с этим заявлением Санька.

— Ты, наверно, не понял. Я странствующий рыцарь.

— Хрен редьки не слаше.

— Ты что, никогда о таких, как я, не слышал? — удивился юноша.

Саньке стало неудобно. Вообще-то он что-то читал о каких-то средневековых чудаках, но что конкретно, почти не помнил.

— Они девушкам серенады поют, — уклончиво ответил он.

— Сам ты серенада, — возмутился незнакомец. — Да, в душе я поэт, но дело всей нашей жизни — борьба со Злом. Я даже клятву такую дал и до тех пор, пока моя рука может держать меч, ее не нарушу. И доспехи свои я тебе не отдашь.

— Чего? А на кой они мне?

— Как это? По правилам, если ты победил меня в честном поединке, все мое оружие и латы переходят тебе. Но честного боя не было.

— Угу, не спорю. Можешь оставить железки себе. Не хватало мне еще эту тяжесть таскать. И хватит об этом. Ты вот говоришь, со Злом борешься. Тогда объясни, с какой цепи сорвался; лично я тебя в первый раз вижу и ничего плохого тебе не делал.

Белый рыцарь опустил глаза и принялся ковырять землю носком сапога:

— Получилось маленькое недоразумение. Конечно, согласно рыцарскому этикету, соблюдая приличия и традиции, я обязан странствовать и, обнаружив несправедливость, обман или притеснение, вызывать Зло на поединок. Это в теории. В жизни, черт-те знает почему, все получается наперекосяк. Поначалу я честно старался выполнять свою клятву, приобрел кой-какую известность, и сразу начались сложности. Обиженные частенько начинали обижаться уже на меня,

так как каждый за пазухой обязательно держал еще целую кучу других жалоб и требовал, чтобы я всенепременно помог. Доходило до абсурда: однажды ко мне подбежали два человека, и каждый из них громко кричал, что пострадал от другого, требуя отрубить обидчику руку, желательно по самую шею.

— И ты уважил обоих добрых людей, — закончил за него Санька.

— Тебе смешно, — вздохнул юный борец за правду. — А эти «добрые» дяди объединились и вместе напали на меня, как на шарлатана. Ты бы видел, как я от них отбивался. Теперь стараюсь в эти склоки не влезать. Вообще приходится быть очень осторожным. По лесам бродят разбойники, и любой одинокий путник для них лакомая добыча. Мало того, откуда-то свалилась новая напасть: то и дело стали встречаться совершенно ненормальные рыцари, кабан их задери, страшно желающие сразиться именно со мной. Оказывается, кто-то пустил слух, что такой поединок — славное дело. Хотя я догадываюсь, откуда уши растут, — это моих родственников работа, очень уж братьям хочется, чтобы я себе шею свернул. Вот и получается, что последнее время мне приходится не Зло на поединки вызывать, а со всеми подряд драться. Тебя увидел, подумал, что тоже нападешь.

— Да, весело, — посочувствовал Санька.

— И не говори, — вздохнул рыцарь и вздрогнул. Вдалеке послышался звон копыт.

На дороге появились два всадника. Они мчались во весь опор, поднимая такую пыль, что позади них совершенно ничего не было видно; однако, заметив, что впереди кто-то есть, резко осадили коней. Один из них, преклонных лет старик в темно-коричневом дорогом камзоле, с реденькой бородкой и маленькими, торчащими вверх усиками, по всей видимости, господин, что-то приказал второму — одетому попроще здоровенному увальню. Это, похоже, был его оруженосец или охранник, так как он остановился немного поодаль от хозяина и держал в руках длинное копье, щит и большой меч.

— Во, и эти тебя испугались, — рассмеялся Санька, показывая на всадников. Не успел он договорить, как из пыли, словно чертики из коробки, чихая и отфыркиваясь, начали выскакивать пешие, вооруженные толстыми дубинками.

— Интересно, а это что за клоуны? Если по одежке смотреть, так вроде слуги; только сильно заморенные, еле дышат.

Но у рыцаря, похоже, чувство юмора отсутствовало напрочь. С ним произошло нечто странное: он побледнел еще больше, неожиданно заметался, подобрал меч и вскарабкался на коня; при этом он так волновался, что не сразу попал ногой в стремя.

— Значит, так, извини, но у меня еще дел много; у нас, говорят, дракон появился. И какой: о двух головах, не дракон, а просто мечта. Засиделся я с тобой, а мне это чудовище отыскать нужно и победить.

— Дракон, говориша, — насторожился богатырь. — Был у меня один такой знакомый. Личность его с твоим описанием очень совпадает. Я его совсем недавно видел. Так что если это один и тот же крокодил, ты, пригвоздив его к земле, мне большую услугу окажешь. Я бы с тобой пошел, но времени у меня сейчас нет ни капельки. Удачи.

Юноша пришпорил коня и вскоре скрылся за поворотом. Санька не торопясь отправился следом, однако не успел он пройти и нескольких шагов, как увидел рыцаря, галопом возвращающегося обратно. Следом за ним во весь опор неслись три вооруженных воина. Размахивая мечами, они пытались догнать беглеца. Все это сильно смахивало на погоню.

— Я вспомнил короткую дорогу через лес, — выпалил, подлетая, рыцарь, беспокойно оглядываясь по сторонам. — Нужно торопиться, а то дракон всех в округе доест и спрячется.

— Слушай, а эта регулярная армия, часом, не за тобой гоняется? А может, ты про дракона все выдумал? — поинтересовался Санька.

— За мной, — сознался тот. — Это владелец расположенного невдалеке замка, старый барон фон Баров. Я его молодой жене оказал знаки внимания. Старику что-то не понравилось, и теперь он жаждет меня наказать.

— Знаки-то без последствий? — хрюкнул богатырь.

— Как можно! — Возмущенный рыцарь выпятил вперед грудь. — Я ей показал Венеру, это звезда такая, прочитал со-нет собственного сочинения и все. Клянусь мечом моего отца.

Санька рыдал от смеха:

— О времена, о нравы. Так давай объясним эти хорошим людям, что они заблуждаются.

— Думаешь, поймут? — недоверчиво спросил незадачливый поэт.

— Все зависит от того, насколько близки ваши литературные пристрастия. Откуда я знаю, может, ты начинающий футурист, а они придерживаются классического стиля и, считая твои стихи полной галиматьей, готовы повесить тебя на ближайшей осине. Поэтому предсказывать не берусь, но попробовать, по-моему, стоит.

Между тем кольцо сомкнулось: с одной стороны выстроились в ряд пятеро слуг, с другой — остановилась и перегородила всю дорогу подлетевшая бронированная троица.

Наступила короткая пауза.

Рыцарь слез с коня и, заметив Санькин вопросительный взгляд, объяснил:

— Свободы больше. Коня убить могут или с трех сторон зажмут, не увернешься. А так я их по лесу побегать заставлю, глядишь, и выкручусь. А ты бы шел отсюда, покуда цел. Барон со мной посчитаться хочет, тебя, может, и не тронут.

— Терпеть не могу, когда толпой одного бьют. — Богатырь поднял с земли длинную жердину и встал рядом. — Зато сейчас мы тоже целая толпа из двух человек, силы почти сравнялись, и можно начинать старинную русскую забаву — стенка на стенку. Хотя, если честно говорить, убивать бедолаг из-за такой ерунды жалко. Ревность не порок, но большая глупость. Предлагаю их отшлепать. А еще можно...

Дальше он развить свою мысль не успел. Барон решил, что ждать больше нечего, и, высоко подпрыгнув в седле, завизжал:

— Бей их! Виршеплета схватить, связать, сюда притащить, я с ним потом разберусь. С его слугой нечего возиться, он мне не нужен, убить — и все дела.

Люди барона бросились вперед. Старик остался на месте, потрясая кулаками и жутко вращая глазами. Его оруженосец в драку не полез, а принялся старательно всем своим видом показывать, что прикрывает хозяина от возможной опасности.

— Ох уж эти ревнивые мужья, — разочарованно произнес Санька и подмигнул рыцарю. — Темнота, никакой культуры. Вместо того чтобы тихо-мирно обсудить возникшие разногласия, сплошная агрессия. Я так вообще не при делах, а меня — убить; и заметь, совершенно не поинтересовались моим мнением. Все, обиделся. Давай сделаем так: я разберусь с пешими, а ты постараися немного продержаться против солдат. Лады?

Рыцарь согласно кивнул и юркнул в ближайшие кусты. Всадники бросились за ним, но тут же завязли в густых зарослях и, громко ругаясь, были вынуждены спешиться.

Богатырь посмотрел им вслед, насмешливо хмыкнул, ухватил покрепче жердину и, повернувшись к слугам, принял спокойно ждать их приближения.

— Давайте, давайте, пошевеливайтесь, раз вам так хочется получить по загривку.

Однако дворовые люди и так-то не отличались особой расторопностью, а тут, проделав длинный утомительный путь бегом, и вовсе выдохлись. Тратить последние силы на какого-то несчастного замухрышку им не хотелось совершенно — все равно он сопротивляться не станет, а опрометью кинется спасаться. Ведь и в замке, и в окрестных деревнях простые люди боялись одного их грозного вида. Поэтому, увидев, что парнишка замер на месте, самоуверенные остолопы слегка удивились, но тут же решили: это он со страху не может пошевелиться.

— Смотри-ка, стоит. Столбняк напал! — ухмыльнулся один.

— Ноги отнялись, — уточнил второй.

— Или приклеились, — хихикнул третий.

— Да он в штаны наложил, — презрительно сморщился первый. — Зажимай носы, сейчас я ему покажу, как благородным людям воздух портить! — И он замахнулся дубиной.

Но глупость всегда стоила дорого. Жердина резко дернулась, и ее конец пребольно ткнулся ближайшему нападающему в живот, отчего тот, выпучив глаза, захрипел, согнулся пополам и мешком свалился на землю. В то же мгновение жердина взметнулась вверх и круто развернулась; еще двое, получив один по затылку, а второй по лбу, рухнули рядом.

Оставшаяся парочка поначалу разинула от изумления рты, но быстро пришла в себя и, размахивая дубинами, бросилась на богатыря с двух сторон.

Санька кувырком через голову проскочил под рукой у одного из нападающих, моментально встал на ноги и, покуда тот разворачивался, огrel его сильнейшим ударом по спине. Дерево треснуло и разлетелось на части, но и слуга улетел носом вперед, прямо на человека барона, который от неожиданности опустил свою дубину на голову напарнику. Несчастный зарылся носом в траву и замер без движения. Последний оставшийся на ногах враг в замешательстве на секунду приостановился и тут же рухнул, получив мощный удар в челюсть.

— Нокаут, — подвел итог Санька и отряхнул ладошки.

Он был доволен. Вся пятерка лежала на земле: четверо неподвижно, а один тихо корчился, держась за живот. Теперь можно было посмотреть, что с рыцарем.

Тот, продолжая прыгать и увертываться, лавировал среди деревьев. И хотя перья на его шлеме отлетели, забрало болталось на одной петле, а щит был смят в нескольких местах, кроме нескольких царапин, никаких серьезных ран он не получил. Перебегая и прячась, он отбивался от солдат, которые пытались достать его своими длинными мечами, но больше попадали по веткам. Во все стороны летели щепки и многоэтажная ругань.

Барон от нетерпения подпрыгивал в седле, затем, поняв, что так просто с рыцарем не справиться, позеленел от злости и в ярости погрозил кулаком своим воякам:

— Долго он будет от вас как заяц скакать, сбежит еще! В мелкую капусту порубить, хватит с ним возиться!

— Ай-ай-ай. Прошу меня извинить, но не подобает высокородному господину выражаться словно последнему свинопасу, — улыбаясь до ушей, заметил Санька и, словно томная девица, слегка присел, разведя руки в стороны.

Старикашку от такой наглости едва не хватил удар. Лицо его стало таким красным, что казалось, еще немного — и из ноздрей пойдет дым и пламя. Глаза вылезли из орбит, рот судорожно открывался и закрывался.

— М-м... э-э... это ничтожество назвал меня свиньей. Р-ра-растоптать, — наконец он сумел прохрипеть своему оруженосцу.

При всем своем большом росте тот большим умом не отличался, поэтому, не мудрствуя лукаво, подлетел к наглецу, не пожелавшему быстро и безболезненно помереть, и со всего маху обрушил на него свой тяжелый меч. Если бы он еще и попал... Богатырь внимательно следил за его действиями и в последнее мгновение увернулся, ухватил детину за рукав, сильно дернул, добавив дополнительное ускорение. Увалень вылетел из седла и воткнулся головой по самую грудь в большую яму, по воле случая оказавшуюся под ним. Санька обошел вокруг неподвижно торчащих ног и, просвистев строчку из песенки: «Сама садик я садила, сама буду поливать», поднял меч.

Это было старинное двуручное оружие. Богатырь покрутил его в воздухе: пойдет, хотя и тяжеловат. Вот теперь можно и с закованными в латы бугаями побеседовать. Он осмотрелся и понял, что успел вовремя: белый рыцарь отшвырнул расколотый на две части щит и, тяжело дыша, прислонился спиной к одинокому дереву, росшему посреди поляны. Бежать ему было некуда. С трех сторон медленно приближались солдаты барона — потные, взъерошенные и злые.

— Молодец, странствующий. Расстарался, — улыбнулся Санька и, врываюсь в круг, весело прокричал: — Ау, люди! У меня тоже есть билет на это представление! Чур, игрушки пополам!

Солдаты поначалу озадаченно посмотрели на него и затем хрюплю рассмеялись. Им было все равно, сколько покойников они соорудят, лишь бы снова не пришлось бегать.

→ Ребята, не боись, в салочки играть больше не будем. Представление продолжается: действие второе, белые начинают и выигрывают, — на манер дворецкого раскланялся паренек и, весело крикнув «Начали», с такой скоростью раскрутил свой меч, что тот загудел.

Воины в замешательстве переглянулись: этот поначалу казавшийся таким никудышным и безобидным «слуга» на самом деле оказался намного опаснее, чем загнанный рыцарь. Троица разделилась. Один остался добивать истерзанного поэта, а двое других накинулись на Саньку.

Два меча одновременно опустились на голову богатыря. «Оп-ля!» — воскликнул он, подставив под двойной удар свой меч. Затем мгновенно сделал шаг назад и, резко отведя клинок в правую сторону, «Оп...», легко парировал боковой выпад и тут же, крякнув «...ля», отбил второй — справа. Наступила небольшая пауза. Солдаты поудобнее перехватили свое оружие, готовясь к новой атаке, а богатырь стоял и сиял как новенький пятак. Время, проведенное в клубе «Русских забав», было потрачено не зря — оружием он владел лучше противника. К тому же закованные в броню воины были намного медлительнее его, и парнишка решил малость поразвлечься. Следующий удар он не стал парировать, а просто присел, пропуская над головой сверкающую сталь. «Оп-ля!» — и он проскользнул под рукой другого воина, и пока тот разворачивался, снисходительно похлопал его по плечу: «Дядя, я тута». В ответ раздался яростный рев, и два «бронированных робота» как заведенные принялись направо и налево крестить воздух, пытаясь хотя бы чуть-чуть зацепить насмешника. Один из них в пылу атаки выдвинулся вперед и так сильно размахнулся, что совершенно раскрылся: прозвучала

ло радостное «Оп-ля», и Санька, заехав нападавшему в глаз, сбил его с ног.

— Ай-ай-ай. — Он с осуждением покачал головой, продолжая ловко увертываться от второго противника. — Нехорошо, вспотев, на холодной земле лежать. Можно воспаление легких подхватить.

Эти выкрутасы едва не привели к беде. В очередной раз отпрянув, он споткнулся и грохнулся навзничь. Лицо солдата исказила торжествующая гримаса, и он, ухватив обеими руками за рукоять меча, ударил со всего маху, намереваясь пригвоздить поверженного богатыря к земле, который лишь в последнюю секунду успел дернуться в сторону. Отточенное лезвие со свистом вошло в землю и там застряло. Мигом вскочив на ноги, Санька сцепленными вместе кулаками со всей силы вмазал раскоряченной фигуре по затылку.

«Да уж, баловаться не стоит, прибывают-то по-настоящему. Пора заканчивать этот цирк, — несколько смущенно подумал он и своим любимым приемом выбил меч у успевшего встать на ноги первого противника. — Ну вот, с этими разобрались, а как там у моего нового знакомого дела?»

Рыцарь хотя и порядком устал, однако от такого поворота событий воспринул духом и сам перешел в атаку.

— Темные люди, — пыхтел он, обрушив на противника шквал ударов.

— А ты их просвети; сонет прочитай или приветствие какое в рифму. Чтоб сдавались, — посоветовал, подойдя, Санька.

— Какая рифма? Я двух слов связать не могу, когда у моего носа сверкает чужой клинок.

— Это ты зря. Вот у меня знакомый кот есть. Он в любой обстановке стихи сочиняет.

— Как? Лишенное воображения животное — и разбирается в поэзии? — От удивления рыцарь даже остановился. Непростительная оплошность во время боя. Он тотчас получил по голове и рухнул на землю.

— Не, я так не играю, — насупился Санька, двумя резкими взмахами обезоружил последнего оставшегося на ногах

противника, быстро наклонился к юноше и помог ему подняться.

— Живой я, живой, — простонал тот, приоткрыв один глаз.

— Радуйся, что удар пришелся вскользь, но свою железную шапочку можешь выкинуть, она ремонту не подлежит, — сочувственно заметил богатырь. — И вообще пора заканчивать, а то мне скоро захочется кого-нибудь убить. Когда-нибудь они от нас отстанут?

— Пока ее муженька не успокоим, не получится.

— Понял, — кивнул Санька, развернулся назад и замер. К нему, подобрав оружие, снова приближалась вся компания в полном сбое. Впереди с перекошенными от злобы лицами шли три слегка помятых воина. Между ними посередине шагал заляпанный грязью несчастный оруженосец, который наконец-то сумел выкарабкаться из ямы и теперь с мрачным видом размахивал подобранным топором. Следом плелись двое слуг, поднятых на ноги угрозами и бранью барона.

— У-у-у, — протянул богатырь, — сдается мне, народ на нас совсем обиделся. С чего бы это? Похоже, они ничего не поняли и снова собираются на нас наброситься. У вас тут все такие настырные?

— А ты думал, — ответил рыцарь, трогая шишку на голове. — Начнем все сначала?

— Нет, хватит. У меня своих забот полон рот. Продолжение показательных выступлений по фехтованию на мечах переносится на следующий раз. На обратном пути, если попросят. А сейчас нужно сказать пару ласковых этому ревнивому идиоту. Прорываемся через грязнulю. Он хоть с виду и здоровее их всех, но самый бестолковый, и, сдается мне, трус неимоверный. Главное — не пытайся кого-нибудь сразить, будет достаточно, если просто избежишь удара. Вперед.

Санька оказался прав. Завидев перед своим носом два сверкающих клинка, детина крепко зажмурил глаза и, выронив топор, кинулся на землю. Богатырь с рыцарем перепрыгнули через него и вырвались на свободу. Подскочив к бледному от страха барону, пытавшемуся развернуть лошадь и

удрать, Санька выдернул его из седла и отпустил сильнейшую затрещину, от которой бедный муж без чувств покатился по земле.

— Всех порешу! — состроив жуткую гримасу, развернулся назад богатырь. — Пока не поздно, забирайте вашего хозяина и брысь отсюда. А то смотрите, загнется эта старая развалина — вас всех над главными воротами повесят за неоказание первой помощи пострадавшему. И без глупостей: тихо подошли, тихо подняли, тихо исчезли. Кто дернется, останется без головы. Ясно?

Боком, боком, втянув головы в плечи, люди барона взгромоздили неподвижное тело обратно на лошадь и, придерживая его со всех сторон, торопливо зашагали по дороге назад к замку и вскоре исчезли за поворотом.

Теперь можно было перевести дух.

Белый рыцарь посмотрел на небо, покачал головой, вздохнул и проговорил:

— Вот так и живу. А куда ленешься?

— Трудно сказать. Давай знакомиться: меня зовут Санька, а тебя?

— Полное имя — Алекс Краунц фон Розен. Но обычно меня называют Белый Рыцарь с Алоей Розочкой.

— Розочка?

— Видишь ли, мне мои знакомые девы почему-то всегда такой цветок дарят. — И рыцарь вытащил откуда-то из-под доспехов помятую, переломанную, но еще яркую алую розу.

— А говорил — луна, сонет.

— Так к этому необходимо еще капельку уважения, нежности и ласки.

— Тоже верно.

Розочка свистом подозвал своего коня. В кустах обнаружилась брошенная впопыхах людьми барона лошадь. Санька выпутал ее из веток, и они, не мешкая, поскакали вперед.

В это время двухголовый Змей, тяжело топая, пыхтя и дымя, словно старый паровоз, мчался к замку. Он ужасно испугался.

Хотя Змей напрямую не участвовал в заговоре Хряка по отстранению от трона Берендея, но тайно ему помогал. Именно он пытался устраниТЬ Саньку, заточив его в свою темницу. Поэтому после того, как богатырь с помощью лесных волшебников разгромил Серый Орден, двухголовый, не дожидаясь, пока вспомнят, что у него тоже рыло в пуху, потихоньку покинул лес. Конечно, не хотелось терять свой замок, набитый по самую крышу добром, но жизнь была дороже.

Перебравшись через Волшебные горы, он встретил Хряка, который приютил его в заброшенном замке, а пару дней назад они туда же доставили околдованную Василису. Ее поместили в одной из верхних комнат и поставили стражу из монахов.

Сейчас Змей торопился рассказать Хряку о том, что встретил Саньку, и обязательно сообщить про кольцо.

На полном ходу он прокочил ворота, раздавил мимоходом пару монахов, вихрем взлетел на крыльцо и, не снижая скорости, ворвался в приемный зал. Здесь его ожидал второй сюрприз: на его месте, на троне, сидел сам Магистр и о чем-то тихо разговаривал с Хряком. Двухголовый от удивления споткнулся, попытался затормозить, но не удержался и покатился по скользкому паркету.

— ЗдесьэтотподлецСаньканашврагспасайсяктоможет! — запричитали головы, перебивая друг друга.

Магистр запнулся на полуслове, нахмурился и уставился тяжелым немигающим взглядом на презренное существо, осмелившееся его прервать. Головы поперхнулись и замолкли. Затем одна из них робко произнесла:

— Возле Волшебных гор на Саньку наткнулся. Сюда идет.

Монах и бывший советник переглянулись.

— Дьявол, — выругался монах. — Не успел появиться, а уже тут как тут. Снова он у меня на пути встает.

— Давай царевну за море в монастырь переправим. Там и свадьбу сыграем, — предложил Хряк.

— И рад бы, да не могу. Звезда только здесь, в тридевятом царстве, видна.

— Пошлем против него солдат, пусть убьют, пока он нам все не испортил.

— И неизвестно, сколько из них останется в живых. Нет, мне солдаты для других дел нужны, — отрезал Магистр. — Придется поторопиться. Не нужно никаких гостей, тем более Берендея. Старая развалина будет только мешать. А свадьбу играем завтра. В полночь засияет Звезда. Она будет моим свидетелем, и тогда уже никто в мире не сможет отобрать у меня это царство. А насчет ненавистного мальчишки у меня есть идея получше.

. Ничто так не повышает аппетит, как спортивные упражнения на свежем воздухе. Избавившись от глупых преследователей, Санька и его новый друг решили устроить привал, быстро подкрепиться и со свежими силами продолжить путь. У рыцаря нашлось немного припасов, и, отыскав месечко поукромней, чтобы больше никто не смог им помешать, они разожгли маленький костер. Теперь настал черед Саньки поведать о своих заботах. Закончив свой рассказ, богатырь вздохнул:

— Вот такие получаются пирожки с капустой. Ума не приложу, где искать Василису. Слушай, мне неудобно тебя просить, но не мог бы ты пойти со мной?

— Я рыцарь странствующий, и мне все равно, в какую сторону двигаться. А вызволить деву из рук ужасного монстра — благородная цель.

— Не уверен, что ужасного. Берендей портрет того принца видел; говорит, очень даже смазливая рожа.

— Не важно. Раз применил колдовство и приворотное зелье, значит, на себя не надеялся. Пусть внешне хоть какой раскрасавец, но душою черен. Одним словом — монстр. Поэтому я отправляюсь с тобой.

Санька встал и, волнуясь, пожал протянутую руку. После исчезновения кота он остался совсем один, и вот нашелся человек, который мог помочь в поисках Василисы, да и второй меч в этом опасном путешествии был весьма кстати.

Затушив костер и вскочив на коней, они не стали выезжать на дорогу, а решили проехать через большое расцвеченное алым маками поле и, перевалив через небольшой холм, заехать в гости к хорошему Розочкиному знакомому графу, который знал абсолютно всех вокруг.

— Нужно будет все время держаться солнца, — объяснил рыцарь. — Я в этой местности недавно и иногда путаюсь.

— Дойдем, — беспечно махнул рукой Санька. — Я везучий. А пока мы едем, расскажи, с какой стати ты в странствующие рыцари подался?

Розочка улыбнулся:

— Я третий, самый младший сын в семье. По закону, замок и земли переходят в наследство старшему сыну. Если у среднего есть маленькая надежда на преждевременную смерть первенца от несчастного случая, внезапной простуды или другой нелепой случайности, то мне, как говорится, рассчитывать особенно не на что, тем более что с детства был я слабеньkim, болезненным ребенком. Пару раз, говорят, чуть не помер, но, слава богу, обошлось. Отец ввиду моей хлипкости внимания на меня обращал меньше, чем на своих лошадей и собак; под ногами не путаюсь, и ладно. Братья тоже за соперника не считали, но при каждом удобном случае, когда никто не видел, крепко били, намекая, что делать мне дома нечего. Вот так и жил. Я уже и план придумал: или тайно на корабль пробраться и уехать за море, удачи искать, или в алхимики податься, но однажды затеяли в замке ремонт. На дворе были сложены здоровенные камни, и понадобилось их на другое место перетащить. Братья надо мной подшутить решили. «Иди, — говорят, — потрудись. Отец приказал». У меня даже вопросов не возникло. Пошел. Я-то думал, мы эти каменюги по двое таскать будем; весу в них — фунтов шестьдесят. Ах нет. Дворовые люди крепкие. Каждый камешек в охапку, и вперед. Я позориться не мог и, на них глядя, тоже камешек схватил. Две штучки перенес, а следующий обнял и ни с места. Такая слабость во всем теле, что ни туда, ни сюда. Руки как ватные. Кулаки не сжать. Лежу, как лягушка на солнцепеке, раскорячившись. В это время

отец на двор вышел. Очень его мой вид удивил. Подозвал управляющего, на меня показывает, а тот в ответ: мол, это я таким образом камни переношу. И много перенес? Два с половиной. Что значит с половиной? С третьим, объясняют, заминка вышла: нести не может, а бросать не желает. Отцу мое упрямство понравилось. Приказал моим воспитанием заняться. История, поэзия и, главное, военная подготовка. Братья всполошились и решили от меня любым способом избавиться. Тут и случай представился. У нас в озере какая-то гадость жила, девок, когда те купались, за мягкие места кусала. Я ее и убил. Честно говоря, случайно. Хотел к завтрашку щучку острогой подколоть. А родственнички сразу кричать, что у меня один путь — в странствующие рыцари. Мол, видение им было, множество подвигов совершу. Может быть, этими криками все бы и закончились, но на другой день я в лесу на медведя-шатуна напоролся. Он до этого нескольких человек насмерть задрал. Я перепугался, от него бежать, зверюга — за мной, вот-вот настигнет. Как на грех, нога в яму провалилась, я и растянулся. А за поясом был большой охотничий нож. Когда я упал, ручка в землю вошла, а лезвие вверх выступило. Мишка на меня сверху навалился, да на ножик-то и напоролся. Насмерть. Тут уж весь народ поверил, что должен я подвиги совершать. Как ни пытался доказать, что все это глупости, а пришлось стать странствующим рыцарем. Надоело страшно. Я ведь эти ратные дела не люблю. Мне бы посидеть у камина, рифму подобрать...

— Красавице песенку спеть.

— Не вижу в этом ничего предосудительного. Девы для того и существуют, чтобы за ними ухаживать. Если б можно было наплевать на эти приличия, то я давно бы поменял свой меч на хорошо отточенное гусиное перо. Но увы.

— «И вечный бой, покой нам только снится», — продекламировал Санька известные строчки и, немного помолчав, грустно добавил: — И у меня нет иного пути.

Они пересекли почти все поле, когда у Розочки ослабло седло. Он спешился и принялся перетягивать ремни.

Санька, решив воспользоваться передышкой и немного отдохнуть, завалился на землю. Он лежал на спине и смотрел в голубую даль неба. Было замечательно. Теплый ветерок ласково обвевал лицо. Сладкий аромат ярких, крупных цветов слегка кружил голову. Что может быть прекраснее природы? Никаких тревог, волнений. А если прикрыть глаза, то шелест листьев, жужжание пчел и щебет птиц сливалась в одну тихую, нежно убаюкивающую мелодию. Незаметно для себя богатырь задремал.

— Спасайся! — услышал он сквозь дрему далекий голос рыцаря.

Это было совершенно непонятно. От кого нужно спасаться в таком замечательном, безопасном месте? И как? Голова стала тяжелой и едва соображала. Мысли путались, и выяснить этот вопрос совершенно не хотелось. Впрочем, даже если бы и возникло такое желание, то совершенно напрасно — силы куда-то исчезли. Руки и ноги одеревенели. Единственное, что получилось, это слегка приоткрыть глаза. Все вокруг поплыло. Саньке стало весело, и он блаженно заулыбался, с легким удивлением разглядывая этот переливающийся мир, но радовался недолго: почерневшее колечко словно раскаленная игла такой болью пронзило ему руку, что он с воплем подлетел вверх. Вмиг все снова встало на свои места.

«А полянка — дрянь, коварная полянка. Охмурить пытается, — смекнул паренек. — Надо делать ноги, пока не поздно», — и он посмотрел, как там у Розочки дела.

Странно, однако коней нигде не было видно. Санька заметался, растерянно оглядываясь. Никого. И куда теперь идти? Он стоял посреди огромного красного поля, со всех сторон темнел лес. Неужели его обвели вокруг пальца, как последнего мальчишку? Этот засланный казачок завел его в дебри и сбежал. Что теперь будет с Василисой?

— Ну, попадись ты мне. Я тебе устрою борьбу за справедливость! — в ярости сжал кулаки богатырь и вдруг заметил невдалеке едва различимое белое пятно. — Ага, вот ты где затаился.

Он бросился вперед с твердым намерением покарать обманщика но, подбежав, увидел, что рыцарь лежит ничком и не шевелится.

«Убит!» — мелькнула у Саньки ужасная мысль. С замиранием сердца он перевернул бесчувственное тело на спину, с трепетом ожидая увидеть кровавую рану, и облегченно выдохнул: Розочка сладко спал.

— Кто-то старается нас околдовать, — пробормотал богатырь. — Если бы не колечко, я бы тоже рядом лежал. Нужно драпать.

Он взвалил рыцаря на плечо и поспешно направился к лесу. Быстро не получалось; с каждым шагом ноша становилась все тяжелее и тяжелее, пот заливал глаза, от напряжения бешено колотилось сердце. Поэтому, едва они добрались до первых деревьев, Санька уронил рыцаря, словно куль с мукою, на землю, а сам растянулся рядом, привалившись к стволу большой развесистой березы.

Минут десять он лежал, закрыв глаза и не в силах даже пошевелиться. В голове гудело. Постепенно дыхание восстановилось. Послышался шорох — похоже, Розочка приходил в себя.

«Кажется, выбрались», — подумал богатырь и, открыв глаза, попытался приподняться, но замер на полпути. Прямо в лицо ему смотрела длинная стрела. Санька поднял взгляд и совершил ошибку, за которую едва не поплатился жизнью: увидев тех, кто его окружал, он непроизвольно глупо хихикнул:

— Это что за детки в карнавальных костюмах?

Стоявший напротив «малыш» побагровел, взмахнул рукой, и через мгновение вокруг Санькиной головы торчало с десяток стрел. Причем некоторые были пущены так точно, что зацепили волосы, правда, сам богатырь не получил ни одной царапины. Он побледнел словно полотно и сидел ни жив ни мертв с раскрытым ртом.

— Может, еще что-нибудь хочешь сказать? — грозно осведомился «ребенок».

— Не, — еле слышно прошептал богатырь.

Теперь он хорошо разглядел стоявших вокруг людей: это были небольшого роста, красивые, с тонкими чертами лица воины. Юные на вид, они действительно могли сойти за детей, если бы не их жесткие, серьезные глаза. А рядом стоял командир. Он практически ничем не выделялся, однако остальные относились к нему с заметным почтением.

— Мы у эльфов, — подал голос наконец-то очнувшийся рыцарь. — Я никак не ожидал встретиться с ними, хотя и слышал, что их владения расположены где-то в этих местах.

— У кого? — удивленно переспросил Санька. — Но ведь это такие маленькие, бесплотные, безобидные...

— И безжалостные, — прервал его властный голос, — ко всем, кто незваным вторгается на нашу территорию. А особенно к наглым невоспитанным насмешникам.

— Э... видите ли, — осторожно начал Санька, — мы не знали, что это ваши владения, нигде никаких указателей или табличек по пути не попадалось. Мы мирные путники и ни с кемссориться не хотим, а идем по своим делам; ищем пропавшую дочку царя Берендея Василису. Кстати, вы не видали наших лошадок?

— Думаю, они вам не понадобятся, — сухо ответил старший эльф и указал пальцем на подаренный гномами плащ. — Твой или украд?

— Один знакомый король подарил. Грон. Он мне еще...

— Грон? Правитель гномов Волшебной горы? Все это чрезвычайно подозрительно: чужеземцы, друзья нелюдимых подземных жителей проникают в наши владения через зачарованное Поле Грез. На это способны немногие колдуны.

«Так, опять вляпался, — приуныл парнишка. — Сначала пришьют колдовство, а затем, на всякий случай, свернут шею».

Действительно, мрачное выражение лиц эльфов не предвещало ничего хорошего.

— Ваше величество, вы где? — раздался нежный голосок, и посреди полянки появилась прекрасная миниатюрная женщина.

— Вот это красавица! — ахнул Розочка.

— Так это король! — охнул Санька.

— Он самый, — пробурчал недовольно эльф, повернулся к женщине и мягко произнес: — Дорогая, мы поймали двух подозрительных людышек, и я хочу выяснить, для чего они здесь появились. Думаю, я скоро освобожусь, а тебе, право, не стоит тут находиться.

— Я не вижу за ними зла, — возразила королева.

— Возможно, не буду спорить. Однако я думаю, ты согласишься, что я должен знать, кто они такие.

— Да, конечно. Но прежде чем уйти, позволь взглянуть на колечко, надетое на палец этого юноши.

— Колечко? Какое колечко? — переспросил эльф и повернулся к пленникам. — У кого оно? Немедленно показать.

Спорить было глупо и опасно, поэтому Санька молча вытянул руку. К его величайшему изумлению, колечко засвертилось мягким светом, и на нем появились искусно выгравированные таинственные письмена.

— Да это же Оберег, одно из колец Подземного мира, носить которое может только тот, кто не желает зла другим! — воскликнул король и подал знак; эльфы опустили луки. — Вы свободны. Прошу меня извинить, но, сами понимаете, время неспокойное, приходится быть осторожным. Мое имя Тарагор, а это моя жена — королева Алллейонния.

Королева слегка кивнула.

Санька с трудом пытался повторить ее имя:

— Ал... Ли... Он... А можно вас называть Аленушкой? У нас и сказка такая есть. Про то, что женщины частенько высказывают умные мысли, и очень полезно их хотя бы выслушивать. — И он восторженно пихнул локтем Розочку: — Я же везучий. Представляешь, чем бы эта ошибочка закончилась, не появивься она поблизости?

— А кто с тобой спорит? — удивился рыцарь. — Я всегда говорю, без женщин одни неприятности. Кстати, про какую сказку ты тут вспоминал?

— Есть одна. Там у нее еще братец был, сначала ничего, а потом сестрицу слушаться перестал. От того у него начались такие бо-о-о-льшие неприятности.

— Каждому нужна своя королева, — усмехнулся король и объявил: — Прошу всех во дворец. По случаю знакомства устроим карнавал.

— Нет, нет! — запротестовал Санька. — У нас совершенно нет времени. Мы и так опаздываем.

— Ну, ну, не преувеличивайте. Время есть всегда, главное — правильно им распорядиться. При желании за один день можно сделать столько, сколько при иных обстоятельствах не сделаешь за год. Кстати, вы когда-нибудь встречали правителя, который хоть раз сказал о себе, что он был не прав? Нет, и не пытайтесь вспомнить, все равно ничего не получится. А вот я признаю, что переборщил в своих подозрениях, и, желая сгладить неприятные воспоминания, приглашаю вас на кружечку-другую легкого нектара. Я думаю, вы понимаете, что ваш отказ будет расцениваться как оскорбление нашего королевского величества. И еще одно замечание: скоро стемнеет, а разгуливать ночью по нашим лесам без нашей охраны довольно-таки рискованно.

— Вы правы, ваше величество, — поспешил согласиться Санька. С королями спорить опасно. К тому же мало ли какие проблемы возникнут в будущем, а такие союзники, как эльфы, могли при случае пригодиться. Два, даже три их малюсеньких стаканчика роли не сыграют, зато никого не обидишь.

— Вот и замечательно, — просиял Тарагор и взмахнул рукой.

Незамедлительно к ним подвели двух коней. Розочка бросился к одному из них, обнял за шею и принялся тихо нащептывать ему на ухо.

— Это мой друг, — смущенно пояснил рыцарь. — Я его еще жеребенком взял и никогда с ним не расставался. Он меня не раз от смерти спасал.

— Умное животное, — подтвердил король. — Ваш конь метался по краю поля, но не уходил. Именно поэтому мы решили посмотреть, что там происходит, и наткнулись на вас. Так что забирайте своих скакунов. А вот и наши с королевой лошадки. Это не совсем обычновенные животные — ни один

чужак не может даже близко подойти к ним, а уж тем более оседлать. Много веков назад их предки поступили к нам на службу и с тех пор преданно выполняют все наши просьбы.

Хозяева и гости уселись верхом и направились в глубь леса. Остальные эльфы бесшумно бежали, точнее, скользили рядом.

Странный, прекрасный лес расступался перед ними. Ни одного больного, старого или поваленного дерева. Стойные, прямые стволы, сочно-зеленые листья. Мягкая бархатистая трава, на которой совершенно не оставалось следов ни от эльфов, ни от коней. Дивной красоты цветы; великое множество самых разнообразных птиц.

Они пересекли речку и вышли к большому пологому холму, поросшему высокими, мощными деревьями.

— Вот мой дворец, дорогие гости, — повел рукой Таратор.

Гости растерянно оглядывались по сторонам, силясь разглядеть хотя бы одно строение.

— Посмотрите внимательно на деревья, — рассмеялась Алена.

И тут они увидели, как кроны деревьев, причудливо переплетаясь, образуют замки невиданной красоты. Ажурные, устремленные вверх постройки были изысканы и одновременно так просты, что совершенно не бросались в глаза.

Королева перехватила их восхищенный взгляд и улыбнулась.

— Это наша зеленая столица, а вот здесь, — она указала на небольшую полянку, — мы проводим торжества и карнавалы.

— Здорово, — согласился Санька, — и деревья так красиво подрезаны.

— Почему подрезаны? — удивилась Алена. — Их никто не подрезал, они сами так растут. Деревья — они ведь живые; все понимают, только громко не говорят. Шепчут. Если прислушаться, то можно их понять. Мы их просто просим, и они принимают такую форму, какая нам удобней. А вот и мое любимое дерево. — И королева взлетела на дерево в фор-

ме шара с большим троном посередине. Она ласково провела рукой по листьям, и Саньке на миг показалось, что ветки с нежностью ей ответили.

Посреди поляны стоял небольшой накрытый к обеду стол. Король с королевой сели с одной стороны, гостей усадили напротив.

— Я поднимаю этот кубок в вашу честь! — торжественно объявил Тарагор.

Гости поклонились в ответ.

В это время возле стола неслышно появился эльф с маленькой скрипкой в руках.

— Наш волшебник, чародей музыки, — прошептала королева.

Словно в подтверждение этих слов все вокруг затихли. Смолкли птицы, и даже ветерок перестал шевелить листья. Тихо заиграла скрипка, и полилась чарующая печальная мелодия. Санька сидел и слушал; ему было хорошо и грустно; он словно улетал в высокое, бездонное небо и там, среди звезд, обнимал всю Землю. Музыка уводила, говорила, что все в этом мире прекрасно и призрачно. Появились эльфы и феи. Они расположились рядышком, на траве, и, раскачиваясь в такт, что-то негромко напевали. Слезы наворачивались у обоих юношей на глаза. Алена с нежностью посмотрела на них, затем улыбнулась и хлопнула в ладости.

Тотчас сменился ритм; скрипка заиграла веселый, заиггательный танец. Грусть пропала, развеялась, словно легкий дым. Эльфы вскочили, и на поляне началось веселье. К гостям подлетели две прелестные феи и вытащили Саньку и Розочку в круг. Они кружились в танце, словно и сами были невесомыми; взлетали ввысь и парили в воздухе. Никогда раньше Санька не представлял, что музыка может так кружить голову. Мелькали веселые, счастливые лица лесных жителей, на миг показались прекрасные глаза королевы. Мимо пролетел смеющийся король. А музыка все убыстрялась и убыстрялась.

Санька совершенно потерял голову. Хотелось чего-то такого этакого, а чего, он не знал и сам. Душа желала размаха, да так чтоб гремело на всю округу.

«Цыган сюда, — пришла ему в голову шальная мысль. — С медведем, с прыжками через костер. Хотя откуда здесь цыгане. Баньку. Во! Именно баньку; распариться, затем в ледяную воду и снова танцевать».

Санька остановился. Несколько парочек, захваченных танцем, врезались в него и, смеясь, полетели кружиться дальше. Маленькая фея обхватила его шею и, крепко поцеловав в губы, заглянула в глаза:

— Танцуем?

— Сейчас, — улыбнулся Санька и перехватил пролетавшего мимо Тарагора. — Баньку сообразим?

— Что такое «баньку»? — переспросил эльф.

— Банька — это... это нечто волшебное, — пошевелил пальцами Санька и принял старательно объяснять королю, что он имел в виду.

Тот внимательно выслушал и кивнул. Но договорить им не дали. Появилась королева в окружении фей, потянула батыря за руку, и он снова окунулся в вихрь музыки. Рядом кружился Розочка. Он умудрялся становиться на колено и громко читать стихи. Незаметно подступила ночь, таинственный полумрак укутал поляну. Лица фей стали еще прекрасней и загадочней.

Санька никогда не был большим любителем танцев и начал понимать, что устал. Он чувствовал, что еще немного — и испустит дух. Ноги стали понемногу отставать, задеревелела спина.

Но музыка все подгоняла, не давая остановиться ни на мгновение. Скрипач, закрыв глаза, самозабвенно выводил мелодию.

Алена, проплывая мимо, успела заметить бледное Санькино лицо. Она резко остановилась возле скрипача и выбила скрипку из его рук. Все замерли, а затем тихо опустились на землю.

Парнишка же просто рухнул. Рядом с ним распластался рыцарь.

— Интересно, от счастья умирают? — простонал он.

— Не знаю, — еле смог пошевелить языком Санька. — Но если бы не Алена, я бы точно протянул ноги. Этот музыкант — он что, железный?

Рядом на траву опустился король.

— Когда играет эльф-скрипач, то остановить его можно, только разбив скрипку. А вы молодцы, долго держались. Кстати, твоя банька готова.

Богатырь расслабленно лежал на лавке в предбаннике и тихо вздыхал от наслаждения. Тело стало невесомым, нигде ничего не болело, голова была легкая и совершенно пустая. Глаза у него были полузакрыты, и сквозь дрему проскальзывала одна-единственная мысль:

«Хороша она, жизнь эльфячая. Вот тут бы и остаться».

Он пошарил рукой под лавкой, нашупал ковшик с элем и, не открывая глаз, потянул холодненькое.

Невесомая рука легла Саньке на плечо.

— Ты вчера куда-то собирался идти. Еще не передумал? — Рядом, слегка наклонив голову набок, стоял и улыбался Таратор.

Санька поморщился. Вот так всегда: только устроишься, начнешь думать о чем-нибудь хорошем, как тебя сразу посылают. Спрашивается, зачем тащиться неизвестно куда, искать своюенравную дочку исторически совершенно неизвестного царя, которая решила выскочить замуж и о нем скорее всего ни разу не вспоминала? Раз судьба привела его в эту замечательную страну, так зачем морщить лоб, как барышник на базаре, и требовать товар лучшего качества. Он нехотя сел.

Стукнула дверь, и в дверь ввалился рыцарь.

— Давайте присоединяйтесь, сейчас я парку добавлю, — обрадовался Санька, юркнул в баню, плеснул ковшик воды на каменку и выскочил обратно. — Ну, кто тут у нас самый смелый?

Розочка шумно выдохнул, решительно разделяя и шагнул внутрь. Через пару минут эльф сунул нос в парилку и увидел рыцаря, который, словно камбала, судорожно хватая воздух раскрытым ртом и плотно прижимаясь к полу, медленно, но упорно полз к выходу.

От этого потрясающего зрелища король невольно попятился:

— Знаете что, я, пожалуй, сначала пойду похлопочу насчет завтрака. — И он тихо исчез.

Санька скептически хмыкнул и опять завалился на лавку.

Лучше бы он этого не делал. Словно тысячи раскаленных иголок впились в распаренные богатырские ягодицы. От дикой боли он завопил дурным голосом и, словно лещ на сковородке, подлетел вверх. Ковшик опрокинулся, и липкая жидкость залила ему все лицо. Санька козлом скакал по предбаннику, пытаясь одной рукой протереть глаза, а другой крепко зажимая горевшее огнем мягкое место. Наконец ему удалось разлепить веки, и он принялся крутить головой, пытаясь понять, какая зараза его так укусила. Но, увидев, кто это сделал, богатырь тотчас забыл про всю свою боль.

Прямо перед ним, выгнув спину, стоял... разъяренный кот Баюн, хлестал хвостом из стороны в сторону и шипел, словно та самая раскаленная каменка, на которую вылили чересчур много воды.

— Баюша, дружище. Слава богу, это чучело на перевале тебя не убило. Я так волновался. Давай по стаканчику по случаю чудесного спасения, а ты расскажешь, как сумел спастись и сюда добратьсяся, — развел руки в стороны богатырь, но, увидев, что кот продолжает злиться, опасливо отодвинулся. — Ты, часом, не заболел? На своих бросаешься. Бешенство, оно говорят, заразно.

— Ничего, зато не будешь киселем разлеживаться. — Кот вытащил из-за спины большие часы-ходики и сунул их прямо под нос Саньке. — Кукушка, кукушка, сколько времени осталось, чтобы царевну отыскать?

Часы больно ударили паренька гирькой по лбу, и из окошка выскочила кукушка.

— Ку! — ответила она и скрылась.

— И все? — оторопел богатырь.

— И все, — подтвердил кот. — Сегодня в полночь все заканчивается, а ты до сих пор небось не знаешь, где Василиса находится.

— Так вот сразу отсюда *и* рассчитывал идти, — принял ся оправдываться Санька. — Ей-богу, только присел, собирался штаны надеть, а тут ты. И вместо того чтобы разобраться, сразу когти распустил.

— Помолчи. С каких это пор ты решил, что меня вокруг пальца обвести можешь? — начал понемногу успокаиваться Баюн. — Времени мало, а хорошего еще меньше. У меня никаких новостей. Местный народ очень подозрительный, на расспросы не отвечает. То ли дело у нас: расскажут, покажут и в придачу до места доведут. Поэтому полагаться придется только на себя да на волю случая. Собирайся, мы немедля отправляемся в путь.

Санька быстренько оделся и вышел из баньки. Прямо перед ним на траве сидел рыцарь и с отсутствующим видом смотрел вверх, в небо.

— Здесь неподалеку одна дева проживает, — пояснил он, заметив удивленный взгляд. — Грустно ей и одиноко. Хочу посвятить ей сонет.

— Ох не доведут тебя стихи до добра. Вставай, пошли с эльфами попрощаемся, — покачал головой богатырь.

Они вышли на поляну, где стоял накрытый стол. С противоположной стороны показались король с королевой.

— Спасибо за гостеприимство, — поклонился им парнишка, — но мы должны идти.

— Что, банька не удалась? — забеспокоился Тарагор.

— Да нет, все было замечательно, просто мы загостились, пора и честь знать, — ответил Санька. — Кстати, познакомьтесь: мой друг Баюн, очень умный кот.

— Позвольте, но откуда он взялся? — нахмурился король. — Мои подданные ни о каких посторонних котах не докладывали.

— Ваше величество, — прижал к груди лапы Баун. — Приношу самые искренние извинения за непрощеное вторжение. Очевидно, на такое маленькое животное, как я, ваши люди не обратили внимания.

— Предположим, — нехотя согласился Тарагор. — Но мне такие сюрпризы больше не нужны.

— И не будет, — вступил за друга богатырь. — Мы сейчас уходим. Один вопрос напоследок: вы что-нибудь о Черной Звезде слышали?

— Говорят, эта Звезда восходит раз в сто лет. Если при ее свете сделать какое-нибудь черное, злое дело, то оно остается навечно, его уже не исправить.

— Вот так петрушка. Выходит, Кащей пытался меня предупредить, что с Василисой случилась беда. А я, вместо того чтобы слушать, сдуру ему лекцию об астрономии читать принялся.

— И замуж царевну выдают за кого-то из наших старых знакомых. А произойдет это сегодня ночью, при Черной Звезде, — схватился за голову кот. — И как я сразу не догадался?

— Но если вы знаете про Звезду, то, может, и помочь сумеете? — умоляюще попросил Санька, усаживаясь за стол, и выложил всю свою историю от таинственного исчезновения Василисы до перехода через Волшебные горы.

Эльф внимательно слушал Санькин рассказ, а когда он дошел до странной твари, нахмурился.

— Это Гигантский Червь. Уже много лет он живет у выхода из горы. Роет в земле проходы и неожиданно нападает на путников. Он совершенно не переносит солнечного света, и даже малейшая искорка выводит его из себя. А от блеска колечка тварь и вовсе рассвирепела. Хотя, вполне возможно, это тебя спасло. Обычно Червь бесшумно ползет следом за своей жертвой, а затем резким броском набрасывается на нее. Оберег заставил его нервничать, и ты сумел ускользнуть.

— И гномы меня не предупредили?

— Мне кажется, они специально тебя отправили по этой дороге. Ведь от них на поверхность ведет несколько туннелей.

— Значит, они хотели, чтобы эта тварь меня сожрала?

— Не думаю. Скорее всего они рассчитывали, что ты окажешься ей не по зубам. Посуди сам: ты победил Огра, у тебя на руке сверкает волшебное колечко, так почему бы тебе по пути не избавить подземных жителей и от этой головной боли?

— Но они могли бы хотя бы намекнуть. Я для них старался, ужасного людоеда убил, а они мне такую пакость подсунули.

— Врет и не краснеет, — высунул свой нос кот. — Это он-то старался. Честно говоря, на их месте я бы тоже промолчал: кто знает, а вдруг ты бы не согласился еще раз рисковать своей жизнью и, вместо того чтобы идти навстречу этой твари, дал бы деру в другую сторону.

— Вот вечно ты лезешь со своими замечаниями, — огрызнулся Санька.

— Ладно, не спорьте, — успокоил их Тарагор и хлопнул в ладоши.

Тотчас появились несколько придворных. Король отдал приказание разведать, не появлялась ли в здешних местах незнакомая заколдованная царевна. Если ничего выяснить не удастся — то разузнать, какие загадочные или странные события происходили в последние дни. Эльфы молча кивнули и бесшумно исчезли среди деревьев.

Тарагор снова указал на стол:

— Пока они узнают, мы вполне успеем выпить по капельке нектара.

Действительно, не успели опустить кубки, как вернулись посыльные.

Король их внимательно выслушал, задумчиво поглядел на гостей и проговорил:

— Значит, так. Не знаю, поможет ли это вам. Недалеко от нашего леса стоит старый заброшенный замок. Его хозяин погиб странной смертью, наследники больше одной

ночи в замке не выдерживали: они или сходили с ума, или же их находили наутро мертвыми. Долгое время никто не пытался поселиться в замке, и вот недавно, буквально пару дней назад, в нем объявился двухголовый дракон.

Санька, волнуясь, принял кусать губы:

— Сначала я наткнулся на Хряка, который был в сговоре с двухголовым Змеем, а вчера я повстречал и самого Змея. Прежде они жили в царстве Берендея и натворили немало зловредных дел. Может, это мои предположения, однако здесь чувствуется какая-то связь. Родственник ваш дракон нашему двухголовому Змею или нет, не знаю, но это единственная зацепка. Мы идем к этому замку.

— У меня есть предчувствие, что в скором времени вы вступите в очень опасную схватку, и я желаю вам выйти из нее победителями, — проговорил Тарагор.

Сборы и прощание были недолгими. Гостям подвели коней и подарили новое оружие.

Коту для путешествия соорудили из прутьев небольшую корзинку и прикрепили к седлу Санькиного коня. Баюн долго шебаршился под крышкой, ворча себе под нос, что не пристало приличному коту ездить в какой-то посудине в мелкую клеточку, и даже потребовал пуховую подушку, но в конце концов смирился с таким средством передвижения.

Под веселую музыку скрипок в сопровождении эльфов-проводников путники выбрались на знакомую, выложенную булыжником дорогу и отправились к замку, где находился дракон. Интересно, откуда он тут появился?

Три темные фигуры, окружив небольшой столик, смотрели на хрустальный шар.

— Ну давай же, давай, — нервно повторял Магистр. — Куда запропастился этот негодный мальчишкой?

Пошел уже второй день, как Санька исчез. Магистр, Хряк и Змей метались по дворцу, дергаясь от каждого стука; им казалось, что это богатырь уже ломится в запертые двери.

Неожиданно по шару пошла рябь, и все четыре головы, стукнувшись лбами, склонились над столом.

— Он у эльфов прятался, а сквозь их лес мои чары не действуют, поэтому и найти его не могли, — простонал Магистр. — Ну ничего, теперь мы знаем, где он. А это что еще за чучело рядом с ним? Помощничка себе отыскал. Ого, и кот тут же. Ничего, до полуночи осталось совсем немного. Василису отправьте в башню наверх, а этому выскочке я сейчас устрою веселую жизнь. Змей, пойди к воротам и... хотя нет, постой; вернись обратно, сядь возле шара и следи за Санькой. Если что, зови немедленно.

Змей, который, даже не дослушав приказа, сразу же затопал к двери, резко развернулся и бросился обратно, снова позабыв про скользкий паркет. Лапы его разъехались в разные стороны, и он, царапая когтями по полу, попытался остановиться, но не сумел и всей массой врезался в столик. Хрустальный шар качнулся, покатился к краю, а потом свалился на пол и с грохотом разлетелся на тысячу осколков.

Все окаменели. Монах, словно рыба, стоял и хватал ртом воздух. Хряка едва не хватил удар. Теперь они не могли следить за богатырем.

— Эй, Баун, — постучал по корзинке Санька. — Хватит спать, скоро драконье логово, готовься.

Крышка приподнялась, и из-под нее выглянула утомленная кошачья морда. Приоткрыв один глаз, он посмотрел на дорогу и снова скрылся. Монотонное покачивание корзины наводило на него глубокую дрему.

— Не шуми. Я сил набираюсь. Когда замок появится, тогда и разбудишь, — пробурчал он, снова сворачиваясь в клубок. — Ты лучше по сторонам поглядывай, не то опять в какую-нибудь историю вляпаемся.

— Ох и горазд ворчать же ты, — рассмеялся Санька. — Дорога отличная, кони свежие, еще немного, и мы у цели. А того, кто нам поперек дороги встанет, мы с Розочкой так отделяем, только пух и перья полетят. Кстати, я давно хотел спросить, а как ты через Волшебные горы перебрался?

— Молча. Когда эта свистопляска началась, я понял, что бежать некуда, да и бессмысленно: все равно задавит. А потом вспомнилась твои слова: «Горы — они добрые». У меня мелькнула мысль: а может, эти ужасные катаклизмы происходят от появления людей, а к простому, скромному животному проявят снисхождение. Взбрался я на большой валун, глаза зажмурил и жду. А чего оставалось делать? И можешь себе представить, ни один камушек на меня не упал. Тишина наступила, и вдруг мой валун тихонько покачиваться начал. Открываю глаза: мать честная, еду. Хочешь — верь, хочешь — нет, а на другую сторону перевала этот камень меня и перевез. А дальше все просто — по следам, по запаху. Вот такие пирожки с капустой.

Между тем незаметно со всех сторон начал выползать туман. Поначалу рваный, клочковатый, он постепенно затянул все вокруг серой пеленой. Из него вытягивались и снова пропадали странные, зловещие тени.

Внезапно невдалеке раздался крик:

— Помогите!

Санька и Розочка, осадив коней, принялись озираться по сторонам. Услышав повторный призыв о помощи, они сообразили, что звали из соседнего лесочка, не сговариваясь свернули с дороги, спешаились и стали пробираться сквозь кусты. Появилось большое раскидистое дерево; к нему-то и была прикована молоденькая красивая девушка. Увидев вооруженных людей, она коротко вскрикнула и обвисла на цепях без сознания.

Рыцарь вихрем подлетел к незнакомке и попытался разорвать оковы, но не сумел. Тогда он побрызгал на нее водой из фляги и легонько потряс за плечо. Девушка пришла в себя, и глаза ее радостно заблестели.

— Ты кто? — спросил Розочка.

— Я принцесса замка Черной луны. У нас появилось страшное чудище — дракон. Он принял сжигать наши посевы, уничтожать наш скот и убивать наших людей. Многие смелые рыцари пробовали сразиться с ним, но безуспешно:

дракон всех убил. Он пригрозил окончательно разорить все наше королевство, если ему не отадут самую красивую девушку. В любом королевстве первая красавица — это принцесса. Поэтому меня привели сюда и привязали к дереву. Теперь жду, когда прилетит это жестокое чудовище.

— К тому же, следует заметить, совершенно ненормальное, — высунул голову Баюн. — Садист и маньяк. Нашел место, где встречу назначать, — в зарослях чертополоха. Едва сквозь острые колючки прорвались.

— Брысь, язва, — рассердился рыцарь и повернулся к принцессе. — Не бойся. Пусть только этот кровопийца появится. Я, доблестный Рыцарь Алой Розочки, спасу тебя.

— Ах, — закатила глаза принцесса. — Вы такой душка.

Розочка, воодушевленный этими словами, выхватил меч и с грозным видом встал перед деревом, заслоняя принцессу от грядущей опасности.

— Это все хорошо, — согласился Санька. — Однако я не могу сидеть и ждать какого-то дракона. У меня осталось всего десять — двенадцать часов, чтобы отыскать и освободить Василису. Раз ты обязаи выполнить свой долг, сразиться со Злом и избавить от дракона этих несчастных людей — ничего не могу поделать, оставайся. Я поскаку дальше один. — И Санька повернулся, намереваясь уйти. — Надеюсь, когда этот изверг сюда явится, то ты ему быстренько отрубишь голову, а потом нас догонишь.

— Ой! — воскликнула красавица. — Ничего у вас не получится. Его поэтому и победить невозможно, что у него две головы, а не одна.

Богатырь насторожился.

— А как этот твой дракон выглядит?

— Ну, большой, представительный, хвостик аккуратненький. Одна голова задумчивая, больше молчит, а другая такая умная, все знает и о чем угодно рассказать может.

— Так это двухголовый Змей с толстым брюхом и крысиным хвостом. Одна морда тупая, а вторая упрямая. Я тебе, Розочка, про него давеча рассказывал, помнишь? Что ж, на ловца и зверь бежит. Подождем немного и зададим ему пару

вопросов. Кстати, теперь я понял, почему вторая голова дурная: она на месте отрубленной выросла.

Санька вытащил свой меч и встал рядом. Прошло полчаса. Оба спасителя уже порядком устали.

Баюн, все это время с мрачным видом ходивший вокруг дерева, наконец не выдержал.

— И долго мы будем тут торчать? У нас времени и так нет. А вдруг двухголовый позабыл про этот подарочек? Завалился где-нибудь на травке и одна голова другой сказки рассказывает. Да мало ли какие дела у него могли появиться.

— Это невозможно, — занервничал рыцарь. — Мы не можем бросить беззащитную деву на произвол судьбы.

— Так отвяжите ее, и все дела, — предложил кот.

— Это невозможно, — зарыдала принцесса. — По требованию чудовища я должна быть привязана.

— Можно подумать, ты, если у тебя будут руки свободны, будешь брыкаться и лупить этого любителя молоденьких девчонок по мордам, — съехидничал кот.

— Помолчи, несносное животное! Наверняка это заколдованные оковы, которые сами спадут, когда я в честном поединке одолею дракона. И не тебе пытаться изменить то, что предназначено судьбой. Положено красавице быть прикованной к дереву, так и будет, — вспылил Розочка и взял Саньку за плечо. — А ты, друг, не теряй времени, поезжай дальше за своей Василисой.

— Ой, а у дракона в темнице еще одна пленница слезы горькие льет, и ее тоже Василисой звать, — хихикнула принцесса.

— Ага! Я так и думал, что без Змея здесь не обошлось! — закричал богатырь, но затем остановился. — Постой, а ты откуда знаешь?

— Дракон хвастался. Говорил, что единственную дочку царя Берендея увел. Жениться на ней собирается.

— Что?! — завопил дурным голосом Санька. — Этот двухголовый червяк собирается жениться на моей Василисе? Я ему устрою такую свадьбу, век помнить будет. Пусть только появится.

Баюн внимательно выслушал эту гневную тираду, иронично фыркнул и исчез в ближайших кустах.

— Ты не пропадай надолго, — крикнул ему вслед богатырь. — Чтобы я тебя потом по всему лесу не бегал, не искал. Сейчас Змей прилетит, и мы заставим его отвести нас к Василисе.

В ответ раздался истошный писк, шум, и появился кот с важно выпяченным пузом и сложенными за спиной лапами. Оглядевшись по сторонам, он хитро подмигнул и вытащил из-за спины неподвижную от ужаса мышь, которую держал за хвост. Санька и Розочка даже охнуть не успели, как Баюн раскрутил свою добычу и неожиданно, со всего размаха, швырнул ее в принцессу.

Мышь, описав в воздухе дугу, шлепнулась принцессе на плечо, оттуда свалилась на землю и юркнула под корягу.

От такой бесцеремонности рыцарь едва сам не хлопнул в обморок. С округлившимися от ужаса глазами он подскочил к наглому животному и принял яростно жестикулировать, пытаясь что-то сказать и не находя нужных слов.

Эта вспышка не произвела на возмутителя спокойствия никакого впечатления.

— Странно, — совершенно спокойно произнес он. — Первый раз в жизни вижу особу благородных кровей, которая при виде мышей не визжит как резаная.

Санька внимательно посмотрел на кота, подошел к пленнице, немного постоял, разглядывая ее, а затем повернулся к Розочке:

— Манекен.

— Что? — не понял тот.

— Кукла. Как говорится, резиновая баба. Все это время нас дурачили, а мы, вместо того чтобы искать Василису, стоим тут как два идиота.

— Почему «как»? — снова вклинился Баюн.

Рыцарь побагровел:

— Я не позволю клеветать на прекрасную деву. Мало того что она прикована к этому ужасному дереву, так этот невоспитанный котище постоянно над нею измывается.

— По-моему, я знаю выход, — проговорил Санька и одним ударом разрубил цепь, опутывающую принцессу. — Вы свободны и если пожелаете, то можете ехать дальше с нами! — торжественно объявил он.

Тут началось твориться что-то странное. Девица задергалась, руки, ноги и все тело у нее пронзила судорога, глаза и рот начали непроизвольно открываться и закрываться.

— Ложись! — крикнул Санька и кинулся на землю, увлекая за собой рыцаря. Баюн еще раньше успел нырнуть в кусты.

Раздался взрыв, и от дерева остался только один расщепленный пенек.

Из кустов высунулась довольная физиономия кота:

— Гляди-ка, к чему приводят внутренние противоречия.

Рыцарь говорить не мог, а только тихо икал. Богатырь, не говоря ни слова, взял его за руку, вывел к дороге, усадил на коня и запрыгнул в седло сам. Кот уже сидел в корзинке, и они продолжили путь дальше.

— Да-а, — протянул Санька, покачиваясь в седле. — Здорово нас провели. Столько времени зазря потеряли. Одно утешает, теперь мы наверняка знаем, что Василису держат в этом замке, и не какой-то неизвестный дракон, а наш с котом старый знакомый — двухголовая образина. И теперь никакие на свете волшебные выкрутасы не смогут меня остановить.

Не успел он договорить, как Розочка осадил своего коня и начал пристально вглядываться вперед. Дорога проходила через рощу. И вот в этой самой роще мелькнула тень, затем другая, третья.

— Ничего не пойму, — пробормотал он. — По-моему, за деревьями кто-то прячется.

— Значит, замышляют очередную пакость, — невозмутимо заметил Санька.

— Надеюсь, не против нас. Интересно, сколько их? А если целая шайка? Смотри, смотри, голов десять — пятнадцать торчит, не меньше.

— Делов-то. Обычные разбойники. Да мы с тобой крикнем — они со страху разбегутся. Вот если б появились солдаты, тогда другое дело.

Вместо ответа рыцарь двинул его локтем в бок. На дорогу выходили воины, закованные в тяжелые доспехи.

— Ого! — присвистнул богатырь. — Это уже серьезно. Я так понимаю, двухголовый Змей приготовил нам торжественную встречу. Что же, придется драться. Лично мне в замок нужно.

— А вдруг в засаде целое войско приготовилось? Неизвестно, справимся мы с ним или нет, а время точно потеряем. Может, в обход пойдем? Пока там никого не видать, — с сомнением покачал головой рыцарь и тут же краем глаза заметил, что сбоку из-за дерева выглянул монах. — Поздно. Обложили. Отступаем.

Он развернул своего коня и выругался — позади них уже стояла большая группа вооруженных всадников.

Санька покрутил головой по сторонам и сразу успокоился.

— Получается, мы в окружении? Прекрасно. Незачем по пустякам ломать себе голову. Будем пробиваться.

Он посмотрел на колечко. Похоже, настала пора применить его волшебную силу.

— Чё стоим и по какому поводу шум? — раздался недовольный голос, и из корзинки появилась заспанная кошачья морда. — Разорались словно галки на заборе, поспать не дадут.

— Опять уснул, лежебока? Протри глаза, а то неровен час и вовсе не проснешься. Смотри, какое войско против нас стоит, не пробиться, — шикнул на кота Розочки и повернулся к Саньке. — Время поджимает; скоро вечер, а там и полночь, Звезда взойдет. Но и драться с этой ордой — чистое безумие.

Баун туманным взглядом посмотрел по сторонам и, широко зевнув:

— Беседуете? Ну-ну. Вам больше делать нечего? — снова спрятал голову под крышку.

Санька удивленно замер. С каких это пор кот таким храбрым стал? Что-то здесь нечисто. Он еще раз осмотрел стоящее напротив них войско. Однако внушительное.

«Ах вы злыдни. Раз такой толпой валите, значит, боитесь. И хозяин ваш, Змей драный, тоже боится. Не так уж вас и много; и более встречали, да все равно били. Стоп, однажды мне уже приходилось сражаться с несметным войском, которое при более близком рассмотрении оказалось жалкой кучкой липовых вояк. А если и тут та же морока? Сейчас я маленьку проверку устрою: для начала предположим, что не нам, а вам защищаться придется».

Враги неожиданно заволновались; было отчетливо видно, как они принялись совещаться.

— Нас числом задавят, — не унимался рыцарь.

— Дудки, — рассмеялся богатырь. — Нету никого.

И готовые к сражению грозные ряды бесследно исчезли. Розочка в изумлении разинул рот.

— Призраки, — с удовольствием пояснил Санька. — Знакомый фокус. На нас либо Хряк, либо его подопечные нахождение наслали. Кстати, а вот и они, вон в той роще прячутся. Оп-паньки! Да это же старые знакомые: монахи Сирого Ордена. Вот глупая моя голова, и как я раньше-то не догадался. А все совсем просто. Я видел советника, Змeya и совершенно не подумал о Магистре. Ну, мышата, держитесь.

Монахи, увидев, что их колдовство больше не действует, помчались наутек в лес, под прикрытие деревьев, а рыцарь и Санька пришпорили коней и, выхватив мечи, бросились за ними, но тут раздалось истошное «мяу», и из корзинки выскоцил кот. Лошади с испугу поднялись на дыбы и остановились.

— Обормоты, мальчишки! — ругался разъяренный Баун. — Все бока о плетенку ободрал. Вместо того чтобы дело делать, они в догонялки поиграть вздумали. Мы что, уже в замке? Хватит глупостями заниматься!

Приятно скакать по хорошей дороге. Ветер свистит в ушах, мелькают придорожные кусты, время летит незамет-

но. Красота. Но лица двух молодых всадников были суровы. Именно времени сейчас как раз и не хватало. Солнце уже готовилось ко сну, стягивая в мягкую перину облака. Скоро стемнеет. До полуночи оставалось всего каких-нибудь пять-шесть часов.

Когда же появится замок двухголового Змея? Дорога вела в гору. Поднявшись на вершину, путники увидали, что низина снова покрыта туманом. Однако это было еще полбесды; отсюда дорога расходилась на три стороны.

— Вот так всегда. — Санька повернулся к рыцарю. — И куда теперь?

— Не знаю, — ответил тот, спрыгивая с коня. — Две дороги хорошие, а третья — не очень, заросшая тропка. Еще этот проклятый туман. Сдается мне, твоих «друзей» очередные проделки. Смотри, смотри, по-моему, в той стороне мелькнули высокие зубчатые стены и башни.

— Точно. Наконец-то. За мной! — возбужденно закричал Санька и наметом пустил коня вниз.

Однако, проскакав сотню метров, он резко остановился и оглянулся. Он скакал один. Розочка остался на вершине холма. Рядом с ним стоял и кот. Санька потрогал корзинку, даже заглянул в нее — пусто. Непонятно каким образом, но Баюн умудрился из нее выскочить. Чертыхаясь, богатырь вернулся назад.

— Вы чего зависли? — накинулся он на попутчиков. — Скорее вперед. Вот оно, змеиное логово.

— А это тогда что? — протянул руку в другую сторону рыцарь.

Санька посмотрел и увидел второй замок.

— Не понял, — нахмурился он. — Тут что, два замка?

— Выходит, два.

— И оба Змея?

— Не уверен. Второй замок очень даже может быть иллюзией, этаким миражем. Хотя лично я между ними никакой разницы не вижу.

— Что за страна, — возмутился Санька. — Кругом обман, надувательство. Сначала баба резиновая, затем войско ли-

повое, теперь мыльный пузырь в виде крепости. Сплошная нечистая сила. Что делать будем? Я не могу терять время, выясняя, какой из них настоящий. Пока мы будем блуждать, наступит ночь.

— Пошли во второй, — в раздумье предложил рыцарь.

— Почему? — переспросил Санька. — Первый замок раньше появился. Значит, идти нужно туда.

— Мне кажется, нас снова решили сбить с пути. Сначала прекрасная пленница...

— Резиновая дура.

— Не будем уточнять. Теперь вот два замка. Те, кто это подстроил, рассуждают скорее всего так: мы должны подумать, что первый — настоящий, но именно поэтому он и может оказаться фальшивым или того хуже — западней.

— Э, уважаемые, — раздался голос кота. — Я так понимаю, у вас временные затруднения, и вы сейчас начнете долго совещаться. Если вы не возражаете, я пока сбегаю в лес подкрепиться. — И Баюн прыгнул в кусты.

— Что за животное; тут, можно сказать, судьба человеческая решается, а у него одна жратва на уме. Эй, давай быстрее: хвост там, лапы тут! — прокричал ему вслед Санька, повернулся к рыцарю и, ухватив его за пряжку на панцире, начал втолковывать: — Все это ерунда. Нам сначала показали первый замок, и мы собрались идти к нему, и лишь затем появился другой. То есть нам хотят внушить: первый — фальшивый, а настоящий — второй, но даже дураку сразу становится понятно: во втором-то замке и будет устроена настоящая ловушка, посему мы отправляемся в первый. Все понятно?

— Не-а, — ошеломлен замотал головой Розочка.

— Не важно. Главное, что я сам понял. По коням. Где этот обжора?

Как ни странно, Баюн лежал рядом.

— Ты чего такой кислый? — удивленно спросил рыцарь.

— Мыши, — прозвучал короткий ответ.

— Какие мыши! — еле сдержался Санька. — Мы сюда зачем пришли — на грызунов охотиться?

Кот Баюн привстал, неторопливо потянулся, снова сел и тихо скомандовал:

— А ну сюда живо.

Из кустов, громко попискивая от ужаса, выскочили несколько мышей и бросились к коту. Они уморительно подпрыгивали: как оказалось, их хвосты были связаны между собой.

Санька и рыцарь с недоумением смотрели то на кота, то на его добычу.

— Вот пжалста, — развел лапами Баюн. — Это мышь се-
рая; это полевая; это — самая что ни на есть родная, домаш-
няя; а это экзотическая — белая. А это мышь... пошли все
вон! — неожиданно заорал Баюн.

Длиннохвостые в панике кинулись обратно в кусты, во-
лоча за собой белую, которая с испугу хлопнулась в обморок
и лежала на спине, поджав лапки.

— Ты что, мышей объелся? — рассмеялся Рыцарь.

— Нет, просто мне кажется, правильнее пойти посреди-
не. Прямо тоже ведет дорожка; не такая, правда, удобная и
широкая, как две другие, но шагать можно. А подойдя по-
ближе, мы сможем определить, какой замок настоящий, а
который нет.

— Кошачьи бредни, — в запальчивости выкрикнул Сань-
ка.

— Отчего? — заступался за кота Розочка. — В этом что-
то есть. Я присоединяюсь к предложению.

— Ах так! Сговорились? Главный я и считаю...

— Он считает, — язвительно мяукнул Баюн. — Гений не-
признанный. Если мне не изменяет память, то до сих пор ты
полагался на волю случая — куда кривая, туда и ты, авось
выведет. То-то сюрприз будет: ты готовишься к одному, а
фортуна тебе совершенно иное преподнесет. Чтобы ее, род-
ную, не злить, предлагаю бросить монетку — куда она ука-
жет, туда и пойдем.

— Хорошо. Мои... орел... — Санька хитро прищурился, —
...и решка.

— А... Э... — растерялся Розочка.

— Все нормально, кидай, — успокаивающе подмигнул ему кот.

— Как скажешь, — согласился рыцарь, достал монету и подкинул ее высоко вверх.

Монетка звякнула о камни и, подпрыгивая, покатилась по кругу, однако не упала, а застряла ребром в щели.

— Судьба, — посмотрел на насупившегося богатыря Баюн и неожиданно предложил: — Хорошо, главный ты и тебе решать, но все-таки пройдем сначала немного по средней дороге. Совсем чуть-чуть. Вон до того лесочка, а там свернем туда, куда прикажешь.

— Уговорил, но не дальше. И чтоб больше со мной не спорить.

Троица двинулась с холма вниз. Не успели они дойти до лесочка, на который указывал Баюн, как туман рассеялся, и прямо перед ними возник еще один, третий замок, а оба первых задрожали и растаяли.

— Вот оно, гнездо змеиное. Настоящее, родимое! — почему-то в рифму изрек рыцарь.

Санька сконфуженно посмотрел на кота, затем подошел к нему и смущенно произнес:

— Извини за «бредни». Но как ты сумел догадаться?

— Мыши, — лаконично пояснил Баюн.

— Они бежали из замка, — догадался парнишка.

— Нет, — почесал лапой загривок кот. — Просто я хотел есть. Поймал одну — жирную такую, толстенькую.

— И сожрал? — ужаснулся рыцарь.

— Нет, хотя не вижу в этом ничего предосудительного. Я ее только понюхал. Она безвкусная. Совершенно. — И кот вытащил из-за спины лапу, в которой за хвост держал большую мышку. — Узнаете? Вы ее недавно видели. Она даже не пахнет. — И Баюн с отвращением зашвырнул мышь обратно в кусты.

— Слушай, хватит морочить голову, — не выдержал Санька. — При чем здесь мышь, если мы искали замок?

— Не было запаха.

— Ты хочешь сказать... — начал богатырь.

— Да, — подтвердил Баун, — ни один замок ничем не пах. Запах жилья шел только спереди. Вот я и подумал, что стоит пройтись прямо по дорожке.

— Какая голова! — восхитился рыцарь.

— Какой нос! — поправил его Санька.

— Какой кот! — смеясь, заключили они хором, скосочили с коней и, низко пригибаясь, побежали к змеиному логову.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВАСИЛИСЫ

Солнышко зацепилось за лес. Узкая розовая полоска еще окрашивала край неба, но уже зажглись первые, самые яркие звездочки, и среди них могла таиться трогая Черная Звезда. До полуночи оставалось всего несколько часов, и время, отпущенное на поиски Василисы, неумолимо подходило к концу.

Тарагор предостерегал не зря: mestечко и впрямь выглядело довольно-таки мрачно. Зловещая тишина висела над неподвижным, словно неживым лесом. Абсолютно ничего: ни пения птиц, ни шелеста листьев, ни малейшего, даже едва заметного движения. И лишь один липкий, безотчетный страх расползлся по сторонам, заставляя цепенеть все вокруг.

Сумрачные тени, постепенно разрастаясь, накрыли три фигуры, затаившиеся в лопухах напротив главного входа.

Если замок окажется пуст, Саньке останется только вернуться назад, к Берендею, и повиниться в своей неудаче. Конечно, крохотная надежда, что он не ошибся, еще оставалась, но чтобы удостовериться в этом, нужно было войти внутрь. Весь вопрос — как проникнуть за ворота незаметно?

Замок походил на огромную перекошенную коробку, высокие стены которой, выложенные из больших, грубо

отесанных камней, скрывали все, что находилось внутри. Лишь слева возвышалась массивная прямоугольная башня с узкими зубчиками бойниц. Кроме главных ворот, обшитых железными листами и для надежности защищенных толстой металлической решеткой, никаких других входов-выходов и даже окон обнаружить не удалось. Баюн, однако, углядел у самого основания башни маленькую, наполовину засыпанную землей дверцу: старый заброшенный черный ход, больше похожий на мышиную норку.

Санька, которому это бессмысленное лежание вскоре надоело, начало ерзать.

— Почему никого не видно? Раз мероприятие намечается на сегодняшнюю ночь, значит, должна проводиться хоть какая-нибудь подготовка; вариться угощенье, играть музыка, съезжаться гости. Где зеваки, попрошайки, нищие? Очень странная свадьба. И где охрана? Змей не дурак, а уж если там еще и Хряк, то даю голову на отсечение, нас ждут. У ворот наверняка поставлена засада. Поэтому предлагаю идти через черный ход. Я обязан появиться там, внутри, до полуночи, и это единственный вариант.

Это предложение почему-то большого энтузиазма не вызвало.

Розочка категорически отказался нарушать рыцарские традиции, собираясь все-таки пойти к воротам, прорубить в рог и официально вызвать Змей на поединок. Далее каждый займется своим делом: он справится с двухголовым, а Санька и кот найдут и освободят Василису. Затем все радостные и довольные отправятся в освояси.

Санька в принципе против такого плана ничего не имел, но очень сомневался, что Змей примет вызов. В лучшем случае придется сражаться с большой кучей слуг; в худшем — даже не дадут рта раскрыть, а сразу пристрелят.

— Меня двухголовый вмиг узнает, — втолковывал он Розочке. — И нам всем крышка.

— Мы можем представить тебя как моего оруженосца, — не сдавался рыцарь.

— А я, конечно, буду верной собакой Шариком, — фыркнул Баюн. — Ох не по душе мне вся эта затея. Предчувствия у меня нехорошие; боюсь, не доживу до рассвета.

— Немедленно прекратить скулеж, — нахмурился Санька. — Нельзя с таким настроением в бой идти. Ты лучше скажи, тебе что больше нравится: большие ворота или маленькая дверца?

— Не знаю, не знаю. Я все-таки приличное животное, а не кот подзаборный, чтобы по всяким дыркам таскаться. Я вообще двери не люблю; они так и норовят хвост прищемить.

— Тогда все, совещание окончено, — поднялся богатырь. — Ты, Розочка, раз тебе приличия не позволяют, отправляешься к воротам. Стучишь, гремишь, дерешься, устраиваешь полнейшее безобразие и отвлекаешь противника на себя. Я проникаю в замок через боковую дверку и освобождаю Василису, а затем иду к тебе на помощь. Баюн остается здесь, в лесу. На всякий случай.

Рыцарь молча кивнул, ободряюще хлопнул богатыря по плечу, потрепал кота по загривку, уселся на коня и направился к воротам.

Санька проводил его взглядом и повернулся к коту.

— Тебе действительно лучше здесь подождать. Кто знает, как дело повернется. Клыки и когти — вешь хорошая, но железные доспехи ими не разгрызешь; зато, если не одолею я Змея, вернешься домой и все как есть Берендею доложишь. Змей тебя не видел и искать не будет. Если к утру мы не вернемся — уходи. Ну, счастливо. Где наша не пропадала.

Парнишка ужом пополз по траве, старательно прячась за кочки, добрался до башни, медленно нажал плечом, и дверца отворилась. Это показалось ему несколько странным, но раздался громкий звук рога, и его мысли побежали в другом направлении.

«Ага, Розочка уже подъехал к воротам. Сейчас там начнется карусель. Зато здесь никого. Какой я умный, однако. А Змей как был бараном с крыльями, таким и остался», — похвалил сам себя Санька, бесшумно пролез в узкий кори-

дор и замер, прислушиваясь. Ни звука. Через крохотное оконце в потолке проникало немного света, и богатырь быстрым шагом двинулся вперед, но далеко пройти не успел. Странный гул раздался у него под ногами, пол внезапно разошелся, и парнишка, не успев ничего сообразить, рухнул вниз.

И снова, в который раз, от неминуемой гибели Саньку спасла случайность. Растропырившись, он летел, ожидая неминуемой гибели, как вдруг понял, что боком трется о какой-то деревянный столб. Моментально обхватив деревяшку обеими руками, он начал притормаживать. Прошло несколько томительных мгновений, и Санька грохнулся на дно ямы. Болели отбитые пятки, обожженные руки и грудь, зато сам остался жив.

Стремительно вскочив, он дернулся несколько раз из стороны в сторону, пытаясь отыскать выход, и замер: он попал в ту самую темницу, откуда начал свое путешествие в этом мире. Выходит, тогда, несколько дней назад, колечко привело его правильно; Василису держали именно здесь. Обидно, столько времени зря потерял. Но ничего. Сейчас он покажет им всем. Входа-выхода здесь, помнится, не было. А если попробовать выбраться по столбу? Богатырь запрокинул голову вверх и покрылся холодным потом: от смерти его спас длинный заостренный кол, вкопанный в землю. Прорвались пол чуть дальше, и торчать ему на колу, словно цыпленку на вертеле. Это сравнение его почему-то насмешило. Наступила нервная разрядка, и Санька, коротко хрюкнув, сначала хихикнул, а затем, оглушительно захохотав, повалился от смеха на землю, непрерывно повторяя: «Цыпа, цыпа, цыпа...»

Успокоившись, он прислонился спиной к бревну и удрученно произнес:

— Действительно, цыпленок. Желторотый. В такую примитивную ловушку угодил. Кот идти в эту дыру не захотел, а я, дурак, его не послушался. Хорошо еще, дуракам везет. А раз везет, нужно пользоваться моментом.

Он встал, подошел к стене и... остановился.

«А если снова в караулку попаду? В прошлый раз их все-го троє сидело, а теперь может больше оказаться, времени-то уже порядочно прошло. Даже если выскочить внезапно, один-двоє останутся в живых и поднимут тревогу. Начнется переполох, набежит охрана, и до Василисы я вряд ли доберусь. Правее, кажется, двор был. Там точно солдаты. Может, слева никого нет. А если есть? Вот задачка-то».

Санька ходил вдоль стены, пытаясь угадать, в какую сто-рону лучше податься. В конце концов эти блуждания ему на-доели, он остановился — эх, бог не выдаст, свинья не съест, — и собрался сделать шаг, но неожиданно земля под ним за-шаталась, и на поверхности показалась всклокоченная го-лова.

— Кому здесь по шее накостылять?

— Леший?! — удивленно воскликнул Санька. — Ты как сюда попал?

— У Водяного гостил, когда сороки на хвосте новость принесли, что ты вернулся и Василису вызволять отправил-ся. Подумал, может, моя помошь сгодится. Ястреб видел, как вы с котом на Горыныче к Волшебным горам полетели. Я следом. Хоть путь-то неблизкий, и в этом самом тридевятом царстве я никогда не бывал, но тропки заговоренные знаю; шаг шагнешь — сорок верст позади. К замку меня волки при-вели; они рядом бродили, когда вы людей в серых капюшо-нах по лесу гоняли. Встретился с котом. Он вокруг дерева ходит, за тебя переживает. Вот такие пирожки с капустой. Давай командуй: куда идти, кого лупить.

— А почему ты снизу вылез?

— Меня, между прочим, сще и мужичком-боровичком кличут. За способность сквозь землю проходить, — важно пояснил Леший. — Видишь шапочку? Заговоренная. Наде-ну, и куда угодно словно гриб пробраться смогу. Одно — кам-ни мешают. Голове больно. Обходить приходится. Так что пристраивайся за мной, полезли обратно в лес.

— Нет, в лесу нам делать нечего. Выходим в замке.

— В замке так в замке. Вот только где выходить, везде полы каменные настелены, — почесал затылок Леший. Он

крутился вокруг себя, что-то бормоча себе под нос. — О, нашел. В погребе пол земляной. Пошли в погреб.

Мужичок слегка подпрыгнул и ушел в землю, оставив небольшое круглое отверстие в полу. Богатырь недолго думая прыгнул следом.

В погребе было пусто. Санька осторожно, стараясь не скрипеть, отворил дверь и выглянул в коридор: все тихо. Подозрительно тихо. По идее, сейчас рыцарь должен биться с двухголовым Змеем не на жизнь, а на смерть. Где же тогда звон мечей, рев, вопли, гром и молнии? Как бы Розочка со своим благородством не попал в беду. Тюкнут втихаря сзади по голове, вот и весь поединок.

Богатырь покрепче сжал меч. Если Розочка погиб, то и ему уже приготовлена «горячая» встреча. Что ж, обратного пути нет: или он найдет Василису и вырвет ее из лап Змея, или тут останется навечно. Он повернулся назад и, несмотря на серьезность обстановки, улыбнулся.

Леший тоже был готов ринуться в драку, но так как никакого оружия он с собой не захватил, то вооружился огромной медной поварешкой, обнаруженной им на одной из полов. Заметив насмешливый взгляд, он наступил и пробормотал:

— Ты не боись. Если сильно припечет, я немного подрасту...

Санька не выдержал и рассмеялся:

— Знаю, знаю. Видел, каким великаном можешь стать. Ты, главное, не забудь: потолки здесь низкие, запросто шишку набьешь. Мы сделаем по-другому. Я пойду вперед, а ты вернешься назад, в лес. Найдешь кота, и вместе с ним постараитесь разузнать, куда девался Рыцарь Алой Розочки. Баун у нас сообразительный, что-нибудь придумает.

Старичок в нерешительности начал топтаться на месте.

— Иди, иди, — подтолкнул его богатырь. — Если и со мной беда случится, на вас с котом последняя надежда.

Леший шмыгнул носом и провалился сквозь землю.

Богатырь медленно двинулся по коридору, готовый к любым неожиданностям, но вскоре увидел четыре двери и остановился.

Первые две были закрыты. За следующей дверью был слышен неясный шум, и туда Санька решил пока не соваться, опасаясь какой-нибудь неприятности. Он подошел к четвертой двери, осторожно приоткрыл ее, протиснулся в образовавшуюся щель, сдерживая дыхание, завернул за угол, и... замер. Перед ним был тупик.

— Да чтоб вас всех в ключья разнесло, — выругался парнишка. — Я для чего сюда пришел? Надоело прятаться, пусть теперь Змей трястется от страха.

Он выскочил обратно в коридор, решительно направился к третьей двери, сильнейшим ударом ноги вышиб ее, шагнул за порог и осталбенел, раскрыв от изумления рот.

Он очутился в небольшом зале, абсолютно лишенном всяческих украшений: стены, выложенные из камней и даже не покрытые побелкой; два высоких узких окна с заляпаными стеклами; пара массивных медных подсвечников, немилосердно коптивших и готовых в любой момент погаснуть. Напротив находилась вторая дверь, возле которой стояли два тщедушных охранника с большими, ярко блестевшими щитами и коротенькими мечами. Дополняли картину кучи мусора на полу и замысловатая бахрома паутины. Посреди зала стоял огромный трон, а на нем с томным видом сидела Василиса. Возле ног царевны развалился двухголовый Змей и, царапая когтями по лютне, гнусавым голосом скрипел какую-то заунывную песню. Появление постороннего не произвело на них никакого впечатления. Это так потрясло Саньку, что он, не находя нужных слов, начал заикаться.

— Василиса, ты это, того, ну, короче, очинись! Это же Змей подколодный.

Глупая голова перестала выводить свои рулады и удивилась:

— Гляди-ка, вылез. Ну и настырный же ты человек.

Вторая голова укоризненно посмотрела на первую и повернулась к богатырю:

— Саня, друг. Что же это ты так некультурно. Мы тебя ждем не дождемся, а ты, мало того что припоздал, так еще и хамишь. У нас, понимаешь ли, светлый праздник намечается. Можно сказать, целое событие. Свадьба.

— Я тебе сейчас похороны устрою.

— Ты, холоп, на кого голос повышаешь? — раздался голос царевны, которая широко раскрытыми глазами смотрела на богатыря. Взгляд ее был пуст и холоден. — Я — дочь царя Берендея, а это жених мой, принц тридевятого царства.

— Да у этого принца из всех предков одно только яйцо. Тоже мне развесистая родословная, — огрызнулся Санька.

— А ты? — ледяным голосом продолжила Василиса. — Кто сбежал и даже весточки не оставил? За все время ласкового слова не сказал. А Змей в отличие от некоторых даже собственного сочинения серенады поет.

— На два голоса. — вежливо поклонилась первая голова.

Санька стоял, не зная, что и сказать.

— Да не переживай ты так, — зашептала ему на ухо вторая голова. — Ты себе даже представить не можешь, как я рад. Нет, правда. Ведь мы с тобой столько пережили.

Змей обнял паренька за плечи, усадил рядом с собой, достал вышитый носовой платок и, звучно высморкавшись, продолжал:

— Я вообще считаю, что эта встреча — перст судьбы. Посуди сам. Мы с тобой оба пришлые, чужие и в царстве Берендея, и здесь, в тридевятом царстве. Тебя Василиса бросила, и меня никто не любит. У обоих ни кола ни двора. Ты думаешь, Берендей тебес полцарства отвалит? Мечтать не вредно. Где это ты видел, чтобы богатый человек в дом взял голь перекатную, а потом с ним своим добром делился? Лично мне мой дядя Змей Горыныч ни одного, даже самого маленького камешка самоцветного не подарил, жадюга.

Санька сидел и чувствовал, что у него начинает ехать крыша; еще немного — и его начнут уверять, что они дальние родственники.

А Змея несло. Он вскочил, стукнул себя кулаком в грудь и, рубанув лапой воздух, решительно произнес:

— Тебе Василиса нужна? Забирай. Да разве между друзьями могут стоять какие-то бабы? Только потом не говори, что я тебя не предупреждал. До чего же противная и вредная у царя дочка. Неряха, скандалистка. Делать ничего не хочет, одно на уме — у зеркала крутиться с утра до вечера.

Упоминание о царевне сразу вернуло богатыря к действительности. Он же пришел освободить ее из лап Змея, а эта пузатая крыса над ним издевается.

— Не веришь? — обиженно насупилась первая голова. — Да я эту женскую породу знаешь как изучил. Ты же с ней только мельком, наскоком встречался — «здравствуй», «до свидания». А вот так, чтобы посидеть, поговорить, присмотреться: у тебя на это времени не было. Верно я говорю? Хочешь, давай на спор: она тебе за полчаса надоест хуже горькой редьки.

Санька встрепенулся. Хотя ему очень хотелось отрубить Змею обе головы, но это неминуемо привело бы к схватке со слугами. А еще где-то здесь скрываются Хряк и монахи Святого Ордена. За себя Санька не переживал; он был готов разнести весь замок по камешку. Беспокоила Василиса. В таком состоянии она легко могла пасть от подлого удара Змея — раз не ему, то и никому. Выигранный же спор давал по крайней мере надежду невредимыми выйти за ворота, а там, как говорится, шансы повышаются. Поэтому парнишка согласно кивнул.

— Если я выиграю, мы с Василисой беспрепятственно выходим на волю, и за нами никто не гонится. Так?

— Да ради бога. Если Василиса захочет, идет на все четыре стороны.

— Что значит «захочет»? — насторожился Санька. — Я точно знаю, что она против своей воли сюда попала. У, злодеи, опутали ее своими злодейскими чарами. Ничего, я сначала ее поцелую.

— Ну народ. Думаешь, что ее тут заколдовали, а твой поцелуй ее освободит? В какие глупости веришь. Хорошо, хоть всю обслоняй. Но если у тебя ничего не получится, сразу домой отправишься. Согласен?

— Согласен.

Змей повернулся к царевне, равнодушно наблюдавшей за спорщиками.

— Солнышко, угости эту зануду чаем с баранками, иначе он нам покою не даст, пока не поест.

Василиса поднялась с трона и прошла в соседнюю комнату. Санька вприпрыжку полетел следом. Неужели он не сможет расколдовать царевну? В сказках это всегда получалось, главное — поцеловать.

Войдя в светелку, он растерянно остановился. Вот уж где действительно был свинарник. Похоже, в помещении не убирали по меньшей мере лет сто. Впрочем, замок принадлежит Змею, и это его проблемы. Пусть и дальше в грязи копается. Наше дело — поцелуй.

Он на цыпочках подошел к царевне, сделал губы бантиком и потянулся к Василисе, но та, с недоумением посмотрев на богатыря, с размаху уселась на кровать и заявила:

— Прежде чем лезть с всякими беспочвенными претензиями, следует совершить подвиг или, на худой конец, герическое дело. Я слышала, в одном заморском государстве жил-был герой, который одним движением руки вычистил целую конюшню. У тебя задание будет попроще, всего лишь эта комната.

Парнишка потряс головой, пытаясь сообразить, чего же такого герического в прозайческой уборке, однако счел за лучшее промолчать, взял веник и начал подметать.

— Ты зачем это делаешь? — раздался голос Василисы.

Санька от радости подпрыгнул. Ну вот, наконец царевна пришла в себя. Он верил, он знал, что стоит Василисе хоть немного побывать с ним наедине — и конец злым чарам. Сейчас он ее поцелует, возьмет за руки, и они...

— Ты лучше мокрую тряпку возьми, нечего пыль гонять.

Санька в отчаянии схватился за голову. Через полчаса, мокрый, грязный и усталый, он расправил спину и осмотрелся. Порядка не прибавилось. Василиса лежала на кровати и ела пирожное, стряхивая крошки прямо на пол.

— Ты не можешь поменьше сорить? — возмутился богатырь.

— Это не я быстро сорю, а ты медленно убираешь, — последовал презрительный ответ.

Богатырь с воплем запустил веником в стену.

В дверь тотчас просунулись две ухмыляющиеся головы.

— Ну что, убедился или еще пытаться будешь?

Санька набрал полную грудь воздуха, медленно выпустил его и, едва сдерживаясь, прошипел:

— Буду.

Прошел час, затем еще полчаса. Неожиданно ожили большие старинные часы: раздался жуткий скрип шестеренок давно немазанного механизма; дернулся, а затем и закачался маятник; стрелки на циферблате сделали несколько оборотов сначала в одну, затем в обратную сторону. Хрипя, ударили куранты, словно напоминая: хватит заниматься ерундой — до полуночи осталось всего четверть часа.

В светелку ворвался Змей и в ужасе завопил:

— Ты что наделал? Зачем часики трогал? Говорят, они с незапамятных времен стоят.

Санька посмотрел на часы, затем на Василису, вытер мокрый лоб и, зашвырнув в угол веник, махнул рукой:

— Все, время вышло. Твоя взяла. Ничего мне с ней не поделать.

Двухголовый сразу успокоился, сочувственно похлопал богатыря по плечу и развел лапы в стороны:

— А я тебя предупреждал, так уж извини. Уговор дороже денег.

Раздался противный скрежет смычков, душераздирающие, заунывные звуки дудки — это музыканты запиликали змеиный марш. Появились разодетые слуги с сухими ветками.

Жених взял невесту под руку и направился с ней к выходу. В блестящих словно зеркала щитах охраны отражались нарядные фигуры.

На дворе стояла глубокая ночь. Наверняка уже давно сияет Черная Звезда, через пятнадцать минут произойдет бракосочетание, и не видать больше богатырю царевны как своих ушей.

Он тупо посмотрел им вслед, затем недоуменно помотал головой. Что-то здесь было не так. Какая-то мелочь, нелогичность, которая, словно маленькая заноза, не давала покоя. Хотя чего теперь ерепениться, ведь Василиса сама... Стоп. Что это? Ах ты, мутант ползучий.

— Эй, гидра, еще один вопросик. Напоследок.

— Надоел! — надменно прорычал Змей, но чувство превосходства над поверженным противником взяло верх, и он повернулся назад: — Валяй свой самый последний, а затем пошел вон.

— Да? А это что, чучело ты зеркальное? — ласково поинтересовался Санька, выдернул у стражника щит и сунул его под нос молодоженам.

— Счас дам по голове этой штукой, сразу вспомнишь, как называется, — в ответ фыркнул Змей и вдруг осекся. В щите отражался только он один, без царевны.

— Подставка! — завопил Санька и с размаху запустил щитом в Змея.

Перепуганный Змей, вместо того чтобы дать сдачи, втянул обе головы в плечи и бросился прятаться под трон. Понимавший себя в безопасности, он высунулся оттуда и завопил дурным голосом: «Сгноить, прибить, четвертовать, повесить». Слуги кинулись на богатыря. Лже-Василиса тихо растаяла в воздухе, но никто не обратил на это внимание; началась свалка. Санька, который забыл свое оружие в светлке, недолго думая вышиб пику у одного, увернулся от другого, сшиб с ног третьего. Разметав слабосильных придворных, он прорвался к своему оружию и, схватив меч, бегом бросился назад, к трону. Ухватив за хвост Змея, он начал тащить того наружу, но тут далеко в глубине замка послышался шум, который постепенно приближался, и уже можно было различить грохот, топот, ругань и звон оружия.

— Ага, — торжествующе закричал Змей. — Это моя «железная» охрана идет. Смерть твоя близко.

Обстановка резко изменилась: одно дело — бить неповоротливых разодетых придворных, другое — сражаться с закованными в броню охранниками.

Санька бросил хвост и развернулся к двери, готовясь встретить врага. Раздался мощнейший удар, во все стороны полетели куски дерева, и на пороге появился первый стражник.

Правда, вошел он как-то боком, и сразу же за ним, пятясь задом, вывалился другой. Третий вообще вылетел на середину зала и распластался на полу.

Змей и Санька с удивлением разглядывали эту картину, но тут на пороге появился Рыцарь Алой Розочки, и сразу все стало ясно.

— Розочка, пропаща твоя душа, ты где застрял? — залыбался Санька.

— Был самым подлым образом пленен. Я-то думал, что мне придется биться с честным противником, а этот трус даже навстречу не вышел. Я только въехал в ворота, как на меня со всех сторон накинули веревки, стащили с коня, связали, а затем бросили в подземелье, в темницу. Хорошо, что там мне повстречался какой-то древний рудокоп.

В проеме показалось довольноное, сияющее во весь рот лицо лесовика.

— О, и Леший тут, — обрадовался богатырь. — А где Баюн?

— Как всегда, в самой гуще событий, — отозвался знакомый голос, и из-за стоящего у стены сундука появилась круглая кошачья морда. — Василису нашел?

— Она где-то тут, рядом. Сейчас нам этот фальшивый же них расскажет, где ее прячут.

Хриплый стон часов заставил всех вздрогнуть.

— Без пяти, — страдальчески прошептал кот. — Не успеем.

— Успеем, — отрезал Санька и вдруг почувствовал, как колечко потянуло его в сторону.

— Просто обязаны, — поддакнул рыцарь и кинулся на Змея, который попытался незаметно улизнуть. — Давай ищи свою деву, а я выполню свой обет.

В зале началось что-то невообразимое. Огромные клубы едкого дыма заполнили все вокруг. Ослепительные молнии,

извиваясь по стенам и потолку, взрывались с сухим треском. Искрящийся разряд зацепил нескольких слуг, и те мгновенно сгорели. Уши закладывало от рева Змея, сквозь который иногда прорывались крики рыцаря и звон стали. Несколько раз наружу появилась голова Змея и вновь исчезла. Затем выскочил Розочка, торжествующе потряс мечом и нырнул обратно.

— Тут без меня чудесно разберутся, — заключил Санька и ринулся вон из зала, всецело полагаясь на свой талисман. Он пролетел несколько коридоров и залов, один раз на мгновение остановился, вернулся назад и начал подниматься по винтовой лестнице. За ним тенью следовал Баун.

Поднявшись наверх, они уткнулись в маленькую дверцу, и хотя она была заперта, а за ней не раздавалось ни звука, Санька точно знал: ему сюда. Он не стал тратить время на поиски замка, а просто со всего маху двинул в дверь плечом и вылетел на крышу башни.

Холодный, бесконечный мрак обрушился на него. Земля исчезла. Внизу не было видно ни единого огонька, где-то затерялись луна и звезды, и казалось, что маленькая, окаймленная зубцами площадка висит посреди окружающей ее темной мглы. Абсолютное безмолвие закладывало уши, заставляя сжиматься от страха самое храброе сердце. На западной стороне неба творилось нечто странное: на фоне угольной темноты разгоралась Черная Звезда. Она действительно казалась черной, бездонной пастью, отчего все вокруг словно светилось тусклым металлическим блеском.

Посреди башни, на полу, в середине магического круга стояли Василиса и... живой Магистр. Одной рукой монах показывал на звезду, а другой крепко держал царевну. По всему, до полнолуния оставались считанные минуты, и церемония бракосочетания уже подходила к концу.

— Согласна ли ты стать моей женой? — спрашивал Магистр.

— Да, — словно через силу проговорила Василиса.

— В подтверждение этому надень мне обручальное кольцо.

Василиса взяла лежащее на блюдечке колечко и повернулась к жениху. Лицо ее совершенно побелело, застывший взгляд ничего не выражал.

Санька понял, что не успеет добежать и помешать этому несчастью. Недолго думая и почти не целясь, он запустил в монаха свой меч. Но славный, добрый меч эльфов не долетел до цели. Он словно наткнулся на невидимую преграду, повис в воздухе и упал на землю.

Монах гнусно усмехнулся.

— Ну уж дудки, — прорычал Санька. — Не для того я столько верст отмахал, чтобы с одним человеком не справиться. — И он кинулся вперед, но далеко пройти не сумел.

Совершенно пустая площадка вмиг заполнилась людьми в серых капюшонах. В мгновение ока богатыря сбили с ног и, заломив руки за спину, прижали к полу. Магистр, кинув презрительный взгляд на поверженного богатыря, протянул руку царевне.

«Все. Сейчас произойдет непоправимое», — мелькнула у Саньки ужасная мысль, и он, пытаясь вырваться, закричал:

— Василиса! Очнись, тебя околдовали! Не верь этому мерзавцу.

Магистр пожал плечами:

— Околдовали, околдовали. Ну, околдовали. А ты опоздал. Только зачем так кричать? Сейчас мы обменяемся колечками, и Василиса станет моей женой. А я — правителем царства царя Берендея. А ты будешь покойником. Видишь, как удачно все складывается: каждый получит то, чего хотел. Тебя сюда никто не гнал, и чего тебе дома не сиделось, не понимаю?

Санька посмотрел на неподвижно стоящую царевну.

— Хорошо, — сказал он. — Я проиграл и ухожу. Но у меня есть право на последнее желание: разреши поцеловать Василису.

— Какое право? — удивился Магистр. — Ты, дружок, совсем свихнулся. Неужели всерьез думаешь, что я выполню твою просьбу?

— Надеюсь. На долгую память, на прощание, в щечку.

— Вы глупые, сентиментальные люди. Поэтому у вас много проблем. А ты вдобавок еще и наглец. — Магистр явно издевался над пареньком. — Поцелуй в щеку не имеет волшебной силы, но мне нужна стопроцентная гарантия того, что мое предприятие не сорвется. И я рисковать не собираюсь. Хотя... У меня сегодня хорошее настроение. Даже есть пара свободных минут. Моя королева, посмотри на это бе-зобразие в последний раз, больше ты его не увидишь. И если тебе не противно, чмокни его, но осторожно. Даю сто очков вперед, что он не мыт, не брит и колется словно еж.

Василиса равнодушно повернулась к Саньке. Он вскочил, оттолкнул монахов, продолжавших висеть у него на руках, подбежал к царевне и крепко поцеловал ее в губы.

Царевна даже не пошевельнулась.

— Ай-ай-ай, — укоризненно погрозил пальцем Магистр. — Каков обманщик. Ты куда обещал поцеловать, а сам? Вот и верь после этого людям.

— Что ты с ней сделал, душегуб! — бледный от ярости прошептал Санька.

Монах пожал плечами:

— Да ничего особенного. Просто любовь. Тебе этого по молодости лет не понять, а Василиса — она девушка умная, немного подумала и выбрала. А ты со своими слюнявыми поцелуями лезешь. Налицо смертельное оскорбление нашего королевского величества. Братья мои. Скиньте этого орла с башни вниз, пусть немного полетает; а мне пора заканчивать обряд. Звезда сияет уже в полную силу, — приказал он своим людям и вновь протянул Василисе оттопыренный палец.

Но не тут-то было. На плечо царевне взлетел Баун. Одним ударом лапы вырвав из ее волос заколку, он молниеносно развернулся, кинулся к Магистру и, отчаянно мяукая, всеми четырьмя лапами вцепился в противную физиономию. Тот завизжал дурным голосом, пытаясь освободиться.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, Санька раскидал в разные стороны своих стражей, в два прыжка пересек расстояние, отделявшее его от Василисы, схватил ее в

охапку, решив силой унести из-под венца, и вдруг запнулся, увидев, что Магистр намертво зажал шею кота обеими руками. Баюн дернулся несколько раз и вытянулся. Монах с отвращением бросил бездыханное животное на пол и повернулся к богатырю:

— Положи ее, где взял.

Тот медленно поставил девушку на пол и, сжав кулаки, молча двинулся на Магистра. Вмиг серая толпа навалилась на паренька. Его сшибли с ног и принялись бить, и как он ни пытался подняться, снова и снова валили на пол, продолжая наносить удары.

— Так будет с каждым, кто встанет у меня на пути, — сказал Магистр, затем, спохватившись, взглянул на Звезду и приказал: — Добейте и выкиньте. И не забудьте вымыть пол. Чистота — залог здоровья. А мне, в конце концов, пора заканчивать мероприятие.

Кашей Бессмертный широкими шагами нервно мерил зал. Бледное лицо его совершенно побелело от ярости и бессилия. Он ходил взад-вперед мимо большого зеркала, в котором отражались события, происходившие в заброшенном замке. Он видел, что богатыря ожидает неминуемая гибель: два дюжих монаха, ухватив Саньку за руки за ноги, потащили его к краю башни, а рядом не было никого, кто бы мог прийти ему на помощь.

На этом можно было бы закончить сказку, если бы не Судьба, которая любит иногда (особенно если уже от нее ничего больше не ждут) преподнести неожиданный подарок.

Весь в крови, без шлема, но радостно возбужденный, из двери вывалился Розочка. Мгновенно оценив обстановку, он одним лихим ударом снес головы обоим монахам и, сияя от счастья, наклонился к другу.

— Дракона я победил! — восторженно сообщил он. — Теперь обо мне сама песнь сложат.

— Похоронную, — зловеще уточнил Магистр и махнул рукой. Из-под балахонов вылетели обнаженные мечи, и че-

рез минуту перед рыцарем выстроилась плотная цепь серых воинов.

— Стойте! — раздался звонкий голос, и, решительно растолкав нападавших, к Саньке подбежала Василиса. — Милый, ты? — нежно погладила его по щеке.

От этих слов у Саньки закружилась голова, жаром обдало все его тело, он вдруг почувствовал, что силы стремительно возвращаются к нему. Розочка протянула Саньке руку и помог подняться. Богатырь встал, повел плечами: все тело болело, но кости были целы. Значит, еще можно сопротивляться. И пусть у него нет меча, но рядом стоит любимая девушка, прикрывает щитом замечательный друг, и есть... Оберег. Вот он, этот миг, когда потребовалась помочь волшебного колечка. А уж желания свернуть Магистру шею у богатыря было предостаточно.

Неожиданно раздалось пение петуха. Магистр подскочил и с ужасом в глазах повернулся к Черной Звезде. Но, увы, Звезды не было. Она исчезла, растаяла, а на горизонте мелькнула маленькая розовая полоска.

С перекошенным от гнева лицом монах подскочил к Саньке:

— Ненавижу! Ты второй раз испортил мне все дело.

— Взаимно, — отрезал тот и провел прямой удар в челюсть.

Раздалось смачное «хряк», и Магистр рухнул на пол как подкошенный.

— Бедненький, умаялся, всю ночь глаз не сомкнул, — покачал головой богатырь и погрозил монахам кулаком. — А вы чтоб не будили, пусть поспит.

Серые испуганно закивали.

Василиса обхватила своего спасителя за шею и крепко поцеловала.

— Ты вернулся. А пропал, даже весточки не оставил.

— Не мог. Честное слово, не мог. Но теперь я снова с тобой и никуда больше не исчезну. Давай, пока не поздно, отсюда выбираться.

Он присел на корточках перед котом, взял его и бережно прижал к груди:

— Бедная киса. Здесь не брошу, домой отнесу.

— Берегись! — раздался отчаянный крик Розочки.

Но было поздно. Пока все радовались победе, неслышной тенью из потайного люка выполз Хряк и растолкал Магистра. Обезумев от ярости, монах решил всех уничтожить. Два черных шара, несущих смерть, взлетели в воздух.

Санька закрыл собой Василису и выставил вперед руку. Ярким пламенем вспыхнуло колечко, и навстречу шарам вырвался огненный меч. Магические талисманы на мгновение замерли, а затем начали медленно кружиться в воздухе, словно танцуя. Все присутствующие, затаив дыхание, наблюдали за этим скрытым противостоянием, и только Санька, ухватив за рукава Василису и Розочку, начал потихоньку пятиться к двери. Угрожающие защелкали шары, в ответ загудел меч. Звук постепенно нарастал, и вот уже завибрировали стены, пол. Внезапно шары рванулись вперед, Оберег преградил им дорогу, они столкнулись, и раздался взрыв. Яркая вспышка ослепила, а ударная волна расшвыряла всех в разные стороны. Стены замка пронзила судорога, начали сыпаться камни.

Богатырь, не выпуская кота, вместе с царевной и рыцарем бросился бегом вниз по лестнице, стремясь скорее выбраться наружу. Хряк, шатаясь, двинулся следом, лишь Магистр остался лежать на полу без движения. Зашатались стены, начал рушиться потолок, в клубах пыли, огня и дыма заметались монахи. В последнем рывке троица выскочила из ворот на волю, и в тот же миг замок рухнул, похоронив под обломками всех оставшихся внутри. Во все стороны полетели клубы черного дыма и пыли.

Когда они рассеялись, Санька вытер чумазый потный лоб и облегченно вздохнул:

— Кажись, выбрались. А колечко-то сработало. Спасибо Кашею. Кстати, кто последний видел Лешего? Розочка, ты не заметил, куда он подался?

— Это тот чудак в рваной перепоясанной веревкой куртке, который меня из темницы выручил? Я его потерял из виду, когда с драконом сцепился. Сам понимаешь, не до того было. Но если я не ошибаюсь, он кричал, что дело у него одно есть, должок отдать хочет. И когда успел в долги залезть? А потом монахи, взрывы, землетрясения. Не знаю, может, отстал или завернулся куда-нибудь.

— Ладно, будем надеяться, живой, догонит. А теперь быстренько поднялись и бегом... — Санька остановился на полуслове, наклонил голову и широко улыбнулся: — Глядите, наши кони.

Подождав, пока люди усядутся, умные животные вихрем сорвались с места, и вскоре появились знакомые владения эльфов.

Прямо перед ними возник дозорный:

— Король Тарагор с королевой Алллейоннией уже извещены о вашем появлении. Мне поручено проводить вас.

— Прекрасно, — ответил Санька и предложил своим спутникам: — Давайте дальше пешком пройдемся. Тут недалеко, зато красота-то какая.

Отпустив коней, они не торопясь поднялись на холм и увидели спешившего к ним навстречу Тарагора вместе с Аленой.

— Друзья мои, вы вернулись, — радостно улыбаясь, развел в стороны руки эльф. — И я гляжу, вас можно поздравить.

— Василиса — просто красавица, — прошептала королева и взяла царевну за руку. — Сколько вам пришлось пережить. Вы непременно должны мне обо всем рассказать.

— Сегодня, по такому замечательному случаю, устраиваем праздник! — объявил король.

Где-то вдалеке заиграла дудочка, затем ударил барабан. Правда, мелодия была какая-то странная, урывчатая.

— Смотри-ка, — заметил Санька. — В прошлый раз я, кроме скрипки, ничего не слышал, а у вас, оказывается, целый оркестр. Рояль, случайно, в кустах не спрятан?

— Повезло тебе, — нахмурившись, ответил Тарагор. — Это сигнал тревоги. Среди нас появился враг.

Санька и Розочка схватились за мечи. Неужели снова Серый Орден?

Новая дробь, и король поспешил успокоить гостей:

— Все в порядке. Непрошеного гостя уже поймали. Сейчас его приведут сюда, и мы посмотрим, что это за птица.

Вскоре между деревьев показался вооруженный отряд, посередине которого шел плотно обмотанный веревками дед в куртке, застегнутой на левую сторону.

— Леший, — ахнул Санька и повернулся к эльфу. — Это наш друг. Он помогал освободить Василису.

Король, сложив руки на груди, со скептическим видом обошел вокруг пленника и остановился напротив:

— Очень интересно. И сколько у тебя таких друзей? Сначала был кот. Мне объяснили, что он маленький. Хорошо. Но этот-то большой. Как он сумел незаметно так далеко пробраться? И никто не обнаружил его. Он очень опасен.

— Ваше величество, это не так, — запротестовал богатырь. — Он родился в лесу, живет в лесу. Для него лес — дом родной.

— Милый, — вступилась королева. — Друг нашего друга не может быть нашим врагом.

— Возможно, — немного помолчав, согласился король и приказал развязать пленника. — Все-таки в следующий раз, — добавил он, — пожалуйста, идите открыто, не прячась. О вашем же здоровье беспокоюсь. И давайте продолжим наши беседы за столом. Прошу всех за мной.

Появилась знакомая поляна с накрытым столом. Низко поклонившись, заиграл музыкант. Все расселись по местам, наполнили кубки, и Санька рассказал хозяевам о пережитых приключениях. Дойдя до гибели кота, он не смог сдержать слез.

— Помянуть бы геройское животное, — сумрачно предложил Леший.

— Обязательно, — кивнул богатырь. — Кстати, а куда ты в замке потерялся?

— Хряка ловил. Когда эта чехарда у рыцаря со Змеем началась, в дверь советник заглянул — и назад. Я, естественно, за ним. Он юрк в один из боковых ходов. Я — следом, а там тупик. Пока раздумывал, куда же подевался подлый предатель, стены задрожали. Чую, запахло жареным. Я быстрее ноги в руки и обратно в погреб. Едва успел, даже под землей протрясло. Вылез наружу в соседнем лесочке, гляжу: черный дым над кучей развалин. Пошел вас искать, наткнулся на знакомые следы. Остальное проще пареной репы.

— Хочу сказать, — поднялся со своего места рыцарь. — Я счастлив, что повстречал... Э, уважаемый Леший, где ваша чаша для пития?

— А я уже. Того... Ее... — засуетился дед. — А чаша тут была, ей-богу. Может, завалилась куда?

Не успел он договорить, как подлетел слуга и поставил перед ним новую кружку с ароматным напитком. Леший покосился на ее содержимое и скривился.

Тарагор выпрямился:

— Тебе не нравится наш нектар?

— Да ничего, нормально, — замялся старичок. — Только в ней градусов не хватает. Вашу водичку раза три перегнать — цены ей не будет.

Король нахмурился.

— Не верите? Значит, так, прикажите принести сюда еще нектару, дрожжей. Затем нужно соорудить вот такою штуковину. — Леший как мог объяснил королю, что ему требуется.

Занитригованный эльф хлопнул в ладоши. Подскочившие слуги принялись выполнять все указания деда. Через пять минут благодаря умению лесных жителей и паре волшебных заклинаний из трубки тонкой струйкой потекла прозрачная жидкость. Леший, ловко подставив ковшик, слегка пригубил и удовлетворенно крякнул:

— Вот теперь это НЕКТАР. Угощайтесь.

Санька взял ковшик и хлебнул.

— Самогон, — выдохнул он.

— Он самый, — гордо подтвердил Леший. — Артель веников не вяжет.

Алена понюхала и сморщила носик.

— Бр-р-р. Нет, я это пробовать не буду. И вообще пора спать. Василиса, оставим мужчин и пойдем перед сном поболтаем. До завтра.

Следующую чарку выпил Розочка. Несколько мгновений он стоял затаив дыхание с широко раскрытыми глазами, на конец выдохнул и сказал:

— Ядрена.

Тарагор одним махом опрокинул содержимое себе в рот.

— Неплохо. Можно повторить.

— Сразу видно, король! — восхитился Леший и лихо поставил на стол полную бутыль. — За спасение Василисы!

Время шло, а веселье продолжалось в полном разгаре. Напряжение, в котором все находились последние дни, спало, и теперь каждый старался выговориться. Перебивая друг друга, не слушая собеседника, они рассказывали и рассказывали о своих приключениях, о сражении, о чудесном завершении похода по тридевятому царству. Розочка без конца пырвался продемонстрировать свой исторический удар, поразивший Змея, а Леший с Тарагором разъясняли друг другу преимущества единения с природой. Придворные притащили уже второй бочонок, который тотчас был пущен в доработку.

Вы видали пьяного эльфа? От выпитого он беспрерывно болтал. Неожиданно взлетел вверх и все никак не мог приземлиться, веселым смехом сопровождая каждую такую неудачную попытку. Наконец он зацепился за куст, опустился на землю и, уставившись своими большими глазами на Саньку, спросил:

— Ты чего такой грустный?

Вместо ответа богатырь подтянул сумку, развязал ее и аккуратно положил тело кота на землю.

— Вот. Придем домой — похороню.

— Баюн?

Санька молча кивнул.

Тарагор помотал головой:

— А хоронить-то зачем?

— Небросать же диким зверям на съедение, друг все-таки.

— Это я сказал «бросать»? — насупился эльф.

— А кто, я? — надулся богатырь.

Они вскочили и стояли друг против друга. Точнее, эльф парил на уровне Санькиной головы.

— У меня вода есть.

— Можно подумать, у нас воды нет.

— А она оживлять может?

— Нет.

— А моя может.

— Ну и что? Зато моя горит, — не сдавался парнишка.

— Хорошо. Я докажу. У нас тут ручей протекает. Пошли.

— Купание при луне?

— Нет. Его возьми. — И эльф показал на кота.

— Думаешь, его помыть надо? — засомневался Санька. — Хотя тебе виднее. Эй, народ...

Он повернулся к товарищам, но оказалось, что Леший и рыцарь уже спят.

— Все-таки мы с тобой самые стойкие, — сказал он Тарагору. — Пшли.

Оба уже достаточно набрались, и ноги их самостоятельно выбиравали себе дорогу, причем каждую тянуло почему-то в противоположную сторону. Санька старался не выронить мешок и не потерять эльфа из виду. Хотя потерять того было трудно. Король больше не взлетал, но зато постоянно спотыкался и едва не падал, что очень его веселило. Наконец они подошли к ручью.

— Вот, — сказал эльф, — кидай кота, только смотри сам не завались.

— Не боись, сделаем в лучшем виде, — успокаивающе выставил вперед растопыренную ладонь парнишка и повернулся к ручью, но не сумел удержать равновесия и шлепнулся плашмя в воду. Кот же так и остался лежать на берегу. Уви-

дев эту картину, эльф опустился на землю и глубоко задумался, подперев голову рукой.

— Ты что? Расстроился? Это у вас священный ручей и в нем нельзя купаться? — тревожно спросил, вылезая, мокрый богатырь.

— Нет. Просто ты теперь будешь жить вечно. Это волшебный источник. Мы в нем омываемся один раз в год, и он продлевает нашу молодость и избавляет от всех болезней. Обычный человек, искупавшись в нем, никогда не умрет. Только — тс-с. Это страшная тайна.

Как ни пьян был Санька, но это сообщение он понял.

— И много уже обессмертилось?

— Пока ни одного не видал. При мне никого сюда не приводили, запрещено. Ты первый.

— И меня никто-никто не сможет убить?

— Ты не веришь королевскому слову? — снова выпятил грудь Тарагор.

— Верю, — не стал спорить Санька. — Но это дело надо проверить. Вот пойду я в бой, а это все сказки. Представляешь? Ну-ка стукни меня мечом, посмотрим.

— Посмотрим, — согласно кивнул эльф и потянул меч.

Первый удар не получился. Клинок зацепился за ветку и врубился в дерево.

— Ты неправильно стоишь. Встань немного подальше от этих дурацких деревьев.

Богатырь послушно перешел на другое место. Эльф широко размахнулся, но не успел опустить меч на голову богатырю, как от сильного толчка полетел на землю. Рядом с ним появилась разгневанная Алена.

— Назюзюкался! На гостя руку поднимаешь!

— Дорогая, ты ничего не понимаешь. Он искупался в нашем потаенном ручье и стал бессмертным. Ты легенду помнишь? А мы просто хотели проверить, что получилось.

— Да, мы... того... Экс-кс-пере-мети... Эксмеперетировали, — подтвердил Санька.

— Ах, экспериментировали. Истину искали? — Королева хлопнула в ладоши и приказала появившимся слугам:

Немедленно уничтожить зловредный агрегат. Не то еще кто-нибудь найдет приключений на свою глупую голову.

— И это ты говоришь о своем короле, — возмутился Тарагор и схватил парнишку за рукав. — Я тоже дрался за нее, и вот посмотри — в ответ никакого уважения. Мы с тобой решили сделать доброе дело — это замечательное животное, хорошего друга...

— Он еще сказки писал, — добавил богатырь.

— Вот. Ты слышала? Известный писатель! — Король наиздательно поднял вверх указательный палец. — Его просто хотели искупать в волшебном ручье, а нас за это...

— Помыть его хотели, — развел руками Санька.

Алена все еще продолжала хмуриться.

— У моего дорогого супруга после вашего напитка стало плохо с памятью. Это самый обыкновенный ручей.

— Да? — безмерно удивился эльф. — А где же волшебный?

— А как же бессмертие? — забеспокоился Санька.

— Легенда гласит, что простой человек, искупавшийся в волшебном ручье, живет вечно, но... на дне этого самого ручья. Тебе этого хочется?

— Не...

— Тогда для чего ты в воду полез?

Тарагор тяжело вздохнул:

— Милая, мы тебе уже битый час объясняем: произошло недоразумение. Никто и не собирался купаться. Мы принесли кота. Мы хотели его...

Королева посмотрела на обоих и рассмеялась:

— Все ясно. Вам очень сильно повезло, что волшебный ручей находится чуть дальше, вон за теми кустами.

Король с Санькой переглянулись, прошли вперед и увидели неприметный ручеек, совершенно скрытый от посторонних глаз густыми зарослями ивы. К этому времени они уже совершеннопротрезвели, эльф на всякий случай отобрал у богатыря его ношу и осторожно опустил безжизненное тело в воду.

Оглушительный кошачий вопль разнесся на всю округу. Фыркая и пуская пузыри, Баюн вырвался из рук и стрелой вылетел на берег.

— Ой, котик, ожил! — всплеснул руками Санька.

— Варвары! Убивцы! Утопить решили?! Сначала мордой в воду, а потом удивляются, неужто живой. Я вам что, морской котик? Всю шкуру вымочили, сущись теперь.

Эльф, оторопев, смотрел на кота, а затем принял ходатайство:

— Серьезное животное.

— Самостоятельное, — уточнил Санька и протянул коту полотенце. — Вытереться не желаешь?

Баюн даже зашипел от возмущения и решительно направился в кусты:

— Обойдусь. Хороши у меня друзья? Нет, чтобы подумать своей пустой головой, что могут замочить светило мировой литературы... — Его недовольное ворчание раздавалось еще долго.

Утром Санька проснулся от того, что эльф толкал его в бок.

— Банька.

— Спасибо.

Он усился на своем ложе из лесных трав и окинул взглядом хижину. Рядом хранили Леший и рыцарь. Санька вспомнил, что с ним приключилось в эту ночь и замер, а вдруг это все приснилось. С перепоя. Он поиском глазами сумку и, не найдя, в волнении вылез наружу. Рядом на травке сидели Василиса и Баюн.

Кот, подняв хвост трубой, подбежал к парнишке и, выгнув спину, принял теряться о его ноги.

— Киса, — только и смог выговорить богатырь, и у него запершило в горле. Он быстро отвернулся и украдкой смахнул слезу.

В спину ему уткнулась девичья голова:

— Мы тебя очень любим.

— Я вас тоже и никогда с вами не расстанусь.

* * *

Санька сидел в предбаннике и с отрешенным видом разглядывал потолок. Отворилась входная дверь, и появился рыцарь с маленьким бочонком под мышкой.

— Кейфуешь? А я тебе попить принес. И как вы в таком аду дышать умудряетесь. У нас нальют теплой воды в бочку, залезешь в нее по самую шею и сидишь — красота.

— Так даже и не пойдешь? — поинтересовался богатырь, наливая себе нектара.

— Я что, сам себе враг? — пожал плечами рыцарь. — С меня одного раза хватило. Вот с тобой посижу немного и пойду. Ну ее, эту вашу баньку.

— Вы Василису не видали? — раздался голос, и из-за порога выглянул Баюн.

— В парилке, — ответил Санька. — Ненормальная. Так разошлась, дышать нечем.

— Ух ты, — восторженно взвизгнул Розочка, и не успел никто ничего сказать, как он скинул штаны с рубахой и нырнул внутрь.

Раздался грохот, жалобный вопль рыцаря, и он с ведерком на голове, скрестив руки на животе, вылстел обратно.

— Ой, смерть моя пришла. Ой, эта ненормальная баба. Что я, рак, чтобы меня кипятком шпарить.

— Нечего лезть куда не надо, — раздался в ответ гневный девичий голос.

Санька, хохоча, повалился на лавку:

— А действительно, чего ты туда полез?

— Как чего? Сполоснуться. Говорят, у вас бани общие. Я же безо всяких задних мыслей. Спинку потереть.

— Ты где таких глупостей нахватался?

— Да был один из наших в ваших краях. Правда, недолго. Так он потом специально по деревням ездил. Его даже благородные рыцари к себе в замки приглашали. Соберет людей, с каждого по золотому, и давай рассказывать всякие диковинки: у вас народ лютой зимой в сугробах с медведями в обнимку спит; ковшиками пьет страшную «брагу», от которой нормальный человек замерзть падает. Ну, про бани тоже.

Вы меня, конечно, извините, но по его рассказам выходило, дикий вы народ.

— У нас тоже один приходил, — не выдержал Баюн, — Небылицы плел. Мол, есть страна такая, Индия. Люди с рожками, вверх ногами ходят, и с высокой горы край Земли видать. Соседский купец поехал: тоже думал, диковинку оттуда привезет и всем показывать будет, а за показ денежку получать. Вернулся ни с чем. Все наврали, говорит.

— Врут, — подтвердил Санька. — Вернется вот такой вруша, похвастаться-то охота, а нечем, вот и начинает всякие сказки сочинять. Или натворит чего и, чтобы себя обелить, других охавивать начинает. Проверить их рассказы никто не может, вот люди и верят. Мы-то на самом деле жуткое приключение пережили, и об этом можно написать.

Богатырь встал и, слегка подывая, начал читать.

Как в стольном граде у царя
Росла дочурка молодая.
И, словно алая заря...

Краем глаза он заметил, как Баюн что-то быстро строчит на клочке бумаги.

Розочка также сунул свой нос, пытаясь прочесть кошачьи каракули, но Баюн шустро загородился, продолжая писать.

— Чего это ты делаешь? — поинтересовался Санька.

— Да так, кой-какие мысли записываю, — отмахнулся кот. — Ты не отвлекайся, диктуй давай.

— Ворюга! — закричал рыцарь. — Он твои стихи ворует.

— Не ворую, а сохраняю народный фольклор, — разъяснил кот. — Нашему прославленному герою это все равно ни к чему — он же книгу писать не будет.

— Тогда давай я про «алую зарю» в свой сонет вставлю, — не унимался рыцарь.

— Размечтался. Я первый записал.

— Хватит вам спорить, — рассмеялся Санька. — Розочка, как тебе такой стих?

Уж если ты разлюбишь — так теперь.
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.

— Это тоже твое, — насторожил уши Баюн.

— Нет, Шекспира.

— Чур, теперь я первый, — поднял руку рыцарь. — С этим Шекспиром я потом встречусь, поговорю. А всяким животным нечего лезть. — И он принялся водить пером, старательно прикрывая лист ладошкой.

Распахнулась дверь, и выплыла Василиса. Рыцарь быстремько отскочил в сторону.

ДОРОГА ДОМОЙ

Но вот настало время идти обратно. Во-первых, Горыныч. Надоест ему ждать, возьмет и улетит. Добирайся потом. А еще дома Берендей ждет не дождется, тревожится; его поскорее успокоить нужно.

Ранним утром все собрались на поляне. Санька и Розочка уселись на своих коней, Василисе эльфы подарили небольшую смирную лошадку, кот забрался в знакомую корзинку, зато Леший категорически отказался ехать верхом, доказывая, что он пешком раньше всех доберется до Волшебных гор, где и будет их ждать.

Тарагор и Алллейонния проводили их до подножия холма.

— Здесь мы с вами расстанемся, — проговорил король. — Я рад, что познакомился с вами. Рыцарь Алекс Краунц фон Розен, отныне в любое время дня и ночи ты желанный гость в моих владениях. Если тебе когда-либо понадобится помочь, у нас ты ее получишь. Лесной дед по имени Леший. Мы с тобой не прощаемся. У нас много общего, и мы ждем тебя в гости.

— Но без твоего зелья, — добавила, улыбаясь, королева.

Эльф подмигнул смутившемуся старичку и продолжил:

— Мудрый и храбрый кот Баюн, я надеюсь, мы еще услышим твои сказки.

Эльф немного помолчал и посмотрел на Саньку с Василисой:

— И уж конечно, я счастлив, что судьба свела нас с таким отважным богатырем и такой красавицей. Сумеете ли вы еще раз посетить наш лес, не знаю, но желаю вам счастья и никогда больше не расставаться. Счастливого пути. С вами пойдут мои люди. Они доведут вас до границы наших владений, а там до Волшебных гор рукой подать.

— Берегите друг друга, — помахала на прощание Алена.

Дорога назад, по знакомым местам, всегда кажется короче. Вскоре показалось коварное маковое поле. Когда оно осталось позади, эльфы поклонились и бесшумно исчезли.

— Ку-ку, — раздалось из кустов, и появился Леший. — Сколько ждать можно? Вы что, домой не торопитесь?

— Еще как торопимся! — радостно воскликнул Санька. — Все, приключение закончилось! Вон дорога, а вот и то место, где мы с Розочкой от ревнивого барона отбивались. До гор осталось совсем немного: два-три полета стрелы. К полудню мы будем на другой стороне, а там нас встретит Горыныч и к вечеру домчит до дворца Берендея.

— Как все у тебя просто, — посмотрел на него кот. — А кто проход укажет? Луны днем нет.

— Зато есть я! — гордо выпятил живот Леший. — Я же вам сказывал, что знаю одну тропку через горы. Знамо дело, вход на нее заколдован, но много лет назад...

Страшный грохот прокатился по округе. Все невольно пригнулись, а кони поднялись на дыбы.

— Это что? — спросил ошеломленный рыцарь, успокаивая своего скакуна.

— Может, гром? — ответил Санька, задрав голову вверх.

— Кто бы мне еще тучи показал, — буркнул кот. — Гром среди ясного неба — не к добру.

— Не зуди, беду накличешь, — цыкнул на него Санька и повернулся к Розочке. — А ты куда? К нам в гости не хочешь?

— С превеликим удовольствием, но только как-нибудь в другой раз. Тут недалеко, в трех днях пути, есть замок. В одной из башен этого замка живет прекрасная принцесса. Во-лею судеб мне пришлось ее спешно покинуть, а мне очень бы хотелось исполнить до конца один сонет, прерванный на полуслове.

— Отец? — поинтересовался Леший.

— Хуже. Муж.

— Так как же ты тогда в замок-то попадешь? — удивился Санька.

— Нормально, — пожал плечами рыцарь. — Вызову этого тирана на дуэль, убью, а затем дочитаю свое произведение.

— Ну ты даешь! — рассмеялся богатырь. — Слушай, эта принцесса никуда не денется. А ты наших девок посмотришь. Они, если ты хочешь знать, самые красивые на весь свет.

— Да ну?

— Ну да. Пошли, сам увидишь.

Рыцарь почесал макушку, подумал и отрицательно махнул рукой:

— Нет, не могу.

Он крепко обнял Саньку, Лешего, потом подошел к Велике.

— Прекрасная царевна, я хотел сочинить сонет в вашу честь, но все мои чувства не вмещаются в жалкие четырнадцать строчек.

— Можешь попытаться запихать их в большой любовный роман в стихах, — сстроив невинную морду, подсказал Баюн.

Розочка резко развернулся, пытаясь поймать насмешника за хвост, но не успел — Баюн уже сидел на дереве, сосредоточенно вылизывая усы, как будто был ни при чем.

Рыцарь сделал вид, что он тоже просто потянулся, и продолжал:

— Когда я буду в ваших краях, то преподнесу прелестной деве нечто необычное — поэму.

— Мы будем с нетерпением ждать тебя, Рыцарь Алой Розочки, — поклонилась Василиса и, не удержавшись, звонко чмокнула его в щеку.

Рыцарь осталенел, покраснел, хотел что-то сказать, но, не найдя подходящих слов, пожелал «Счастливого вам пути» и ускакал.

Остальные двинулись в противоположную сторону, к перевалу. Но чем ближе они подходили, тем странней становился ландшафт. Казалось, здесь прошел гигантский смерч. Поваленные, искореженные деревья, беспорядочное нагромождение каменных обломков делали дорогу непроходимой. Иногда ощущались слабые подземные толчки, словно земля не могла успокоиться. Леший все больше мрачнел и наконец в растерянности остановился.

— Я не знаю, что здесь произошло, но моей тропинки больше нет. Ее полностью уничтожила какая-то ужасная, колдовская сила.

Первым пришел в себя Санька.

— Если я не ошибаюсь, то немного дальше будет пещера, а в ней начинается туннель на ту сторону. Все бы ничего, но могут быть маленькие неприятности: где-то неподалеку живет Червь; затем гномы — неизвестно, как они отнесутся к такому количеству незваных гостей. И последнее: я не знаю дороги. Поэтому придется рассчитывать на удачу, авось прокочим.

— Слушай, Леший, как ты думаешь, а что в таком случае он считает крупными неприятностями? — поинтересовался Баюн.

Старичок ничего не ответил, он до сих пор не мог поверить в случившееся.

— Другой дороги все равно нет, — взяла богатыря за руку Василиса. — Пошли.

В этот момент к ним подлетел встревоженный Розочка:

— Ребята, хочу вас предупредить, тут бродят тролли. Я только что видел одного из них.

Больше он не успел ничего сказать, три стрелы одновременно воткнулись ему в грудь, и он как подкошенный рухнул с коня. А из-за деревьев выскочили безобразные существа.

Ни секунды не мешкая, Санька несколькими ударами расправился с врагами и, окинув тревожным взглядом окрестности, направился было к своим друзьям, но задержался, задумчиво потер лоб, рассматривая мертвцев, и вдруг вспомнил — эти жуткие физиономии он видел в своем странном сне.

«Не зря Липуня говорил, что сон вещий. Вот и сбылось, — подумал богатырь. — Ничего, и этих одолеем».

Рыцаря уже осторожно приподняли, прислонили спиной к дереву, и Леший выдернул стрелы.

— Не шевелись, сейчас мы тебя перевяжем, — бормотал он, пытаясь расстегнуть пряжки.

Розочка отрицательно помотал головой и, сунув руку под панцирь, вытащил толстенную пачку бумаг, наполовину пробитую стрелами.

— Мое последнее сочинение. Поистине поэзия дарит людям жизнь! — торжественно провозгласил он и, кряхтя, начал медленно вставать. — Вы уходите отсюда поскорее, а то неизвестно, сколько еще этих монстров бродит.

— А ты?

— За меня не волнуйтесь. Помогите только на коня взобраться, а уж тогда меня никто не догонит.

Розочку осторожно усадили в седло, он махнул на прощание рукой и тронул поводья. Вскоре вдали затих топот копыт.

Большой Валун стоял на прежнем месте. Путники подошли к пещере, однако входить в нее почему-то никто не торопился. Леший неуверенно мялся, предлагая поискать другую тропку, Василиса притихла, у кота шерсть стояла дыбом. Все чувствовали невидимую, но зловещую опасность. Беспокоили и заметно усилившиеся подземные толчки: а вдруг горы опять вздумают двигаться.

— Ох не нравится мне под землей ползать, — вздохнул Баюн. — Но и здесь оставаться хочется еще меньше. Давненько у меня не было такого большого выбора. А интересно, твой Червяк предпочитает добычу покрупнее или помельче? По идеи, на такой пустяк, у которого больше половины веса несъедобная шерсть, он не должен обращать внимания. Опять же удобнее хватать того, кто покрупнее, — не промахнешься.

— Слушай, животное, — рассердился Санька. — Ты книгу ужасов писать не пробовал? И так мурашки по телу, а еще ты страху нагоняешь. Вот сейчас пошлю вперед, тогда и посмотрим, чего тварь любит. А мы... Атас! Все в пещеру! Тролли!

Со стороны леса показались тролли. Низко пригнув головы, с горящими от злобы глазами, они быстро приближались, а вслед за ними появлялись все новые и новые враги. По сравнению с ними призрачная опасность где-то там, внутри гор, стала казаться совершенно незначительной.

— Леший, ты первый. Если кто на пути встанет, бей без разговоров. Вопросы задавать потом будем. Василиса вторая. Котик, постарайся не потеряться, как в прошлый раз. Я прикрываю, — быстро и четко распорядился богатырь и едва договорил последнее слово, как сразу же вступил в бой. Перед ним выросла большая косматая фигура и замахнулась дубиной, но напоролась на меч и замерзло уткнулась в землю.

И началось. Преследователи повалили толпой, громко визжа и размахивая дубинами. От их воплей, криков и хрипов закладывало уши. Хорошо еще, что проход был не таким широким и нападать могли не более трех врагов одновременно. Санька, медленно отступая, метался от одной стенки туннеля к другой. Меч эльфов раскалился и тихо гудел.

Леший, краем уха прислушиваясь к происходящему позади, внимательно смотрел вперед, готовый немедленно отбить любое нападение. Василиса, стараясь от него не отставать и переживая за богатыря, постоянно оглядывалась на-

зад. Баюн дисциплинированно бежал рядом, беспокойно поводя ушами; его тревожил неясный гул, нарастающий где-то глубоко под землей.

А тролли не унимались. Не обращая внимания на убитых и раненых, они лезли и лезли бесконечной ордой.

Санька понимал, что долго так продолжаться не может, в конце концов его просто задавят количеством. Он начал уставать и пропустил удар. Хорошо еще, что он пришелся вскользь: парнишка успел отпрянуть и остался на ногах, но плечо пронзила резкая боль.

— Где эти несчастные гномы? — пыхтел богатырь. — Могли бы и помочь хорошим людям. Ведь тролли их враги, так нет, сидят где-то неподалеку, в стороне, и выжидает, чем все это кончится. А кончится все это очень плохо.

Так и получилось. Один из нападавших, громко зарычав, прыгнул. Санька увернулся и пронзил его мечом, но вытащить свое оружие не успел — убитый навалился на него и сшиб с ног. Моментально вскочив, богатырь похолодел — он оказался безоружным перед врагом. Тролли, почуяв легкую добычу, радостно завыли и кинулись на него.

— Поберегись! — раздался предостерегающий крик Лешего, и мимо Санькиной головы пролетел приличный кусок скалы, попав переднему троллю прямо в лоб. Тот пошатнулся и рухнул на землю, остальные, запнувшись о неожиданную преграду, повалились сверху, закупоривая путь.

Леший запустил в сторону врагов второй камень и зарычал:

— Удираем, пока они не очухались!

— Не успеем! — закричал в ответ богатырь, поднимая с пола дубину. — Ты дорогу знаешь? Нет? И я не знаю. Но Василису мы обязаны спасти. Вся надежда на ваш волшебный дар да на чутье кота. Так что убирайтесь отсюда поскорей, а я этих гадов сколько смогу задержу.

Лесовик бросил взгляд на приближающуюся разъяренную толпу и, крякнув, увлек царевну в глубь пещеры.

Мощным ударом Санька уложил первого врага, но на него навалилось сразу шесть пятых, тяжелых тел и придавили к

земле. Внезапно, задыхаясь от вони и смрада, богатырь почувствовал сильнейший подземный толчок. Сверху посыпались камни.

«Обвал. Горы проснулись, — подумал он. — Сейчас нас тут и закопает».

Но тролли также прекрасно знали, чем это грозит. Не сговариваясь, они схватили пленника за руки за ноги и бросились прочь из туннеля.

Выскочив на поверхность, они перебежали поляну и нырнули в густой лес. Еще несколько минут быстрого бега — и показалось полуразрушенное строение: вырубленная в небольшой одинокой скале маленькая старинная крепость. В ней скорее всего в стародавние времена от вражеских набегов скрывались местные жители. Теперь же заросшие высокой травой и густым кустарником полуразвалившиеся постройки больше походили на обломки скал, лишь темным прямоугольником входа напоминая о живших здесь людях.

Вот сюда и притащили Саньку, всю дорогу занятого единственной мыслью, как бы не разбить себе голову о встречные камни и коряги. Несмотря на все свои старания, он не сумел избежать ударов, однако сразу же позабыл про боль и ссадины, увидев, где очутился: это была «пещера» из его странного сна.

Низкий закопченный потолок, обросшие мхом серые стены, а посередине — большой, знакомый до ужаса котел.

Несколько троллей бросились таскать хворост, другие побежали с ведрами за водой. Длинный и худой тролль порылся в охапке лежащего в углу сена, выудил оттуда старый ржавый зазубренный нож и принялся его точить, умильно поглядывая на пленника, которого даже не стали связывать, посчитав, что безоружный он больше не опасен.

«Сейчас я вам устрою «Подземное побоище». Вы меня надолго запомните, — подумал богатырь, прикидывая расстояние до ближайшей дубины. — Мне бы на волю выбраться, а там ищи ветра в поле».

Он медленно подобрал ноги и руки, напрягся и только приготовился кинуться в бой, как в проеме возник темный силуэт, и знакомый голос насмешливо произнес:

— Здравствуй, голубок.

Да, это был Хряк. Ушлый, способный выкрутиться из самых безнадежных ситуаций бывший советник царя Берендея собственной персоной. Вот и теперь, вместо того чтобы смирно лежать под развалинами заброшенного замка, он шагнул внутрь, остановился напротив богатыря и что-то шепнул на ухо одному из троллей. Тот незаметно исчез.

— Что, не ожидал? — ласковым голосом спросил Хряк. — Небось и похоронил уже? А зря. Живой я, живой. А где твои друзья? Удрали? И тебя бросили? Ай-ай-ай. Как нехорошо. Ты Василису спасать явился, а она тебя бросила. А Леший? Он потому в лесу и прячется, что всех боится. Но ничего. Ты пока у нас отдохнешь, а мы твоих товарищей догоним да назад вернем.

— Смотри не споткнись... — начал Санька, вскакивая на ноги. Увидев ненавистную физиономию, он теперь думал только об одном: как с ним рассчитаться, но получил сильнейший удар по затылку и снова повалился на пол. В голове у него зазвенело. Оказывается, тролль незаметно подкрался сзади и опустил на голову богатырю свою дубину.

— А ты думал, — хихикнул Хряк. — У нас не забалуешь. Ну да ладно. Пора и за дело.

— А покушать? — раздался мрачный голос, и на плечо советника легла тяжелая рука тролля, точившего нож.

— Это мы его поймали, и он наш, — угрюмо заворчали остальные, приближаясь плотной стеной и поигрывая дубинками.

Хряк медленно поднялся и повернулся к толпе:

— Что, черного шара захотели?

Толпа испуганно отпрянула назад.

Много лет назад, когда Магистр только начинал распространять свое влияние на соседние царства-государства, он случайно столкнулся с троллями. Оказав несколько мелких услуг, он затем потребовал от них беспрекословного подчи-

нения. Они попытались взбунтоваться, но монах, сотворив черный шар, уничтожил почти половину народа. С тех пор при одном упоминании о шаре тролли начинали дрожать.

— Идиоты, — прошипел советник. — Этой добычи вам и на один зуб не хватит.

— Но у нас есть еще один пленник, — послышался в ответ робкий голос.

— Молчать! — рявкнул Хряк. — Вы никого не будете есть. По подземным лабиринтам бродят еще двое. Немедленно отправляйтесь и приведите их сюда. А этот пленник мне нужен как приманка: если вы окажетесь тупее, чем я думал, и никого не найдете, то беглецы за ним сами сюда явятся. Все ясно? А раз ясно, пленника за решетку — и в погоню.

В соседней комнате, больше похожей на нору, стояли две клетки. В одной валялась большая куча тряпья, в другую затолкали Саньку. Тролли постояли, поворчали и нехотя двинулись к выходу. Заморенный, тощий коротышка, облизываясь, смотрел голодным взглядом и едва не врезался носом в стену.

«Вот, зараза, — обругал себя Санька, оставшись один. — И как я не догадался, что Хряк специально поставил это рыло позади меня. Нужно было сначала ногой ему в брюхо саднуть, а уж потом с остальными разбираться. А я... Вот шляпа. Одно радует: Василису из лап злого колдуна вырвал. Должны они домой пробиться. Надеюсь, Леший даже под землей дорогу к дому найдет. Ладно, теперь посмотрим, нельзя ли отсюда выбраться».

Он принял трясти решетку, проверяя на прочность каждый прут: а вдруг зашатается. Но клетку сделали на совесть, запор не поддавался, и расстроенный паренек опустился на пол.

Тряпье неожиданно зашевелилось.

— Мил-человек, у тебя хлеба кусочка не будет? — поднимаясь на ноги, спросила... Баба-Яга. — Неужто Санек? — всплеснула она руками.

— Я! А ты откуда тут взялась? — опешил богатырь.

— Ох, лучше и не спрашивай. И на старуху бывает проруха, — шмыгнула носом Яга. — На другой день после того, как тебя Кащей Бессмертный забрал, прибежала Василиса. Вся в слезах, плачет, о тебе спрашивает. Я ей про Кащея, а она: неправда все это, если бы хотел, то заглянул бы перед расставанием. Еще пару раз она приходила; последний раз была всего несколько дней назад. Вдруг слух прошел: пропала царевна. Я — к волшебному зеркалу. Гляжу, какой-то негодник ей голову морочит, тень на ясный день наводит. Этот проходимец прикинулся купцом заморским и давай нашу красавицу дурить, будто бросил ты ее, потому что она девка глупая и некрасивая. Это она-то, у которой от прынцев отбоя не было. И что остается ей теперь одно — найти богатого жениха, который о ней, бестолковой, заботиться будет. Иначе пропадет она, никому не нужная. Зеркальце ей кривое подсунул. Бедняжка посмотрела и завыла с горя: уродина уродиной. В общем, вижу, пропадает царевна. А в чем дело, понять не могу. Ведь она всегда умницей была, гнилого человека за версту определить могла, а тут словно ослепла. Спасать надо. Я быстрее к котлу: воду вскипятила, травок заговоренных покидала, заклинание прочитала; и что ты думаешь? Глянула я в воду, батюшки-светы, у Василисы в волосы заговоренный гребешок воткнут: околдовали бедняжку. А рядом, вот ей-богу не вру, злыдень Хряк; чужую личину на себя накинул. Не, думаю, так дело не пойдет, доберусь я сейчас до этого недобитого, всю метлу об него обломаю. Ан не тут-то было. Не понять, где они. Я давай зверей да птиц расспрашивать — не знают ли чего. Нашлась одна ворона: видела, как Василиса вместе с советником на двухголовом Змее к тридевятому царству мчались. Я в ступу — и следом. Возле перевала дognала. Но опростоволосилась, угодила в ловушку. Ждали они меня. Змей огнем полыхнул, ступу сжег. Кувыркнулась я сверху вниз; хорошо еще, высота была небольшая, на посадку шла. Но все равно больно. Тут тролли набежали, ими Хряк почему-то командовал. С тех пор и сижу в клетке, как тот медведь, которого цыган по базарам возил. Горы эти волшебные, и чародейство мое здесь не действует,

так что не то что отсюда вырваться, мелкой пакости этим злодеям сделать не могу. Вот такие пирожки с капустой. А теперь они и тебя схватили. Бедная Василиса.

— Не горюй, бабуля. Василиса сейчас с Лешим и котом к дому пробиться пытаются. Оказывается, на ней Магистр Сенного Ордена жениться вздумал и в качестве приданого все царство Берендеево заграбастать. Просто и без хлопот. Все они рассчитали, а про меня забыли. Пришлось напомнить. Ты же знаешь, каков я в гневе. Вот и теперь: замок, где они прятались, развалил. Врагов набил немерено. Двухголового Змея помнишь? Копыта откинул. Магистр под развалинами остался — думаю, навсегда. Один Хряк умудрился вывернуться. Он-то и натравил на нас троллей. А их столько было...

— Съедят тебя. И меня давно бы съели, да советник почему-то не дает.

— Не они первые. Будем надеяться, что опять зубы обломают. Я костлявый. И потом, почему обязательно съедят?

— А у них все разговоры к еде сводятся. Голодно им, люди и звери давным-давно эти места стороной обходят. Так что перебиваются тем, что попадется.

— И в этом все дело? Эх, были бы тут сейчас сват Наум да кум Игнат, накормили бы до отвала эту шайку. А там, глядишь, и мы нашли бы какой-нибудь выход.

Словно сквозняком потянуло, и раздался тяжелый вздох:

— Нет, с ним бесполезно разговаривать. Он все забывает.

— Голова у него дырявая, — уточнил другой голос.

Бабка подскочила:

— Наумушка, Игнатушка, вы ли это?

— Само собой, мы. Кто же еще? — ответил Наум. — Богатырь Санька приказал нам тебя отыскать. Мы тут давно уже.

— А пошто сразу не сказались? — рассердилась Яга. — Мы тут голову ломаем, как из беды выпутаться, а они в молчанку играют.

— Дык не звали, однако, — пробурчал Игнат, и невидимки заревели в один голос:

— Не погуби, родимая. Мы люди подневольные, без приказа не являемся.

По темнице разнеслись глухие удары, словно били головой в пол. Санька осмотрелся вокруг, но ничего не заметил.

— Ладно, кончай базар, — прикрикнул он на друзей. — Оправдываться потом будете. А сейчас быстренько перенесите нас с Бабой-Ягой на волю, к царю Берендею. И чтоб Василиса с Лешим рядом стояли.

Удары, было прекратившиеся, начали раздаваться с новой силой.

— Не губи нас, богатырь. Все, что ни захочешь, сделаем, а этот приказ исполнить не в состоянии, силы не хватает.

— А на что вы тогда годитесь?

— Меч-кладенец, лук с самонаводящимися стрелами, доспехи царские, — заторопила их старуха.

— Нет, не получится. Вот ежели поесть, попить, перед ратным делом музыку веселую послушать.

— Только музыки мне не хватало, что-нибудь для расслабления, — скептически хмыкнул Санька. — И буду я в клетке держать круговую оборону. А вот поесть не помешало бы. Стол накрывать совсем не обязательно. Подать сюда по мальчишескому пирожку с мясом.

Тут же в руках у пленников появилось по теплому, благоухающему куску пирога. Они жадно набросились на еду.

— Эй, Наум и Игнат, а пилку по металлу вы принести можете или тоже слабо? — поинтересовался Санька, расправившись с пирогом.

— А зачем?

— Прутья перепилю и из клетки выйду.

— Зачем пилить, руки пачкать?

Раздался скрежет металла, прутья сами разошлись в разные стороны, и в решетке образовался проход, в который мог свободно пройти человек.

— Нет, это невозможно, — схватился за голову Санька. — Раньше нельзя было сказать?

— Не спрашивали.

Санька только махнул рукой.

— С вами препираться себе дороже. Быстренько Ягу освободите.

И это приказание было моментально исполнено. Пленники выбрались наружу, но едва дошли до выхода, как опрометью кинулись назад и снова заскочили в клетку.

— Эй, сват Игнат да кум Наум, сюда, кажись, тролли идут. Срочно поставьте прутья на место. И еще: как хлопну в ладоши, чтобы навалили жареного мяса, да побольше.

— Это мы запросто, — обрадовался Наум. — Это мы с нашим удовольствием, это мы...

— Потом доскажешь, — перебил его богатырь, услышав приближающиеся шаги. Чтобы не вызывать подозрений, они с Ягой уселись на пол, и тут до Саньки дошло, что в суматохе они вдвоем залезли в одну клетку. Однако менять что-либо было поздно: в проеме появились две сгорбленные фигуры.

— И какого рожна нас отправили караулить этих гадких людышек? — мрачно бубнил тролль потолще. — Еще и кормить их заставят, когда самим жрать нечего.

— Но старший сказал, что он очень опасен, — возразил тролль маленького роста.

— Сказал, сказал. Его разговоры в рот не положишь, — не унимался толстяк и вдруг замер. — Тебе не кажется, что жареным пахнет?

— Свихнулся? Я уже не помню, когда и костер-то разжигали.

— И я не помню, но посмотреть не помешает.

Они тщательно обнюхали все помещение, но ничего не обнаружили. Голодные и злые, подошли к клетке и принялись внимательно разглядывать пленников.

— Костляв немногого. Худосочный экземпляр какой-то, — произнес один.

— Подкормим немногого, глядишь, и потолстеет, — возразил другой.

— Не, без толку. Вон старуху кормим, кормим, а все худая как палка.

Санька искоса поглядел на Ягу, которая пошла пятнами от негодования.

— Я не худая, а стройная.

— Есть хочется, — проскулил толстый тролль, прильнув лицом к прутьям и пуская слюни. — Может, ему руку оторвать?

Пленники отпрянули в противоположную сторону. Тролль мелкой рысцой побежал вокруг клетки.

— Нельзя его есть, — подал голос маленький тролль. — Старший запретил.

— Кто он такой? — остановился на бегу толстяк. — Кто его выбирал? Если будет много задаваться, я его самого съем.

— Но у него шар, — испуганно прошептал тощий.

— Подумаешь шар. Пусть только наши с оставшимися беглецами вернутся, этот начальник у меня сам по голове дубиной получит.

— А зачем им торопиться? — с самым равнодушным видом разглядывая потолок, влез в разговор Санька.

Тролли с недоумением уставились на богатыря.

— Тупому ясно, — продолжал тот, — если они эту сладкую парочку поймают, для чего их тащить сюда? Зачем делиться, если и на месте их можно замечательно съесть? Лично я бы так и сделал.

Охранники промолчали, переглянулись и беспокойно заерзали. Сначала толстяк, а затем и маленький принялись нервно расхаживать по комнате. Они подошли к выходу, шагнули вперед, вернулись назад. На лицах их отражалась растерянность.

— Ну, давайте валите отсюда, — шептал Санька.

— Старший заругает, — пропищал маленький, и они, тяжело вздохнув, вернулись назад и уселись на землю.

— Фокус не удался, — приуныл Санька. — Чего застрияли, голодающие? Шевелите ушами, если мозгами не можете.

Тролли в недоумении уставились на Саньку.

— Мы ушами не можем, — наконец выдавил один.

— А что?

— Кушать.

— Ах да, я и забыл. Ну, смотрите не подавитесь. — И он хлопнул в ладоши.

Тотчас сверху посыпалось мясо: жареное, пареное, вареное, копченые окорока и колбасы разных сортов. Однако вместо того чтобы упасть где-нибудь рядом с клеткой, все эти разносолы посыпалась прямо на богатыря с Бабой-Ягой.

— Тупицы! Всех уволю! — заорал Санька, задыхаясь.

— Так ведь сам просил, — обиделся Наум.

— Никак на него не угодишь, — поддакнул Игнат.

— Еще как угодили, дышать нечем, — ругались пленники.

— Не нравится, можем и убрать, — хором проговорили сват и кум, но сделать ничего не успели.

Тролли, поначалу осталбеневшие от этого чуда, очнулись и налетели на это мясное счастье. В один момент они, совершенно забыв обо всем на свете, разнесли клетку на кусочки, зарылись по уши в еду и принялись запихивать в рот все, до чего могли дотянуться.

Санька хотел что-то сказать, но бабка схватила его за руки и потащила прочь. Проскочив зал, они осторожно выбрались из заброшенной крепости и, никого не обнаружив, добежали до входа в пещеру, крадучись прошли вперед и оказались перед несколькими чернеющими ходами.

— Теперь куда? — закрутил головой паренек. — Ты у нас волшебница, давай путь показывай.

— А кто его знает? — вздохнула Яга.

— Погоди-ка, — остановил ее богатырь. — Эй, Наум и Игнат, а дорогу показать вы можете или опять слабо?

— Без проблем. Идите следом.

Перед беглецами засияла маленькая искорка. Постепенно разгораясь, она разогнала темноту и полетела, указывая путь. Беглецы старались не отставать. Неожиданно Яга остановилась.

— Смотри, еще светляки.

Действительно, впереди появились еще два огонька.

— Ура, выбрались! — воскликнул богатырь. — Это ночное звездное небо, неужели непонятно?

— Хм... — удивилась бабка. — Никогда не видала, чтобы звезды по небу так быстро скакали.

— А я видел, и совсем недавно, — гордо сообщил Санька. — В этом вашем волшебном мире всякого насмотришься..

— Но не до такой степени, — не желала уступать Баба-Яга. — Это проделки троллей.

Неизвестно, сколько бы они еще препирались, но огоньки вдруг начали приближаться, и из темноты к ним вывалился кот Баюн.

— Вам делать нечего? Застряли тут, лясы точат, о звездах рассуждают. Какие могут быть звезды утром? Астрологи несчастные.

— Баюн, дружище. Вас все-таки не поймали! — обрадовался Санька. — А где Василиса?

— Недалеко, в овраге, вместе с Лешим. Меня послали посмотреть, может, ты где поблизости бродишь. А вы тут вместе с Ягой оказались. Это ж надо, где повстречались. Ну да ладно, рассказы потом, сейчас надобно срочно отсюда выбираться; мы от троллей ускользнули, но кто их знает, откуда они опять могут выскочить. Пошли.

Но чем ближе становился выход, тем хуже становилась дорога. Стенки сузились, потолок опускался все ниже; приходилось идти пригнувшись, а в некоторых местах становиться на четвереньки. Беглецы упорно преодолевали эти трудности, и вот впереди показалось круглое светлое пятно. До свободы оставался последний рывок.

Однако проход стал настолько узким, что все улеглись и поползли на животе. Маленькая щуплая Яга, несмотря на свой возраст, быстро передвигалась и оставила далеко позади Саньку, которому ужасно надоело изображать крота. В довершение всего он застрял: проринаясь сквозь небольшой лаз, зацепился прорехой рубахи за острый осколок и не мог двинуться ни туда, ни сюда.

— Давай, давай, пошевеливайся, — шипел на него Баюн.

Бабка тянула паренька за ворот рубахи и за руки, но тщетно.

Неожиданно кот насторожился. В глубине подземелья послышался приближающийся шум, и вскоре можно было различить топот ног и злобные крики.

Снова тролли.

Они не любили и боялись Волшебных гор. Им больше по душе были окрестные леса, чем мрачные подземные переходы, где того и гляди на голову рухнет камень.

Леший, полагаясь на свою интуицию, почти нигде не задерживаясь, сумел провести беглецов по извилистым коридорам на другую сторону. Тролли же лихорадочно метались по подземным переходам из стороны в сторону и ни с чем вернулись назад. Хряк рассвирепел и приказал привести обоих пленников. Но посланные воины обнаружили одни лишь обломки клетки и раздувшихся от обжорства сторожей, сладко хрюпавших среди обедков. Советник словно сошел с ума. Он орал, плевался, грозился всех уничтожить, но быстро взял себя в руки. Немедленно все силы были разделены по числу туннелей на несколько отрядов. Вот один из них и выскочил из темноты.

Передовой воин, увидев кота и Санькину заднюю половинку, радостно вззвизгнул и прибавил ходу. Он приближался с огромной скоростью и уже приготовился схватить богатыря за ногу.

— Они рядом! — отчаянно завопил кот.

Санька старался изо всех сил: пыхтел, дрыгал ногами, пытался подтянуться на руках, однако, несмотря на все усилия, оставался на месте.

Баюн, от волнения мечась по кругу, словно белка в колесе, наконец не выдержал: выгнулся дугой спину и, выпустив когти, впился всеми четырьмя лапами Саньке в штаны.

Взвыв от боли, парнишка дернулся с такой силой, что посыпались камни, а рубаха разодралась надвое; тем не менее наконец-то он был свободен. Обдирая в кровь коленки и локти, он ужом пополз вперед. Следом в лаз прыгнул кот. И вовремя. Тролль едва не схватил его за хвост, но врезался головой в стену и замер, крепко сжимая несколько кошачьих во-

лосков. Погоня, запнувшись о неподвижное тело, ненадолго застопорилась.

Проход увеличился; снова, хотя и согнувшись, можно было бежать, однако тролли, проскочив узкий участок, неумолимо сокращали дистанцию.

Ни колечка, ни оружия у Саньки не было, и похоже, на этот раз удача отвернулась от него. Хотя...

— Сват Наум, где вас носит? Ослепли, что ли? Сделайте хоть что-нибудь! — крикнул он.

— Не приказывали, — прогудел знакомый голос.

— Но счас сделаем, — быстро добавил второй.

С потолка сорвался большой камень и сшиб с ног бежавшего первым тролля. За ним на землю повалился второй, третий. Огромный каменный пласт накрыл добрую половину вражеского отряда. Остальные тролли в панике сначала остановились, а затем попятались.

— Наконец-то, — облегченно вздохнул Санька. — Теперь хоть можно спокойно идти, не спотыкаясь. — И он не спеша, вразвалочку направился к выходу.

Но разве можно расслабляться, находясь внутри Волшебных гор? Далекий гул внезапно резко усилился, стены и пол перекосило, с потолка снова посыпались камни.

Беглецы едва успели выскочить на поверхность, как земля задрожала. Во все стороны летели осколки скал, а гудело так, что закладывало уши. Наконец раздался последний, жуткий удар, и все вокруг заволокло пылью. Когда немного прояснилось, стало видно, что выход исчез, его полностью завалило, похоронив под обломками злобных врагов.

Кое-как отряхнувшись, кряхтя и потирая отбитые бока, помятые, но счастливые Яга и богатырь медленно спустились за котом в овраг, где их давно и с нетерпением ждали. Увидев милого, Василиса расплакалась от счастья и бросилась ему на шею. Санька нежно гладил ее по голове и тихонько шептал на ухо, что теперь уж действительно все: конец ужасным испытаниям, и скоро они вернутся домой.

* * *

Осталось отыскать Змея Горыныча и отправиться в обратный путь.

Восходящее солнышко, поднимаясь над горизонтом, показывало направление бодро шагающей компании. Один Леший рассеянно поглядывал по сторонам и спотыкался.

— Ты больше под ноги смотри, — проворчала Яга. — То по буеракам как горный козел скачешь, и хоть бы что, то на ровной дороге едва не падаешь.

— Но их там нет, — вздохнул Леший, обходя очередную корягу.

— Кого их?

— Девушек.

— Каких еще девушек?

— Обыкновенных. Молодых, красивых. Увидев которых, становится светло и радостно, а если какая еще и улыбнется, так вообще летать хочется.

Баба-Яга от изумления даже остановилась:

— Ты что, старый, совсем одурел?

— Пока я замечаю, какие бывают красивые девушки, я не старый, — гордо вскинул взлохмаченную голову Леший.

— Ах ты, пень замшелый, гриб трухлявый. Это ты у эльфов умом тронулся. Я помню, как ты с феями шептался. Потом про тебя байки начнут сочинять, что ты молоденьких девчонок в лес заманиваешь и в заточении держишь.

— А, пусть сочиняют, — махнул рукой Леший. — Хотя скажи мне на милость, разве можно девушку против ее воли куда-то заманить, а уж тем более удержать. Себе дороже выйдет. На себя-то посмотри.

— Я — другое дело. — Старуха постучала Лешему согнутым пальцем по лбу. — Я, еще будучи молоденькой ведьмочкой, решила, пусть я стану старой каргой, но ни одному мужику собой командовать не позволю.

— Может, хватит спорить? — вмешался в разговор Санька. — Яга права, расслабляться рано. Очень хочется, чтобы до самого дворца больше никаких приключений не произошло.

— Да наш лес вокруг, родной, а дома и стены помогают, — разошелся Леший. — Я здесь все тропки знаю, вмиг дойдем и никакая заморская...

Раздался короткий свист, и в Санькино плечо вонзилась стрела, пригвоздив его к дереву. Василиса испуганно вскрикнула.

На дорогу вышел Хряк. Рядом с ним появились тролли с натянутыми луками. Еще по одной стреле они держали в зубах.

— Нет, это невозможно, — морщась от боли, с тоской пристонал парнишка. — Мы от тебя когда-нибудь избавимся или нет?

— Никогда! — зловеще рассмеялся Хряк. — Я непобедим. А вот с вами я сейчас рассчитаюсь. Это только в сказках добро побеждает, а здесь я главный.

Он повернулся к троллям:

— Василису связать, остальных убить.

Сухой треск переломленного дерева заставил всех оглянуться. Над верхушками деревьев появилась заспанная голова Змея. Окинув безразличным взглядом опушку, он широко зевнул, но спохватился, поморгал своими подслеповатыми глазами, пригнулся и внимательно посмотрел вниз.

— Ой, хомячки, — радостно удивился он и накрыл лапой ближайшего тролля. Раздалось смачное «чмяк», и тут же драконья лапа обрушилась на голову другого; остальные, спасаясь, бросились врассыпную.

Санька, воспользовавшись начавшейся суматохой, пре-возмогая боль, переломил стрелу и, из последних сил стараясь не потерять сознания, рванулся к Хряку.

— В сказке мы или не в сказке, но все равно конец будет таким, как и положено. Добро — оно всегда побеждает зло, — прохрипел он, одним рывком свернул советнику шею и повалился рядом, потеряв сознание.

Василиса бросилась к нему, оторвала от своего сарафана полоску ткани и стала перевязывать ему рану. Рядом Яга за-бормотала целительное заклинание. Леший вырвал с корнем

молодое деревце и приготовился защищать их от врагов. Однако у тех были уже совсем другие заботы. В ужасе метались они по кустам, стараясь скрыться с глаз Горыныча.

Тем временем Змей, продолжая умильно облизываться:

— Хомячки, вкусненькие хомячки, — вприпрыжку гонялся за троллями по всей поляне. Прихлопнув последнего, он собрал свою добычу в большую кучу и довольный уселся рядом. — Чудесный сегодня день, не правда ли? — радостно сообщил он обалдевшим от такой развязки путникам, выбрал из кучи экземпляр потолще и разинул пасть.

— Ты. Это... Того... Их что, сейчас есть будешь? — запинаясь, спросила Василиса.

— А что? — осторожно осведомился Змей, затем развел лапы в стороны и начал смущенно оправдываться: — Ах, извиняйте, давно в женском обществе не вращался. Но я это дело исправлю. Один момент.

Горыныч выпустил длинную огненную струю.

— Вот пожалте. Разве я не понимаю? Извольте взглянуть, все как у людей, даже с румяной корочкой. — И он протянул поджаренного тролля Саньке, который благодаря стараниям обеих волшебниц уже пытался встать на ноги.

От этого зрелища богатырь едва снова не хлопнулся на землю:

— Такую зверюгу не перевоспитаешь.

— И нет никакой надобности, — согласно кивнул Змей Горыныч. — Знаете что, вы пока идите погуляйте. Я, как закончу, вас позову, и мы отправимся домой.

— Только без нас с Лешим, — проговорила Баба-Яга. — Мы со старым своим ходом до дома доберемся. Он пешочком пойдет, потому как с детства перелетов терпеть не может, тошнит его. А я так, за компанию.

Наконец Санька, Василиса и кот уселись на Змeя, и Горыныч взлетел. Он хорошенъко подкрепился и на этот раз летел без остановок. День только начал клониться к вечеру, когда показался город.

— Скоро прибудем, — рискуя свалиться, ерзал от нетерпения Санька. — Гляди, люди к воротам валом валят. Встречать, наверно.

— А мне кажется, они разбегаются, — задумчиво взразил кот, вглядываясь вниз. — И вооруженных много.

— Меня давно не видели. Вот сейчас сядем, я им речь скажу.

Но приземлиться не дали. На земле приготовились явно не к радушной встрече. В воздух взвился рой стрел.

От неожиданности Змей резко завернул и едва не растерял своих седоков. В конце концов он выбрал место на опушке леса неподалеку от города. Ситуация казалась тупиковой — никто ничего не понимал. Неужели жители приготовились убить царевну и знаменитого богатыря? Просидев таким образом больше часа и не найдя подходящего объяснения, договорились уже до того, что в царстве произошел государственный переворот, а весь народ превратился в безмозглых кукол. Эта последняя мысль вызвала легкий шок. Было решено прекратить ломать голову, а отправить кого-нибудь на разведку.

Здесь дело пошло быстрее. Василиса отпадала сразу. Санька мог опять нарваться на неприятности. Оставался маленький, неприметный полосатый кот.

— И почему всегда я? Нашел друзей на свою голову, только и норовят за моей широкой спиной спрятаться. Небось живой водицы от эльфов не захватили? — попытался увиливнуть Баюн.

— Ты единственный, кто может выполнить это поручение. От тебя, может быть, зависит судьба царства, — начали уговаривать его с трех сторон.

— Подхалимы несчастные, — буркнул кот, гяжело вздохнул и исчез.

Прошел один томительный час, другой. Наконец трава зашевелилась, и вывалился кот. Все бросились к нему.

— Значит, так, — начал свой доклад полосатый разведчик. — В народе слух прошел, что во всех последних не-

счастьях виноват двухголовый дракон: именно он выкрад, а затем съел Василису, убил Саньку и замыслил сегодня разорить город. Помогают ему в этом безобразии два колдуна...

— Опять Хряк воду мутит! — негодующе воскликнул Санька.

— Окстись, — отмахнулся кот. — Ты же самолично задушил его. Это кто-то другой. Но не в этом дело. Нас уже ждали, и мы появились именно так, как и предсказывал неизвестный подстрекатель. Теперь и старый, и малый считают вас, уважаемые «колдуны», гнусными убийцами царевны и богатыря, и поэтому приготовились разорвать вас на мелкие кусочки. На наше счастье, я встретил Липуню, объяснил ему все как есть. Он-то мне верит, однако, чтобы успокоить толпу, с несколькими выбранными людьми сюда идет на нас посмотреть. Скоро будут.

Баюн поглядел на Змея:

— Горыныч, ты не можешь сделать маленькое одолжение: ненадолго в кустах укрыться? Пусть они сначала Саньку и Василису увидят.

— Нетушки, — неожиданно заартачился Змей. — В честь чего я должен прятаться? Пусть сами прячутся, пока я их всех не съел.

— Вот упрямое создание, — застонал кот, хватаясь за голову.

— На минуточку, — попытался уговорить Змея Санька.

— Ни на секундочку! — категорически отрезал Змей, показывая всем своим видом, что дальнейший разговор на эту тему бесполезен.

— Позвольте мне, — попросила Василиса и что-то прошептала Змею на ухо.

Змей внимательно посмотрел на царевну, затем физиономия у него расплылась в улыбке. Он согласно кивнул и скрылся в густой зелени.

И вовремя. Показались две настороженные головы.

— О, Липуня, Сыч! — радостно закричал Санька. — Здорово, братцы. Давайте скорее сюда.

— Ура! Вернулись! — выскочили на поляну оба воина. — А мы уж не чаяли вас больше увидеть. Мы, мы... — Липуня неожиданно замолчал, глядя вверх.

Все разом задрали головы. Над ними возвышалась счастливая морда Змея Горыныча.

— Ку-ку, — выдал Змей и похлопал ресницами. — Сюрприз.

— Точно Горыныч, — растерялся воевода. — А где дракон?

— Вы это у нас спрашиваете?

— К царю Берендею вчера вечером странник заходил, говорил, видение ему было. Будто бы двухголовый дракон Василису украл, а когда Санька-богатырь ее вызволять пришел, это чудовище его вместе с Василисой проглотило. А чтоб не сомневались в его словах, прохожий человек примету сообщил: огнедышащее чудовище, управляемое двумя колдунами, прилетит на другой день, под вечер, со стороны тридевятого царства; всех поест, а город дотла спалит. Вот мы к встрече и приготовились.

— Это понятно, но как вы Горыныча не узнали? — недоумевал Санька.

— Суматоха. Нервное напряжение. Один с испугу стрелу выпустил, сразу все стрелять начали.

— Но у меня же не две головы, а одна. Считать до двух вы умеете? — язвительно осведомился Змей.

Липуня покраснел:

— Мы думали, ты одну голову спрятал. Этакая военная хитрость.

— Нет, вы только посмотрите на них, — обиделся Змей. — Ну конечно, спрятал, под крыло. — Глаза у него яростно сверкнули, из пасти повалил дым. — Я что, по-вашему, утка?

— Ребята, не ругайтесь. Все закончилось хорошо, мы живы-здоровы, — попытался разрядить обстановку Санька. — Сейчас сядем на Горыныча и полетим во дворец к Берендею. Его небось скоро кондрашка хватит от таких ужасов.

— Нет уж, сами летите куда хотите, а я домой, — проворчал Змей и расправил крылья, готовясь взлететь.

— Погоди, — остановила его Василиса, подбежала к Горынычу и звонко чмокнула его прямо в нос.

Змей замер, широко раскрыв глаза, затем густо покраснел и хотел что-то сказать, но вместо этого неожиданно для себя пискнул, разволновался еще больше и ударом хвоста свалил огромную березу. Удивленно взглянув на поваленное дерево, он сконфуженно пробормотал:

— Будет время, заходите в гости, — и улетел.

Санька и Василиса сели на лошадей, которых предусмотрительно захватил Липуня, и вскоре показались родные стены. Нет необходимости описывать радостную встречу. Огромная толпа, заполнившая улицы, восторженные крики, слезы радости. Счастливый царь, снова и снова требовавший самого подробного рассказа об этом опасном приключении. Весь остаток дня город взволнованно гудел, и даже после захода солнца народ долго не расходился по домам. Наконец все потихоньку угомонились; наступила тишина.

Берендей на всякий случай решил богатыря далеко от себя не отпускать и приказал отвести ему спаленку во дворце, по соседству с собой.

Как ни устал Санька, но ему не спалось. Он встал, распахнул окно и выглянул наружу. Высоко в небе, запутавшись в миллиардах звезд, висела полная луна, заливая все вокруг серебряным светом. Дружный оркестр кузнечиков под управлением невидимого дирижера то заводил, то на мгновение останавливал вибрирующее стрекотание, аккомпанируя переливчатым трелям соловья. Ночной воздух легкими касаниями ветерка приятно холодил лицо. Внизу появилось несколько темных силуэтов. Охрана. Парнишка прислушался.

— Вот как на духу, — раздался знакомый бас. — Стою я в дозоре, вдруг вижу — он. Самолично. Словно из-под земли выскоцил, понятное дело — волшебник. Меня сразу как кольнуло, сердце-то так и забилось. Но я вида не подаю, что узнал. Сами знаете — наше дело солдатское, обязаны пароль спросить. Он смеется: «Молодец. Службу знаешь. Орел». Я,

понятно, отвечаю, что супротив него я так, ничего особенного. А он не унимается, давай, говорит, на кулаках биться. Рука у него тяжелая. Но и я не робкого десятка. Час бьемся, другой. Наши вокруг собирались, в бок толкают, мол, сдаваться пора. А я ни в какую. Держусь. Кочка меня подвела, я об нее споткнулся и получил по голове. Всю память враз отшибло. Если бы не кочка...

— Ух, — раздался дружный вздох.

— Вот вам и «ух».

Санька пригляделся и узнал толстяка Митюху, у которого вертелся на копье.

— Вот пройдоха, на чем угодно себе рекламу сделает, — рассмеялся парнишка и вдохнул полной грудью. — Хорошо-то как, просто замечательно. Нет, никуда я отсюда больше не уйду. А пойду-ка я лучше спать, завтра дел невпроворот.

Он повернулся, и улыбка сползла с его лица. Прямо перед ним стоял Кашей.

«Опять за мной, сейчас домой отошлет, — мелькнуло в голове у богатыря, и сразу же появилась вторая мысль: — Не пойду. Убью, но не пойду».

Санька напрягся, и... снова расслабился:

«Бессмертного не убьешь», — подумал он.

— Правильно мыслишь, — согласился Кашей. — Так что поостынь чуток, тем более что у нас с тобой дело серьезное: мы сейчас отправимся к Бабе Море.

— Ничего умнее придумать не мог, чтобы меня отсюда убрать? — не поверил парнишка. — Пусть эта твоя Мора сама сюда идет.

— Если она придет, то очень многим здесь не поздоровится. Советую не упрымиться.

Кашей хлопнул в ладоши, и комната наполнилась густым туманом, в котором даже на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно.

Берендей неожиданно проснулся. То ли виною всему шальные соловьи, то ли яркая луна, то ли предстоящая свадьба. Кстати о свадьбе. Нужно уточнить с будущим зятем пару

вопросов. Вообще-то ночь на дворе, но раз сам царь не спит, то и остальные перебоятся. Сказано — сделано. Он соскочил с кровати, натянул халат и выскользнул в коридор. Стоявшие по обеим сторонам часовые резко вытянулись по стойке «смирно». Берендей подозрительно на них поглядел и на всякий случай показал кулак:

— Глаз не смыкать!

Затем подошел к спаленке царевны и, тихонько отворив дверь, заглянул внутрь. Сидевшая рядом с кроватью нянька приложила палец к губам — Василиса сладко спала. Царь согласно кивнул и направился к Санькиным палатам. Шагнув за порог, он замер, лысина его покрылась испариной: на кровати, да и в самой комнате никого не было.

Санька стоял, затравленно озираясь, и старался понять, что с ним происходит.

— Памятником работаешь? — прозвучал голос Кащея. — Окаменел?

— А куда?

— Шагай прямо, дальше увидишь.

Осторожно, мелкими шажками богатырь двинулся вперед и едва не разбил нос о стену, выложенную из старых, местами покрытых коричневым мхом кирпичей.

— Теперь направо или налево?

— Я же сказал — прямо!

Санька хмыкнул:

— Насколько я понимаю, раз меня сюда против моей воли притащили, то пройти сквозь стену я не смогу.

Рядом из тумана появился Кащей:

— Опять грубишь? Большим волшебником себя возомнил? Простой, безо всяких колдовских выкрутасов вход уже не устраивает? — И он указал на невесть откуда взявшуюся дверь. — Прошу в царство мертвых.

— Черный ход?

— Нет, парадный. Но так как сюда никто добровольно не рвется, то все по-простому. Прежде чем мы войдем туда, я

хочу дать тебе один совет: не смотри по сторонам, иначе ты можешь остаться там навечно.

— А может, не надо?

— Это не от нас зависит, — отрезал Кащей и толкнул дверь.

Поняв, что отвертеться от встречи не удастся, Санька склонил голову и шагнул вперед. Его поразил выложенный из грубых неровных камней пол: посередине он был слегка вогнут.

«Это сколько народу по нему прошло, — подумал Санька. — Целую колею протоптали».

И тут прямо перед его лицом появилась газета, раскрытая на последней странице. Коллектив автобазы №6 выражал соболезнование по поводу трагической гибели в автокатастрофе их товарища водителя А. Воробьева.

От неожиданности Санька оторопел и, позабыв о предупреждении, поднял глаза. Он находился в большой, ничем не примечательной комнате.

Одинокий светильник еще больше усиливал полумрак, в котором прятались стены и потолок, и освещал лишь центральную часть, где стоял простой, брезо всяких украшений трон, больше смахивающий на резной стул.

На троне сидел странный человек, одетый в длинный черный плащ с большим капюшоном. Лицо его скрывала густая тень, и разобрать, мужчина это или женщина, молодой или старый, было невозможно. По правую руку располагался ветхий старец с ослепительно белой бородой и завораживающими, черными как смоль глазами. Рядом на маленькой скамеечке находилось странное существо. Оно беспрерывно менялось и превращалось то в человека, то в зверя, то в рыбку, то вообще в нечто невообразимое.

— Это что? — шепотом спросил Санька у Кащея.

— Смерть, — ответил тот также шепотом.

— Шутишь. Смерть — она с лысым черепом, в черном плаще и с косой.

— Она каждому в своем обличье приходит.

— Да? Может быть, спорить не буду. А рядом что за древний дед?

— Это Вий, — заволновался Кащей. — Глаза прячь — пропадешь.

Но было поздно. Санька смотрел как загипнотизированный и уже не мог отвести взгляда. Он почувствовал, как тело его начало вытягиваться, еще немного — и он пропадет в этом бездонном мраке.

Резкий рывок, и вот уже Санька с трудом приходит в себя возле маленькой двери, ведущей в стену. Рядом стоял Кащей и вытирая со лба пот.

— Кажись, пронесло.

— Кого пронесло? — переспросил парнишка. — Зачем меня сюда приводили?

— А ты не понял? — усмехнулся Бессмертный. — Сама Баба Мора на тебя посмотреть захотела.

— Это она на троне сидела?

— Она самая. Правительница нашего подземного царства. Ты у нас уникальная личность: сразу в двух мирах существовал, а так нельзя. Всю отчетность запутал.

— Я уже определился.

— Знаю, поэтому и ходили. Невозможно жить и в этом, и том мире одновременно, а так как ты здесь осться решил, то там тебя похоронили. Теперь все в полном порядке, если не считать того, что больше в тот, старый, мир тебе уже не вернуться.

— Больно надо, — фыркнул уже пришедший в себя Санька. — И нечего было весь этот цирк устраивать, могли бы и так сообщить.

— Умерший человек сначала приходит к Бабе Море, а уж она сама решает, куда он попадет. Тебя решили обратно отпустить, оттого и Смерть такая переменчивая была. Вий вполглаза смотрел, поэтому я тебя и вытащить успел, иначе отправил бы он тебя туда, откуда возврата нет. Кстати, на будущее заруби себе на носу: делать нужно то, что тебе говорят. Сказано — глаз не поднимать, хоть землю носом рой, но не поднимай.

— И что дальше?

— Ничего, — пожал плечами Кашей. — Живи. Возвращайся во дворец. Завтра, точнее, сегодня у тебя праздник. А мне пора.

Туман рассеялся, и Санька увидел, что стоит на площади перед дворцом. Он подошел к крыльцу и только поднял ногу, чтобы ступить на ступеньку, как вдруг все окна разом осветились, и раздались крики.

«Опять нелегкая кого-то принесла», — выругался паренек, подхватил лежавшую на земле жердину и кинулся во дворец. Влетев в тронный зал, он увидел царя в халате, тапочках на босу ногу, но с мечом, отдававшего отрывистые приказания многочисленным слугам, которые тут же разбегались в разные стороны.

— Кто? Кого? Мне куда? — выпалил Санька, подлетая к трону.

Вместо ответа Берендей беззвучно опустился на пол, немного посидел, молча глядя на богатыря снизу вверх, глубоко вздохнул и велел всем разойтись. Затем снова повернулся к Саньке:

— Ты где был?

— Воздухом дышал.

— А мы думали, опять пропал, — раздался позади тихий голос Василисы.

— Больше не пропаду. Веришь?

— Верю.

Берендей внимательно посмотрел на обоих и, поднимаясь на ноги, проворчал:

— Веришь, не веришь. Хватит. Я тут покуда еще царь. А посему повелеваю: идите за мной.

Он привел их в свою спальню и поставил возле иконы, открыл сундук и достал два золотых кольца.

— Это старинные фамильные реликвии! — торжественно объявил он. — Их носили еще мои предки. Возьмите и обменяйтесь.

Санька надел Василисе кольцо, затем протянул ей свою руку. Вдруг раздался мелодичный звон. Откуда-то сверху

упало серебряное колечко, покатилось по полу, несколько раз подпрыгнуло, сверкнуло и исчезло.

«Все», — подумал Санька.

Царевна улыбнулась и надела ему свое кольцо.

— Вот и ладушки, — расцвел Берендей. — Завтра... хотя нет, уже сегодня вечером свадьбу сыграем, а сейчас марш по кроватям, я спать хочу.

Он подошел к двери, повернулся и погрозил богатырю пальцем:

— Смотри, больше без глупостей.

Санька, проводив свою невесту, завернул за угол и едва не споткнулся о кота, сидевшего прямо на полу и увлеченно строчившего пером.

— Баюн, ты что? Праздник ведь. Другого времени не будет?

— У нас, писателей, как вдохновение найдет, так все будни. Иди, иди, не мешай, — не поднимая головы, отмахнулся кот.

Санька не выдержал и заглянул ему в бумаги: «...поженились они, тут и сказке конец».

— Напишешь тоже — конец. Все только начинается.

— Это у тебя семейная жизнь начинается, — фыркнул Баюн, — а сказке — конец.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **act**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (My-My), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Козырев Вячеслав
Как стать героем
Фантастический роман

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93. том 2: 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Открытом акционерном обществе «Ордена Октябрьской
Революции, Ордена Трудового Красного Знамени
«Первая Образцовая типография».
115054, Москва, Валовая, 28

И чему нас только учат сказки?!

Да ничему хорошему.

Вот и юный Санька Воробьев из нашего мира, попавши в мир сказочный, ДОЛГО не мог разобраться ЧТО К ЧЕМУ.

ГДЕ СВЕТ, ГДЕ ТЬМА — это ясно.

Но вот — ГДЕ ДОБРО, а ГДЕ ЗЛО?

Почему в роли «защитника и учителя»

начинающего героя выступает КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ, а спасти мир от погибели помогают ему Змей Горыныч,

Лихо Одноглазое, лешие-водяные и прочие «официальные представители Зла»

многочисленных сказок?

Баба-Яга — та, как водится, блюдет личные интересы и сотрудничает

«и с нашими, и с вашими».

Но вот почему Саньку так старается изничтожить царь Берендей — существо,

по сказочному канону, в принципе

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ?

Читайте искрометно смешную фэнтези
«Как стать героем»!

ISBN 5-17-034881-9

9 785170 348817